О. Г. БОЛЬШАКОВ

ИСТОРИЯ ХАЛИФАТА

II

Эпоха великих завоеваний

633 * 656

Российская академия наук
Санкт-Петербургский филиал
Института востоковедения

О. Г. БОЛЬШАКОВ

ИСТОРИЯ ХАЛИФАТА



Эпоха великих завоеваний

633 * 656



Москва
Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
2002

УДК 94(53)
ББК 63.3(5)+86.38
Б79

Редактор издательства
Л.В.Негря

Большаков О.Г.

Б79 История Халифата. В 4 т. Т. 2. Эпоха великих завоеваний (633–656) / О.Г. Большаков. — М.: Вост. лит., 2002. — 294 с. : ил., карты. — ISBN 5-02-018165-X (т. 1–4). — ISBN 5-02-017376-2 (т. 2) (в пер.).

Книга является вторым томом «Истории Халифата». В ней излагается ход арабских завоеваний за пределами Аравийского полуострова до убийства халифа Усмана. Значительное внимание уделяется социально-экономическим проблемам этого короткого, но важного периода истории мусульманского государства.

ББК 63.3(5)+86.38

ISBN 5-02-018165-X
ISBN 5-02-017376-2

ВВЕДЕНИЕ

Первая четверть века существования Халифата, которой посвящен этот том, прошла под знаменем завоевательных походов, за чрезвычайно короткий исторический срок в несколько раз расширивших пределы мусульманского государства. Взятие Балха в 652 г., завершившее поглощение Сасанидской державы, и поход на Дербент в том же году стали концом первого этапа завоеваний, хотя пограничные войны и набеги на соседние территории, особенно в Малой Азии, не прекращались.

На этом этапе сохранялось сознание единства старой гвардии ислама, сподвижников пророка, возглавлявших армию и административный аппарат государства; это единство, обеспечивавшееся сознанием общей причастности к первоисточнику истинной религии и истовостью веры, определяло беспрекословное повиновение халифу. В то же время разноплеменная масса арабов, лишь недавно и не совсем добровольно принявших ислам, оказавшись за пределами родных краев ничтожным меньшинством, невольно сплотилась, впервые начав осознавать свою более высокую надплеменную общность, скрепленную единством языка и религии. Личная и межплеменная вражда, недовольство распоряжениями вышестоящих — все это отступало на задний план перед высшей объединяющей целью — распространением власти ислама на все новые и новые территории, приносившим постоянный приток добычи, которая обогащала, хотя и в разной степени, всех участников завоеваний.

Но как только наступила неизбежная пауза в завоевательных походах, обусловленная чрезвычайной растянутостью коммуникаций и необходимостью освоения завоеванных территорий, так тотчас проявились внутренние противоречия, до поры до времени заглушавшиеся угаром легких побед.

Во-первых, оказалось, что равенство мусульман перед богом не обеспечивало равенства в получении благ мира сего: завоевания, обеспечив более высокий, чем прежде, жизненный уровень всех мусульман, во много раз больше обогатили верхушку, чем рядовых воинов, увеличив имущественное неравенство. Во-вторых, наиболее активная часть общины в ходе завоеваний оказалась за пределами Аравии, в совершенно новых условиях, которые порождали иные, местные интересы, отличные не только от интересов мединской аристократии, но и от проблем и интересов других провинций. Возникли новые центры, и Медина стала утрачивать роль главного города Халифата. Нако-

нец, с прекращением завоевательных походов обострилась борьба между вождями различных группировок за власть и богатство.

Все это, вместе взятое, привело к такому накалу страстей, что третий халиф, Усман, был убит недовольными и Халифат ввергся в пучину гражданской войны, навсегда покончившей с единством мусульманской общины. С гибелью Усмана кончилась патриархальная эпоха истории Халифата, поэтому логично завершить данный том этим событием. Дальше общество вступает в новый этап, и новые острые проблемы затмевают прежние, шедшие из времени распространения ислама и первых героических битв.

Героический период истории ислама, время победоносного его распространения, привлекал внимание мусульманских историков наравне с эпохой Мухаммада. В их распоряжении имелся обширный материал того же характера, что и для биографии Мухаммада,— воспоминания очевидцев и участников событий, число которых для этого периода было значительно больше, так как в завоевательные походы были вовлечены огромные массы людей. Однако в этом заключалась и сложность использования имеющихся сведений. Если с Мухаммадом был связан сравнительно узкий круг людей, в основном знакомых друг с другом и поэтому как-то корректировавших свои рассказы с воспоминаниями других (при том, что важнейшие события были связаны с одним лицом), то здесь приходилось иметь дело с событиями, происходившими на обширной территории и мало связанными друг с другом.

Когда через несколько десятилетий в обществе появилось сознание необходимости письменной фиксации сведений о прошлом, в памяти участников событий перепутались и имена полководцев, и названия чужих мест, и порядок событий, не говоря уж о датах, да и какие даты могли быть до установления официальной хронологии, которая появилась только на пятый год с начала завоеваний.

Стареющие ветераны великих завоеваний охотно рассказывали о собственных подвигах и храбрости героев своего племени, но эти рассказы после многократного изложения утрачивали часть достоверности в пользу занимательности и складности рассказа, происходила фольклорная обработка материала со всеми характерными для нее особенностями. Конечно, наряду с полуэпическими рассказами существовали и достаточно точные, насколько это позволяет специфика человеческой памяти, воспоминания, иногда даже подкрепленные обрывочными записями и копиями документов,— только этим можно объяснить наличие точных дат, в которых день недели сходится с числом месяца соответствующего года. Эти записи и воспоминания по большей части связаны с событиями в кругу мусульманской верхушки в Медине.

Противоречивость имеющихся сведений сбивала средневеко-

вых компиляторов и приводит в отчаяние исследователей: рядовые участники одного и того же сражения, находившиеся на разных участках поля боя, могли, добросовестно и точно излагая то, чему были свидетелями, дать столь разные описания хода сражения, что их легко можно принять за рассказы о совершенно разных событиях. Если же при этом в воспоминаниях расходятся даты и названия местностей или имена командующих, то, разделив подобные рассказы, можем получить описание сражения, которого не было в действительности, и исказить ход событий. Немало затруднений для реконструкции хода событий создает понятная человеческая слабость связать те или иные славные дела с именами «своих» героев. Так вполне достоверные по сути рассказы оказываются в наших глазах опороченными и подозрительными по достоверности.

Первые записи рассказов о завоеваниях появились в третьей четверти VII в.[1], но до нас не дошли не только они, но и подавляющее большинство компиляций этих записей, объединенных по территориальному принципу («Завоевание Сирии», «Завоевание Египта» и т. д.), которые были составлены вторым и последующими поколениями арабских историков[2], вплоть до середины IX в. От всей литературы о завоеваниях, созданной за полтора века с ее рождения, до нас дошли лишь часть одной истории завоевания Сирии[3] и несколько чрезвычайно искаженных поздними переделками историй завоевания отдельных областей, написанных ал-Вакиди, которым арабисты до сих пор отказывают в праве считаться источниками, заслуживающими доверия. Правда, большинство историков IX—X вв., переписывая записи предшественников, добросовестно сохраняли указания на источник сведений со списком передатчиков информации. Эта цепь имен передатчиков, *иснад,* позволяет нам довольно точно представить содержание и характер несохранившихся ранних сочинений[4].

Среди дошедших до нас сочинений второй половины IX — первой половины X в., подробно освещающих ход первого этапа завоеваний, мы находим как специализированные сводки сведений о завоеваниях, составленные Ибн Абдалхакамом, ал-Балазури и ал-Куфи, так и разнообразные исторические хроники с тематическим или погодным изложением событий: от краткой «Истории» Халифы б. Хаййата до подробнейшей «Истории пророков и царей» ат-Табари, вобравшей в себя львиную долю всей исторической информации арабов о первых трех веках истории мусульманского государства. Это не исключает того, что некоторые сведения ранних историков, пропущенные или опущенные компиляторами IX—X вв., можно найти и в более поздних исторических сводах[5]. Информация, касающаяся отдельных деятелей или эпизодов, рассеяна практически во всей арабской литературе, и дать ей обзор и оценку невозможно; чаще всего она встречается в биографических словарях[6] и юридических сочинениях, авторы которых искали в ранней истории Ха-

лифата прецеденты и основания для своих фискальных и государственно-правовых теорий [7].

Большинство этих источников известно давно, и их сведения использованы исследователями почти исчерпывающе, однако это не значит, что теперь остается только интерпретировать известные факты, опираясь на работы предшественников, и не вдаваться в тонкости источниковедческого анализа. Во-первых, критический анализ даже таких хорошо известных источников, как сочинения ал-Балазури и ат-Табари, откуда мы черпаем основную массу сведений, проведен далеко не полно, а во-вторых, время от времени появляются и новые источники, а вместе с ними приходится пересматривать отношение к старым и переосмысливать, казалось бы, исчерпанный материал.

Таким новым приобретением для исследователей оказалось обширное (восьмитомное) сочинение современника ат-Табари, Ибн ал-А'сама ал-Куфи, известное прежде по персидскому переводу первой его половины (1199 г.), полный арабский текст которого был опубликован только двадцать лет назад [8]. Впрочем, с таким же основанием можно сказать уже двадцать лет назад, так как этот срок вполне достаточен для широкого вовлечения нового источника в научный оборот, чего еще не произошло в той мере, в какой он заслуживает [9].

Еще более странна судьба самого раннего из дошедших до нас сочинений о завоеваниях, «Завоевания Сирии» Абу Исма'ила Мухаммада б. Абдаллаха ал-Азди (ум. в конце VIII в. ?), современника Абу Михнафа и Сайфа б. Умара. Оно было издано еще в 1854 г. [10], но последовавшая вскоре суровая оценка его со стороны М. де Гуе [11] надолго отвратила историков от желания исследовать содержание этого «исторического романа», как оценил его авторитетнейший арабист того времени. Поразительно, что даже Н. А. Медников, не склонный слепо доверять авторитетам, собрав все возможные материалы для своего свода по истории Палестины до монгольского нашествия, не только не привлек оттуда ни одного отрывка, но даже не упомянул его. Лишь Л. Каэтани неоднократно использовал сочинение ал-Азди, но продолжал считать его полулегендарным историческим романом.

В 1970 г. в Каире было осуществлено второе издание этого сочинения по рукописи из какого-то частного собрания в Сирии [12]. И снова оно не привлекло к себе внимания. В вышедшей через одиннадцать лет после этого монографии о раннем периоде арабских завоеваний ал-Азди снова не использован [13]. А между тем непредвзятый взгляд на это сочинение показывает, что перед нами незаурядный исторический источник, в котором почти все сведения восходят к участникам событий [14]. Конечно, многочисленные письма от военачальников халифам и обратно, пространные благочестивые речи и споры с христианами о вере, рассыпанные по всему тексту, явно не документальны, но переносить недоверие к ним на все сочинение совершенно неспра-

ведливо, ведь такие же явно присочиненные речи и послания, встречающиеся в других исторических сочинениях, не вызывают сомнения в достоверности основного текста.

Сведения ал-Азди о первых пяти годах военных действий в Сирии и Палестине (сочинение обрывается на рассказе о взятии Кесареи/Кайсарии) не только вполне достоверны, но и дают более последовательную картину, чем, например, ат-Табари. Уникальность многих сведений также порождала недоверие к ним, так как на ал-Азди не ссылался ни один из поздних историков. Эти сведения повторяются только у ал-Куфи, правда без упоминания источника, но совпадение порядка изложения и текстуальное совпадение многих отрывков свидетельствуют о заимствовании у ал-Азди, но из не дошедшей до нас несколько более полной первоначальной версии [15].

Текст ал-Азди позволяет изменить отношение к совершенно отвергаемым историям завоевания разных стран и областей, которые мусульманская историография связывала с именем ал-Вакиди. Давно уже было отмечено совпадение сведений ал-Азди и некоторых эпизодов в «Завоевании Сирии» ал-Вакиди [16]; эти совпадения особенно убедительны в начальных эпизодах: сборы войска в Медине и отправление первых отрядов на Сирию. Судить об источниках этих сведений очень трудно, так как первоначальный текст сильно искажен переделками XII—XIV вв. [17], почти все иснады в этих начальных эпизодах опущены, а те, что сохранились, относятся к эпизодам, отсутствующим у ал-Азди. Пока можно только осторожно говорить, что ал-Вакиди использовал материал той же сирийской исторической традиции. Для нас важно, что какая-то часть сведений из первоначального текста ал-Вакиди все-таки сохранилась в поздних переработках и может быть использована как исторический источник если не самостоятельно, то хотя бы в качестве параллелей к другим источникам. Пока выявление исторически достоверных сведений проведено только для «Завоевания ал-Бахнаса» [18], но вполне достоверные уникальные данные встречаются и в других «Книгах завоеваний», хотя использование их требует осторожности [19].

Завершая характеристику малоизвестных и недостаточно использованных источников по истории арабских завоеваний, следует упомянуть «Историю» Халифы б. Хаййата (ум. около 240/854-55 г.), впервые изданную почти одновременно с «Книгой завоеваний» ал-Куфи [20]. Она очень лаконична, но содержит некоторые сведения, отсутствующие у других историков. Наконец, следует отметить, что немало сведений ранних историков о завоевании Сирии и Палестины сохранила вводная часть «Истории города Дамаска» Ибн Асакира (ум. в 1176 г.) [21].

Для этого периода в отличие от времени Мухаммада наряду с арабскими источниками мы располагаем сведениями противоположной стороны: греческими, армянскими, сирийскими и арабо-христианскими источниками. Объем сведений об арабских

завоеваниях в них несравненно меньше, чем в арабских: все они вышли из-под пера церковных деятелей, для которых внутрицерковные дела, борьба с инаковерующими христианами были намного важнее того, что происходило за стенами их монастырей и епископских подворий. Материал официальной византийской историографии, которая должна была проявлять интерес к событиям, лишившим империю североафриканских и ближневосточных провинций, фиксировать ход военных действий и мероприятия императоров, дошел до нас в виде бледного отражения в «Хронографии» Феофана Исповедника [22] и «Краткой истории» («Бревиарий») Никифора [23], писавших в начале IX в. Их сведения несколько расходятся, хотя восходят к общим источникам. Даты, относящиеся к интересующему нас периоду, не всегда точны, поэтому их приходится корректировать с учетом сведений арабских авторов. Материал, касающийся арабских завоеваний, недавно стал предметом специального исследования, которое избавляет нас от более подробной характеристики этих сочинений [24].

Кроме византийской историографии существовало церковное летописание на территории византийских провинций после завоевания их арабами. Наиболее замечательна «Хроника» Иоанна Никиуского, написанная в конце VII в. на греческом языке (с коптскими вставками) и переведенная на арабский язык, когда греческий язык в Египте совершенно вышел из употребления; в 1602 г. она была переведена в Эфиопии на эфиопский язык (геэз). В последнем переводе, не вполне совершенном, и дошел до нас этот богатый фактами политической истории источник [25]. К сожалению, в обеих сохранившихся рукописях отсутствуют главы, в которых должны были излагаться события ирано-византийской войны и начала арабского завоевания Египта. Но оставшиеся разделы дают наиболее полные из имеющихся сведения о ходе арабского завоевания Египта, превосходя в этом отношении даже «Завоевание Египта» Ибн Абдалхакама.

Некоторые дополнительные сведения об этом периоде дают два египетских христианских историка, писавших уже по-арабски: епископ Север б. ал-Мукаффа‘ (вторая половина X в.) и патриарх Евтихий (876—940) [26], которые для истории завоеваний наряду с христианскими использовали и арабо-мусульманские источники. Наиболее ценны их сведения о более позднем периоде, начиная с воцарения Умаййадов, и прежде всего (как единственный источник) о положении коптского населения в VII — начале X в.

Официальная сасанидская историография, дошедшая до нас лишь в виде арабских переводов-переработок (в основном у ат-Табари, ад-Динавари и ал-Исфахани) [27], не сохранила сведений о военных действиях против арабов, не исключено, что они были просто опущены при переводе на арабский. Сохранилась лишь драматическая история скитаний и гибели последнего сасанидского царя, Йездигерда III, запечатленная также в поэти-

ческой форме Фирдоуси. Вся информация, сохраненная с немусульманской стороны, для Ирака и Ирана заключается в отрывке одной анонимной хроники конца VII в. на сирийском языке [28]. Несколько больше сведений мы находим у церковных историков Северной Сирии, но они писали позже, и события VII в., лежащие за пределами внутрицерковной жизни, запечатлены у них в виде кратких хроникальных заметок, к тому же не всегда точно датированных. В некоторых сочинениях абсолютная хронология подменяется относительной: в пределах деятельности тех или иных церковных иерархов. С характеристикой отдельных сочинений и авторов наш читатель может ознакомиться в работах Н. В. Пигулевской и А. И. Колесникова [29].

Более цельную картину дают армянские историки, которые не стояли над борьбой двух чуждых им политических сил, как несторианские и монофизитские историки Ирана и Месопотамии, а разделяли судьбы своего народа. Прекрасный обзор этих источников в связи с историей арабского завоевания Армении делает излишним дополнительную их характеристику [30]. Следует лишь отметить, что хронология эпохи арабского завоевания в этих источниках весьма ненадежна.

К сожалению, автор не имеет возможности использовать эти источники (как и грузинские) в подлиннике и вынужден опираться на переводы, которые всегда утрачивают какие-то нюансы в передаваемой информации. К тому же возникает проблема транскрипции имен и географических названий, в отношении которой существует немалый разнобой.

Историческая литература на персидском языке, появившаяся только в X в., в разделах, касающихся эпохи завоеваний, естественно, зависит от более ранних исторических сочинений на арабском языке и представляет собой или переводы целых сочинений, или перевод материалов из них [31]. Наиболее значительное из них — перевод «Истории» ат-Табари, выполненный в 60-х годах X в. саманидским вазиром Мухаммадом Бал'ами в Бухаре; сочинение это, широко использовавшееся до публикации арабского текста ат-Табари, оценивалось исследователями неоднозначно. В. В. Бартольд полагал, что после издания полного арабского текста оно уже не имеет почти никакого исторического значения [32], но позже стало ясно, что эта оценка несправедлива. Бал'ами не просто сократил текст ат-Табари, выбросив самое ценное для исследователя, но утомительное для читателя — иснады и варианты сообщений, но и внес в ряд разделов новые материалы, происхождение которых постепенно раскрывается; так, оказалось, что многочисленные дополнения относительно арабских походов в Закавказье и на Северный Кавказ заимствованы у ал-Куфи (но это касается периода, который будет рассмотрен в следующем томе).

К сожалению, этот важный исторический источник, сохранившийся в огромном количестве рукописей (значительно более ста), пока не имеет полного критического издания текста [33].

Особую группу источников составляют поэтические сборники (*диваны*), в которых кроме самих поэтических произведений указывается ситуация, при которой были сочинены или произнесены соответствующие строки. Подобные сборники формировались по различному принципу: одного автора, одного племени, тематические. Особенно большое значение имеет обширное собрание «Книга песен» Абу-л-Фараджа ал-Исфахани (897—967), насчитывающее в последнем издании более 20 томов [34]. Много исторических сведений разбросано в различных сочинениях литературного характера — так называемого *адаба*. Собственно литературных произведений, т. е. с выдуманным героем, ранняя арабская проза не знала. Адаб был комплексом разнообразных сведений, необходимых для образованного человека; в сочинениях этого жанра встречались и достоверные исторические эпизоды, и назидательные рассказы (не имевшие под собой исторической основы), в которых действовали исторические персонажи, рассказы об остроумных ответах, красноречивых проповедях и выступлениях. Во многих случаях такие произведения могут служить источником вполне достоверной информации, особенно для характеристики известных исторических деятелей [35].

Эпоха завоеваний всегда привлекала внимание исследователей. Не углубляясь слишком далеко в историю изучения этого периода, мы можем начать обзор с начала нашего века, когда одновременно появились капитальный свод сведений о Палестине Н. А. Медникова, в котором переводы всех известных тогда источников сочетались с тщательным их анализом [36], и монография А. Батлера о завоевании Египта [37]. Труд Н. А. Медникова по тщательности анализа источников в свое время не имел равных, но из-за незнания русского языка западными востоковедами не получил должного признания. По достоинству его оценил только Л. Каэтани, ознакомившийся с ним по специально заказанному переводу и широко использовавший выводы Н. А. Медникова в своих «Анналах ислама». Затем эти выводы стали восприниматься как принадлежащие самому Л. Каэтани. Книга А. Батлера оказалась счастливее, ее оценили сразу, широко использовали, и она до сих пор остается незаменимым пособием по истории Египта в первой половине VII в.

В 1907—1913 гг. появились третий-пятый тома «Анналов», охватившие весь первый период арабских завоеваний. Они настолько полно осветили военно-политическую историю периода, что длительное время не возникало потребности вновь обратиться к тем же источникам, чтобы переосмыслить ход событий на ином уровне развития исторической науки, хотя, конечно, в краткой форме они рассматривались в каждой работе по истории арабов и Халифата.

Лишь в 1962 г. появилась книга небезызвестного британского генерала Дж. Глабба «Великие арабские завоевания» [38], в которой он попытался пересмотреть ход первого этапа арабских

завоеваний с позиций собственного опыта ведения военных действий на ближневосточном театре. Многие его наблюдения любопытны и заслуживают внимания: в отличие от кабинетных ученых он живо представлял себе условия, в которых могли происходить военные действия того времени, но в целом книга оказалась бесполезной для науки, так как автор не имел никакого представления о методике критики источников, чем, впрочем, нередко грешат и профессиональные историки.

Небольшие разделы о походах арабов в Закавказье появляются также в работах по раннесредневековой истории Армении и Азербайджана [39].

Потребность нового обращения к истории арабского завоевания все более стала ощущаться в 70-х годах. К этому времени был вовлечен в поле зрения историков широкий круг новых источников, в том числе такие важные, как «История» Халифы б. Хаййата, «Книга завоеваний» Ибн ал-А'сама ал-Куфи, первый (исторический) том «Истории города Дамаска» Ибн Асакира, и многие другие, хотя бы косвенно затрагивающие проблемы этой эпохи. Самое же главное, что за полвека, прошедшие после выхода последнего тома «Анналов» Л. Каэтани, появилось немало новых идей и интерпретаций давно известных фактов, родились новые проблемы, такие, как оценка влияния арабских завоеваний на развитие Западной Европы в раннее средневековье [40], значительно повысился уровень понимания характера ранней арабской историографии, а вместе с тем и возможности критического отбора материала [41].

В какой-то мере этой потребности отвечали два небольших раздела в монографиях М. Шабана и К. Каэна [42], но объем их не позволял детально пересмотреть весь наличный материал, касающийся арабских завоеваний. Для этого требовалась отдельная монографическая работа. Такая монография вышла из-под пера Ф. Мак Гроу Доннера в 1981 г. [43]. Автор рассмотрел в ней лишь завоевание Палестины, Сирии и Ирака, но с учетом всего нового материала. Правда, оценку она получила не слишком восторженную; упреки в недостаточно критическом использовании источников следует признать справедливыми, но в известной мере суровость оценки порождена естественным чувством разочарования, когда что-то давно ожидаемое оказывается не столь идеальным, как того хотелось.

В те же годы, когда только-только появилась на свет монография Ф. Мак Гроу Доннера, но совершенно независимо от нее и, более того, к глубокому сожалению, без знакомства с ней (отечественные ученые не по своей вине знакомятся с работами своих зарубежных коллег с изрядным запозданием), появилось исследование А. И. Колесникова об истории завоевания Ирана арабами [44]; оно несколько менее детально рассматривает военные действия в Ираке, зато охватывает более широкий период и, главное, более широкий круг проблем.

Таким образом, к настоящему времени только завоевание

Египта не имеет нового монографического исследования, хотя некоторые частные вопросы подверглись пересмотру [45].

Естественно, что много исследований по истории этого периода появилось и в арабских странах, где тема арабских завоеваний имеет особую актуальность (достаточно сказать, что только о Халиде б. ал-Валиде автору известно пять монографий) [46]. Не касаясь характера интерпретации многих сторон политической и религиозной жизни раннего Халифата, нередко определяемой клерикальной принадлежностью авторов, следует отметить как общий недостаток отсутствие критического отношения к используемым источникам. Источниковедческий анализ пока остается слабой стороной арабских историков (именно источниковедческий анализ, а не текстология). От общего обзора работ арабских историков приходится воздержаться, поскольку нет уверенности, что какие-то важные работы не выпали из нашего поля зрения.

Наличие значительного числа монографических исследований ставило перед автором трудную задачу избежать пересказа работ предшественников. Для этого автор в своей работе шел от источников, а не от исследований. Как и в первом томе, большинство обоснований той или иной интерпретации событий вынесено в Примечания.

Глава 1

ТРУДНОЕ НАЧАЛО

ОРГАНИЗАЦИЯ ПОХОДА НА ВИЗАНТИЮ

Арабские завоевания по своему размаху и степени влияния на мировую культуру, безусловно, были одним из важнейших событий средневековья. Естественно поэтому стремление нескольких поколений исследователей найти их причины, выявить те силы, которые подтолкнули арабов выйти с оружием в руках далеко за пределы исконных мест обитания.

Объяснение этого особой воинственностью ислама, в самом учении которого заключен призыв к священной войне за веру, *джихаду,* не могло удовлетворить хотя бы потому, что никогда больше арабы-мусульмане не предпринимали ничего подобного. В начале нашего века Л. Каэтани под влиянием теории И. Гвиди о периодическом выселении семитских народов из Аравии вследствие ухудшения там климатических условий попытался интерпретировать арабские завоевания как очередную волну миграции, вызванную той же причиной [1]. Но он так и не смог объяснить, почему после VII в. Аравия не дала больше ни одной волны выселения: прекратилось ли высыхание Аравии или не случались периоды резкого ухудшения — осталось неясным. Лишь через полвека К. Буцер высказал мысль, что на 591—640 гг. пришелся период резкого усиления засушливости, создавший критическое демографическое положение в Аравии, разрядившееся в арабских завоеваниях [2].

Действительно, существуют циклические климатические колебания со сменой холодных и жарких, влажных и засушливых периодов, но никаких убедительных доказательств того, что на указанный К. Буцером период приходится череда особо засушливых лет, найти не удается, так как письменные источники очень скупо информируют о метеорологических явлениях. Более систематические сведения об этом арабских историков IX—XV вв. фиксируют циклическое чередование засушливых лет, отмеченных неурожаями, голодом и эпидемиями, зависящее от больших и малых периодов изменения солнечной активности [3], но ни один из засушливых периодов не вызвал движения кочевников из Аравии (локальные перемещения не в счет).

Вариантом климатического детерминизма является и широко распространенное ныне представление о том, что арабов

толкнули на завоевания тяжелые условия существования, относительное перенаселение Аравии, пастбища которой стали недостаточными для прокормления возросшего кочевого населения. Существование на грани голодной смерти в Аравии и перспектива сытой жизни и богатой добычи в завоеванных странах, по мнению многих,— главная движущая сила арабских завоеваний, ислам же только способствовал созданию государственного организма, обеспечившего реализацию этого мощного материального стимула в форме завоеваний [4].

Конечно, материальный стимул, жажда обогащения (отнюдь не чуждая и тем ревностным мусульманам, которые были готовы без колебаний отдать свою жизнь во славу ислама), играл огромную роль в привлечении больших масс добровольцев для участия в завоевательных походах, но этот стимул не был специфическим, присущим только арабо-мусульманской армии, он существовал и до ислама и не только в Аравии с незапамятных времен, перестав играть роль только в новое время.

Единственным фактором, которого не было в Аравии прежде и который мог нарушить стабильность в регионе, оказывается все-таки ислам. Однако роль его определялась не какой-то особой агрессивностью этой религии, объявившей войну с инаковерующими священной обязанностью ее последователей и тем самым обусловившей завоевательную политику. У нас еще будут поводы сказать подробнее и о месте джихада в учении ислама, и о реализации соответствующих идей на практике, сейчас достаточно упомянуть, что ислам, как любая религия и любое идеологическое учение, неоднозначен и сильно менялся с течением времени. В эпоху, когда начинались арабские завоевания, идеология ислама находилась в стадии формирования и учение о войне за веру было не только двигателем завоеваний, но и их продуктом, рожденным в атмосфере головокружительных успехов.

Роль ислама как движущей силы завоеваний была прежде всего организаторской: на его основе возникло всеаравийское государство, объединенные силы которого могли рискнуть начать войну с непобедимыми прежде противниками. Однако он не только объединил разрозненные силы аравитян, но и подчинил их религиозной дисциплине и наделил убежденностью в правоте их дела и непобедимости, что создало превосходство над хорошо вооруженными и обученными армиями Византии и Ирана.

И все же, признавая ислам важнейшей причиной арабских завоеваний, можем ли мы считать, что они были предопределены уже самим фактом его возникновения? На это приходится ответить: и да, и нет. Без ислама не было бы завоеваний — в этом нет сомнений, но само его появление не предопределяло их неизбежность. Если встать на позицию строгого детерминизма, то пришлось бы признать, что рождение ислама предопределено рождением Мухаммада, а оно — рождением его отца и матери;

так, следуя по цепочке причинно-следственных связей, можно дойти до убеждения, что арабские завоевания были предопределены чуть ли не с появления вида хомо сапиенс. Крайность такого взгляда прекрасно продемонстрирована в фантастическом рассказе Р. Бредбери «И грянул гром»: путешественник в далекое прошлое раздавил бабочку, и в нашем времени дальним последствием этого стало избрание другого президента и изменение английской орфографии.

Развитие человеческого общества определяется таким множеством объективных и субъективных факторов, в том числе и личными качествами участников событий, что однозначное развитие событий невозможно. В каждый данный момент существует неисчислимое количество вариантов их продолжения (в пределах самых общих закономерностей, реализующихся в этом разнообразии), и каждый раз на реализацию той или иной возможности влияет ничтожный перевес одного из факторов, какая-то совершенно случайная по сравнению с остальным причина, особенно ничтожная при сопоставлении со значительными последствиями. Они в целом определены не этой причиной, а всей совокупностью действующих сил, но на первый взгляд может показаться, что именно случай правит историей.

Наша собственная история текущего столетия дает нам богатую пищу для мучительных раздумий: насколько неизбежным было все то, что довелось испытать нашим народам, где был поворотный пункт, за которым трагический ход событий стал неизбежным?

Мы упомянули несколько общих объективных причин, которые способствовали победоносному выходу арабов из Аравии, но они определяли лишь объективную возможность, а не ту конкретную последнюю песчинку, которая перетянула чашу весов истории на сторону завоеваний. Ряд исследователей считает, что они явились естественным продолжением политики распространения ислама в Аравии силой оружия и подавления ридды [5]. Это, конечно, способствовало накоплению политического и военного опыта, и все же между столкновением мелких отрядов внутри Аравии, подчинением хорошо знакомых соперников и регулярными военными действиями против сильнейших держав своего времени, располагавших большими, прекрасно обученными и обеспеченными армиями, есть несомненное качественное различие. Это — не механический перенос тех же военных действий на новые территории. Вторжение в глубь византийских и сасанидских владений требовало иного уровня организации и материального обеспечения, и это прекрасно понимали руководители мусульманской общины.

Мысль об отправке войска в византийские владения появилась у Абу Бакра в самом конце 633 г. [6], несомненно, под влиянием успехов Халида б. ал-Валида в Приевфратье. Но она была встречена ближайшим окружением халифа без всякого энтузиазма. Только Умар поддержал его безоговорочно, а Аб-

даррахман б. Ауф, один из ближайших сподвижников Мухаммада, предостерег Абу Бакра от посылки войска в глубь византийской территории, учитывая храбрость и силу византийцев. Он считал, что следует начать с набегов мелких отрядов на пограничные районы и, только лучше обеспечив себя за счет добычи и собрав войска со всей Аравии, решаться на вторжение. Остальные присутствующие просто промолчали. Абу Бакр стал требовать от них ответа. Тогда Усман почтительно, но уклончиво ответил, что халиф сам лучше знает, в чем благо мусульман. Остальные ухватились за эту формулировку и тоже не дали прямого согласия, хотя и заверили, что не будут противиться любому его решению. Лишь Али будто бы предрек успех походу, поскольку пророк говорил, что его религия победит всех противников, и это укрепило решимость Абу Бакра [7].

Эти сведения восходят к очевидцу событий [8] и в целом, несомненно, правильно передают ситуацию. Нужно лишь учитывать, что информатор был жителем Куфы, цитадели шиизма, активно выступал против Усмана [9] и, кроме того, рассказывал обо всем этом в ту пору, когда активно формировался культ Али в шиитской среде [10]. Поэтому рассказчик-очевидец, осененный славой сподвижника пророка, вряд ли мог устоять перед соблазном приписать Али решающую роль в принятии такого важного решения. Впоследствии, видимо, отрицательное отношение ближайших сподвижников пророка к решению начать священную войну стало противоречить расхожим представлениям, и рассказ об этом не вошел ни в одно из распространенных исторических сочинений, кроме «Истории» ал-Йа'куби [11].

Заручившись обещанием старейшин по крайней мере не противиться решению о походе, Абу Бакр обратился к более широкому кругу мусульман. Они тоже не спешили одобрить рискованное решение. «Люди молчали, и не ответил ему никто из-за страха похода на византийцев, так как знали их многочисленность и степень их храбрости»,— сообщает тот же очевидец. Умар возмутился их безразличием и закричал: «Эй, мусульмане! Что же вы не отвечаете заместителю посланника Аллаха, когда он призывает вас к тому, что даст вам [вечную] жизнь?» — и процитировал слегка измененные слова Корана, обращенные Мухаммадом к мусульманам-«лицемерам», не желавшим идти в трудный поход на Табук (см. т. 1, с. 172—173).

Эта цитата чуть не испортила все дело. Амр б. Са'ид б. ал-Ас, один из старейших мусульман, принявший ислам до Умара, вскочил с места и возмущенно спросил: «Это нам ты приводишь притчи о лицемерах?! А что мешает тебе самому первым сделать то, за [отказ] от чего ты нас упрекаешь?*» Умар стал оправдываться, что халиф и без того знает, что он готов по его приказу пойти куда прикажет. «А вот мы,— заявил Амр,— не ради вас ходим в походы и если пойдем, то пойдем ради Аллаха!»

* Т. е. отправиться в поход.

В перепалку вмешался Абу Бакр, опасавшийся, что за Амром, а более того, за его старшим братом Халидом (принявшим ислам шестым, сразу за Абу Бакром) могут пойти часть старых мусульман и многие из недовольных избранием его халифом. «Сядь,— сказал он Амру,— да помилует тебя Аллах. Ведь Умар тем, что ты слышал, не хотел обидеть или упрекнуть никакого мусульманина. Тем, что ты слышал, он хотел, чтобы двинулись в джихад „припавшие к земле“**».

Неожиданно Абу Бакра поддержал Халид б. Са'ид: «Заместитель посланника Аллаха прав. Брат [12], сядь!»— и выразил готовность подчиниться распоряжениям халифа. Обрадованный Абу Бакр в благодарность за это назначил Халида командующим (*амиром*) [13] и распорядился принести в его дом знамя — символ его власти [14]. Правда, знамени в нашем смысле слова еще не существовало: амиру, отправляемому в поход, Мухаммад, а после — халиф привязывал к копью платок, чалму или просто кусок ткани, который и становился боевым знаменем [15].

Халид со своими родичами разбил лагерь в Джурфе (см. т. 1, с. 84), и туда стали собираться добровольцы; но ему недолго довелось нести бремя командования. Его назначение встретило решительное сопротивление Умара. Он настаивал, чтобы Абу Бакр сместил Халида, говорил, что тот высокомерен и не может ладить с людьми, напоминал, что он долго отказывался присягнуть, открыто говорил, что власть должна принадлежать роду Абдманафа. В конце концов Абу Бакр сдался и послал домой к Халиду человека объявить о смещении и забрать знамя. Халид вынес его и сказал: «Клянусь Аллахом, не радовало меня ваше назначение и не огорчает меня ваше смещение, и не тебя надо упрекать». Видимо, удостоверившись, что скандала не будет, пришел и сам Абу Бакр с извинениями, заклиная не держать зла на Умара [16].

К этому времени собралось несколько тысяч добровольцев, и Абу Бакр назначил трех независимых амиров: Йазида б. Абу Суфйана, Шурахбила б. Хасану и Абу Убайду б. ал-Джарраха. Знамя Халида было передано его двоюродному брату Йазиду (не исключено, что таким образом Абу Бакр хотел примирить влиятельный род Умаййадов, к которому они оба принадлежали, со смещением Халида), но Халид не пожелал быть под началом недавнего врага ислама и предпочел подчиняться Абу Убайде, такому же старому сподвижнику, как и он сам [17].

Сведений о том, как собиралось войско, сравнительно много, но они разрозненны и трудно поддаются даже относительной датировке, поэтому изложение дальнейших событий оказывается весьма приблизительным. Основывается оно прежде всего на сведениях ал-Азди (и ал-Куфи), как наиболее связных и позво-

---

** Намек на фразу из той же суры Корана, обращенную к мусульманам, не желавшим идти в поход на Табук (IX, 38): «О вы, которые уверовали! Почему, когда говорят вам: „Выступайте по пути Аллаха“, вы припадаете к земле?»

ляющих на их основе упорядочить материал других источников.

Прибытие добровольцев из племен, обитавших вокруг Медины, старых союзников Мухаммада и опоры Абу Бакра в первый момент борьбы с риддой, не удостоилось упоминания историков — то ли их участие воспринималось как совершенно естественное, то ли число их было слишком незначительным. Зато запомнилось прибытие ополчений из племен тайй, кайс и кинана, а особенно — 4000 мазхиджитов во главе с Кайсом б. Хубайрой и кайля Зу-л-Кала с большим отрядом химйаритов [18]. С их прибытием общая численность войска достигла примерно 9000 воинов [19], и Абу Бакр счел эти силы достаточными для отправления в поход.

По данным ал-Балазури, формирование войска шло в течение всего мухаррама 13/7.III—5.IV 634 г., а приказ о выступлении («привязывание знамен») последовал в четверг 1 сафара/6.IV [20], однако, как мы увидим дальше, ход событий свидетельствует о том, что войска выступили месяца на три раньше.

Первым отправился Йазид б. Абу Суфйан. Провожая, Абу Бакр будто бы долго шел у его стремени и дал наставление, как вести себя в походе, как относиться к врагам и мирному населению. Поручиться за достоверность этого наставления очень трудно, тем более что почти дословно такое же наставление он будто бы давал Усаме б. Зайду. Скорее всего подобные религиозно-этические наставления халифов, рассыпанные в исторических сочинениях, в подавляющем большинстве случаев не более чем шаблон, обязательный для облика праведного халифа, каким он представлялся в период формирования мусульманской историографии [21]. Все же, поскольку в них в какой-то мере отражены представления, существовавшие в раннем исламе, имеет смысл воспроизвести наставления Абу Бакра полностью.

Призвав вначале быть богобоязненным и не забывать Аллаха, Абу Бакр наставлял: «Когда встретишь врага и Аллах даст тебе победу, то не злобствуй и не уродуй [тела врагов], не будь вероломным и не трусь. Не убивай ни ребенка, ни старого старика, ни женщину. Не сжигайте пальм и не обдирайте с них кору, не срубайте плодовые деревья и не режьте скота больше, чем надо для еды. Вы будете проходить мимо людей в кельях, которые говорят, что они посвятили себя Аллаху, оставляйте же в покое их и то, чему они себя посвятили. А есть другие, в головах которых рылся шайтан, так что стали их макушки как гнездо куропатки [22]. Ударяйте их [мечом] по этим местам, чтобы обращались в ислам или платили собственными руками, унижаясь [23]» [24].

Три дня спустя следом отправился отряд Шурахбила б. Хасаны, а Абу Убайде пришлось дожидаться прихода из Йемена отряда Зу-л-Кала и мазхиджитов во главе с Кайсом б. Макшухом [25]. Провожая Абу Убайду, Абу Бакр рекомендовал ему со-

ветоваться с Халидом б. Са'идом, так как он «сайиид тех мусульман, что с тобой», и Кайсом б. Макшухом — «лучшим витязем арабов». Из этой рекомендации следует, что Абу Убайда отнюдь не был на самой вершине руководства мусульманской общины, членом некоего правящего триумвирата вместе с Абу Бакром и Умаром [26]. Дойдя до Вади-л-Кура (350 км от Медины), Абу Убайда сделал остановку, «ожидая, когда соберутся люди» [27]. Здесь, вероятно, и присоединился к нему Хашим б. Утба б. Абу Ваккас по крайней мере с 1000 воинов [28].

По мере прибытия добровольцев Абу Бакр формировал новые отряды и, поставив во главе кого-нибудь из сподвижников пророка, посылал то к одному, то к другому амиру. Еще до первого сражения к Йазиду подошли Са'ид б. Амир с отрядом в 700 человек [29] и около 1000 йеменцев [30] во главе с сыном Зу Сахма ал-Хас'ами. В результате к моменту начала военных действий каждая из трех групп насчитывала примерно по 5000 воинов.

Ни один из трех амиров, возглавивших поход, не имел опыта командования такими большими и пестрыми по составу группами и до той поры не проявил ни полководческих талантов, ни личной доблести. Шурахбил, командуя отдельным отрядом, был разгромлен Мусайлимой (см. т. 1, с. 198), продолжил войну с ним под командованием Халида б. ал-Валида и тоже ничем не отличился. Абу Убайда сопровождал Мухаммада во всех походах, но самостоятельно командовал только тремя набегами, которые обошлись без вооруженного столкновения. О Йазиде б. Абу Суфйане как воине вообще ничего не известно. Невелик был военный опыт и у несостоявшегося командующего, Халида б. Са'ида. Вот им-то и предстояло помериться силами с опытными византийскими военачальниками и профессиональной армией.

Общая ситуация на Ближнем Востоке благоприятствовала вторжению. Пограничные крепости после войны с персами находились в забросе, разоренная тяжелой многолетней войной имперская казна опустела и экономила на субсидиях пограничным арабским племенам, а те не горели желанием сражаться с арабами-мусульманами ради интересов империи задаром [31].

Первое столкновение с византийскими войсками произошло в Гамрат ал-Арабе, вероятно, там, где большой караванный путь из Хиджаза в Газзу пересекало вади ал-Араба [32]. Разгромив этот отряд, группа Йазида продвинулась к Газзе. В 12 милях от Газзы у селения Дасин или Тадун [33] путь ей преградил подошедший из Кесареи трехтысячный (по арабским сведениям) или пятитысячный (по византийским сведениям) отряд под командованием патриция Сергия. Византийцы снова потерпели поражение, оставив на поле боя 300 убитых, в том числе и командующего [34]. Мусульмане разграбили район и убили 4000 жителей селений [35] (рис. 1).

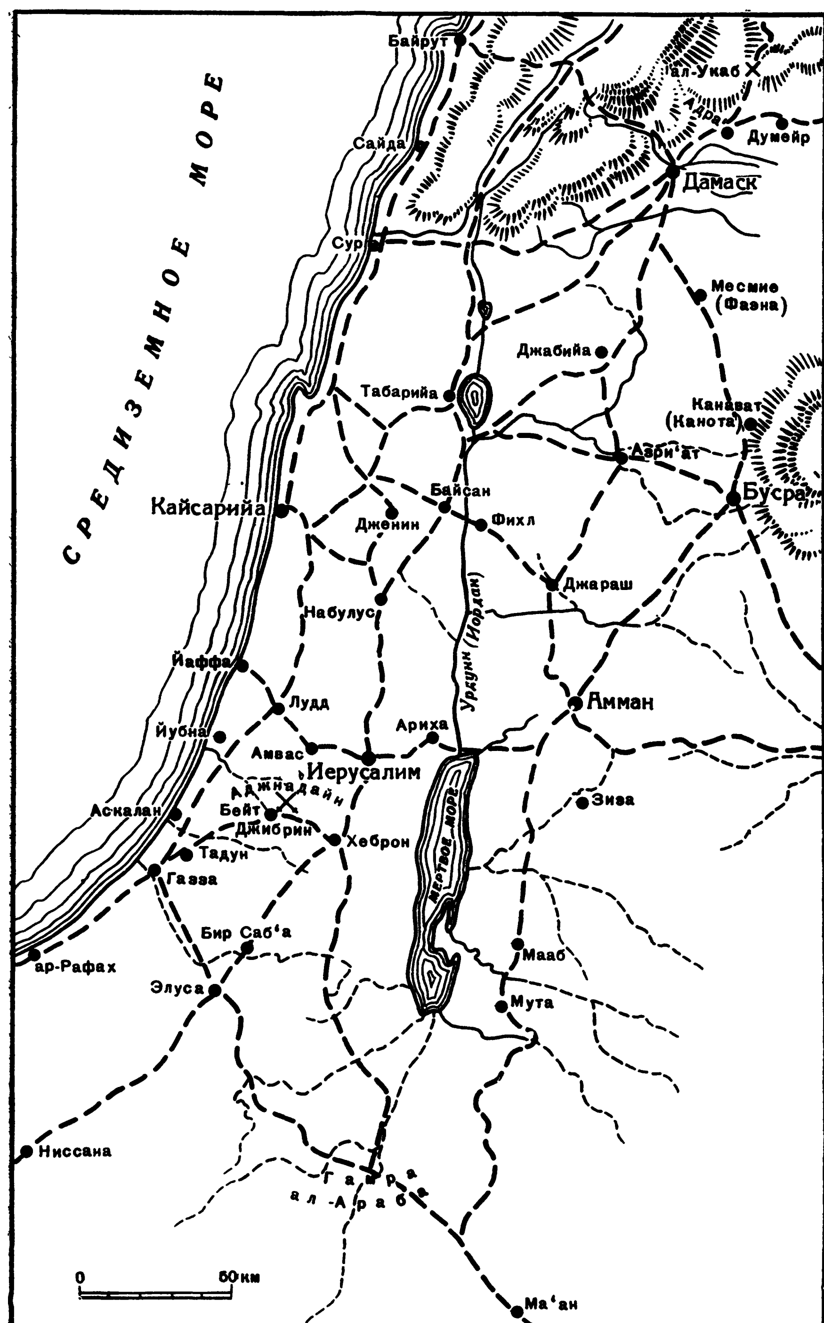


Рис. 1. Палестина и Южная Сирия

Арабские источники не позволяют даже приблизительно датировать эти сражения, ясно только, что они не могли быть раньше чем через месяц после выступления из Медины. Точную дату приводит только сирийская хроника: пятница 4 шебота 945 г. селевкидской эры, в седьмой год индикта [36], т. е. 4 февраля 634 г. Совпадение в этой дате дня недели и месяца, года и порядкового года индикта вызывает доверие к этой дате, но если она достоверна, то первый отряд должен был выйти из Медины не позже начала января 634 г., а даты ал-Балазури должны относиться к какому-то иному событию.

Дальнейшие действия Йазида неизвестны. Можно сказать только, что Газзу ему взять не удалось и через некоторое время он покинул Южную Палестину и возвратился в Заиорданье [37].

Шедший вслед за Йазидом Абу Убайда от Ма'ана повернул на север, прошел через Мааб, жители которого заключили с ним договор, и перед Зиза встретил объединенные силы арабов-христиан Заиорданья. Его авангард, возглавляемый Халидом б. Са'идом, опрометчиво ввязался в бой и потерпел поражение [38]. Удалось ли после этого Абу Убайде и находившемуся в том же районе Шурахбилу взять реванш и завоевать Амман, мы не знаем. Через два месяца они оказываются в Южной Сирии.

Последним отправился из Медины отряд Амра б. ал-Аса. Собрать его оказалось непросто. Халифу пришлось пообещать желающим принять участие в походе, что это будет зачтено им взамен садаки со скота [39]. Кроме того, он обратился с призывом участвовать в войне «на пути Аллаха» к мекканцам, которые в глазах старой гвардии Мухаммада были сомнительными мусульманами. В ответ на этот призыв из Мекки прибыло 500 человек и из Таифа 400 сакифитов, к которым затем присоединилось еще несколько тысяч бедуинов [40]. Амру было предписано идти в Палестину по приморской дороге через Айлу. Возможно, что именно отряд Амра выступил из Медины 1 сафара. Во всяком случае, он прибыл в Заиорданье после поражения Халида.

Теперь численность мусульманских войск в этом районе перевалила за 20 тысяч, но отсутствие единого командования и неопытность командующих лишали их возможности добиться серьезного успеха, если не считать широко использовавшейся возможности набегов на незащищенные селения. Абу Бакр принял единственно правильное решение — перебросить в Сирию действительно талантливого полководца, Халида б. ал-Валида, и назначить его главнокомандующим. Он встретил приказ покинуть Хиру и расстаться с завоеванным положением, покинуть место, где почувствовал себя царьком, с большим неудовольствием, увидев в нем происки недолюбливавшего его Умара. Но непререкаемый в ту пору авторитет халифа и утешения друзей, расхваливавших ему богатства Сирии, примирили его с новым назначением [41]. Халид оставил вместо себя в Хире ал-Мусанну б. Харису, отобрал 850 лучших воинов, элитой которых были

300 мухаджиров и ансаров, и форсированным маршем по начинавшейся жаре пересек Сирийскую пустыню (ас-Самава) кратчайшим путем. На нем лежал отрезок в пять переходов, совершенно лишенный воды, между Куракиром и Сува. Чтобы преодолеть его, пришлось использовать несколько десятков верблюдов в качестве живых емкостей для воды: на каждом привале пятую часть их резали, водой из желудков поили лошадей, а мясо шло в пищу воинам [42]. Добравшись до желанного водопоя в Сува, отряд с ужасом обнаружил, что и там воды нет. С большим трудом под песком удалось докопаться до водоносного слоя и избежать гибели [43].

К сожалению, мы не знаем, где лежал этот гибельный участок пути, и не можем безоговорочно определить тот пункт, к которому так спешил выйти Халид. Если отбросить явно ошибочно отнесенные к этому походу Анбар и ал-Хусайд, то останутся два варианта маршрута. Согласно одной версии, Халид, миновав безводный участок пути, вышел к Сохне, заключил договор с ее жителями, прошел через Арак и завоевал Тадмур, а затем (упоминаются еще ал-Карйатайн и Хувварин) через Мардж ар-Рахит направился к Бусре. Придерживающийся этой версии Н. А. Медников прокладывает маршрут Халида по условно проведенной прямой от Айн ат-Тамра до Арака [44]. Этот путь топографически логичен, но вызывает сомнение, мог ли небольшой отряд, к тому же стремившийся достичь цели максимально скрытно, завоевать хорошо укрепленный в ту пору Тадмур [45].

Вторая версия опирается на упоминание в одном из маршрутов Халида Думы, отождествляемой с Думат ал-Джандал, и Куракира, отождествляемого с Кулбан Караджир, или Эль-Каркаром, в вади Сирхан (рис. 2). Отсюда, по мнению А. Мусила, Халид двинулся на север к Сува (=Саба Биар) [46]. Далее, как и в первом случае, путь идет через Мардж ар-Рахит. Принять этот вариант не позволяет очевидная бессмыслица маршрута: зачем нужно было не идти прямым путем на Бусру, а совершать ненужную трехсоткилометровую рокировку, подвергая свой отряд угрозе гибели от жажды, чтобы затем проделать обратный путь почти такой же длины. А. Мусил объяснил такой обходный маневр стремлением обойти византийские пограничные крепости [47], но обратное движение мимо Дамаска было бы столь же опасным.

Думается, не следует Куракир на входе в Сирийскую пустыню со стороны Ирака непременно связывать с одноименным пунктом в вади Сирхан, так как это название не уникально: Йакут упоминает четыре Куракира [48], и мы не можем поручиться, что не было еще и других. Если согласиться с весьма правдоподобным предположением А. Мусила, что Сува — это современное вади С[у]ва [49], то Куракир следует искать в 250—270 км восточнее, на линии, соединяющей район Куфы — Айн ат-Тамра с Дамаском, т. е. где-то в районе современной Эр-Рутбы, где в

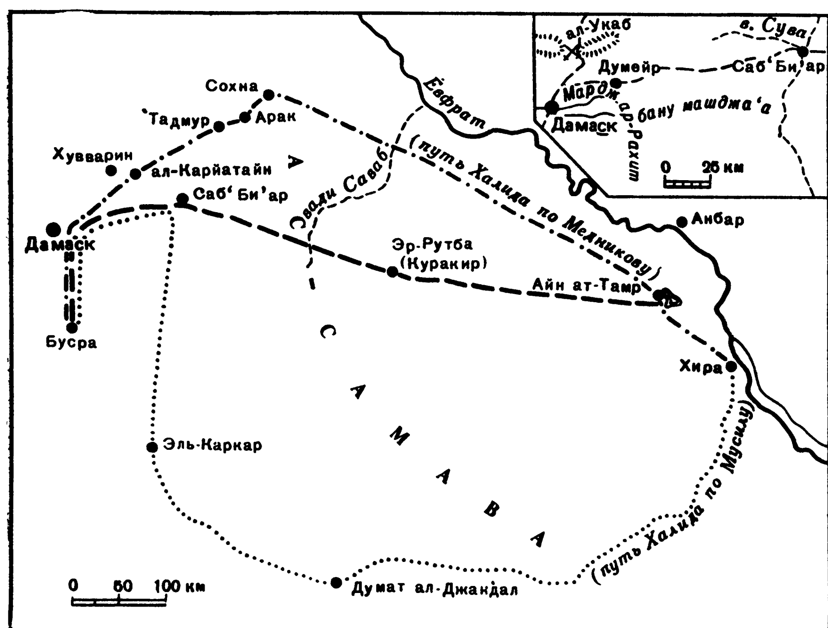


Рис. 2. Маршрут «пустынного марша» Халида б. ал-Валида

вади Хауран вполне могла быть вязкая низина или ревущий после дождей поток *(ку̣ра̄ки̣р)* [50].

В таком случае путь Халида из Ирака к Бусре окажется вполне логичным и не противоречащим наиболее достоверным эпизодам его похода. В самом деле, пройдя кратчайшим путем от Куфы или Айн ат-Тамра до Сува, он идет далее в том же направлении до Кусама, где заключает договор с бану машджа'а (400 воинов этого племени затем участвуют в осаде Бусры) [51], и достигает окрестностей Дамаска, после столкновения с гассанитами у Мардж ар-Рахита поворачивает на юг и краем степи идет к Бусре (см. рис. 2).

С нападением на гассанитов связана еще одна хронологическая загадка. По данным ал-Балазури и ат-Табари, Халид напал на гассанитов в пасху [52], которая в 634 г. пришлась на 24 апреля, т. е. 18 сафара. До того как стала известна дата сражения при Тадуне по «Книге халифов» и хронология начального этапа строилась на дате выступления из Медины по ал-Балазури (1 сафара), прибытие Халида в Мардж ар-Рахит к 24 апреля представлялось совершенно невозможным. Поэтому М. де Гуе предположил, что мусульмане, не разбираясь в христианских праздниках, спутали пасху с пятидесятницей и, следовательно, Халид напал на гассанитов 12 июня (9 раби' II). Но это предположение, казавшееся Н. А. Медникову вполне убедительным [53], все-таки, как мы увидим, несостоятельно.

Прибытие решительного Халида, объединившего силы Абу Убайды, Шурахбила и Йазида [54], сразу изменило ситуацию. Вскоре гарнизон Бусры (или деблокирующие войска) был разгромлен в поле, и горожане поспешили заключить договор с мусульманами, по которому обязывались выплачивать подушную подать по динару со взрослого мужчины и по джерибу пшеницы с джериба земли [55]. Победители, видимо, не вступали в город, так как сообщается, что жители устроили им базар, иначе говоря, организовали торговлю в лагере. Договор был заключен 25 раби' I/30 мая 634 г. [56], что исключает дату нападения на Мардж ар-Рахит, принятую де Гуе и Медниковым. Можно, конечно, предположить, что в источнике перепутан номер одноименного месяца и что Бусра сдалась того же числа следующего месяца раби' (9 июля), однако это не согласуется с хронологией последующих событий.

Падение Бусры подтолкнуло к соглашению с мусульманами некоторые другие города той же области, во всяком случае это сообщается об Азри'ате (ныне Деръа), куда в ответ на просьбу его правителя направился Йазид б. Абу Суфйан; позже он заключил договор с Амманом, также на условиях Бусры [57].

Судя по некоторым данным, и другие амиры после сдачи Бусры направились в различные районы к востоку от Иордана и Мертвого моря [58], а Халид и Абу Убайда, оставив Шурахбила под Бусрой, продвинулись до Дамаска и осадили его.

Район, в котором разворачивались эти события, был издавна заселен арабами, исповедовавшими в то время христианство якобитского толка; здесь, между Азри'атом и Дамаском, находилась бывшая резиденция Гассанидов — Джабийа, которая потом на несколько лет стала штаб-квартирой мусульманской армии в Сирии. Однако никаких сведений о взаимоотношениях пришлых арабов-мусульман с местными арабами-христианами не имеется, если не считать глухого упоминания столкновения у Зиза. По-видимому, арабское население Сирии не отделяло себя от остального населения: не бросилось в объятия завоевателям-соплеменникам, но и не оказало активного сопротивления. Позже мы встречаем некоторое количество местных арабов из племен джузам, лахм и других в составе мусульманской армии, но первые два года подавляющую часть ее составляли контингенты, пришедшие из Аравии.

Что происходило в это время на византийской стороне, мы знаем плохо. Византийские и другие христианские историки освещают этот период очень скупо и допускают явные анахронизмы [59]. Рассказы же арабских авторов о многочисленных совещаниях Ираклия со знатью и дискуссиях о вере с мусульманскими послами явно выдуманы во славу ислама, и их нельзя принимать всерьез. Естественно, что они так же плохо представляли ситуацию в лагере византийцев, как византийцы — в

мусульманском. В начале мусульманского вторжения Ираклий находился в Химсе (Эмессе) или в Эдессе и, видимо, не придал ему большого значения. Но падение Бусры не могло не настроить его на более серьезное восприятие происходящего. К тому времени, когда Абу Убайда и Халид начали осаду Дамаска, в Эмессе закончила формирование большая армия, возглавляемая Феодором, братом императора [60].

Почему-то она направилась не на выручку Дамаска, а в Палестину, но как далеко на юг она продвинулась, мы не можем определить. Упоминаемый на ее маршруте горный проход Джиллик локализуется очень неопределенно: «в верхней Палестине» [61]; конечный пункт, которого она достигла, Аджнадайн, тоже требует уточнения. Как бы то ни было, Халид, обеспокоенный реальной опасностью обхода, решил снять осаду и соединить все мусульманские силы в один кулак. Произошло это через двадцать дней после начала осады [62]. Гарнизон Дамаска, воодушевленный вестью о подходе императорской армии и снятием осады, вышел из города и в 20—30 км от него на равнине Мардж ас-Суффар напал на арьергард, которым командовал Абу Убайда, прикрывавший обоз с имуществом и семьями. Халид, шедший в авангарде, повернул конницу и успел прийти на помощь. Отразив нападение, он продолжил путь на Джабийу [63]. Эту схватку Ибн Исхак датировал четвергом 19 джумады I/20 июля 634 г. [64].

Дальнейший путь Халида неизвестен. Как полагает большинство исследователей, он обогнул с юга Мертвое море и двинулся на север навстречу византийской армии, с которой столкнулся в субботу 29 джумады I/30 июля 634 г. [65] у Аджнадайна, в 10 км севернее Бейт Джибрина [66].

Несмотря на согласное свидетельство средневековых авторов, что Аджнадайн располагался между Рамлой и Бейт Джибрином, ряд обстоятельств заставляет усомниться в их осведомленности и правильности отождествления Аджнадайна с двумя Джаннабами [67]. Это название встречается только в связи с данной битвой и никогда никем не зафиксировано как реальный топоним. Главное же, что маршрут движения основных сил мусульманской армии в обход Мертвого моря вызывает недоумение. Дж. Глабб объяснял маневр Халида тем, что византийцы намеревались, разгромив Амра б. ал-Аса в Южной Палестине, выйти к Акабе и отрезать мусульманскую армию от Аравии, поэтому Халид стремился перехватить их как можно раньше [68].

Если верить сообщению о том, что нападение дамаскинцев на арьергард произошло 20 июля, а уже во второй половине пятницы 29 июля мусульманская армия стояла в Аджнадайне, то группе Халида — Абу Убайды пришлось бы за восемь дней пройти примерно 360 км, по 45 км в день, что возможно для всадников на конях или верблюдах, не обремененных обозом, и невероятно для армии с обозом и пехотой, как было в данном случае. Но даже если мы отвергнем дату Ибн Исхака и допу-

стим, что у Халида было значительно больше времени для марша, все равно останется непонятным, зачем нужно было такое сложное движение: любой обходный маневр византийцев в сторону Акабы и даже на табукскую дорогу не представлял серьезной опасности, у арабов всегда за спиной оставалась степь, куда можно было отойти, не опасаясь преследования. Если же Халид стремился обеспечить господство над завоеванной частью Южной Палестины, то, уходя туда, он рисковал потерять более богатую область Южной Сирии. Единственное возможное объяснение, что Южная Палестина имела особое значение для Медины и целью начального этапа завоеваний было овладение важнейшим для Хиджаза торговым путем на Газзу,— очень красиво, но ничем не подтверждается.

Вызывает сомнение в правильности локализации Аджнадайна в центре Палестины замечание ал-Азди и ал-Куфи, что, узнав о движении византийцев, Халид обеспокоился за Шурахбила, находившегося в районе Бусры [69]. Это беспокойство можно понять только в том случае, если византийцы наносили удар из-за Иордана на восток, на Джараш или Амман. В этом случае мусульманские отряды оказались бы разом разделены и могли быть разгромлены поодиночке.

Объединенная мусульманская армия насчитывала в это время около 20 000 человек [70]. Византийская армия, по самым скромным оценкам мусульманских источников,— 40 000, эту цифру можно считать преувеличенной, но, как ни странно, она фигурирует и в византийском источнике [71].

Если верить ал-Азди и ал-Куфи (другие авторы не касаются диспозиции) [72], мусульманская армия встретила противника не как беспорядочное сборище разноплеменных отрядов, а была сведена в боевые единицы, принятые военным искусством того времени: в центре стояла пехота (под командой Абу Убайды), фланги позиции охраняли четыре группы (левый и правый фланг — *майсара* и *маймана,* левое и правое крыло — *джанах*), кавалерия была выделена в особую группу, кроме того, имелся засадный отряд. Командовал армией Халид б. ал-Валид [73].

Битву начали византийцы. После интенсивного обстрела, нанесшего мусульманам ощутимый урон, они атаковали сначала правый, потом левый фланг, но мусульмане устояли в рукопашной схватке. Когда наступательный порыв византийцев иссяк, Халид дал сигнал к контратаке. Гибель византийского командующего (в одних источниках — *кубуклар*, т. е. cubicularius-камердинер, в других — *калафат*) [74] сломила боевой дух византийцев, они обратились в бегство, мусульманская конница преследовала и перебила множество бегущих.

В бою пало 1700 или 3000 византийцев [75] (возможно, во втором случае учитывались и убитые при преследовании), 800 человек, взятых в плен, Халид приказал казнить [76]. Потери мусульман называет только один источник, к тому же не пользующийся доверием,— «Завоевание Сирии» Псевдо-Вакиди —

475 человек, из которых 30 мекканцев, 20 ансаров и 20 химйаритов [77]. Эта цифра, чудом сохранившаяся от первоначального текста среди массы поздних измышлений, видимо, не преуменьшена, так как потери разгромленной и бежавшей армии обычно больше, чем у победителей.

Тот же источник приводит одну любопытную дату — дату отправки донесения Халида Абу Бакру о победе (остальной текст не слишком достоверен): «четверг, когда прошли две ночи джумады второй». Второй день этого месяца приходился на среду, но если считать ночи после первого дня, то эта дата будет соответствовать 3 джумады II/четвергу 4 августа 634 г. Разрыв в три-четыре дня между битвой и донесением о ее результатах не должен удивлять, так как требовалось подсчитать своих убитых, провести раздел добычи и выделить из нее пятину.

Естественно возникает вопрос о причинах победы мусульманской армии, в которой не было профессиональных военачальников и которая, по существу, впервые была сведена воедино из разрозненных племенных и локальных отрядов и никогда до этого не действовала как единое целое в большом сражении.

С одной стороны, имелись причины, лежавшие вне самой мусульманской армии. Византийская армия, участвовавшая в этом сражении, вопреки свидетельствам источников обеих сторон, вряд ли насчитывала 40 000 человек, ибо для армии такой численности потеря 1700 убитыми и примерно 5000 ранеными (считая по три раненых на одного убитого) не настолько велика, чтобы сделать ее неспособной выдержать удар вдвое более слабого противника, но если силы обеих сторон в начале сражения были примерно равны, то такие потери меняли соотношение сил. К тому же против мусульман были посланы не лучшие византийские войска, к ним присоединилась городская милиция, выучка которой была не выше, чем у арабов. Наконец, гибель командующего, особенно если она произошла в переломный момент сражения, всегда тяжело сказывается на моральном духе войска.

С другой стороны, мусульманское войско, при всех его недостатках, имело стойкое ядро из 2—3 тыс. сподвижников пророка, сильных сознанием правоты своего дела, а порой и фанатическим рвением заслужить райскую награду ценой смерти в бою; наличие такого ядра помогло выдержать удары византийцев. Вторым преимуществом мусульманского войска была хорошая легкая кавалерия, которая нанесла сильный ответный удар и довершила разгром, преследуя противника. Не исключено также, что Халид как полевой командир превосходил византийского командующего, но гадать об этом бессмысленно.

Хотя битва при Аджнадайне и не была решающей с участием основных сил византийской армии, значение ее нельзя преуменьшать. Благодаря этой битве мусульмане уверились в сво-

ей способности побеждать грозных «румов», а кроме того, значительно пополнили свое вооружение за счет трофеев.

Отдохнув и приведя себя в порядок, мусульманская армия возвратилась к Дамаску. По данным ал-Азди и ал-Куфи, на той же равнине Мардж ас-Суффар путь ей преградили византийцы: произошло короткое, но достаточно кровопролитное сражение [78]. Само по себе повторение событий на одном и том же месте не представляет ничего невероятного: естественно, что дамаскинцы попытались дать бой на подступах к городу, и понятно, что эта равнина была наиболее удобным местом для этого. Подозрительно другое: это сражение датируется двенадцатым днем от конца джумады II, тем же днем, что и нападение на арьергард в предыдущем одноименном месяце. Если это сообщение не ложно, то вторая осада Дамаска началась в двадцатых числах августа 634 г.

СМЕРТЬ АБУ БАКРА

Радостная весть о победе при Аджнадайне застала Абу Бакра тяжело больным: 8 августа он помылся, его продуло, и началась сильная лихорадка, все более и более изнурявшая его. Родные и близкие предлагали позвать врача, но Абу Бакр отказывался от лечения. Почувствовав приближение кончины, он решил заранее подумать о преемнике, чтобы избавить общину от того кризиса, в котором она оказалась после кончины Мухаммада. Выбор его пал на Умара б. ал-Хаттаба, который все дни болезни руководил молитвой, а до этого, если верить многочисленным свидетельствам средневековых арабских историков, был его ближайшим советником. Своим предположением Абу Бакр поделился с Абдаррахманом б. Ауфом, тот заметил с сомнением: «Конечно, он достойнее других, но — груб». Абу Бакр успокоил: «Это оттого, что ему казалось, что я слишком мягок, а когда все ляжет на него, то он оставит многие свои привычки» [79].

Талха, с которым он говорил о том же, был более резок: «Ты оставляешь вместо себя Умара, хотя и видел, что испытывают люди от него, [даже] когда ты с ним, а что будет, когда он останется с ними один? Ты встретишься с Господом твоим, и он спросит тебя о твоей пастве». Абу Бакр помолчал и ответил: «Что ты стращаешь и запугиваешь меня Аллахом? Когда я встречу господа моего Аллаха и он спросит меня, то я отвечу: „Я оставил вместо себя лучшего из твоих людей“» [80].

Добившись поддержки верхушки мухаджиров, Абу Бакр продиктовал Усману краткое распоряжение о преемнике, которое затем было передано Умару. Несомненно, что воля умирающего стала известна за пределами узкого круга доверенных лиц, но на этот раз ансары не заявили претензий на верховную власть в общине, может быть потому, что наиболее активные и

авторитетные из них находились в это время далеко от Медины.

На следующий день, в понедельник 22 августа [81], после захода солнца первый халиф скончался, дожив, как и Мухаммад, до 63 лет, в чем правоверные усматривали знак особой милости Аллаха за благочестие. Мусульманская традиция подчеркивает чрезвычайное бескорыстие и скромность жизни Абу Бакра: став халифом, он продолжал пасти своих овец и торговать одеждами на базаре, пока не оказалось, что это отвлекает от руководства общиной; после смерти он не оставил «ни динара, ни дирхема» — ничего, кроме одного раба, водовозного верблюда и поношенной одежды ценой в пять дирхемов [82]. Разобраться в истинности этих сообщений очень трудно. Мы знаем, что свой капитал в 40 000 дирхемов, нажитый в Мекке, Абу Бакр истратил постепенно на помощь мусульманам-беднякам, на помощь самому Мухаммаду и на общественные нужды, но в то же время трудно поверить в нищенскую бедность бывшего купца средней руки. Во-первых, мы знаем, что для возмещения убытков от прекращения торговли община назначила халифу две или две с половиной тысячи дирхемов в год, но он потребовал добавить еще пятьсот и получил эту добавку [83]. Конечно, эта сумма должна была показаться следующим поколениям ничтожной, но она не была настолько мала, чтобы дом был совершенно пуст даже при трех женах,— она равнялась жалованью советника второго ранга в префектуре Африки при Юстиниане I или заработку десяти квалифицированных ремесленников [84]. Во-вторых, известно, что Абу Бакр составил завещание относительно своего имущества; отец, переживший его, которому досталась $^{1}/_{6}$ наследства, уступил ее сыновьям Абу Бакра [85], вряд ли в этом случае речь шла только о поношенной одежде и водовозной кляче. Можно объяснить даже, откуда родились слова о том, что после Абу Бакра не осталось «ни динара, ни дирхема»: при обследовании общественной казны, хранившейся в отдельной каморке в доме Абу Бакра, действительно не было обнаружено ни того, ни другого [86] — все деньги, поступавшие в казну, он сразу же делил между мусульманами Медины. Словом, по сравнению со многими мухаджирами-богачами Абу Бакр был беден, но представлять его таким нищим, как старалась обрисовать Аиша, нет оснований.

Похороны халифа свершились без всякой пышности и торжественности. Хоронили его той же ночью в присутствии узкого круга близких, положив рядом с пророком. Могилу сровняли с землей, не оставив ни могильного холмика, ни памятного камня. Женщины пытались устроить в доме традиционное оплакивание, но Умар пресек этот языческий обычай [87].

Наутро Умар в мечети принял присягу, но о том, как она проходила, нет никаких сведений. Отсюда можно заключить, что каких-либо эксцессов или открытого противодействия не было. Не сохранилось и достоверных воспоминаний о содержании первой речи нового халифа. Вернее, приводятся различные

фразы, якобы относящиеся к ней. Наиболее выразительна из них следующая: «Воистину, арабы похожи на верблюда с проколотым носом, который следует за своим поводырем, а его поводырь не видит, куда вести, а уж я, клянусь господом Ка'бы, выведу их на истинную дорогу» [88].

Умар был значительно моложе Абу Бакра — ему только-только перевалило за пятьдесят. Это был крупный, высокий человек, в любом окружении возвышавшийся над остальными, «словно был верхом», с лысой головой, обрамленной венчиком седых волос, и с бородой, рыжей от хны [89]. Быстрая, решительная походка отвечала его характеру, скорому на решения и не теряющемуся перед неожиданностями. Как и Абу Бакр, он был богомолен и благочестив, скромен в пище и одежде, но его благочестие было активным: он требовал соответствующего поведения и от других, а став халифом, не только показывал, но и наказывал. Именно такой человек и нужен был молодому, становящемуся государству, когда каждый день требовал от его главы неординарных решений.

По единодушному утверждению всех источников, первым распоряжением Умара было смещение Халида б. ал-Валида с поста главнокомандующего и назначение на его место Абу Убайды. Это единодушие настолько гипнотизирует современных исследователей, что они следуют за источниками, не замечая некоторых косвенных свидетельств, опровергающих господствующее мнение. Не следует забывать, что вся информация об этом периоде прошла период устного бытования и соответственно подверглась характерной фольклорной обработке. А фольклор не любит полутонов, его герои должны быть однозначны: щедрый — щедр без меры, злой — злым всегда и во всем. В данном случае известно было, что Умар не испытывал симпатии к Халиду и когда-то сместил его. Но когда? Конечно же, сразу, как появилась возможность, т. е. когда стал халифом. Однако Умар, хотя и был человеком решительным, не опускался до самодурства и не мог отстранить от командования лучшего полководца ислама только из чувства личной неприязни. Да и сами источники, которые говорят о смещении Халида как о первом распоряжении Умара, приводят сведения, опровергающие это утверждение [90].

СРАЖЕНИЕ ПОД ФИХЛЕМ И СДАЧА ДАМАСКА

Что происходило в Сирии, Палестине и Иордании в течение четырех-пяти месяцев после Аджнадайна, остается неясным. Группа Халида и Абу Убайды осаждала Дамаск, но как долго продолжалась эта осада, мы не знаем, так как в памяти участников событий, а особенно передатчиков их рассказов неоднократные осады города, стычки в его окрестностях безнадежно перепутались и расставить этот материал по местам не удается.

Другие группы в это время захватывали мелкие городки Палестины, но какие именно из них были захвачены во второй половине 634 г., остается неизвестным. Пример Дамаска показывает, что в мусульманской армии еще не было специалистов по осадной технике и взять большой, хорошо укрепленный город удавалось только измором, опустошив всю округу и перекрыв пути снабжения. Н. А. Медников полагал, что после Аджнадайна Амр б. ал-Ас завоевал Газзу, Бейт Джибрин, Амвас, Лудд, Набулус и Сабастийу [91], но текст ал-Балазури, на который он ссылается, позволяет утверждать только то, что все эти города были завоеваны до 16 г. х. [92].

Бесспорно одно: в конце 634 г. в районе Байсана и Фихля появилась большая византийская армия и мусульманам пришлось снять осаду с Дамаска (если только их не отбросили раньше византийские войска, подошедшие на помощь городу). Бои под Байсаном и Фихлем описываются в арабских источниках очень противоречиво. Согласно одним сведениям, мусульмане отправились к Фихлю от Аджнадайна, согласно другим — после взятия Дамаска, третьи, наконец, говорят о движении от Дамаска [93]; нет единства даже в том, кто командовал в этих сражениях — Абу Убайда или Шурахбил [94]. Византийские же источники не упоминают этого сражения, и поэтому проверить достоверность той или иной версии можно лишь по степени логичности рассказа каждого источника. Отбросив явно недостоверные сведения, мы можем получить следующую более или менее достоверную канву событий.

Основные силы мусульман шли от Дамаска по дороге на Иордан. Около Тивериадского озера от них отделился отряд, который осадил Табарийу (Тивериаду), служа одновременно прикрытием с севера. Византийцы, чтобы стеснить действия мусульманской конницы, затопили низину в районе Байсана [95] (рис. 3). Дальше мы сталкиваемся с двумя версиями событий. Одни источники говорят о том, что мусульмане разгромили византийцев у Фихля, а затем, преследуя беглецов, наткнулись на заболоченный участок и еле выбрались из него [96]. Согласно другим, первое столкновение произошло под Байсаном, а затем началось противостояние под Фихлем, сопровождавшееся мелкими стычками конных отрядов. Решительное сражение, по их данным, также произошло под Фихлем [97], однако ал-Азди, дающий наибольший объем сведений об этих событиях, не упоминает топи, которая препятствовала бы коннице преследовать беглецов.

Подавляющее большинство источников датирует эту битву приблизительно, только месяцем — зу-л-ка'да 13 г. х., один ал-Балазури указывает число — 28 зу-л-ка'да 13/23 января 635 г. [98]. Особняком стоит дата Халифы б. Хаййата (по Ибн ал-Калби) — суббота 23 зу-л-хиджжа 14/понедельник 5 февраля 636 г. [99]. Возможно, такое расхождение объясняется тем, что эти даты относятся к разным событиям. Сведения о потерях

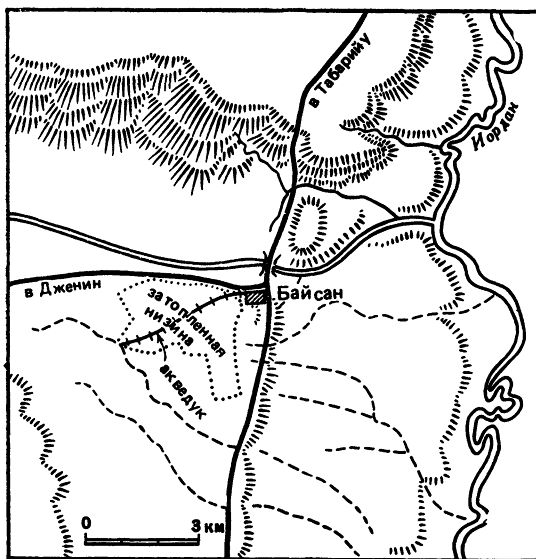


Рис. 3. Район Байсана

византийцев явно преувеличенны (50 000, почти все — 80 000), даже самая скромная цифра — 10 000 убитых [100] — не вызывает полного доверия.

После поражения византийцев на Иордане жители Фихля поспешили заключить договор с победителями, обязавшись в обмен на гарантию неприкосновенности жизни и имущества платить джизью; греки (румы) могли в течение года беспрепятственно покинуть страну, а оставшись, тоже обязывались платить джизью [101]. Не стали испытывать судьбу и жители Табарии, также заключив договор. Видимо, тогда же решилась судьба остальных городков по Иордану и вокруг Тивериадского озера.

В конце февраля соединенная мусульманская армия снова двинулась на Дамаск. 1 мухаррама 14/25 февраля 635 г. на равнине Мардж ас-Суффар путь ей преградили крупные силы византийской армии, состоявшей из остатков армии, разгромленной под Фихлем, гарнизона Дамаска и подкреплений из Химса. Подробности этого сражения неизвестны. Сообщается только, что в нем погиб незадачливый полководец Халид б. Са‘ид и будто бы было ранено 4000 мусульман [102], о численности противника и его потерях не сообщается. Отчасти недостаток прямых сведений у ал-Балазури можно восполнить за счет сообщений, которые скорее всего связаны с этой битвой, но ошибочно отнесены компиляторами к более раннему времени. Так, согласно ал-Мадаини, битва в указанной местности, в которой пал Халид б. Са‘ид, произошла в первый месяц вторжения, но несомненно, что ал-Балазури говорит о ней же; в битве участвовало 4000 византийцев под командованием друнагария [103], у ал-Бала-

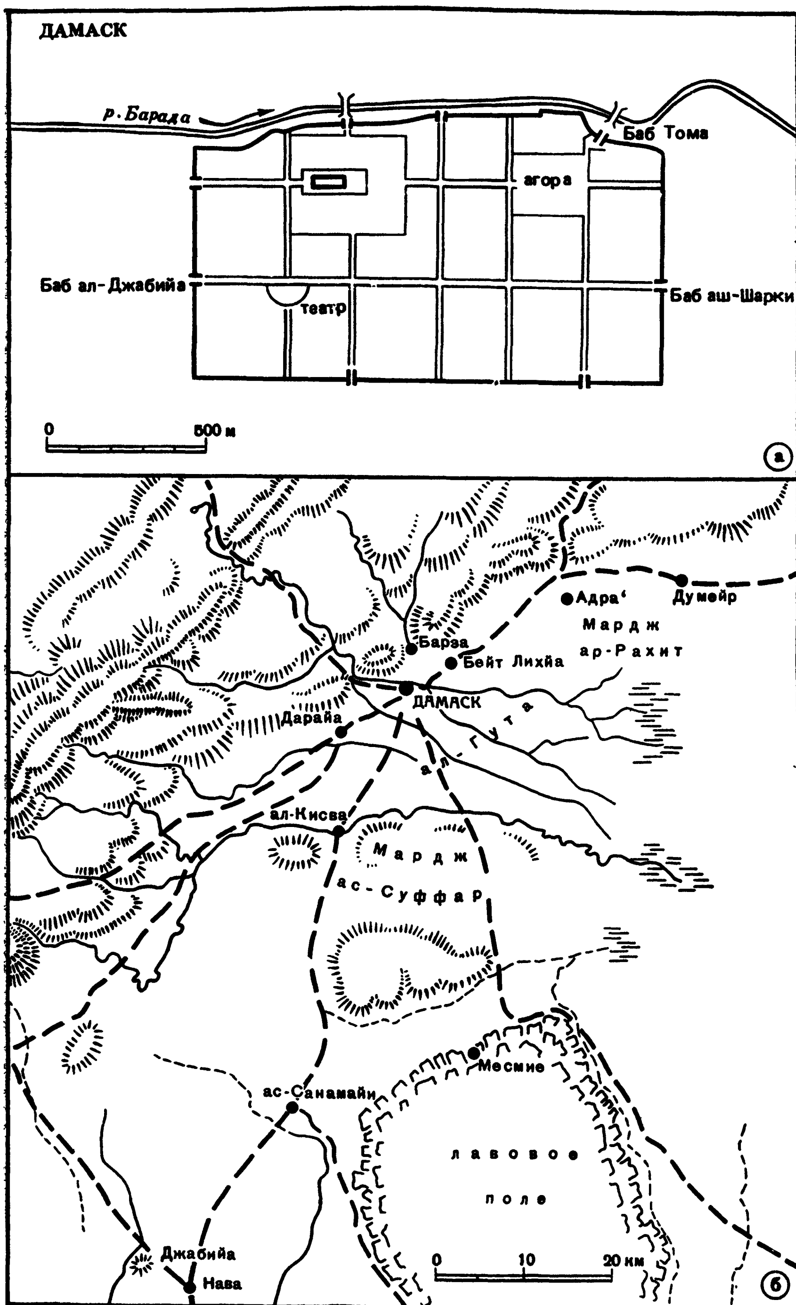


Рис. 4 *а, б.* Дамаск и Южная Сирия

зури это число превратилось в число раненых мусульман. Возможно, что битва в Мардж ас-Суффар, которую ал-Куфи связывает с возвращением из Аджнадайна [104], также относится к зиме 634/35 г. То же можно сказать и о сообщении ал-Азди, у которого битва перед Дамаском также идет вслед за Аджнадайном; по его данным, друнагарий пришел с пятитысячным войском, к которому присоединилось столько же добровольцев из Дамаска и Химса, в сражении погибло 500 из них и еще 500 было убито и взято в плен во время преследования [105]. Но против этого говорит то, что последних два автора не упоминают гибели Халида б. Са‘ида и его участия в битве.

О том, что битва перед Дамаском была тяжелой и для мусульман, свидетельствует то, что 30—40 километров, отделявших их от города, они преодолели только через полмесяца, начав осаду 16 мухаррама 14/12 марта 635 г. Две самые сильные группы стали у главных ворот: западных (Баб ал-Джабийа) и восточных (Баб аш-Шарки), командовали ими Абу Убайда и Халид б. ал-Валид; северную сторону блокировали войска Шурахбила и Амра б. ал-Аса, которых прикрывал с севера конный отряд, стоявший в Барзе [106], а с юга город осаждали войска Йазида б. Абу Суфйана (рис. 4, *а*). Отсутствие в перечнях участников осады Дамаска вождя сирийских арабов-христиан Джабалы б. Айхама свидетельствует о том, что в большинстве своем они занимали выжидательную позицию.

Передышка, полученная дамаскинцами при уходе мусульман к Фихлю, позволила им пополнить запасы и хорошо подготовиться к обороне. Мусульмане не предпринимали попыток штурма, так как не имели осадной техники, а осажденные не подпускали их близко к стенам, засыпая стрелами и градом камней из камнеметных машин.

Во время затянувшегося стояния под Дамаском отдельные мусульманские отряды совершали рейды в соседние области, порой на значительные расстояния. Византийские власти, со своей стороны, предпринимали попытки деблокировать город. Некоторые эпизоды этих обменов ударами зафиксированы в мусульманской и христианской историографии, но все эти сведения неопределенны и противоречивы.

Так, по сведениям ал-Вакиди, во время осады Дамаска отряд под командованием ас-Симта б. ал-Асвада отбил нападение византийцев около Бейт Лихйа (10 км северо-восточнее Дамаска, см. рис. 4, *б*) и, преследуя их, достиг Химса; ошеломленные неожиданным нападением, химсцы вступили в переговоры и предоставили нападавшим продукты и фураж [107]. В анонимном сирийском историческом фрагменте тоже упоминаются нападение мусульман на область Химса и заключение соглашения между ними и химсцами, которые можно было бы сопоставить с сообщением ал-Вакиди, если бы не дата — канун второй 946 г. селевкидской эры, т. е. январь 635 г. [108], когда мусульманская армия находилась в районе Фихля. Мог ли в это время

какой-то удалой искатель приключений и добычи нападать на город в 300 км от основных сил, к тому же будучи отделенным от них Дамаском, остававшимся в руках византийцев? Сомнительно. Но другого договора с мусульманами в том году сирийский фрагмент не упоминает. Остается либо отвергнуть всю хронологию арабской историографии для второй половины 634 г., которая все-таки позволяет выстроить последовательный ряд событий, либо заподозрить ошибку в сирийском источнике. Последнее кажется более приемлемым, так как, по его же данным, ответ на вторжение мусульман последовал только в мае. Поскольку это — фрагментарная запись, к тому же, вероятно, носящая характер отдельных заметок, а год впрямую не указан, то запись может относиться и к январю 636 г., когда, как мы увидим далее, арабы в самом деле подошли к Химсу.

26 мая десятитысячная армия, возглавляемая сакелларием, вышла из Химса, чтобы навести порядок в области и освободить Дамаск, но 10 августа потерпела поражение около Дамаска; это, видимо, то сражение у Бейт Лихйа, которое упоминает ал-Балазури. Последняя надежда дамаскинцев на вызволение извне была развеяна, а продолжение обороны в осаде не могло быть бесконечным, так как зерно нового урожая в город не поступило. Понятно, что у арамейского и арабского населения города не было желания переживать ужасы голода или резню при штурме ради сохранения верности греческим властям, и какие-то представители города вступили в переговоры с Халидом. Большинство источников называет представителем епископа, что вполне соответствует его роли в византийских городах (см. т. 1, с. 20). Лишь один арабо-христианский историк середины X в., Евтихий, сообщает, что инициатором переговоров выступил правитель (*амил*) города по имени Мансур[109]. Н. А. Медников объяснял этот разнобой тем, что город был взят дважды и каждый раз переговоры вел другой представитель[110]. Но имя Мансур могло появиться и в результате графических искажений; в данном случае можно легко угадать его прообраз: ат-Табари, повествуя об осаде Дамаска и попытке его деблокады, пишет, что правителем Дамаска был [А]Настас сын Настуруса. Если во втором имени опустить конечную букву *син* (а исчезновение при переписке последних букв в их отдельном написании в именах и названиях, чуждых арабскому языку, не редкость), то общий облик слова приобретает сходство с именем Мансур: ٮسطور → مصطور[111].

Это отождествление, конечно, немного прибавляет для понимания того, что происходило в Дамаске в конце августа 635 г., когда решалась его судьба, так как характер сообщений Евтихия о Мансуре/Несторе близок по духу к средневековым историческим романам и не вызывает большого доверия. Видимо, нужно исходить из того, что в Дамаске действительно был комендант или какой-то иной представитель официальной власти,

по имени Анастасий сын Нестора, но в переговоры с Халидом вступил епископ, как лицо наиболее мирное.

Договор был подписан в воскресенье 14 раджаба 14/3 сентября 635 г. Пересказ его содержания дают (с очень небольшими разночтениями) два источника, взаимно дополняя друг друга [112]. Поскольку это первый из подробно изложенных текстов договоров с сирийскими городами, мы приведем его полностью по ал-Балазури:

«Во имя Аллаха, милостивого, милосердного.

Это то, что даровал Халид ибн ал-Валид жителям Дамаска, когда вступил в него. Даровал неприкосновенность им самим, их имуществу, их церквам; их городская стена не будет разрушена, и ни в одном из домов не будут селиться. Им в этом покровительство (*зимма*) Аллаха и покровительство его посланника, да благословит его Аллах и да приветствует, и халифов и верующих. Не окажут им ничего, кроме добра, если они платят джизью».

Текст Ибн Асакира отличается тем, что в нем опущены слова о городской стене, вместо слов «когда вступил в него» — «в день, когда завоевал его», а главное — в нем названы имена всех свидетелей: Амр б. ал-Ас, Ийад б. Ганм, Йазид б. Абу Суфйан, Абу Убайда б. ал-Джаррах, Му'аммар б. Гийас, Шурахбил б. Хасана, Умайр б. Са'д, Йазид б. Нубайша, Убайдаллах б. ал-Харис, Куда'а б. Амир. Этот список явно подлинный даже по порядку подписей: поздние редакторы, конечно, поставили бы имя Абу Убайды первым.

Перед нами не полный текст договора, а перечень его принципиальных положений, так как отсутствует имя представителя горожан, не указаны сумма дани или ставки джизьи и иные конкретные обязательства, о которых мы узнаем по другим сведениям: контрибуция в 100 000 динаров и джизья в 1, 2 или 4 динара с мужчины и джериб пшеницы [113].

Со сдачей Дамаска и заключением договора в арабской историографии связано немало романтических версий о том, как это происходило. Суть их сводится к тому, что кто-то из амиров заключил договор и вступил в одну половину города без боя, а другой, не зная об этом, ворвался с боем. Конечно, могло быть и такое, но настораживает, что сообщаются прямо противоположные версии: по одной — договор заключал Абу Убайда (как человек кроткий), а Халид ворвался у восточных ворот с боем и не хотел признать договора, а по другой — договор заключает Халид [114], есть и третья версия — в город с боем врывается Йазид б. Абу Суфйан [115]. Какую-то реальность эти рассказы отражают, но принимать их на веру полностью нельзя. Остановимся на том, что после разгрома деблокирующей армии мусульмане могли активизировать боевые действия по взятию города, и это подтолкнуло горожан к скорейшему заключению мирного договора, который, конечно, должен был подписывать Халид, как главнокомандующий, но рассказчики помнили, что

Халид был смещен, отсюда и родились различные вариации в соответствии с представлениями рассказчиков и компиляторов о характерах исторических деятелей.

Точно так же под влиянием более поздних представлений о том, как должны были обращаться с побежденными иноверцами герои раннего ислама, появились утверждения, что по договору жители Дамаска должны были уступить мусульманам половину недвижимого имущества и церквей. Уже в конце VIII — начале IX в. ал-Вакиди вынужден был опровергать это утверждение: «Я читал грамоту Халида ибн ал-Валида жителям Дамаска и не видел в ней ничего о разделе пополам жилищ и церквей. Об этом сообщают, но я не знаю, откуда взял это тот, кто сообщает» [116].

Падение Дамаска явилось важным этапом в завоевании Сирии мусульманами: впервые после долгой осады был взят крупный, хорошо укрепленный и подготовленный к обороне город с сильным гарнизоном. Оно означало окончательное решение судьбы области к югу от него и открывало простор для дальнейших завоеваний.

После короткой передышки Амр б. ал-Ас и Йазид б. Абу Суфйан возвратились со своими войсками в Палестину, а Халид б. ал-Валид и Абу Убайда, оставив в Дамаске полутысячный гарнизон, направились в Северную Сирию через долину Бекаа [117]. Главный город этого района, Баальбек, сдался после непродолжительной осады и заключил договор, подробный пересказ содержания которого сохранил для нас ал-Балазури:

«Во имя Аллаха, милостивого, милосердного.

Это — охранная грамота (*китаб ал-аман*) такому-то сыну такого-то и жителям Баальбека, его ромеям, его персам и арабам, им самим, их имуществу, их церквам и их домам внутри города и вне его и их мельницам. Ромеям [дозволяется] пасти их стада на расстоянии до пятнадцати миль от них, но они (ромеи) не будут останавливаться в обжитых селениях. А когда пройдет месяц раби' и джумада вторая, то они уйдут куда захотят. А тем из них, кто примет ислам,— то же, что и нам, и на них те же [обязанности], что на нас. А их купцам разрешается ездить куда хотят, по областям, с которыми мы заключили договор; те же из них, кто поселится постоянно, должны платить джизью и харадж» [118].

Как мы видим, в тексте договора не хватает имени лица, которое представляло горожан, не упомянуты имена свидетелей, нет даты и, главное, нет имени амира, заключившего договор. Тем не менее он дает нам любопытные сведения, например о наличии в Баальбеке значительной персидской колонии (оставшейся со времени последней ирано-византийской войны?), важно для нас и хронологическое указание, позволяющее косвенно судить о времени заключения договора. Как мы знаем по договору с Фихлем, желающим уехать предоставлялся льготный годичный срок, в течение которого они не платили подушную

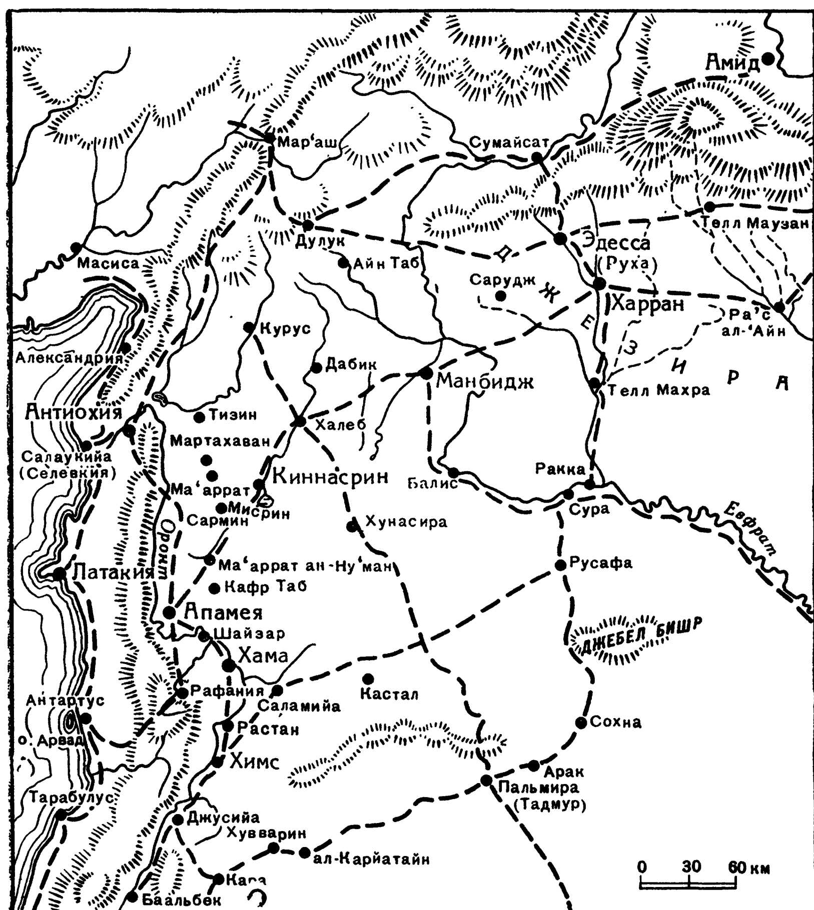


Рис. 5. Северная Сирия в середине VII в.

подать; исходя из того, что грекам позволялось остаться до джумады II включительно, можно предположить, что договор был заключен в раджабе предыдущего года, точнее — в конце раджаба, так как до 14 раджаба еще не был взят Дамаск.

Естественной следующей целью после Баальбека была столица эпархии Ливанская Финикия, Эмесса (Химс), отделенная от него сотней километров, однако эти три дня пути превратились в три месяца — под стенами Химса арабы появились только в шаввале 14/18.XI — 16.XII 635 г. Чем это объяснить — неверной датировкой договора с Баальбеком или какими-то препятствиями, помешавшими быстро преодолеть это расстояние, ведь в других случаях арабская армия мастерски совершала форсированные марши?

Ал-Азди говорит о сражении у Джусии (35 км от Химса,

см. рис. 5), после которого разгромленные византийцы укрылись в Химсе и началась его осада. Сражение под Химсом, но без указания места упоминает и ал-Балазури [119]. Однако одно сражение не могло надолго задержать марш на Химс. Другие источники вообще не упоминают никаких событий между взятием Дамаска и осадой Химса. Исключение составляет «Завоевание Сирии» Псевдо-Вакиди, который уделяет этому промежутку времени десятки страниц, описывая несколько сражений, не упоминаемых остальными источниками. Конечно, нельзя безоговорочно принимать на веру весь этот материал и опираться на порядок его изложения, так как многовариантность рассказов об одном и том же событии, характерная для исходного текста ал-Вакиди (как и всех ранних исторических сочинений), после многочисленных переработок сделала в большинстве случаев невозможным различение между вариантами и рассказами о разных событиях; в ряде случаев произошло раздвоение описываемых событий: появились два договора с Баальбеком (второй после сражения под городом), двукратные переговоры с правителем Джусии. И все же сквозь туман фольклорно-эпической переработки кое-где просвечивают контуры реальных событий.

Так, переговоры с правителем Джусии, несомненно, связаны со сражением под Джусией (хотя сражение под Химсом не связывается с этой местностью). Фантастический на первый взгляд рассказ о набеге на ярмарку около монастыря (или крепости) со странным названием Абу Кудс, на берегу моря между Тарабулусом и Иркой, сопровождается очень точной датой — середина ша'бана (4 октября 635 г.),— не противоречащей хронологическому порядку событий этого периода [120]. Это побуждает к поиску какого-то рационального зерна, лежащего в основе рассказа. Если предположить, что неверна топографическая привязка, то можно легко найти реальный прототип крепости Абу Кудс — хорошо известную с XIII в. до н. э. крепость Кадеш/Кадас=Телл Наби Минд в 5 км южнее озера Химса, которое до XIV в. называлось «озеро Кадаса» [121]. Топографически этот пункт лучше увязывается с событиями, происходившими между Баальбеком и Химсом (см. рис. 5).

Возможно также, что на пути к Химсу арабам пришлось дважды сражаться с византийскими войсками: один раз у Джусии, а второй — непосредственно под городом, когда (если верить «Футух аш-Шам») арабы притворным бегством заманили тысячный отряд отборной кавалерии далеко от стен города и, напав со всех сторон, уничтожили почти полностью, причем пострадали и жители города, вышедшие за ворота, чтобы поживиться при разграблении лагеря. По данным того же источника, в этом сражении погибло 1600 человек, а мусульмане потеряли только 235 [122].

Арабская армия стала лагерем у ворот Растан, отрезая пути подхода подкреплений с севера. Химсцы надеялись, что легко

одетые, привыкшие к теплу бедуины не выдержат зимних холодов и скоро снимут осаду [123]. Но те держались стойко, плотно обложили город, и если верить тому, что гарнизон Химса дважды потерпел поражение и понес большие потери, то понятно, что воля горожан к сопротивлению была ослаблена, и на восемнадцатый день осады они сдали город по договору. Согласно Ибн Исхаку и ал-Вакиди, договор был заключен в зу-л-ка‘да 14/17.XII 635—15.I 636 г. сроком на год при условии выплаты 170 000 динаров [124].

Вслед за Химсом сдались Эпифания (Хама) и Ларисса (Шайзар). Как утверждает один из источников ал-Балазури, жители этих городов встречали завоевателей с музыкой [125]. Верится этому с трудом, поскольку и христианские источники пишут о грабежах и порабощении сельского населения, и сами арабские источники не делают из этого тайны [126] — мусульманские войска вели себя не беспощаднее других, но и не лучше — во всяком случае, не настолько лучше византийцев, чтобы сирийцы оказывали им явное предпочтение. Хотя, конечно, нельзя исключить, что нашелся какой-то магистрат или иной знатный горожанин, который страха ради мог устроить подобную встречу, чтобы задобрить грозных завоевателей.

Другая группа арабских войск направилась в сторону Берои (Халеб) через Халкис (Киннасрин), но как далеко она продвинулась в этом направлении, трудно сказать. Договор с Киннасрином, заключенный Халидом б. ал-Валидом в зу-л-хиджжа 14/16.I — 13.II 636 г., упоминает только сочинение Псевдо-Вакиди [127], единственным доводом в пользу достоверности этого сообщения может служить только то, что указанная дата не противоречит всему ходу событий. По другим же данным, передовые арабские отряды под командованием Майсары б. Масрука, посланные в направлении Халеба, лишь вступили в область Киннасрина, но, узнав о подготовке к выступлению большой византийской армии, вынуждены были повернуть назад [128].

Византийские источники ничего не говорят нам о том, когда Ираклий осознал серьезность положения и начал сбор сил для решительного отпора мусульманскому завоеванию, еще менее осведомлены об этом были арабские историки, но они смело пишут о совещаниях у императора и приводят речи их участников. Можно только догадываться, что подготовка большой армии должна была начаться не позднее начала осады Химса. Возглавили ее сакелларий (казначей) Феодор и армянский военачальник Ваган/Вахан (в арабской транскрипции — Бахан, в некоторых источниках вследствие искажения первой буквы — Махан). Сборным пунктом была Антиохия или Эдесса. Как распределялись функции этих двух военачальников, сказать трудно, арабские источники на первый план выдвигают Бахана. Возможно, что группа Бахана формировалась в Эдессе и состояла в значительной части из армян, а группа Феодора — в Антиохии и состояла из регулярного императорского войска.

Численность всей армии, по наиболее трезвым оценкам, достигала 40—50 тыс. человек, в то время как все мусульманские силы в Северной Сирии вряд ли превышали 15 тысяч [129].

Принимать бой в таких условиях, когда к тому же часть этих сил рассеялась на обширном пространстве в виде мелких отрядов, рыскавших в поисках добычи, было самоубийственным. Ал-Азди (а вслед за ним ал-Куфи) сообщает, что Абу Убайда отозвал Майсару б. Масрука от Киннасрина и собрал все силы в Химсе, а Халида б. ал-Валида с 1000 всадников отправил в Дамаск. На собранном затем военном совете высказывались две противоположные точки зрения: одни советовали укрыть семьи в Химсе, а самим дать бой перед городом, другие были за отступление к Дамаску [130].

Приняв решение отступить к Дамаску, Абу Убайда будто бы приказал своему уполномоченному по сбору дани возвратить собранное жителям Химса, поскольку мусульмане не в состоянии выполнить свое обязательство обеспечить безопасность города, записанное в договоре [131]. Если это хоть в какой-то мере соответствует действительности, то можно только подивиться политической мудрости мусульманских руководителей — лучшего способа рекламы новой власти невозможно придумать.

Однако при всей стройности изложения событий у ал-Азди многое вызывает сомнение. Во-первых, Халид еще не был смещен, а будучи главнокомандующим, именно он должен был вести совет. Во-вторых, если даже командующим в это время был Абу Убайда, то невозможно понять, зачем в момент опасности, нависшей над арабской армией в Северной Сирии, нужно было лучшего полководца отсылать в глубокий тыл.

Византийские полководцы, видимо, не пытались навязать мусульманам крупное сражение, а удовлетворились медленным вытеснением из занятых ими районов. Лишь к маю византийская армия подошла к Дамаску и стала лагерем на Бараде [132]. Ал-Азди описывает еще один совет, на котором также боролись две крайние точки зрения: дать бой или отступить до Айлы (или даже к Табуку). В конце концов было принято промежуточное решение — Дамаск оставить, но отойти только к Джабии. Халид будто бы в сердцах бросил Абу Убайде: «Разве, когда ты будешь в Джабии, у тебя станет больше [людей], чем их есть у тебя здесь, в этом месте?!» [133].

Оставление Дамаска, безусловно, диктовалось опасением быть запертыми в городе с недружественным населением, а Джабийа была резиденцией Гассанидов и располагалась в центре района, заселенного арабами [134], хотя оборонять его от противника, наступающего с севера, трудно из-за отсутствия серьезных естественных преград.

По свидетельству ал-Вакиди, епископ Дамаска перед уходом мусульман из города попросил Халида подтвердить договор о неприкосновенности жизни и имущества дамаскинцев. Новый договор был датирован раби‘ II 15/13.V—10.VI 636 г., и этим

временем принято датировать оставление Дамаска мусульманами [135].

Ал-Азди отмечает, что и в Дамаске Абу Убайда распорядился вернуть собранное по договору [136]. Параллелизм рассказов об оставлении Химса и Дамаска (сходные рассказы о военном совете в обоих городах и о возвращении собранной дани) вызывает сомнение в достоверности одного из них.

Византийцы удовлетворились занятием Дамаска и не стали преследовать мусульман, надеясь медленным продвижением вытеснить их из Сирии и Палестины. Такую тактику можно объяснить только пренебрежением к противнику; да и как могла армия, недавно одолевшая такого грозного врага, как сасанидский Иран, всерьез относиться к ополчению аравитян, которых все в империи считали дикарями. Эта медлительность была на руку мусульманам: они получили возможность спокойно собрать воедино все силы и подготовиться к контрудару.

БОРЬБА ЗА ХИРУ

После ухода Халида с отборными воинами в Сирию и возвращения части оставленных в Хире по домам баланс сил в Месопотамии изменился в пользу Ирана. Тем не менее арабские историки упоминают несколько успешных наступательных операций ал-Мусанны. Поверить этим сообщениям трудно: видимо, здесь, как и в ряде других случаев, мы имеем дело с событиями-фантомами, рожденными в процессе систематизации различных версий рассказов об одном и том же событии неверным размещением этих версий во времени. Разобраться, какому из двойников надо верить, не всегда удается, и произвол исследователя может оказаться не менее губительным для восстановления исторической истины, чем искренние заблуждения средневековых компиляторов [137]. Ясно одно: ал-Мусанна скоро понял, что без подкреплений ему не обойтись, и в августе, спустя четыре месяца после ухода Халида, он сам (или его брат) явился в Медину. Произошло это будто бы за день до кончины Абу Бакра [138].

Как бы то ни было, организовывать ополчение для похода на Ирак пришлось уже Умару. Перспектива расстаться с домом не вызвала у мединцев энтузиазма. Только на четвертый день на призыв откликнулся первый доброволец, неведомый до того Абу Убайд б. Мас‘уд из племени сакиф. За ним потянулись и другие, в том числе сподвижники пророка. Всего набралось около 1000 человек. Командовать ими Умар неожиданно для всех поставил Абу Убайда. Сподвижники пророка, которые после колебаний все-таки решились отправиться в Ирак, были возмущены, что командовать ими будет человек не их круга. Но Умар решительно ответил, что командовать будет тот, кто первым отозвался на его призыв, а не те, кто колебался [139].

Ал-Мусанна поспешно возвратился в Хиру, проехав 1000 км за 10 дней. Здесь он оказался в критическом положении. В Ктесифоне после длительного периода смут и частых дворцовых переворотов наконец стабилизировалось положение. За год, прошедший после провозглашения в Истахре десятилетнего Йездигерда царем, его покровителю, испехбеду Хорасана Рустаму, удалось утвердить его власть над большей частью Ирана, и теперь он мог заняться аравийским пограничьем, которому Сасаниды никогда не придавали серьезного значения: опасность обычно грозила с запада или востока, но только не отсюда. Как сообщает ат-Табари, Рустам разослал уполномоченных в захваченные арабами районы и условился о дне общего выступления, к которому была бы готова армия, собираемая в Ктесифоне Джалинусом (Галеном?). В Нижний Бехкубад (куда входила и Хира) был послан бывший наместник Уллайса Джабан, а Нарсе, двоюродный брат Хосрова Парвиза, прибыл в свой родовой удел в Каскаре (Кашкаре) около Зандаверда [140] (см. т. 1, рис. 10).

Источники не дают представления, какими силами располагал ал-Мусанна. Армия Халида, как уже говорилось (т. 1, с. 212), достигала 10 000 человек, из которых 2000 пришли с Халидом из Йамамы, а остальные присоединились по пути. В Сирию с ним ушло не более 850 человек. Однако это не значит, что у ал-Мусанны кроме воинов его племени осталось 9000 человек. Во-первых, общая численность армии Халида скорее всего преувеличена, во-вторых, это была не регулярная армия со стабильным штатом, а отряды добровольцев, которые охотно присоединялись к победоносной армии, рассчитывая на добычу, и покидали ее при поражении или при необходимости долго жить вдали от родных кочевий. Из основного отряда Халида в Хире осталось не более 1000 человек. Число бедуинов, оставшихся из армии Халида, определить трудно, но вряд ли их было больше 2000, и еще столько же могло быть соплеменников ал-Мусанны, т. е. всего около 5000 воинов [141]. Часть из них была разбросана по рустакам* в виде небольших отрядов, сопровождавших сборщиков дани и стоявших в наиболее значительных населенных пунктах; число их в каждом рустаке было примерно тем же, что и число вооруженных азатов (см. т. 1, с. 26). Выступление азатов сразу во всех рустаках в сочетании с ударом регулярного войска по основным силам ал-Мусанны, безусловно, сразу уничтожило бы их. Но Джабан не дождался обусловленного срока и начал восстание, его примеру последовали в других рустаках.

Мелкие арабские отряды ретировались за Евфрат, к главным силам в Хире, но и здесь ал-Мусанне не удалось организовать сопротивление, и через полмесяца после возвращения из Медины ему пришлось оставить Хиру без боя и отступить к

---

* Сельский округ, административный район.

Хаффану, ближе к своим кочевьям, где не грозила опасность окружения и можно было не бояться преследования. Действительно, Джабан продвинулся из Хиры на юг до границы оазиса и встал лагерем около крепостцы ан-Намарик.

Сконцентрировав все силы в Хаффане, ал-Мусанна на предпринимал никаких действий в ожидании подкреплений из Медины. Абу Убайд подошел через несколько дней, став по распоряжению Умара командующим объединенным войском [142]. Численность отряда Абу Убайда определяется различно: от одной тысячи до четырех или пяти тысяч (не исключено, что имеется в виду объединенное войско [143]); в любом случае объединенное арабское войско стало достаточно сильным, чтобы начать активные действия.

Дав своему отряду несколько дней отдыха в Хаффане, Абу Убайд всеми силами нанес удар по ближайшему противнику: по лагерю Джабана в ан-Намарике. Сражение окончилось победой мусульман. Сам Джабан попал в плен, но освободился за скромный выкуп, так как человек, взявший его в плен, не знал, кто попал в его руки.

Часть разгромленного войска Джабана бежала к Нарсе, вокруг которого концентрировались повстанцы из округов Барусма, Заваби и Джубар. Восставшие надеялись на скорый приход армии Джалинуса, но Абу Убайд опередил ее и в степи, в местности с арабским названием ас-Сакатийа, находившейся, по-видимому, между Хирой и Зандавердом, разгромил Нарсе. Нарсе бежал, оставив лагерь со всем имуществом, а в амбарах его поместья победители захватили большие запасы зерна. Его роздали обитавшим в этом районе арабам и местным крестьянам. Зандаверд был основательно разрушен и после этого не восстановился. Арабы стали хозяевами значительной части Вавилонии: владетели Барусма, Джубара и Заваби поспешили изъявить покорность и обязались по-прежнему платить джизью по четыре дирхема с человека [144].

Что случилось с армией Джалинуса, который не дождался Нарсе, не очень ясно. Согласно версии Сайфа, Абу Убайд встретил ее у Бакусйаса в округе Барусма (между Хирой и Вавилоном) и обратил в бегство [145]. Тогда Рустам отправил против арабов двенадцатитысячную армию во главе с Бахманом Джазавайхом (Джадуйе), которому была вручена национальная реликвия Ирана — «знамя Кавиев». В нее вошли и остатки отряда Джалинуса. Эта армия подошла к мосту через Евфрат около Хиры. Но есть и другая версия — Абу Убайд встретил около Вавилона объединенную армию Бахмана и Джалинуса, не принял боя и отступил за Евфрат [146].

Персидский полководец остановился перед наплавным мостом у Кусс ан-Натифа напротив Хиры, но переправляться не стал, а предложил Абу Убайду выбирать, на каком берегу он предпочитает сразиться. Для нас это выглядит странно, но, возможно, в то время существовал своеобразный воинский кодекс че-

сти, по которому сильнейшая сторона предоставляла другой выбор места сражения [147].

На военном совете большинство высказалось за то, чтобы остаться на западном берегу, сохраняя место для маневра. Но Абу Убайд, опьяненный предыдущими победами, приказал переправляться. Персы не мешали переправе и дали арабам построиться в боевой порядок.

На восточном берегу мусульманская армия оказалась в затруднительном положении: перед ней стоял превосходящий по численности противник, а возможности маневра были ограничены — Евфрат за спиной не позволял применить излюбленную военную хитрость бедуинов — притворное бегство с целью заманить в засаду, обходные движения конницы были затруднены оросительными каналами.

В субботу 26 ноября началась ожесточенная битва [148], исход которой долгое время был неясен. Арабы отбивали все атаки, нанося противнику значительный урон, но много хлопот им причинял слон. Абу Убайд сам вышел против него и отрубил хобот, но был затоптан обезумевшим от боли животным (по другим данным, слон упал и задавил его). Один за другим брали знамя и гибли назначенные перед боем заместители из его родного племени сакиф, в том числе брат и сын. В момент, когда арабы стали подаваться под натиском противника, один из мусульманских воинов (историки называют разные имена), желая заставить своих собратьев биться до конца, перерубил канат, связывавший суда, и мост распался. Однако результат получился неожиданный — началась паника, мусульманские воины, давя друг друга, стали бросаться в воду и тонуть, персы избивали бегущих. Только мужество ал-Мусанны спасло их от полного истребления: с небольшой группой храбрецов он прикрыл бегущих, дал возможность восстановить мост и до последнего прикрывал отступление [149].

Арабская армия потеряла убитыми и утонувшими от 1800 до 4000 человек, среди оставшихся в живых было много раненых. Такое жестокое поражение после нескольких легких побед и богатой добычи повергло в уныние мединских добровольцев, и они, не заботясь о дальнейшей судьбе раненого ал-Мусанны и других товарищей по оружию, бежали в Медину. Всего ал-Мусанну покинуло около 2000 человек, у него осталось только 3000 воинов (видимо, в основном соплеменников), и он ушел из Хиры в родные кочевья Зу-Кара и Барика [150]. Мусульманскую армию спасло от окончательного уничтожения только то, что Бахман в первый момент не стал ее преследовать, дав отдых своей также сильно пострадавшей армии, а потом получил из столицы неблагоприятные известия и вынужден был возвратиться.

У ат-Табари сохранилось сообщение, что сразу же после победы Бахмана вновь восстали Джабан и Марданшах **,

** Командующий одним из флангов армии Джабана при ан-Намарике.

и ал-Мусанна с небольшим отрядом кавалерии вышел на подавление восстания; жители Уллайса схватили мятежников и передали их ему для казни [151]. Это сообщение представляется сомнительным, так как ал-Мусанна был тяжело ранен (копье проткнуло кольчугу, и кольцо от нее осталось в ране) и вряд ли мог сразу же возглавить поспешный карательный рейд, а кроме того, после такого поражения, потери по крайней мере ⅔ войска и оставления всей завоеванной территории было не до подавления восстания в какой-то отдельной волости; явно здесь произошло смешение с тем, что случилось год спустя.

Прибытие беглецов с печальной вестью о гибели многих мединцев повергло город в траур. Умар, желая ослабить впечатление от поражения, сделал вид, что ничего особенного не произошло, и вместо упреков встретил беглецов утешениями [152]. Возможно, он чувствовал за собой вину за то, что назначил командующим Абу Убайда вопреки возражениям многих старых мусульман. Но поражение все равно отбило у всех охоту искать славы и богатства в походах. Прежний ореол непобедимости Сасанидов расцветился свежими, яркими красками. Около полугода никто не откликался на призывы халифа помочь собратьям в Ираке, хотя для участия в военных действиях в Сирии, где мусульмане одерживали верх, добровольцы находились.

Через несколько месяцев Умару удалось сторговаться с Джариром б. Абдаллахом, вождем племени баджила, который принял ислам незадолго до кончины Мухаммада, остался верен исламу во время ридды, участвовал в походе Халида на Ирак, а после его ухода в Сирию возвратился в родной ас-Сарат. Какая-то часть племени не признавала его главенства, и ему было важно получить от халифа назначение амиром племени. Сначала Джарир отказывался идти куда-нибудь, кроме Сирии, и согласился идти в Ирак только тогда, когда Умар пообещал ему кроме обычной доли добычи еще и четверть хумса [153]. Понятно, что после этого авторитет Джарира у его соплеменников значительно возрос.

Джариру удалось собрать под свое знамя около 700 баджилитов, а Умар присоединил к нему еще 700 азднтов и кинанитов, собиравшихся идти в Сирию. Второй фигурой, вокруг которой группировалось разноплеменное войско, был Исма б. Абдаллах ад-Дабби, также участвовавший в иракском походе Халида. Крупнейшей племенной группой были тамимиты — около 1000 человек, но не они, а именно баджилиты были организующим ядром войска. О численности воинов бану дабба, хас'ам и ан-намир сведений не имеется [154]. Всего набралось 3—4 тыс. воинов, командование которыми Умар поручил Джариру, но из описания дальнейших событий следует, что Исма пользовался значительной самостоятельностью.

Основные силы ал-Мусанны в это время находились в степи у Хаффана (Мардж ас-Сабах), а в Хире, остававшейся в руках мусульман, располагался передовой отряд во главе с Баширом

б. Абдаллахом, одним из военачальников Халида. После подхода подкреплений из Медины общая численность мусульманского войска удвоилась и достигла 7—8 тыс. человек, но единства в нем не было, так как Джарир претендовал на верховное командование, а ал-Мусанна справедливо считал себя хозяином положения. Поэтому Джарир и Исма стали отдельными лагерями у Наджафа [155].

Усиление арабов, которые, казалось бы, получив суровый урок, должны были утихомириться и оставить в покое Месопотамию, обеспокоило Ктесифон. Рустам, фактический хозяин положения в столице при несовершеннолетнем Йездигерде III [156], выслал против арабов двенадцатитысячную армию под командованием Михрана, подкрепленную тремя боевыми слонами [157].

Узнав от разведчиков о приближении Михрана, ал-Мусанна распорядился о соединении всех отрядов на канале ал-Бувайб севернее Хиры. Сюда на помощь ал-Мусанне пришли еще отряды арабов-христиан из бану таглиб и ан-намир. Михран на правах более сильной стороны предложил арабам выбирать место боя. Наученные горьким опытом предыдущего сражения, они предпочли остаться на месте и предоставить Михрану переправиться через Евфрат (впрочем, эпизод с выбором места боя может быть и чисто фольклорным элементом в пару с неудачной переправой арабов в предыдущем сражении, так же как упоминание слонов).

Диспозиция мусульманской армии неясна. Согласно одним данным, Джарир был на правом фланге, ал-Мусанна со своим братом Мас'удом — в центре, а левым флангом командовал вождь таййитов Адий б. ал-Хатим. Согласно другим, фланговыми отрядами командовали Башир б. Абу Рухм и его брат Буср [158], а следовательно, группа Джарира действовала самостоятельно. Возможно, вторая версия не противоречит первой, а сообщает нам структуру той части войска, которая подчинялась непосредственно ал-Мусанне, так как командующими резервом и пехотой оказываются братья ал-Мусанны.

Сражение начали мусульмане, но персы устояли, отбросили нападавших и опрокинули центр. Ал-Мусанна, стоя в потоке бегущих, кричал: «Ко мне! Ко мне! Я — ал-Мусанна!» В этой схватке, где обе стороны перемешались, а горячий ветер из пустыни затянул желтой пылью, поднятой сражающимися, все поле битвы, лишив командующих возможности управлять войсками, когда был смертельно ранен брат ал-Мусанны, командовавший пешими,— Мас'уд, ал-Мусанне все-таки удалось остановить бегство. Исход сражения решил прорыв ал-Мусанны к мосту, лишивший персидскую армию возможности отступления. Несмотря на это, персы не бросились к реке в паническом бегстве, а продолжали сражаться. В бою погиб сам Михран, и, видимо, только это решило исход сражения в пользу мусульман. Победители преследовали бегущих и нанесли им большой урон,

но нигде не говорится, что персы понесли большие потери при переправе, хотя это было бы естественно ожидать, если мусульмане захватили или разрушили мост через Евфрат. Видимо, значительной части разбитого персидского войска удалось отойти в организованном порядке. Битва закончилась к вечеру, и мусульмане возвратились в свой лагерь. Преследование возобновилось утром и кончилось лишь у канала ас-Сиб, т. е. примерно в 50 км от Евфрата [159].

Средневековые историки расходятся не только в том, кому принадлежит главная заслуга в разгроме персов, но и в том, кто убил Михрана: Джарир или ал-Мусанна (племенное предание, из которого черпали сведения эти историки, не могло уступить честь убиения предводителя врага кому-нибудь, кроме вождя). А дело, видимо, обстояло гораздо прозаичнее. По одному из сообщений, Михрана убил гулам***, христианин из бану таглиб, которому достался конь, а трофеи разделили командующий конницей и непосредственный начальник этого гулама, поскольку по существовавшему правилу трофеи убитого немусульманином доставались амиру: «...а у него было два предводителя (*ка'ид*): один из них Джарир, а другой — Ибн ал-Хаубар****, и они разделили его оружие» [160]. По другому сообщению, и коня у этого гулама отобрали те же Джарир и Ибн ал-Хаубар, стащив его с коня за ногу [161].

Ат-Табари датирует эту битву рамаданом 13/29.X — 27.XI 634 г., и эту дату принимают некоторые исследователи, хотя она явно относится к «битве у моста» (см. примеч. 148); достоверной можно считать дату Халифы — сафар 14/27.III — 24.IV 635 г. [162], которая подтверждается упоминанием сильного ветра из пустыни, характерного в этих местах начиная с апреля.

Битва при ал-Бувайбе (или ан-Нухайле) — событие реальное, а не плод историографических заблуждений средневековых авторов, но ход ее в изложении арабских историков очень напоминает перевернутый отпечаток с рассказа о «битве у моста»: почти те же место, эпизод с переправой, разрушение моста, численность персидской армии [163]. Видимо, племенное предание стихийно придало рассказу об этом сражении параллельную форму с обратным знаком для моральной компенсации позора предыдущего поражения. Впрочем, сведения нашего единственного источника о событиях после ал-Бувайба, Сайфа, также не вызывают особого доверия: вся его хронология ошибочна и многие эпизоды могут относиться к другому времени. Но поскольку другого источника нет, то остается, сделав эту оговорку, изложить события так, как он о них повествует.

*** *Гулам* может означать и «раб», и просто «юноша», здесь вероятнее второе.

**** Командир одного из двух отрядов бану дабба.

В том, что после ал-Бувайба арабы снова подчинили себе ранее завоеванный район Вавилонии, нет сомнения. Затем ал-Мусанна будто бы отрядил Джарира в Майсан, а сам направился в Уллайс около Анбара и как будто бы подчинил себе Анбар (сведений о завоевании города не приводится, но после очередного рейда ал-Мусанна возвращается в него). Из Анбара был совершен набег на базар бедуинов в ал-Ханафисе и на базар Багдад [164]. Кроме того, сам ал-Мусанна и его амиры совершили несколько набегов на таглибитов, доходя до Сиффина и Текрита. Если хотя бы половина этих рассказов имеет под собой основу, то следует признать, что сасанидские власти в Ктесифоне должны были всерьез обеспокоиться.

Используя благоприятную ситуацию, Умар решил овладеть низовьями Тигра и Евфрата, которые после набега при Халиде б. ал-Валиде неизменно оставались в руках персов. Из Медины был послан небольшой отряд из трехсот с небольшим воинов во главе со старейшим сподвижником Мухаммада, Утбой б. Газваном. По дороге отряд вырос за счет бедуинов до 500 человек, а в низовьях Евфрата к нему присоединились Кутба б. Катада и Муджаши' б. Мас'уд, о численности войск которых нет никаких сведений [165].

Утба подошел к Убулле в конце мая или в июне 635 г. [166] и остановился на галечном плато Басра, возвышавшемся над болотистой низиной в 20 км к югу от реки. Стояла влажная жара, тяжелая для жителей пустыни, низменность перед Убуллой, заросшая камышом, раскисла после весеннего паводка, и Утба в течение всего лета не начинал военных действий [167]. Когда спала жара и низина подсохла, Утба со своим небольшим отрядом подошел к самой крепости, но не решился на нее напасть. Он дождался, когда персы вышли из крепости, чтобы уничтожить горстку мусульман, и в поле разгромил их. Укрывшиеся в крепости остатки гарнизона не стали обороняться дальше и через несколько дней тайно покинули крепость.

Арабы потеряли в битве 70 человек и захватили в Убулле очень скромную добычу: кроме различного имущества участникам взятия крепости досталось по 2 дирхема и по маккуку (около 8 кг) изюма. Произошло это в раджабе или ша'бане 14/21.VIII — 18.X 635 г. [168], что хорошо согласуется со всем ходом событий и не вызывает сомнений.

Успех Утбы привлек к нему новых воинов, без которых он не смог бы разгромить отряд марзбана Майсана около Мазара. Персы понесли большие потери, а марзбан попал в плен. Его золотой пояс, знак высокого ранга, вместе с пятой частью добычи повезли халифу как вещественное доказательство большого успеха. На вопрос Умара: «Как дела мусульман?» — посланец ответил, что им повезло и они засыпаны серебром и золотом. «Тогда люди захотели в Басру и стали туда прибывать» [169].

Лагерь арабов расположился на плато Басра, где находились семь усадеб и развалины укрепления (Хурайба, т. е. «развалина»), большинство устроилось в камышовых шалашах и хижинах. Сюда свозили добычу, здесь была устроена площадь для моления и жила часть семей (но нередко жены сопровождали воинов в походах).

Арабские авторы перечисляют несколько городов и районов, завоеванных Утбой после Убуллы: Мазар, ал-Фурат, Майсан, Даст Майсан, Абаркубад, но это не дает отчетливого представления о границах завоеванных земель, так как Майсан (как и Каскар) означал и отдельную область, и всю Нижнюю Месопотамию. Вероятнее всего, в эту кампанию Утба овладел всем Шатт ал-Арабом и прилегающей к нему частью низовий Тигра и Евфрата.

В конце года (14 или 15 г. х. — см. начало гл. 3) Утба отпросился в хаджж, оставив своим заместителем Муджаши', а имамом (предстоятелем на молитве) — сподвижника Мухаммада Мугиру ибн Шу'бу. В отсутствие амира часть Майсана восстала, Муджаши' не оказалось в Басре, и Мугира, возглавив мусульман, подавил это восстание. Как было заведено, он тотчас известил халифа о победе. Умар с удивлением спросил Утбу: кого же тот оставил заместителем? Утба объяснил положение и получил выговор за назначение «человека войлока над людьми глины» (т. е. бедуина над оседлыми арабами). Умар приказал ему немедленно возвратиться в Басру. В пути Утба умер, и амиром стал Мугира [170].

Успехи мусульман в Месопотамии могли бы быть и больше, если бы между ал-Мусанной, который справедливо считал себя главной фигурой в борьбе с Сасанидами, и Джариром, представлявшим мединскую партию, не начались разногласия: ни один из них не хотел подчиняться другому [171]. И без того не слишком большая мусульманская армия оказалась расколотой надвое.

Можно думать, что именно это помогло персам без особых затруднений выбить из Месопотамии недавних победителей. Арабские историки стыдливо умалчивают о том, как произошло это неприятное событие, объясняя его воцарением Йездигерда, позволившим персам собрать большую армию. Ал-Мусанна будто бы написал об этом письмо халифу, «но не успело это письмо дойти до Умара, как отступились от веры (*кафара*) жители ас-Савада*, и те, у кого был договор, и те, у кого договора не было. И ушел ал-Мусанна своей дорогой и остановился в Зу-Каре, и остановились люди в ат-Таффе единым войском» [172].

Умар приказал ал-Мусанне рассредоточить войско по степи вдоль границы с Ираком от Куткутаны до Басры и начать сбор подкреплений. Произошло это будто бы в зу-л-ка'да 13/27.XII

* Ас-Савад (букв. «чернота») — название земледельческих районов Месопотамии, которые выглядели темными, если смотреть на них из обесцвеченных ярким пустынным солнцем степных окраин.

634 — 25.I 635 г. Однако эта дата либо недостоверна совсем, либо тринадцатый год хиджры надо исправить на четырнадцатый [173].

Под впечатлением неудачи Умар решил лично возглавить поход на Ирак и объявил сбор добровольцев. Но его отговорили от личного участия, и командующим был назначен человек, не менее заслуженный в исламе, чем Умар,— Са'д б. Абу Ваккас, из первой десятки последователей Мухаммада. Из района Медины набралось около 1000 добровольцев, и 3000 пришли из ас-Сарата и Йемена [174]. Набор добровольцев шел туго, так как многие соглашались идти только в Сирию, а не в Ирак, где мусульмане терпели поражения. С этим четырехтысячным войском Са'д вышел из Медины в конце осени или начале зимы.

Зима 635/36 г. застала Са'да на полпути в Хиру, между Зарудом и Са'лабией, где он простоял три месяца, дожидаясь подхода возможно большего числа воинов и наступления весны, когда большому войску легко обеспечить подножный корм и водопой для верховых и вьючных животных.

В Заруде к Са'ду присоединились посланные халифом еще (?) 2000 йеменцев и 2000 гатафанцев, из Наджда подошли обитавшие здесь тамимиты (4000) и асадиты (3000). Всего собралось не менее 12 000 воинов, многие с семьями и всем домашним имуществом [175]. Ядром этого пестрого ополчения были сподвижники пророка и их сыновья, всего будто бы более тысячи, опираясь на которых Са'д мог как-то балансировать в противоречивом переплетении племенных амбиций, соперничества и индивидуальных претензий вождей.

Не позже апреля, когда начинает выгорать трава, армия Са'да должна была выступить из Заруда и, вероятно, в начале мая встала на границе Ирака, как раз в то время, когда сирийская армия мусульман под давлением превосходящих сил византийцев отошла к Дамаску и, может быть, даже оставила его. На обоих флангах арабского вторжения назревала критическая ситуация.

Глава 2

ТРИУМФ МУСУЛЬМАНСКОЙ АРМИИ

БИТВА ПРИ ЙАРМУКЕ

Оставление Дамаска было не только ударом по престижу мусульманских командующих и потерей важного стратегического пункта — оно повлекло за собой укрепление воли к сопротивлению у той части населения Палестины и Иордании, которая еще не сложила оружия. Но это тяжелое для командующих решение давало выигрыш во времени, необходимый для соединения всех сил воедино, без чего сопротивление византийской армии, втрое превосходившей численностью сирийскую группу, было невозможно.

Однако византийцы не стали навязывать сражения, а, верные той же тактике оттеснения арабов от прибрежных областей на восток, в степь, начали обход с запада по дороге на Тивериадское озеро в сторону вади Руккад. В этой ситуации оставаться в Джабии стало опасно, и Халид с 2000 кавалеристов и лучников бросился наперерез византийцам, а остальное войско, спешно собрав верблюдов, пасшихся в степи, начало отступление на юг (рис. 4, *б*; 6). Оставшись с пешими лучниками в засаде, Халид послал во главе кавалерии Кайса б. Макшуха, тот завязал бой и заманил кавалерию византийцев к позиции лучников, этот маневр обеспечил разгром византийского отряда и сорвал попытку окружения мусульманской армии [1]. Она беспрепятственно отошла на 15—20 км и встала «спиной к Азри‘ату», опираясь левым флангом на каньон Йармука и прикрываясь с фронта одним из многочисленных вади, стекающих со склонов Джебел Друз, скорее всего современным вади Эль-Харир. Позиция византийцев определяется достаточно точно: от Дейр Джабал до Джаулана, или, по другому источнику,— от Дейр Аййуба [2]. В тождестве Дейр Джабал и Дейр Аййуб вряд ли можно сомневаться: развалины Дейр Аййуб, сохранившиеся до наших дней на южной окраине селения Шейх Са‘д, расположены на высоком холме (*джабал*) и могли называться по нему. Под Джауланом в данном случае подразумевается не вся область Джаулан, а селение, носящее название Сахм Джаулан (см. рис. 6). Подробная карта местности и схема сражения, основывающаяся на ней, составленная Л. Каэтани, до сих пор остаются непревзойденными [3].

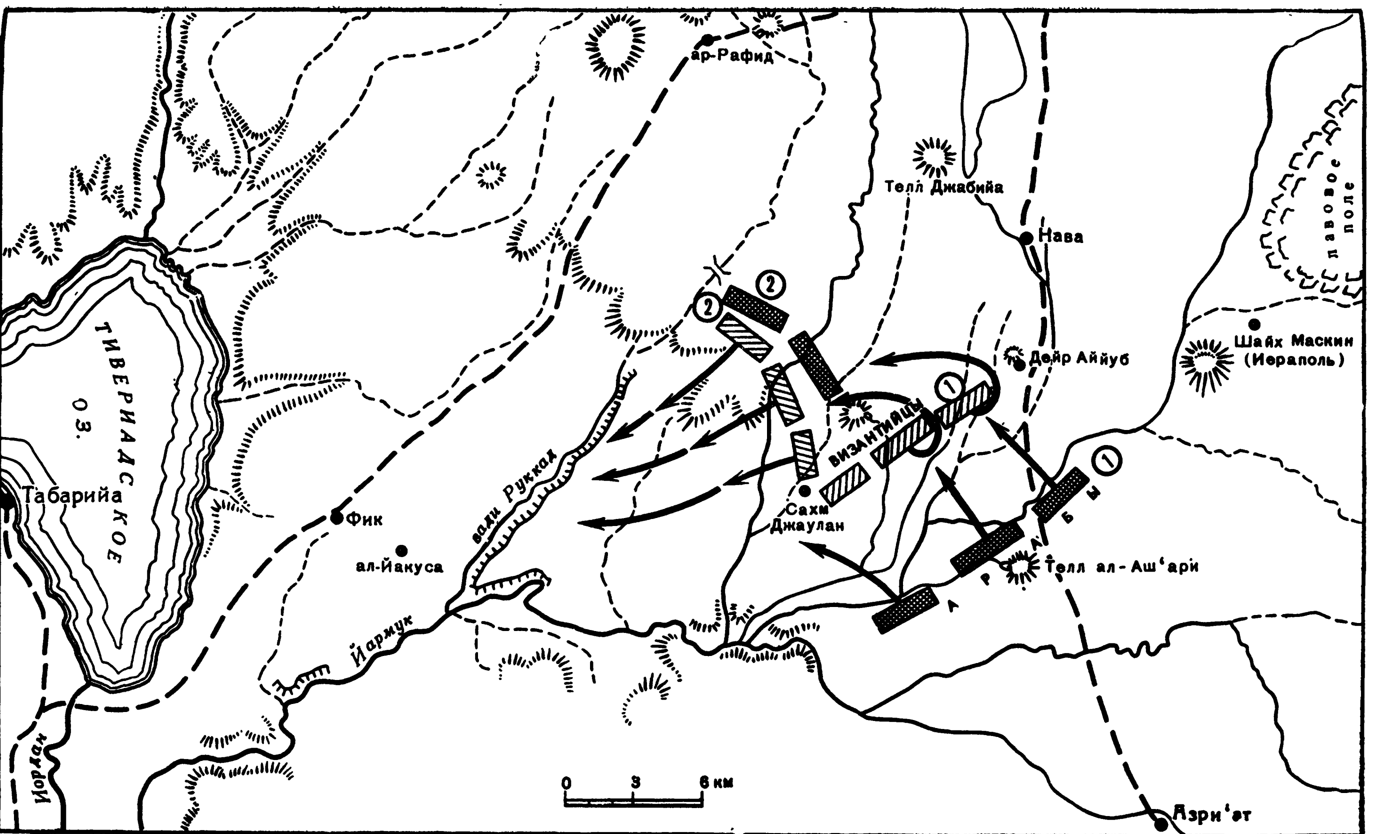


Рис. 6. Схема сражения на Йармуке

На Йармуке к армии Халида присоединился Амр б. ал-Ас, который при известии об отступлении арабской армии снял осаду с Иерусалима [4].

Сведения арабских историков об общей численности мусульманской армии не слишком надежны, так как они сами реконструируют ее численность, суммируя частные сведения, не заботясь о степени их достоверности: например, к 24 000 сиро-палестинской армии добавляют 9000 воинов, якобы пришедших с Халидом из Ирака, или дважды прибавляют одни и те же цифры [5].

Л. Каэтани относился к этим цифрам весьма скептически и считал, что мусульманская армия была менее 20 000 человек [6]. Сложность заключается в том, что первоначальное ядро должно было сократиться из-за боевых потерь, но в то же время происходил приток добровольцев из самой Аравии и из числа сирийских арабов-христиан. Насколько этот приток превышает убыль от потерь, сказать невозможно. Видимо, численность мусульманской армии в течение двух первых лет оставалась стабильной и колебалась около тех 24—27 тысяч, о которых говорят многие информаторы, т. е. была в полтора-два раза меньше византийской. Она была в состоянии, опираясь на удобную позицию, отбивать атаки византийцев, но не могла нанести им поражение.

Халид (или Абу Убайда?) запросил подкреплений у Умара, но, как мы знаем, все свободные силы Аравии поглотила армия Са'да. Халиф сумел сколотить лишь небольшой отряд в одну или две тысячи человек (говорится и о трех тысячах, но боюсь, что это просто результат сложения: вместо «одна или две» было прочитано «одна и две») под командованием Са'ида б. Амира ал-Джумахи [7], что не могло изменить соотношения сил. Началось стояние на Йармуке. Мусульмане могли только препятствовать византийцам переправиться через Йармук и беспокоить их набегами. Однако византийцы не предприняли серьезных попыток атаковать арабов, предпочитая выжидать, когда те поймут бесполезность сопротивления и сами уйдут из Сирии. Эта пассивность работала против византийцев. Дело не только в том, что мусульмане могли получить пополнения и лучше укрепиться, а в том, что длительное бездействие не воодушевленной большой идеей армии в условиях вседозволенности в поле разлагает ее. Так что та из сторон, которая имеет в этом отношении хоть какое-то преимущество, в конце концов берет верх. У мусульманской армии было по крайней мере два преимущества: добровольное участие в борьбе за веру (тогда как византийская армия была наемной, а частично состояла из мобилизованных крестьян) и национальная однородность (при всех различиях между кочевниками и оседлыми, северными и южными арабами) в противоположность очень пестрой по национальному составу византийской армии. Ко всему прочему византийские солдаты и их командиры не очень-то стеснялись в

отношении местного населения и грабили его ненамного меньше завоевателей, поэтому византийская армия не пользовалась всеобщей поддержкой. Можно не принимать безоговорочно на веру рассказы арабских историков о том, что обиженные византийскими солдатами становились помощниками и проводниками мусульман[8], но какую-то долю реальности они отражают.

В конце концов 20 августа 636 г. византийский командующий решился дать бой[9]. По сведениям арабских авторов, правым флангом византийцев командовал Ибн Канатир (Абу Канатир=букинатор*), левым — Друнаджар (друнагарий — тысяцкий), а в центре стояли армянские отряды под командованием Джирджира (Григорий или Георгий). Византийские авторы упоминают только двух командующих — сакеллария (казначея) евнуха Феодора и Ваана/Вагана, который ревниво относился к тому, что общее командование было поручено Феодору. Арабские же авторы считают командующим Вагана (Бахана) и лишь в отдельных случаях упоминают сакеллария[10].

В арабском войске, вышедшем из своего лагеря навстречу, центром командовал Абу Убайда, правым флангом — Му'аз б. Джабала; в качестве командующего левым флангом называют разных лиц[11]. Во главе пехоты (видимо, сводного отряда из мелких групп разных племен) стоял Хашим б. Утба (племянник Са'да б. Абу Ваккаса). Внутри эти основные корпуса делились на мелкие племенные отряды, каждый из которых имел свое знамя. Объезжая строй перед боем, командующий обращался к каждому отряду отдельно со словами ободрения и наставлениями. В центре стояли сводный отряд из тысячи сподвижников пророка, сводный отряд пехоты и аздиты. На правом фланге стояли йеменские племена хадрамаут, мазхидж, азд, хаулан, хамир. На левом фланге — в основном североарабские племена: кинана, кайс, джузам — и североаравийские и сирийские племена с южноарабской генеалогией: лахм, гассан, куда'а, амила, хас'ам.

Важнейшей ударной силой армии, кавалерией, командовал сам Халид б. ал-Валид. Он разделил ее на четыре группы, по одной за каждым из трех основных корпусов, а четвертый оставил в своем распоряжении как общий резерв. Лагерь со всем имуществом и семьями находился за центральным корпусом на высоком холме. Возможно, что это — Телл Аш'ари между современными селениями Джиллин и Тафас.

После кавалерийских атак с обеих сторон византийский левый фланг атаковал правый фланг арабской армии, две атаки были отбиты, но после третьей йеменцы побежали в сторону лагеря. Оставались лишь отдельные островки сопротивления вокруг племенных знаменосцев. Византийцы ворвались было в лагерь, но беглецы, которых женщины встречали руганью и кольями от палаток, остановились и оборонили лагерь. Подо-

* Букв. «трубач».

спевшая кавалерия отбросила византийцев на исходную позицию. Попытка византийцев опрокинуть левый фланг также потерпела неудачу, и в этом случае им удалось прорваться до лагеря (если только это не вариант рассказа об одном и том же прорыве) [12].

Византийским атакам сильно мешали пыльный ветер из пустыни и солнце, светившее в глаза. Воины завязывали рот и нос, чтобы спастить от пыли. Во время контратаки Халида погиб командующий правым флангом византийцев, букинатор; арабы нашли его потом с закутанной в плащ головой, и это родило рассказ о том, что он закутал лицо, чтобы не видеть позора поражения [13].

Арабские источники отметили существование соперничества в стане византийцев: будто бы Джирджир приказал букинатору (или наоборот) [14] атаковать мусульман, но тот сказал, что он такой же командир, и не подчинился приказу. Видимо, так очень косвенно отразилось в арабском историческом предании событие, упомянутое в «Истории» Феофана Исповедника: после поражения, нанесенного арабами сакелларию, войска Вагана восстали и объявили своего командующего императором. Воспользовавшись этим, мусульмане напали и разгромили Вагана [15]. Возможно, что шумное ликование в лагере византийцев, услышанное однажды ночью и вызванное будто бы прибытием почты с жалованьем [16], также смутно отражает торжества по случаю провозглашения Вагана императором.

Наибольшего накала сражение достигло на следующий день, когда вся тяжесть атаки пришлась на центр, подавшийся под натиском византийцев. Успешная контратака мусульман захлебнулась под интенсивным обстрелом армянских лучников. В этот день, оставшийся в памяти ветеранов как «день окривения», 700 мусульман окривели от армянских стрел. Ваган бросил в бой тяжелую пехоту, скрепленную по 10 человек цепями, но не смог опрокинуть мусульман. Только к исходу третьего дня арабская кавалерия совершила прорыв по правому флангу и, видимо, вышла в тылу византийцев к переправе через вади Руккад (по другим данным, заслуга принадлежит засаде у места, удобного для переправы). Возможно, что успеху мусульман способствовал сильный ветер со спины, ослаблявший точность обстрела и убойную силу стрел византийских стрелков.

Утомленная многодневным сражением, византийская армия бросилась в паническое бегство в густой пыли в предвечернее время (арабские историки говорят о густом тумане); беглецы, преследуемые конницей, не выбирали дороги и, падая с обрывистого берега вади Руккад и Йармука, разбивались. Вагану с отрядом кавалерии удалось оторваться от преследователей, но его военная и политическая карьера была кончена — вернуться к императору после всего случившегося он не мог. Последним его приютом стал монастырь на Синае, где он закончил свои дни под именем Анастасия, занимаясь толкованием псалмов [17].

Победа досталась мусульманам дорогой ценой. На поле боя было похоронено 4000 убитых [18], да в три раза больше того должно было выбыть из строя из-за ран. Таким образом, из двадцатисемитысячной армии осталось 10—12 тысяч боеспособных. Правда, к ним надо добавить отряд арабов-христиан Джабалы б. Айхама, перешедший на сторону мусульман (не это ли облегчило прорыв мусульманской кавалерии в последний день?). Сведения о потерях византийской армии менее определенны. Арабские историки, приписывая византийской армии численность в несколько сот тысяч человек, соответственным образом завышают ее потери: от 70 до 102 тыс. человек [19]. Сирийский фрагмент говорит о 50 000 убитых, но в этой цифре скорее можно видеть общую численность византийской армии, чем ее потери.

Видимо, оценивая их, следует исходить из потерь мусульманской армии: в первые два дня потери можно предположить равными и только на исходе битвы при бегстве они должны были возрасти. Реальнее всего говорить о 10 000 убитых. Невероятно и число пленных — 40 000, но несколько тысяч пленных могло быть. В целом, если учесть и раненых, оставшихся на поле боя (из того же расчета: в три раза больше убитых, но часть легкораненых могла спастись бегством, поэтому примем коэффициент 1:2), то из 50 000 спаслось около 20 000 человек, из которых половина была легкораненых. Чисто арифметически остатки византийской армии сопоставимы с мусульманской армией, но с одной стороны была цельная организованная масса, а с другой — множество мелких групп, совершенно подавленных морально.

Разгром был полный. Восстановить армию из этих остатков было невозможно, а для формирования равноценной новой армии требовалось много и времени и денег. Поэтому Ираклий отказался от таких попыток и предпочел, уехав из Антиохии в Константинополь, предоставить оборону сиро-палестинских городов их гарнизонам и жителям. Мусульманские историки вкладывают в уста уезжавшего императора слова: «Прощай навсегда, Сирия!» Но вряд ли Ираклий, терявший все азиатские провинции и сумевший отвоевать их у Сасанидов, считал в этот момент, что навсегда прощается с Сирией: для него борьба вступала в новую фазу — и только. Более того, по некоторым сведениям, Ираклий не сразу покинул Сирию, а только перебрался из Антиохии в Руху (Эдессу) [20].

Одержав победу, мусульманская армия снова рассыпалась на составные части, и каждый из амиров ушел в свою область: Амр б. ал-Ас — в Палестину, Шурахбил — в Иорданию, Абу Убайда и Халид двинулись на север — отвоевывать города, оставленные полгода назад.

Дамаск, в котором, несомненно, укрылась часть разгромленной византийской армии, не открыл своих ворот перед победителями и сопротивлялся 70 дней; на этом основании сдачу го-

рода можно отнести к середине ноября 636 г. Н. А. Медников считал, что при этом договор был заключен на более суровых условиях, включавших передачу завоевателям половины домов и церквей, но, как говорилось выше, ал-Вакиди в IX в., читая подлинный договор, не нашел в нем таких условий и пояснил: «Дело в том, что когда Дамаск был завоеван, то большое число его жителей бежало к Ираклию, который был в Антакии, и осталось много свободных жилищ, в которых и поселились мусульмане» [21].

Из Дамаска по распоряжению Халида был отправлен отряд из 700 человек во главе с Хашимом б. Утбой на помощь Са'ду б. Абу Ваккасу [22].

О сдаче Химса определенных сведений нет. Ат-Табари помещает сообщения об осаде Химса во время зимних холодов под 15 г. х., что хронологически соответствует порядку событий, но поскольку рядом повествуется о сражении при Аджнадайне, то приходится (как мы сделали выше) отнести эти сведения к первой осаде Химса. Согласно ал-Азди, жители Химса, как и дамаскинцы, вышли навстречу Халиду и согласились сдаться на прежних условиях [23]. Видимо, также без сопротивления сдались другие города между Химсом и Киннасрином, которые заключили договоры в предыдущем году. Лишь в Киннасрине Халид встретил сопротивление. На подходе к городу его встретило византийское войско под командованием Минаса (Мины), которого ат-Табари называет вторым по значению после Ираклия. В ожесточенном бою Минас был убит, а отряд поголовно истреблен. Горожане укрылись за городскими стенами, а жители арабского пригорода (из племени танух) сдались Халиду, сказав, что они тоже арабы, что у них не было намерения воевать с ним, но их мобилизовали; Халид принял оправдания и не тронул их [24]. Горожанам, надеявшимся отсидеться за городской стеной, Халид заметил: «Если бы вы были в облаках, то Аллах перенес бы нас к вам или спустил бы вас к нам». Убедившись в безнадежности сопротивления, киннасринцы запросили мира «на условиях Химса» (динар с человека и джериб пшеницы с джериба земли). Но Халид в наказание за упорство обещал пощаду только с условием разрушения городской стены [25].

О завоевании Халеба сведения еще менее определенны. Завоевание его приписывается то Халиду б. ал-Валиду, то Ийаду б. Ганму (который выдвинулся одним-двумя годами позже). Ал-Балазури сохранил любопытную деталь, которую, правда, нечем подтвердить, будто бы горожане (несомненно, только верхушка, магистраты) бежали в Антиохию и оттуда вели переговоры об условиях сдачи города; в Халеб они вернулись только по заключении договора на тех же условиях, что и с Химсом [26]. Арабы, жившие в пригороде Халеба, как и в Киннасрине, частично приняли ислам, частично остались христианами, согласившись платить джизью. Это может свидетельствовать о значительном отходе их от традиций и психологии кочевых ара-

бов, которые решительно отвергали возможность уплаты подушной подати, считая ее оскорбительной для себя.

Дальнейший ход военных действий на севере Сирии неясен. Историки не приводят ни одной даты завоевания городов в этом районе, а хронология ат-Табари мало надежна. Так же неясно и то, что происходило в Палестине. С одной стороны, известно, что уже в конце 634 г. арабы подходили к стенам Иерусалима, с другой стороны, тот факт, что Иерусалим за три года так и не был завоеван, свидетельствует о том, что мусульмане в Палестине не были до 637 г. такими хозяевами положения, как в Южной Сирии или Заиорданье. Только после Йармука Амр б. ал-Ас окончательно овладел всей Палестиной и приступил к решительной осаде Иерусалима, а Йазид б. Абу Суфйан осадил Кайсарийу.

СРАЖЕНИЕ ПРИ КАДИСИИ

В тот момент, когда арабская конница после Йармука рассеялась во все стороны в погоне за византийскими беглецами, армия Са'да б. Абу Ваккаса все еще находилась в степи у Шарафа. Внешних препятствий к движению на Хиру не было. Внезапного нападения иранцев на марше в степи быть не могло, они не отважились бы углубиться в степь, к тому же вдоль всей границы между степью и долиной Евфрата стояли заслоны Джарира и ал-Мусанны. Остается только предполагать, что основной причиной была сложность отношений с ал-Мусанной. Несомненно, после ал-Бувайба он был очень популярен в приевфратских степях и считал ниже своего достоинства являться к Са'ду в Шараф в качестве подчиненного, а Са'д не решался требовать этого, чтобы не оттолкнуть ал-Мусанну и тысячи бакритов на сторону Кабуса, внука лахмидского царя ал-Мунзира, которому персидский наместник Азадмард сын Азадбе предложил престол его дедов в Хире, бакриты тоже стали объектом заигрывания Ктесифона [27].

Существовала и объективная причина — во время походов минувшего года у ал-Мусанны открылись старые раны, и, возможно, ему трудно было ехать из Зу-Кара за триста километров в Заруд. Состояние его все более ухудшалось, и наконец делегация шайбанитов во главе с ал-Му'анной, братом ал-Мусанны, доставила Са'ду в Шараф весть о его кончине и предсмертный завет опытного воина: не углубляться на территорию противника, а давать бой на границе степи, чтобы в случае неудачи скрыться от преследования [28]. Скорее всего этот завет — изобретение шайбанитского предания, возвеличивавшего своего знаменитого сородича, но в нем точно отражен опыт многолетней войны на границе оседлости и степи.

Са'д распорядился обласкать семейство покойного, утвердил ал-Му'анну амиром войска покойного брата и женился на вдо-

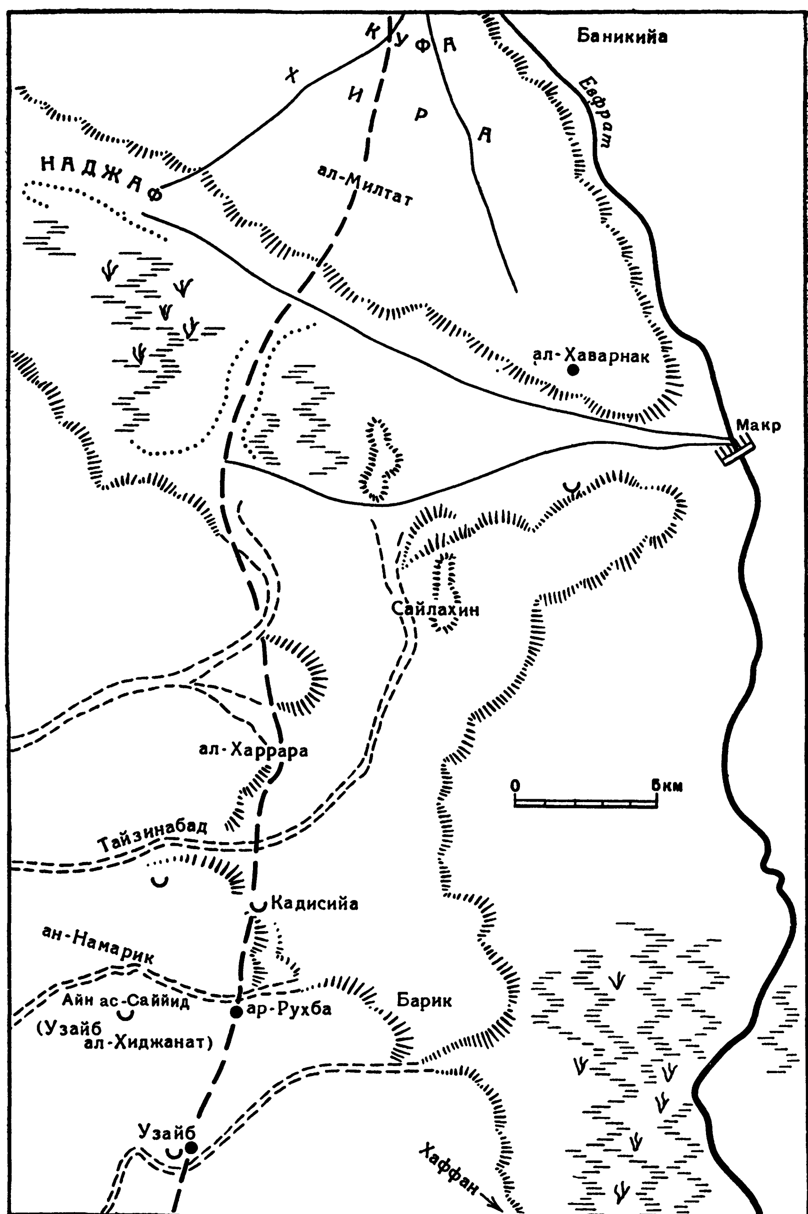


Рис. 7. Район Кадисии

ве. Нам уже приходилось говорить (т. 1, с. 197), что таким образом выражались уважение к вдове покойного, забота о ее будущем.

Вскоре после этого (будто бы точно в день, назначенный халифом) Са'д повел свою армию к Узайбу. Основные подразделения войска: правое и левое крыло, авангард и арьергард, резерв и так далее — были сформированы еще в Шарафе, однако после присоединения войск ал-Му'анны и Джарира эти структуры должны были измениться, хотя ни в одном из источников об этом не говорится. Единственное соединение из сформированных в Шарафе, несомненно сохранившееся до сражения,— авангард под командованием Зухры б. Абдаллаха.

Зухра продвинулся до Узайб ал-Хиджанат (который А. Мусил отождествляет с источником Айн ас-Саййид) [29] и не встретил противника. По свидетельству одного из воинов авангарда, в пограничном форте Узайб оказался всего один персидский наблюдатель, который пытался бежать, но был настигнут и убит. Между тем в форте оказалось много военного снаряжения, стрел, копий, кожаных щитов. Удостоверившись в отсутствии противника, Са'д подтянул армию к Узайбу, а авангард выдвинул к Кадисии (рис. 7).

Следующей ночью арабский разъезд проник до Сайлахина и захватил там свадебный поезд дочери марзбана Хиры [30]. Это сообщение вызывает некоторое сомнение — как могли в Хире не знать о приближении армии, которая формировалась в течение нескольких месяцев, как могли (уже после ее прибытия) быть столь беспечными в часе езды от вражеского лагеря? Если же все-таки персы были настолько не готовы к войне, то почему ал-Мусанна или Джарир, располагая по крайней мере 10 000 воинов, в течение долгого времени не могли воспользоваться случаем и вернуть Хиру? Наконец, если Са'д подошел к Кадисии, когда персы отвели войска из Хиры, то почему и он надолго застрял в Узайбе? [31]

Арабские историки много пишут о личном руководстве Умара армией Са'да: он предписывает время отправления из Шарафа, указывает, в каком месте нужно стать лагерем, лично назначает уполномоченного по разделу добычи и так далее. Как полагают некоторые исследователи, все подобные рассказы являются продуктом творчества ранних компиляторов, рисующих халифа не таким, каким он был, а каким д о л ж е н быть [32]. И все же в этих рассказах есть любопытные детали.

Так, Умар будто бы потребовал от Са'да: «Опиши нам места расположения (*маназил*) мусульман и так опиши страну, которая между вами и ал-Мада'ином, чтобы я словно увидел ее». В ответ Са'д прислал описание района, которое поражает топографической точностью: «Ал-Кадисийа находится между рвом и [каналом] ал-Атик. А в левую сторону от ал-Кадисии — зеленое море в узкой впадине, [тянущейся] до ал-Хиры, между двух дорог. Одна из них идет по гребню, а вторая — по берегу

канала, называемого ал-Худуд, проводящая того, кто едет по ней, между ал-Хаварнаком и ал-Хирой. А в правую сторону от ал-Кадисии до ал-Валаджи — [низина], залитая их сбросовыми водами»[33] (см. рис. 7).

За тысячу триста лет, конечно, многое изменилось, но проезжавший здесь в начале века А. Мусил отмечал и две дороги: по краю плато и по берегу,— видел и остатки каналов, упоминаемых в этом описании, но, к сожалению, не зафиксировал свои наблюдения графически[34], в результате мы лишились редкой возможности привязать рассказы о ходе сражения под Кадисией к реальной местности.

Появление многочисленной арабской армии вызвало тревогу в Ктесифоне. Сасанидский главнокомандующий Рустам начал собирать в Сабате (7—8 км южнее Селевкии) большую армию, которая должна была положить конец посягательствам арабов на сасанидские владения. На помощь были призваны воинские контингенты со всего Ирана, от Систана до Дербента[35]. Всего собралось около 40 000 воинов, которых подкрепляла мощь 30 или 33 боевых слонов, против 25—30 тысяч арабов[36].

Покинув лагерь в Сабате, Рустам остановился в Куса, выслал оттуда в сторону Хиры сильный авангард под командованием Джалинуса, затем остановился в Бурсе и, наконец, прикрывшись передовыми отрядами на линии Наджаф — Хаварнак, стал с главными силами в Хире.

Ни одна из сторон не торопилась завязывать сражение, ограничиваясь столкновениями передовых отрядов в течение двух или четырех месяцев[37]. При этом не только арабы, но и персидские солдаты вели себя с местным населением как в завоеванной стране, что вызывало его глухое недовольство. Рустам вызвал к себе знать Хиры и обвинил в том, что она радуется приходу арабов, что жители Хиры служат мусульманам разведчиками и укрепляют их, платя им дань. Тот же Абдалмасих б. Букайла, с которым три года назад вел переговоры Халид б. ал-Валид (см. т. 1, с. 218), ответил ему: «Ты говоришь, что мы радуемся их приходу? А каким их делам? Чему из того, что они делают, нам радоваться? Тому, что они утверждают, что мы — их рабы? А как относятся они к нашей вере? Ведь они обвиняют нас в том, что мы будем ввергнуты в адское пламя*. Ты говоришь: „Вы служите их шпионами“,— а зачем им нужно, чтобы мы были их шпионами, когда ваши воины *(асх̣а̄букум)* бежали от них и оставили им селения, и не защищает их никто от того, кто пожелает их. Хотят — берут справа, [хотят] — слева. Ты говоришь: „Мы укрепляем их своим имуществом“,— так ведь мы этим имуществом откупаемся от них. И если бы не удерживал нас страх, что нас возьмут в плен, будут воевать и поубивают наших людей,— а с ними не справились и

---

* Букв. «что мы люди пламени *(ахл ан-на̄р)*».

те из вас, кто встречался с ними, а ведь мы еще беспомощнее,— то — клянусь жизнью!— вы нам милее, чем они, и лучше ведете себя с нами, и лучше защищаете нас, да будет вам помощь,— но ведь мы в положении мужичья ас-Савада — рабы тех, кто возьмет верх»[38].

Выслушав эту речь, Рустам вынужден был признать правоту Ибн Букайлы, действительно очень точно охарактеризовавшего положение арабов-христиан в этом районе, уже несколько раз переходившем из рук в руки.

Видимо, Рустам еще надеялся разрешить конфликт переговорами. В устах ветеранов первых войн рассказы о них приобрели чисто эпическую окраску, превратившись в прения о вере то в Ктесифоне, то в лагере Рустама, неизменно кончающиеся изумлением персов благочестием мусульман, их непритязательностью и мужеством. Фабула рассказов, шаблонность доводов — все доказывает их легендарный характер[39]. Однако кое-где проскальзывают проблески истинного содержания переговоров: Рустам, считая, что арабы предприняли грабительский поход, хотел откупиться и предлагал торговые льготы и субсидии[40]. Решительный отказ мусульман заставил его начать сражение[41]. Персидская армия продвинулась в сторону Кадисии, запрудила канал Атик, орошавший этот район водой из Евфрата, и заняла позицию южнее канала. Арабская армия расположилась между Кадисией и Узайбом, имея за спиной оборонительную стену и ров, сделанные Сасанидами для защиты Хиры от набегов бедуинов. О распределении сил по отдельным подразделениям и командовании ими арабские источники не сообщают ничего определенного. Можно сказать только, что, несмотря на существование крупных подразделений (центр, фланги и т. д.), основной организационной единицей был племенной отряд во главе со своим вождем, выступающий под собственным знаменем. В сражении принимало участие более 1000 сподвижников Мухаммада, но о их роли в сражении нет сведений, быть может, потому, что основу всех сведений у средневековых историков составили племенные предания, заинтересованные лишь в сохранении подвигов соплеменников.

Са'д в этот ответственный момент оказался в незавидном положении: его одолели ишиас и чирьи, это мешало ему сесть на коня и возглавить армию так, как это требовалось у бедуинов. Он избрал своим командным пунктом крепость Кудайса[42], откуда прекрасно видел все поле боя, и распоряжался через своего адъютанта. Понятно, что это не украшало его в глазах ветеранов ал-Мусанны, а его вдова открыто упрекала своего нового мужа[43].

После обычных поединков персы ввели в бой слонов. По одному из сообщений, 18 находились в центре, 7 на одном фланге и 8 — на другом. Основной удар пришелся по участку, где находилось племя баджила, конница отступила, но пехота устояла до подхода асадитов во главе с Тулайхой, которые восстанови-

ли положение, но понесли большие потери [44]. Жестокое сражение длилось до ночи и окончилось тем, что арабам удалось повредить большинство башен на слонах.

На следующее утро, когда обе стороны были заняты погребением убитых, к мусульманам прибыл авангард отряда, посланного на подмогу из Сирии, что очень их ободрило. Этот отряд, численностью от 300 до 700 человек [45], сразу же принял участие в битве, снова разгоревшейся к полудню. На этот раз слоны в ней не участвовали, а мусульмане обрядили часть верблюдов таким образом, чтобы пугать вражеских коней. К вечеру мусульмане в центре обратили в бегство персидскую конницу, и только стойкость пехоты спасла Рустама от плена. Сражение продолжалось некоторое время и после захода солнца. Как выяснилось утром, мусульмане за день и вечер потеряли 2500 человек.

Третий день остался в памяти участников как «день ожесточения». Персы вновь ввели в бой слонов. Храбрейшие из мусульманских витязей с самыми длинными копьями выходили против них, выкалывая глаза или отрубая хоботы. Сколько слонов было выведено из строя — неизвестно; во всяком случае, к вечеру слоны уже не участвовали в бою. Для вечерней атаки большинство арабских всадников спешилось, чтобы усилить пехоту, без которой кавалерии не удавалось опрокинуть ряды персов. В темноте битва распалась на схватки отдельных отрядов. Никто не представлял общей картины боя. Са'д с беспокойством прислушивался к доносившимся до него звукам сражения, не зная, что происходит, и не имея возможности повлиять на его ход.

В эту ночь упорство мусульманских воинов сломило дух персидской армии. Когда утром ал-Ка'ка' возглавил атаку на центр сасанидской армии и увлек за собой вождей племен, ее строй дрогнул и началось отступление. Рустам вынужден был спасаться за Атиком, в пылу сражения его убили, не зная даже, с кем имеют дело, из-за чего потом появилось очень много претендентов на эту честь.

В середине дня мусульмане захватили Кадисийу и, очистив от противника южный берег Атика выше и ниже места битвы, вернулись в Кудайс; лишь небольшой отряд конницы преследовал отступавшего Джалинуса по главной дороге за Атиком, на котором персы разрушили плотину, чтобы затруднить преследование. Этот отряд дошел до Сайлахина и к вечеру тоже вернулся в лагерь. Видимо, в этот день подошли главные силы отряда, посланного из Сирии, его воины стали потом требовать долю добычи, а иракцы не хотели делиться тем, что далось им такой кровью. Спор решило только вмешательство халифа, постановившего, что если они подошли до погребения павших в битве, то им полагается доля добычи, как и участникам [46].

Победа действительно досталась арабам дорогой ценой. Только в последние сутки погибло 6000 человек, кроме того, в

предыдущие дни еще по крайней мере 2500 человек, т. е. почти треть армии (не говоря уж о раненых) [47]. Но главное было сделано — крупнейшая персидская армия перестала существовать как серьезная сила и лишилась решительного полководца. Правда, Са'д не сразу понял это: видимо, персы отступали достаточно организованно и арабы опасались их возвращения; только на следующий день, когда оказалось, что противник ушел из этого района, Са'д осознал себя победителем и известил халифа о победе.

Битву при Кадисии современные исследователи датируют очень различно: от февраля до июня 637 г. [48]. Но, видимо, она произошла раньше, наиболее вероятная дата ее начала — понедельник 27 шавваля 15 г. х. (понедельник 2 декабря 636 г.). Эта дата согласуется со сведениями о прибытии подкрепления из Сирии через месяц после взятия Дамаска и не противоречит сообщению ат-Табари о прибытии Са'да в Ирак через два с небольшим года после Халида [49].

Тяжелые потери и большое число раненых вынудили армию Са'да задержаться в Кадисии почти на месяц, чтобы восстановить боеспособность [50], а в Хире все это время находился персидский заслон под командованием Нахирджана (Нахиргана). Умар настолько опасался повторного нападения персов, что приказал Са'ду держать обоз и семьи в старом лагере за Атиком.

Опасения рассеялись только после того, как Нахирджан без боя отступил из Хиры перед сильным передовым отрядом Са'да, что произошло скорее всего 25 декабря [51]. Затем сюда перебрался сам Са'д, а авангард переправился через Евфрат, следуя за отступающими персами. Первое столкновение произошло под Бурсом, после чего разгромленный персидский заслон отошел к Вавилону, где стояли основные силы персидской армии, отступившей от Кадисии.

Са'д продвигался в глубь Савада с большой опаской, расчленив войска на несколько эшелонов. После занятия Бурса авангард получил подкрепления и выдвинулся к Вавилону, после чего Са'д с основными силами перебрался в Бурс. Персидская армия, сохранявшая еще значительные силы, видимо, утратила боевой дух, потому что под Вавилоном мусульмане легко обратили ее в бегство. Часть персидских военачальников со своими отрядами ушла в свои провинции, заботясь лишь о том, чтобы сохранить владения в условиях развала империи, а остатки большой армии во главе с Хурразадом, братом Рустама, поспешили прикрыть столицу.

ПАДЕНИЕ КТЕСИФОНА

После двух незначительных столкновений у Куса и Дейр Ка'ба мусульмане подошли к Сабату, который был сдан его

правителем без боя, более того — он помог арабам соорудить 20 камнеметных машин, которые стали обстреливать осажденную Селевкию. Через два месяца в городе кончилось продовольствие, начался голод [52].

К этому времени Йездигерд со всем двором и сокровищами перебрался в Хулван под защиту гор. Хурразад ночью тайно вывел гарнизон из Селевкии в Ктесифон, уничтожил за собой мосты и угнал все лодки, надеясь спасти остатки армии за широко разлившимся в конце марта Тигром [53].

Но эта надежда оказалась напрасной — воодушевленное небывалыми победами, мусульманское войско рискнуло переправиться через трехсотметровую реку. Из множества противоречивых рассказов об этом незаурядном событии можно восстановить такую, более или менее близкую к истине картину: узнав от местных жителей удобное для переправы место, Са'д отрядил несколько сот добровольцев, которые успешно переправились через реку и опрокинули вражеский заслон, застигнутый врасплох дерзостью противника. Вслед за этим переправилась и остальная армия. Сохранилось сообщение, что Хурразад сам вышел ей навстречу, но после короткого боя укрылся в Ктесифоне, а затем, не надеясь выдержать осаду, оставил его, отступив в верховья Диялы. Посланный вдогонку отряд нагнал у Нахравана хвост обоза и захватил ценную добычу, в том числе будто бы царские одежды и корону [54].

Итак, столица одной из величайших держав средневековья почти без боя досталась мусульманам. В ней они захватили добычу, превосходившую самое пылкое воображение обитателей аравийских степей: ковры, посуду, деньги, невиданные товары; кто-то пытался солить драгоценной камфарой пищу, кто-то менял золотую чашу на серебряную, не зная, что золото дороже... Это анекдотические случаи, сообщаемые арабскими историками, действительно могли происходить с отдельными простаками, становившимися мишенью насмешек, но нельзя думать, что вся мусульманская армия состояла из одних бедуинов, не видавших в жизни ничего лучше верблюжьего молока и ячменной лепешки.

Оценка добычи в 3 миллиарда дирхемов (около 12 000 тонн серебра) [55], конечно же, совершеннейшая фантазия, к тому же Йездигерд все-таки вывез из Ктесифона сокровищницу, но и без того в спешно покинутой столице оставалось немало всякого добра, как во дворце, так и в домах бежавшей знати. Не успели вывезти даже гигантский ковер размером около 900 кв. м, застилавший тронный зал, ковер, на котором золотом, серебром, драгоценными камнями и жемчугом был вышит цветущий сад. Как предмет, не подлежащий разделу, он был отослан в Медину в составе пятой части добычи, но там его по предложению Али все-таки разделили на куски [56].

Говоря об оценке добычи, следует сказать несколько слов о технике ее раздела. Все захваченное во вражеском лагере и

найденное на поле боя (кроме трофеев, снятых с лично убитого противника) складывалось вместе, и специально назначенный уполномоченный с несколькими помощниками производил оценку всех вещей. Для этого нередко устраивали аукционы, в которых принимали участие и местные жители, не упускавшие случая поживиться на дешевой распродаже (как мы видим, понятия патриотизма и сотрудничества с завоевателями были весьма своеобразными, если только существовали в ту пору вообще); затем по стоимости выделялась пятая часть (*хумс*), отправлявшаяся в распоряжение халифа (к ней добавлялись отдельные особо уникальные предметы), оставшиеся $^4/_5$ делились на доли из расчета — одна доля пехотинцу и три кавалеристу; таким образом, в отряде из 3000 человек, в котором было 500 кавалеристов, делили добычу на 4000 долей. Право на участие имели не только воины, непосредственно участвовавшие в сражении, но и те, кто способствовал его успеху: разведчики, охранение и даже те, кто шел на помощь, но опоздал принять участие (см. предыдущий раздел).

Наиболее близкую к реальности оценку добычи, захваченной в Ктесифоне (ал-Мадаине), позволяет сделать сообщение Сайфа, согласно которому кавалеристы получали по 12 000 дирхемов [57]. Армия Са'да в это время насчитывала не более 20—25 тыс. человек, но часть ее была разбросана по междуречью и во взятии Ктесифона могло участвовать не более 15 тыс. [58], из которых не более трети были кавалеристами. Это даст огромную, но вполне возможную сумму в 125 млн. дирхемов [59].

Кроме огромной добычи завоеватели получили жилища бежавшей с Йездигердом знати, что само по себе делало их богачами. Легко доставшееся богатство кружило голову победителям, запросы их становились все больше. Порой завоеватели не знали уже, что придумать, чтобы потешить свое тщеславие за счет побежденных. Ал-Ка'ка' б. Амр додумался, например, потребовать от правителя Махруза дать деньги не по счету, а мерой, которой мерили зерно (*джериб*) [60]. Находились желающие угнать все сельское население в рабство, и местные феодалы, изъявившие покорность завоевателям, вынуждены были объяснять им, что крестьян выгоднее не брать в плен, а оставлять работать на земле и брать с них налог [61].

Пока арабы наслаждались победой, у городка Джалула, в 150 км к северу от Ктесифона, в предгорьях Загроса, стала собираться иранская армия под командой Михрана из Рейя или Хурразада, брата Рустама [62]. Здесь она прикрывала от внезапного нападения царский двор, стоявший в Хулване, и, изготовившись, могла сама нанести удар в сторону Ктесифона. Ее лагерь, окруженный рвом и валом вынутой из него земли, скорее всего мог находиться либо у теснины, через которую Дияла пересекает гряду Хамрина, либо севернее Джалула, где долина Диялы снова становится уже.

Получив известие о концентрации иранской армии в районе Джалула, арабский командующий в конце того же месяца сафара, в котором был завоеван Ктесифон (т. е. в начале апреля 637 г.), отправил навстречу ей добрую половину имевшихся у него сил (12 или 14 тыс. человек) [63] под командованием своего племянника Хашима б. Утбы. О численности иранской армии мы можем только догадываться, так как участники сражений под Джалула, к которым восходят сведения историков, охотно преувеличивали численность противника, чтобы прославить себя и своих племенных героев, и называют совершенно невероятные цифры — 80 000 иранцев и даже 100 000 убитых в решающем сражении [64]. Но, судя по тому, что иранцы не смогли опрокинуть двенадцатитысячную армию Хашима, они численно ее не превосходили и единственным преимуществом их был хорошо укрепленный лагерь.

В изложении арабских источников бои под Джалула предстают одним сражением, в котором иранцы были наголову разгромлены, хотя в них же говорится о длительности осады джалулского лагеря, о восьмидесяти попытках взять его (или восьмидесяти отбитых вылазках?), о том, что стояние под Джалула длилось от шести до девяти месяцев. Хашим обращался за помощью, но Са'д смог прислать ему лишь три отряда по 200 всадников, так как значительная часть оставшихся у него сил (около 5000 человек) была занята осадой Текрита, который захватили византийцы при поддержке местных арабов-христиан. Здесь также осаждался не город, а защищенный рвом лагерь. Бои длились сорок дней, осажденные выдержали 24 атаки, но исход боев решился переходом на сторону мусульман арабов-христиан. Датируется это в пределах двух месяцев джумада [65] 16 г. х. (31 мая — 28 июля 637 г.). После взятия Текрита мусульманская армия приступила к завоеванию земель выше по Тигру и в равнинном Курдистане.

Таким образом, внешне безуспешные действия группы Хашима способствовали успехам мусульман в других районах Ирака.

Развязка наступила в конце ноября (начало зу-л-ка'да 16 г. х.) [66]. Во время очередной вылазки иранцев завязалась ожесточенная битва, в которой были израсходованы все стрелы, а рукопашная схватка затянулась до темноты. Ал-Ка'ка' б. Амр захватил проход внутрь лагеря, и это решило исход сражения [67]. Ожесточенность сражения участники сравнивали с последней ночью битвы под Кадисией.

В захваченном лагере мусульманским воинам досталась большая добыча, будто бы такая же, как в Ктесифоне. По одним данным, она равнялась 30 млн. дирхемов, по другим, более скромным (а значит, и более вероятным),— 18 млн., одновременно сообщается размер доли кавалериста — 9000 дирхемов и девять голов верховых животных *(давабб)*. Однако эти цифры не согласуются друг с другом, свидетельствуя, что либо добыча

была больше (что сомнительно), либо меньше число участников сражения и размер каждой доли [68].

Остатки разгромленной иранской армии отошли в Ханакин. Там, видимо, произошло еще одно сражение, когда передовой отряд мусульман под командой ал-Ка'ка' нагнал беглецов, поскольку сообщается, что там был убит Михран [69]; теперь путь к резиденции Йездигерда был открыт, но при первом известии о поражении под Джалула он покинул Хулван и уехал в Хамадан или Рейй.

Наши источники не позволяют установить порядок дальнейших событий. По одним данным, получается, что тогда же арабские войска достигли Кармасина (Керманшах) и даже Файрузана (в 25—30 км от Хамадана), а вернувшись оттуда, завоевали Масабадан, район в долине реки Сеймерре, с городами Сирван (Ширван) и Саймара, по другим данным — Джарир покорил в том году только Масабадан, но эти события будут подробнее рассмотрены в третьей главе.

СДАЧА ИЕРУСАЛИМА

Трудно сказать, почему после взятия Халеба Халид и Абу Убайда свернули военные действия на севере Сирии и оказались под Иерусалимом, который осаждал Амр б. ал-Ас. У ат-Табари под этим годом приводится сообщение, что когда Абу Убайда ушел зимовать в Химс, ставший базой мусульманской армии на севере Сирии, то византийцы воспользовались этим и при поддержке отрядов из Верхней Месопотамии возвратили часть потерянных ими территорий и подошли к Химсу. Обеспокоенный этим, Умар распорядился перебросить подкрепления из Ирака и сам выехал из Медины в Сирию, чтобы разобраться на месте со всеми сложностями, возникшими в управлении завоеванными областями [70]. Ал-Балазури также упоминает какой-то неуспех мусульманской армии на севере Сирии, не приводя никакой даты.

Конечно, участники событий, по рассказам которых писалась история этого периода, не любили вспоминать собственные неудачи и поражения. Поэтому история завоеваний по арабским источникам выглядит сплошным успехом. Вероятно, какая-то частная неудача действительно имела место. Но она явно относится к более позднему периоду. Войска Халида и Абу Убайды не могли после завоевания Киннасрина и Халеба провести зиму 636/37 г. в Химсе, так как в это время они уже были в Палестине. Да и трудно предполагать, чтобы оба командующих, потеряв какую-то часть завоеванной территории на севере Сирии, вместо того, чтобы организовать оборону своей провинции, бросили ее на произвол судьбы и заторопились помогать в осаде города на другом конце страны, где было достаточно собственных сил. Видимо, в памяти участников событий произош-

ло, во-первых, смещение во времени, а во-вторых, войско Халида и Абу Убайды ушло не в Химс, а на юг Сирии, в район Джабии. Амр б. ал-Ас в это время продолжал осаждать Иерусалим, а Йазид б. Абу Суфйан — Кесарею (Кайсарийу). Здесь же, в Палестине (а может быть, и в Джабии), находился Шурахбил.

Версия с приездом Умара в Палестину специально для подписания договора с Иерусалимом по просьбе осажденных — тоже следствие какого-то позднего переосмысления событий и давно признана несостоятельной [71]. Но истинные причины до сих пор не были ясны. В используемых источниках содержатся неясные сведения о необходимости раздела каких-то средств, об установлении жалованья сиро-палестинской армии и продуктовых пайков. Нет определенного мнения исследователей о том, кто был инициатором поездки: сам Умар или кто-то из вождей мусульманского войска.

Конкретных сведений о самой поездке очень немного, она служит лишь нитью, на которую нанизываются рассказы о решениях Умара по различным религиозно-правовым казусам. Тут и решения о человеке, женатом на двух сестрах, и о старце, который делился своей женой с пастухом в виде платы за его работу [72], и рассказы о поразительной непритязательности праведного халифа в пище и одежде. Принимать все эти рассказы за чистую монету нельзя, хотя они дают какое-то общее представление о взглядах Умара и отношении к тому, что привелось увидеть в завоеванной стране [73].

Несомненно, часть рассказов об аскетизме Умара в связи с этой поездкой (вроде единственной рубахи, которая сопрела от пота) [74] является плодом благочестивых измышлений, но какая-то основа под ними должна быть. Похоже на то, что в Сирии и Палестине Умар ощущал себя глубоким провинциалом, попавшим в столицу, а это могло заставлять его бравировать аскетизмом, пренебрежением к внешнему блеску, излишне придираться к своим сотоварищам, перенявшим местный образ жизни.

В Азри‘ате, где Умара встречали вожди мусульманской армии, местные жители чествовали его игрой на бубнах и пением. Умар потребовал прекратить и успокоился только после уверения, что запрещение подобного проявления верноподданничества может привести местных жителей к подозрению, что он хочет аннулировать договор с ними [75]. Умар должен был с удивлением смотреть на старых соратников по вере: шелковые и парчовые одежды, дорогая сбруя на конях, драгоценные украшения — не такими были они три года назад, уходя из Медины в неизвестность. Слезши с верблюда, Умар поднял с земли камень и бросил во встречавших со словами: «Быстро же отвернулись вы от своих взглядов. Встречать меня в такой одежде! Ишь, отъелись за два года. Быстро же совратило вас чревоугодие...» Соратники оправдались тем, что, несмотря на все это, — они в броне и при оружии (и, следовательно, свой долг не за-

бывают) [76]. Сцена живая и вроде бы возможная, да только термин, обозначающий броню (или кольчугу), *йаламак*, несомненно, тюркского происхождения и не мог в VII в. проникнуть в арабский язык (кстати, он больше не встречается в рассказах о завоевательных походах арабов).

По другому рассказу, Умар приказал забросать пылью лица арабов, форсивших в византийских одеждах, «чтобы вернулись к нашему облику и нашим обычаям». На что Йазид б. Абу Суфйан заметил: «Одежд и коней у нас много, и жизнь у нас легкая, и цены у нас низкие, оставь мусульман жить, как хотят. Да и тебе надо бы надеть эти белые одежды и поехать на таком скакуне — это возвеличило бы тебя в глазах неарабов» [77].

Из Азри'ата Умар направился в Джабийу, где зимовали основные силы сирийской армии. Как ни странно, в памяти современников не сохранилось никаких воспоминаний ни о встрече с войском, ни о времени прибытия, ни о длительности пребывания. Запомнились отдельные фразы из речи на пятничном молении, связанные с разделом каких-то средств («воистину, Аллах сделал меня хранителем этого богатства (*мал*) и делителем его...»), а более всего запомнилось осуждающее отношение к роскоши, которой окружили себя предводители мусульманской армии. Они наперебой приглашали халифа в гости и, вероятно, старались блеснуть приемом. Лишь быт Абу Убайды, не имевшего ничего, кроме войлочной подстилки, пролил бальзам на душевные раны халифа. Скудной же жизни большинства мусульманских воинов не из благочестия, а по бедности Умар не замечал, пока ветеран ислама, муаззин пророка Билал, не сказал ему без обиняков: «Предводители сирийских войск едят только птичье мясо и белейший хлеб, а у простых воинов ничего этого нет» [78].

Этим Билал, как считают арабские источники, раскрыл глаза Умару, и тот принялся наводить порядок в распределении доставшихся богатств и учредил *диваны*, т. е. списки воинов, которым причиталось жалованье (*'ата'*), и установил пайки, которые должны были гарантировать прожиточный минимум, определенный будто бы опытным путем: местный землевладелец сказал, что на месяц человеку надо два модия пшеницы. Это количество пшеницы смололи и испекли из нее хлеб, посадили тридцать человек, и они досыта наелись этим хлебом [79].

К сожалению, это сообщение не помогает нам узнать, сколько же хлеба съедал в один присест проголодавшийся арабский воин, так как неизвестна величина модия, которым мерили пшеницу (о размере пайка в других областях, где величина меры известна лучше, мы скажем дальше, в гл. 5). К хлебу полагался еще кист (ксест) оливкового масла, т. е. 1 л.

Главным результатом посещения халифом Сирии (кроме заключения договора с Иерусалимом) всегда называется устано-

вление *диванов*, т. е. списков воинов с указанием размера жалованья (но поскольку при этом указываются и пенсии вдовам пророка, то можно думать, что имеется в виду мероприятие, проведенное позже в Медине), и учреждение военных округов — *джундов* [80].

Один из рассказов о посещении Умаром Джабии, сохранившийся в сравнительно недавно вошедшем в научный оборот сочинении современника ал-Балазури, содержит прямое указание на главную цель поездки. Поэтому процитируем его полностью: «Абдал'азиз ибн Марван* спросил Курайба ибн Абраху: „Ты присутствовал, [когда] Умар ибн ал-Хаттаб был в Джабии?" Он ответил: „Нет".— „А кто расскажет нам об этом?" Курайб ответил: „Пошли за Суфйаном ибн Вахбом ал-Хаулани, чтобы он рассказал тебе". Послали за ним. Абдал'азиз сказал: „Расскажи нам о речи Умара ибн ал-Хаттаба во время пребывания в Джабии". Суфйан сказал: „Когда собрали фай', амиры войск послали [письмо] Умару ибн ал-Хаттабу, чтобы он сам приехал. Он приехал. И восславил и возблагодарил Аллаха, а потом сказал: „А после этого — воистину, эти деньги (*мал*) мы по справедливости разделим между теми, кому даровал Аллах, кроме этих двух племен: лахм и джузам. Они не имеют на него права"». Это вызвало возмущение сирийских арабов, и Умар должен был согласиться, что они не виноваты в том, что воюют близко от дома [81].

Ключевым в понимании ситуации является употребленный в речи термин *фай'*. Им обозначались средства, полученные от сбора податей (джизьи и хараджа) в отличие от добычи. С добычей все было ясно: $^4/_5$ — войску, $^1/_5$ — халифу. А здесь впервые были собраны деньги, которые не были непосредственно связаны с боевыми действиями, непонятно было, как их делить. Не исключено, что еще до Умара начались споры с местными арабами о праве на эти средства. Именно проблема распределения налоговых поступлений заставила амиров звать халифа. Прямых свидетельств о том, как он поступил с ними, нет, но упоминание диванов говорит о том, что деньги поступили не в раздел, а были превращены в общий фонд, из которого выплачивалось жалованье. Из того же источника явствует, что было принято частное решение на данный случай, так как сумма выдач была еще заметно меньше жалований, которые были установлены в конце того же года,— всего лишь полдинара в месяц (5—6 дирхемов) одинокому и динар семейному, тогда как позже низшая ставка составляла 200 дирхемов в год.

Весть о прибытии главы мусульман дошла, конечно, и до жителей Иерусалима, и они решили воспользоваться этой возможностью, чтобы получить более твердые гарантии, которые не хотели им дать осаждавшие военачальники. С этой целью их делегация прибыла в Джабийу для переговоров, здесь же и

* Наместник Египта (685—703).

был заключен договор, пространный текст которого, близкий к оригиналу, сохранила «История» ат-Табари.

«Во имя Аллаха, милостивого, милосердного.

Вот те гарантии неприкосновенности (*аман*), которые раб Аллаха Умар дал жителям Илии. Он дал им гарантию неприкосновенности им самим, их состояниям, их церквам и их крестам, их больным и здоровым [82] и всей их общине. Поистине, в их церквах не будут селиться и не будут они разрушены, не будут умалены они, ни их ограды, ни их кресты, ни их достояние, и не будут притеснять их за их веру и не нанесут вреда никому из них; и не будет жить с ними в Илии ни один еврей.

И обязаны жители Илии платить джизью, как платят жители [других] городов, и обязаны изгнать из города ромеев и разбойников [83], а тот из них, кто выедет, будет в безопасности, он сам и его имущество, пока не прибудет в безопасное для него место. А тот из них, кто останется,— тоже в безопасности, на нем, как и на жителях Илии, лежит джизья. А если кто-то из жителей Илии пожелает выехать сам со своим имуществом вместе с ромеями и покинет свои церкви и свои кресты, то они неприкосновенны и сами, и их церкви, и их кресты [84]. А кто находился в нем (в городе) из сельских жителей до... [85], то кто хочет остаться [в городе], тот обязан платить ту же джизью, какую платят жители Илии, а кто хочет — уедет с ромеями, а с тех, кто захочет вернуться к своим, не будут брать ничего, пока не будет убран урожай.

Все, что [написано] в этой грамоте, [находится] под покровительством Аллаха и защитой его посланника, и под защитой халифов, и под защитой верующих, если они будут платить ту джизью, которая возложена на них.

Засвидетельствовали это: Халид ибн ал-Валид, Амр ибн ал-Ас, Абдаррахман Ибн Ауф, Му'авийа ибн Абу Суфйан — и написал и присутствовал (?) в пятнадцатом году» [86].

В тексте договора при всей его пространности не содержится никаких особых условий (кроме недопущения евреев, которые были выселены Ираклием за пособничество персам) или привилегий для горожан, не оговорен статус мест поклонения. Это является еще одним доводом в пользу того, что приезд халифа не был вызван просьбой горожан, такой же договор мог подписать любой амир. Дата подписания договора явно приписана одним из компиляторов, не сообразившим, что в 15 г. х. еще не существовало счета по хиджре.

Тогда же, вероятно, был подписан близкий по содержанию договор с другим крупным палестинским городом, Луддом.

В договоре с Иерусалимом интересен не только сам текст, но и имена свидетелей. Первой стоит подпись Халида б. ал-Валида, хотя во всех источниках он фигурирует только как командир авангарда Абу Убайды (который почему-то не числится среди свидетелей), нет и Йазида б. Абу Суфйана, видимо занятого тогда осадой Кайсарии.

Естественно, что после подписания договора Умар пожелал посетить город, к святыням которого одно время пророк обращал лицо во время молитвы. Подойдя к Иерусалиму, он со свитой и сопровождающим войском стал лагерем, и к нему явились с изъявлением покорности патриарх Софроний и губернатор или комендант города (*битрик*). В город он вступил только на следующий день, во вторник. Патриарх Софроний показал ему главные храмы Иерусалима и провел на развалины ветхозаветного храма. Здесь Умар, показав своей свите личный пример, начал расчистку от мусора и обломков небольшой площадки под мечеть. Поскольку упомянутая в Коране «дальняя мечеть» (Масджид ал-акса) связывалась в представлениях мусульман с Иерусалимом, то и мечеть, основанная здесь Умаром, стала называться Масджид ал-Акса. Восстановить объективную картину происходившего в Иерусалиме очень трудно, так как в конце VII в. при Абдалмалике велась политика возвеличения Иерусалима как мусульманской святыни и была несомненная тенденция изложить рассказы о посещении его Умаром именно в этом духе.

К пятнице на той же (или на следующей) неделе место было приспособлено для молитвы [87]. Умар провел праздничное богослужение и покинул Иерусалим [88].

Казалось бы, дата такого уникального события, как единственное посещение халифом Иерусалима, должна была запомниться. Но нет — источники называют и 16 год хиджры, и 17-й. Наиболее определенная дата у ат-Табари — раби' II 16/2.V—30.V 637 г. [89] — не согласуется с более достоверным сообщением, что Софроний умер вскоре после завоевания Иерусалима, в марте 637 г. [90]. Следовательно, сдача Иерусалима произошла зимой 637 г., не позднее начала марта.

ВТОРЖЕНИЕ В ДЖЕЗИРУ

После овладения мусульманами в 16 г. х. Халебом с одной стороны и Текритом — с другой Северная Месопотамия (Осроена), носившая у арабов название Джезиры, оказалась в полуокружении и неизбежно должна была стать объектом атак мусульманской армии после того, как высвободились ее основные силы в Палестине и Ираке. Активные военные действия здесь развернулись в 18/639 г., но этому предшествовала попытка византийцев нанести контрудар в Северной Сирии.

Произошло это скорее всего в начале 17/638 г., когда Халид и Абу Убайда со своими воинами зимовали в районе Джабии. Хронология событий 16—17 гг. х. в Северной Сирии и Верхней Месопотамии очень ненадежна. Христианские историки (сирийские, византийские и армянские) пишут о них более чем лаконично и не всегда точны в датировках, арабские авторы сообщают более подробные сведения, но некоторые версии

абсолютно исключают друг друга. Поэтому наш рассказ об этих событиях не может претендовать на абсолютную точность.

После сражения под Джалула (точнее датировать не удается) [91] византийцы при поддержке гарнизонов городов Осроены повели наступление одновременно в Месопотамии и Северной Сирии. В Месопотамии они дошли до Хита, но были остановлены Умаром б. Маликом ан-Науфали. Оставив половину своего войска осаждать Хит, он с другой половиной пошел вверх по Евфрату на Киркисийу. После сражения под городом жители согласились платить джизью и сдались. Узнав об этом, гарнизон Хита, оставшегося в глубоком тылу мусульман, вступил в переговоры и добился права беспрепятственно покинуть город. Ат-Табари датирует битву под Киркисией раджабом 16/августом 637 г. [92], но, видимо, эти события следует отнести к следующему году, когда, по сведениям того же Сайфа, византийцы договорились с жителями Джезиры о совместном выступлении против арабов, находившихся в Химсе.

Византийская армия сконцентрировалась между Ма'аррат Мисрин и Халебом, угрожая отрезать группу Халида б. ал-Валида, находившуюся в Халебе или Киннасрине [93]. Абу Убайда отозвал все дальние гарнизоны в Химс, туда же пришел и Халид. На помощь химсскому гарнизону Умар будто бы послал ал-Ка'ка' б. Амра с 4000 кавалеристов, одновременно другие мусульманские отряды из Ирака совершили рейды вверх по Евфрату, развивая успех, достигнутый под Киркисией [94]. В сражении под Ма'аррат Мисрин мусульмане одержали победу, захватили много пленных и овладели всем районом восточнее Оронта (Нахр Аси), городами Ма'аррат Мисрин, Мартахаван, Тизин, Бука, Сармин; из Хунасиры, лежавшей в стороне от района военных действий, также прибыла делегация для заключения мирного договора [95].

С выходом мусульманской армии в долину Оронта создавалась непосредственная угроза крупнейшему городу Сирии, ее столице Антиохии. Падение ее лишало Ираклия всякой надежды на восстановление византийской власти над Сирией. Тем не менее он не смог собрать сил, необходимых для обороны города. Еще более странно, что христианские источники не уделяют должного внимания захвату Антиохии арабами, как, впрочем, не придают особого значения этому событию и арабские авторы (ат-Табари вообще не упоминает ее завоевание). Возможно, это объясняется тем, что после разрушительного землетрясения 589 г. и последней ирано-византийской войны она пришла в полный упадок [96].

В Антиохии нашли убежище беженцы из многих городов Сирии, стянулись сюда и остатки византийских войск. Они пытались остановить арабов на подступах к городу, потерпели поражение и укрылись за городскими стенами. Арабы встали лагерем у Железных ворот (восточных) и перерезали все коммуникации. Попыток деблокировать город, видимо, не было.

Величина территории, обнесенной мощной оборонительной стеной Антиохии, охватывавшей кроме самого города также обширные сады и поля, позволяла выдержать длительную осаду, но сколько она длилась, ни один из источников не говорит. Ясно только, что горожане пошли на переговоры и сдались на обычных условиях: гарантии сохранения жизни и собственности, свободы вероисповедания и неприкосновенности церквей при условии выплаты подушной подати в размере одного динара деньгами и одного джериба пшеницы, все не желавшие оставаться под властью завоевателей получали право беспрепятственно покинуть город [97].

Дату вступления арабов в Антиохию большинство мусульманских и христианских историков не приводит, а те, что имеются, вызывают сомнения в надежности [98]. Единственная дата с указанием месяца и даже дня вступления арабов в Антиохию приводится в «Футух аш-Шам» Псевдо-Вакиди: 5 ша'бана 17/22 августа 638 г. [99]. Обширное повествование о боях под Антиохией в этом сочинении явно легендарно, но, учитывая психологию передатчиков всех этих рассказов, можно поручиться, что дату они могли только исказить, а не выдумать, как придумывались рассказы о поединках, благочестивых речах и бессчетности поверженных врагов. Не вызывает особых возражений и приводимая там же сумма дани — 300 000 динаров [100], поскольку она взималась не только с города, но и с административно подчиненного ему богатейшего сельскохозяйственного района.

Войска, высвободившиеся после сдачи города, двинулись на север и восток. К концу года были захвачены Балис, Манбидж и Никабулус (Никополь), расположенный у одного из горных проходов через Тавр из Сирии в Малую Азию [101]. По данным того же «Футух аш-Шам», Манбидж сдался Халиду во второй декаде мухаррама 18/конце января 639 г., обязавшись платить 15 000 динаров [102].

Два обстоятельства заставляют нас сомневаться в достоверности этой даты: чума в 18 г. х. и смещение Халида б. ал-Валида.

На смещении «Меча Аллаха», Халида б. ал-Валида, следует остановиться подробнее. Мы знаем, что под договором с Иерусалимом первой стояла подпись Халида, из чего следует, что он еще был первым лицом в Сирии (хотя и неясно — главнокомандующим или же наместником всей Сирии) [103]. Все рассказы о завоевании Сирии представляют его командующим авангардом Абу Убайды или наместником Северной Сирии с резиденцией в Химсе. Но даже если он был только наместником Северной Сирии, престиж его как полководца был неизмеримо выше, чем у всех остальных, и слава его была вполне заслуженной (хотя вряд ли его можно ставить наравне с Наполеоном [104], так как мы не всегда можем сказать, какие его победы определялись полководческим талантом, а какие — общей ситуацией,

ведь и другие мусульманские военачальники шли тогда от победы к победе).

Но во всяком случае Халид был любимцем армии: именно такой вождь мог завоевать симпатии воинов-бедуинов — энергичный и храбрый, всегда в самом опасном месте битвы, умеющий наградить и наказать по заслугам. Иначе должны были относиться к нему старые сподвижники пророка, находившиеся у него в подчинении,— для них он был слишком независим и самостоятелен в решениях. В конце концов кто-то донес халифу, что Халид делает непомерно большие подарки военачальникам, не считаясь с нормами наделения добычей, что ал-Аш'асу б. Кайсу (см. о нем: т. 1, с. 203—205) он дал 10 000 динаров. Умар сместил Халида и вызвал в Медину. Узнав, что дар сделан из собственных денег, которых у Халида накопилось 60 000, халиф не смягчился, а потребовал 2/3 отдать в казну [105].

Другая версия позволяет думать, что вольное обращение с общественными средствами все-таки имело место, поскольку Умар оправдывал смещение «Меча Аллаха» таким образом: «Я приказал ему, чтобы он сохранял эти деньги для бедняков-мухаджиров, а он отдал их могущественному, богатому и родовитому (*зу-ш-шараф*). Я сместил его и назначил Абу Убайду ибн ал-Джарраха».

Присутствовавший при этом двоюродный брат Халида, Абу Амр б. Хафс, возмущенно заметил: «Ты сместил амира, которого назначил посланник Аллаха, и вложил в ножны меч, который обнажил Аллах, и отобрал знамя, которое водрузил посланник Аллаха, ты порвал узы родства и позавидовал сыну дяди*». Умар оборвал его: «Ты близкий родственник и молод еще, ты просто злишься из-за своего двоюродного брата!» [106].

Но, видимо, Абу Хафс выразил мнение многих, так как Умар счел необходимым разослать письмо с объяснением: «Я сместил Халида не по злобе или коварству, а оттого, что люди восхищались им, и я боялся, что они будут уповать и полагаться [только] на него, а я хочу, чтобы они знали, что все совершает Аллах,— иначе они невольно впадут в соблазн» [107].

Халид предстал перед халифом, доказал, что деньги были его собственными, а не общественными, и был вынужден отдать в казну часть того, что имел, чтобы получить прощение [108].

Через некоторое время Халид вернулся в Химс и еще несколько лет участвовал в походах на Джезиру, но непонятно, командовал ли он автономно своими отрядами или был в подчинении Ийада б. Ганма, возглавлявшего завоевание этой области. Имя Халида исчезает из рассказов о военных действиях после 18 г. х. Самое поразительное, что в больших биографических словарях Ибн Абдалбарра, Ибн ал-Асира, Ибн Хаджара о смещении Халида нет ни слова [109].

---

* «Сын дяди» (*ибн 'амм*) означает здесь просто «родственник», так как мать Умара была двоюродной сестрой как Халида, так и Абу Хафса.

Сайф относит смещение Халида к 17/638 г., ко времени после его набега на Малую Азию через один из горных проходов, когда была захвачена большая добыча. Но такой набег был возможен только после завоевания Никополя, т. е. в конце 638 г. Ал-Балазури приводит разные версии относительно первого набега через Баграс, совершенного самим Абу Убайдой или по его приказу Майсарой б. Масруком либо Умайром б. Са'дом, но не Халидом б. ал-Валидом [110]. Может быть, стоит поверить «Футух аш-Шам», что он после завоевания Антиохии был занят в районе между Халебом и Евфратом, а заодно поверить и приводимой там же дате. К сожалению, несколько важнейших событий 18 г. х. в Аравии и Сирии, по которым можно было бы проверить эти даты, сами нуждаются в уточнении.

ЧУМНОЙ ГОД

18 год хиджры, 639 год по нашему летосчислению, запомнился современникам чумой и страшным голодом. Чума охватила Ирак и Сирию, но особенно свирепствовала в Палестине, где в это время находилась значительная часть мусульманской армии с ее главными вождями. Как мы уже говорили, в зимнее время военные действия затихали и часть войск с севера Сирии перемещалась в Южную Сирию и Палестину. На этот раз она зимовала в районе Амваса, между Луддом и Иерусалимом, поэтому и чума, поразившая мусульманскую армию, получила название «амвасской».

Как сообщают многие историки, Умар, узнав о гибели многих мусульман и наличии бесхозного имущества, выехал в Палестину, но в Сарге, между Табуком и Ма'аном, его встретили амиры сирийского войска и убедили возвратиться, чтобы не заразиться.

Предосторожность была нелишней: первым из амиров заболел Абу Убайда. У него еще хватило сил вывести армию из Амваса и повести ее в более здоровую местность, но по дороге в Джабийу он скончался, оставив заместителем Му'аза б. Джабалу. Му'аз также вскоре заболел и скончался, за ним последовал Йазид б. Абу Суфйан. Наконец наместничество перешло к его брату Му'авии [111]. За несколько месяцев чума унесла около 25 000 человек (считая, видимо, не только воинов, но и членов их семей), некоторые большие семьи вымирали почти целиком. Об одном роде рассказывается, что в нем из 70 человек осталось лишь четверо [112].

Чума, видимо, была спровоцирована неурожаем, так как в то же время в Аравии не выпали зимние и весенние дожди, остатки старой травы сгорели под палящими лучами солнца и мертвые степи лежали, словно присыпанные пеплом, отчего и год получил прозвание «год пепла». Скот был съеден, и кочевники остались без главного продукта питания — молочных про-

дуктов. Десятки тысяч отчаявшихся людей устремились в мединский оазис в поисках пропитания и в надежде получить помощь от халифа. В какой-то момент в Медине собралось 60 000 беженцев. Умар обязал состоятельных мединцев кормить определенное число беженцев, сам раздавал муку и масло, устраивал коллективные трапезы для голодающих. Запасов Медины не хватало, и Умар требовал от наместников Сирии, Палестины и Ирака присылать продовольствие [113].

Сведения о присылке продовольствия Абу Убайдой и Амром б. ал-Асом не слишком надежны; например, некоторые информаторы путают доставку продовольствия из Египта после его завоевания (т. е. после 639 г.) с поставками из Палестины [114].

Несмотря на все старания Умара, ⅔ беженцев умерли от голода, не дождавшись зимних дождей. С их началом Умар поспешил удалить беспокойную толпу голодных беженцев в их родные кочевья. Естественно, что в том году сбор заката не производился, скота осталось так мало, что в следующем году в племени фазара собрали всего 60 голов скота [115].

Большинство историков относит эту засуху к 18 г. х., не указывая точных дат. Только у Ибн Са'да мы встречаем сообщение, что голод длился 9 месяцев и начался после хаджжа 18 г. х. [116], но в этом случае голод почти целиком придется на 19/640 г., что не подтверждается какими-либо другими данными. Видимо, здесь вкралась ошибка: голод начался после хаджжа 17 г. х., в 18 г. х., т. е. в январе 639 г., и длился до ноября, когда действительно возможно выпадение дождей.

Сведения Ибн Са'да, уделившего рассказу об этом голоде много страниц, показывают, что Умар в течение всего этого времени безотлучно находился в Медине и, следовательно, не ездил в Сирию летом 18 г. х. после окончания чумы. Арабские авторы уже через полтора века настолько запутались в противоречивых и недатированных рассказах о поездке Умара в Сирию, что им пришлось увеличить их число до четырех, чтобы как-то распределить противоречивые версии.

К сожалению, никаких данных, даже косвенных, для синхронизации этих двух трагических для мусульманского государства событий в наших источниках не содержится: мы имеем две независимые линии рассказов, никак не пересекающиеся друг с другом.

Вряд ли можно сомневаться, что чума, проредившая ряды мусульманской армии в Сирии и Палестине, сказалась на ее активности. Можно думать, что была снята осада с Кайсарии и временно задержалось завоевание Джезиры.

ЗАВОЕВАНИЕ ДЖЕЗИРЫ

После смещения Халида б. ал-Валида на первый план выдвигается Ийад б. Ганм, бывший до того в Ираке. Появление

его в Сирии объясняется различно. По одним данным, он с отрядом в 4000 человек прибыл в Сирию, чтобы помочь сирийцам отбить наступление византийцев. По другим данным, получается, что он начал завоевание Джезиры непосредственно из Ирака [117]. Неясно и то, когда и кем он был назначен наместником Северной Сирии — то ли Абу Убайдой, то ли Умаром после гибели Абу Убайды. Во всяком случае, Ийад заменил Халида на посту наместника Химса, Киннасрина и Халеба.

Первым его шагом было заключение договора с Иоанном, префектом Осроены (Джезиры), который обязался выплатить 100 000 динаров, если арабы не будут переходить Евфрат, из чего вытекает, что вторжение в Джезиру шло со стороны Сирии, а не из Ирака. Согласно Феофану, договор был заключен в 6128 г. от сотворения мира, т. е. в 635/36 г. [118]. Как уже говорилось, полагаться на его датировки нельзя, а в арабских источниках этот договор не отмечен. Естественнее всего ожидать, что готовность Ийада идти на соглашение определялась малочисленностью арабской армии, еще не оправившейся от удара, нанесенного ей чумой.

Ираклий счел поступок Иоанна изменническим и отозвал его, заменив более воинственным губернатором. Прекращение выплат послужило Ийаду прекрасным поводом для вторжения в Джезиру. По сведениям ал-Балазури, Ийад выступил в поход в четверг 15 ша'бана 18/21 августа 639 г. [119]. По некоторым сведениям, одной из групп войска Ийада командовал Халид б. ал-Валид.

Первым подвергся нападению Калинник (Ракка). Арабская армия блокировала город с севера, захватила неукрепленный пригород, жители которого бежали под защиту городских стен. Взять город с ходу не удалось. При приближении арабов к стенам их обстреляли из луков и камнеметных машин. Ийад стал лагерем и разослал отряды грабить окрестности, они захватили пленных и доставили продовольствие. Через 5—6 дней глава городской администрации (*битрик*/патрикий) заключил договор о сдаче города на обычных условиях [120].

Отсюда Ийад двинулся на север к столице Осроены—Эдессе (Рухе). Лежавший на пути к ней Харран не сдался. Жители соседней ал-Харнании на предложение сдаться ответили, что разделят судьбу столицы. Оставив в покое Харран, Ийад пошел к Эдессе. Гарнизон сделал вылазку, был разбит и укрылся в городе. Не желая подвергаться превратностям осады, епископ Эдессы вступил в переговоры с Ийадом и сдал город, обязуясь платить по динару и два модия пшеницы с каждого налогоплательщика, оказывать помощь арабам и содержать в порядке дороги и мосты [121]. После сдачи Эдессы на тех же условиях сдался и Харран. Сдача без боя крупных и хорошо укрепленных городов сравнительно небольшой (пятитысячной) армии Ийада в очередной раз свидетельствует о том, что победы арабов определялись не столько их численностью или талантом

полководцев, сколько отсутствием боевого духа у византийской армии и безразличием горожан к судьбе Византии.

Следующей пришла очередь Самосаты (Сумайсат), которая была уже осаждена отрядами Сафвана б. ал-Му'аттала и Хабиба б. Масламы. После ее сдачи Ийад вернулся в Эдессу, которая стала его базой при дальнейших военных действиях в Джезире.

На следующий год нападению подвергся район Хабура. Движение шло по древнему магистральному пути из долины Балиха в долину Хабура и далее к Тигру. Первой в следующей кампании, начавшейся скорее всего весной 19/640 г., была Батна (Сарудж), взятая без особых затруднений, за ней последовала Рас Кифа. Серьезное сопротивление Ийад встретил под Рас ал-Айном. Сам город был сдан в раби' I 19/марте 640 г. с условием выплаты 20 000 динаров и 30 000 дирхемов [122].

В течение 19 г. х. большинство городков этой области после непродолжительного сопротивления один за другим сдавались арабам. Многие монастыри в горах были разграблены, а монахи убиты [123]. Серьезное сопротивление оказала только Дара, которая была построена византийцами как важный опорный пункт на границе с Ираном. Арабы понесли большие потери (о чем арабские источники умалчивают). Наконец, убедившись в бесполезности сопротивления, защитники крепости сдались на милость победителей и были пощажены [124]. Видимо, именно эта верность мусульманских командующих слову и договору и побуждала горожан предпочитать сдачу упорному сопротивлению.

ВТОРЖЕНИЕ В АРМЕНИЮ

Перевалив через хребет Тур Абдин (современный Джебель-Мардик) и завоевав Амид, арабы оказались на территории Армении, той византийской провинции, которая носила название Четвертая Армения.

До начала арабских завоеваний Армения была разделена между Ираном и Византией. Удары, нанесенные обеим империям в 637—639 гг., ослабили их реальную власть в Армении. В момент, когда арабы вступили в Джезиру, нахарары* византийской части Армении восстали и свергли византийского наместника, ишхана, Давита Сахратуни. Верховным правителем Армении стал марзбан и спарапет (испехбед) иранской части Армении Теодорос Рштуни, объединив таким образом Армению. Он энергично принялся за формирование армии, но судьба отпустила ему слишком мало времени для того, чтобы организовать сопротивление вторжению извне [125]. Главным препятствием этому была феодальная раздробленность страны, поддерживаемая ее географической расчлененностью. Средние и мел-

* Феодальные владетели, князья.

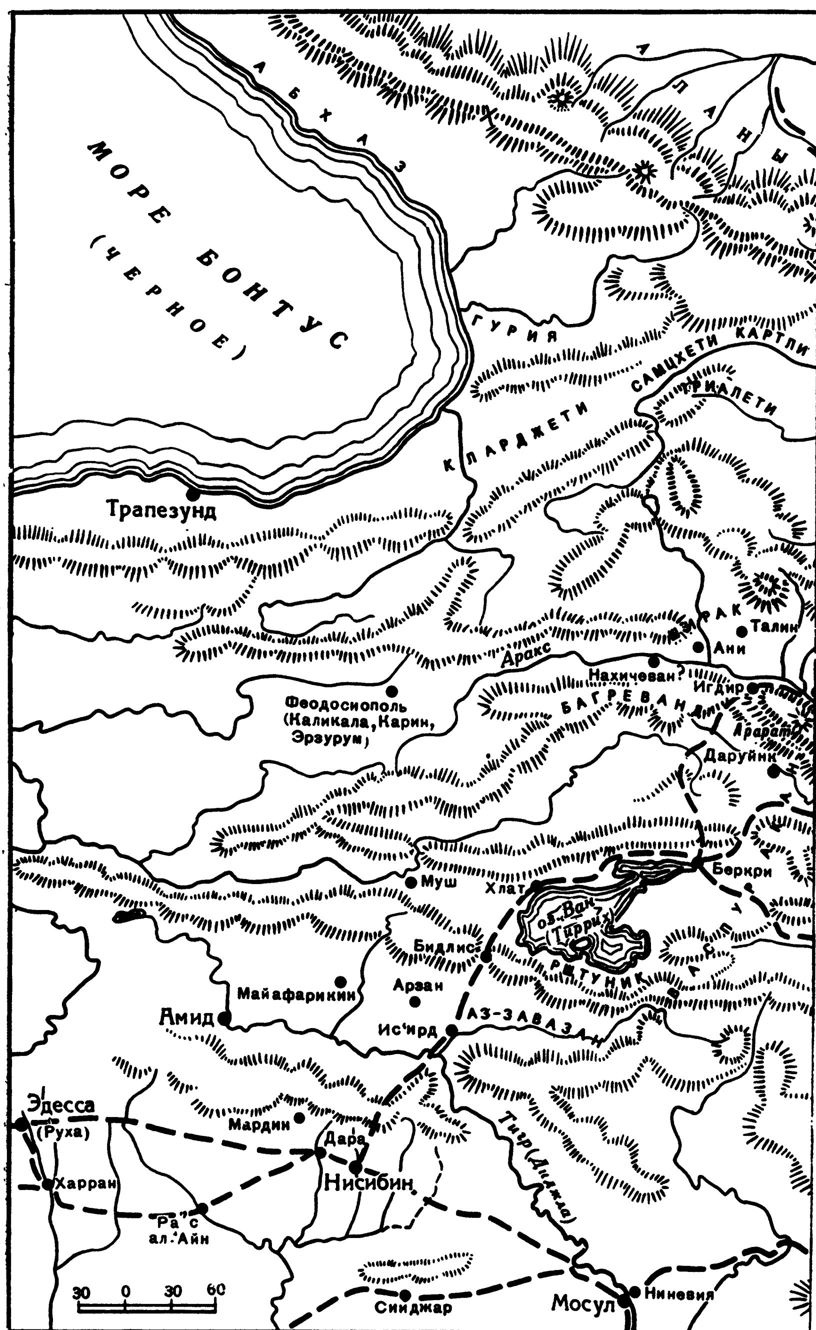
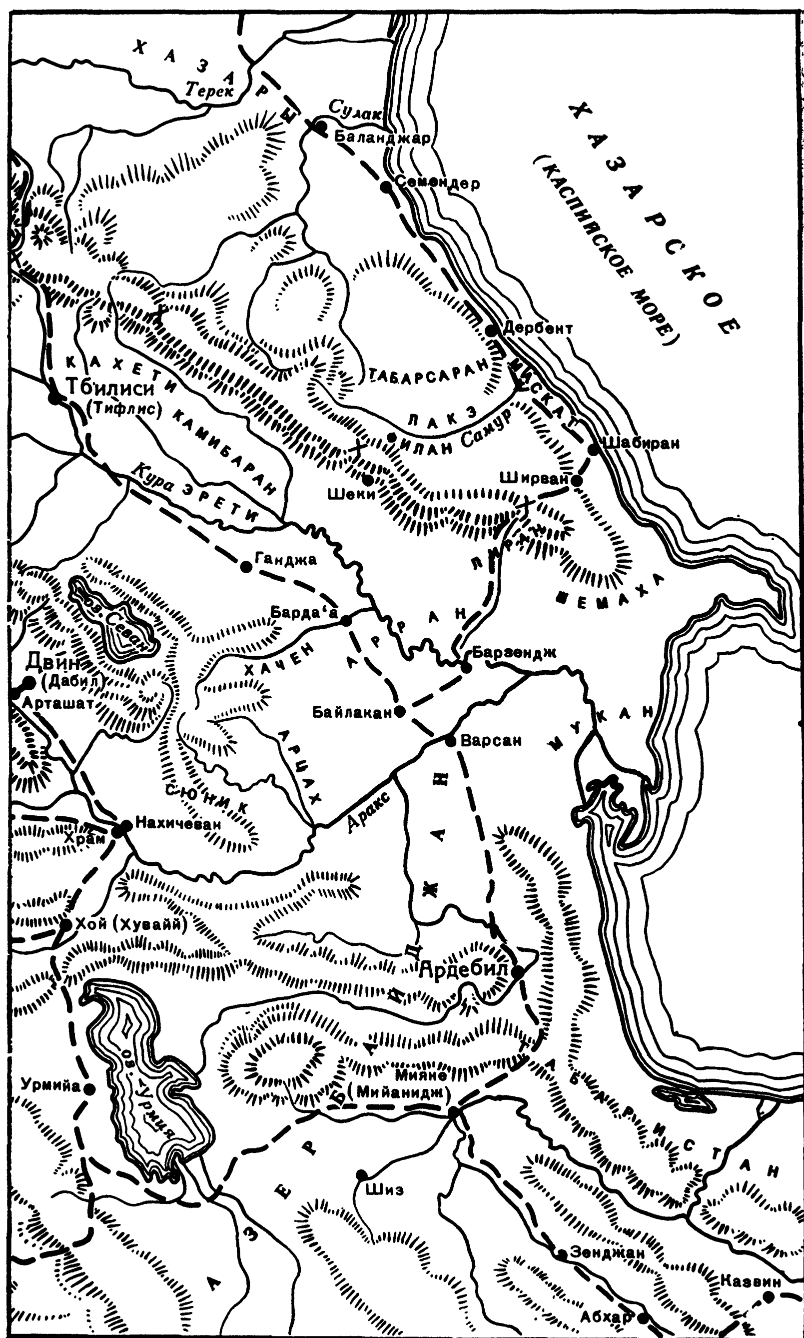


Рис. 8. Закавказье в середине VII в.


Х А З А Р Ы
Терек
Сулак
Баланджар
Семендер
ХАЗАРСКОЕ
(КАСПИЙСКОЕ МОРЕ)
Дербент
ТАБАРСАРАН
МАСКАТ
ЛАКЗ
ИЛАН
Самур
Шабиран
Ширван
КАХЕТИ
Тбилиси
(Тифлис)
КАМИБАРАН
Кура
ЭРЕТИ
Шеки
ШЕМАХА
Ганджа
Барда'а
А Р Р А Н
Барзендж
оз. Севан
Двин
(Дабил)
Арташат
ХАЧЕН
Байлакан
Варсан
М У К А Н
АРЦАХ
СЮНИК
Аракс
Нахичеван
Храм
Хой (Хувайй)
Ардебил
Урмийа
оз. Урмия
Мияне
(Мийанидж)
ТАБАРИСТАН
Шиз
Зенджан
Казвин
Абхар
А З Е Р Б А Й Д Ж А Н

кие феодалы и представители древних княжеских родов ставили собственные интересы выше общенародных и опасались прежде всего ущемления своей личной власти.

Захватив летом 640 г. Амид, Ийад двинулся на столицу Четвертой Армении Мартирополь (Майафарикин) и, как сообщает ал-Балазури, заключил с ним договор на тех же условиях, что и с Эдессой, но, видимо, сдаче предшествовала длительная осада [126]. К началу 641 г. весь бассейн верховьев Тигра до хребта Армянского Тавра оказался во власти арабов. С изъявлением покорности прибыл владетель Андзеравацика (аз-Завазан), области к юго-востоку от оз. Ван, примыкавшего непосредственно к владениям Теодороса Рштуни. Можно думать, что причиной этого было какое-то недовольство политикой последнего.

По сведениям ал-Балазури, завоевание этого района завершилось в мухарраме 20/21.XII 640—19.I 641 г. [127]. С наступлением весны и открытием горных перевалов Ийад предпринял поход на север. Теодорос Рштуни, видимо, не успел подойти с войском и закрыть проход к Бидлису. Владетель Тарона (область к северо-западу от оз. Ван) Тиран Мамиконеан с 8000 воинов встал на пути более многочисленной армии арабов, но в решительный момент Сахур Андзеваци (не тот ли самый «битрик аз-Завазана»?) перешел на сторону арабов и этим решил исход сражения [128].

Ийад заключил договор с владетелем Хлата и продвинулся до «Кислого источника», который А. Н. Тер-Гевондян локализует в районе Феодосиополя. Отсюда, как утверждает ал-Балазури, он повернул назад и, проходя мимо Бидлиса, обязал его владетеля поручиться за выплату дани правителем Хлата. После этого Ийад возвратился в Химс, где и скончался в том же году [129].

Христианские источники связывают с этим походом нападение на Двин. Согласно Себеосу, арабское войско прошло северным берегом оз. Ван и от Беркри повернуло на северо-восток к столице Армении — Двину, в то время как Теодорос Рштуни ожидал арабов около Нахичевана (рис. 8). Князья области Айрарат разрушили мост через реку около города и, задержав таким образом арабов, успели собрать свои войска и укрыть жителей, рассеявшихся по окрестностям для сбора винограда, за городскими стенами. Однако кто-то из армян, находившихся в арабском войске, помог найти переправу, и арабы принялись опустошать окрестности. На пятый день после переправы, в пятницу 6 октября, они штурмом взяли город, перебив 12 000 мужчин, в том числе и духовных лиц, а множество женщин и детей (будто бы 30 000) увели в плен. Теодорос Рштуни пытался перехватить арабов на обратном пути, чтобы хотя бы освободить пленных, но не сумел это сделать [130].

А. Н. Тер-Гевондян, следуя Я. Манандяну, датирует взятие Двина 6 октября 640 г., однако, если верить ал-Балазури, поход на Хлат не мог произойти раньше весны 641 г., и, кстати, 6 ок-

тября 641 г. расходится с 6 октября 640 г. всего на один день (суббота вместо пятницы). Значительные сбои в хронологии этого периода у Дионисия и Гевонда (последний относит нападение на Двин ко второму году царствования Константа, т. е. к 642 г.) не позволяют опираться на этих авторов, а арабские историки почему-то этот поход не упоминают совершенно.

Успех арабов можно объяснить только отсутствием единства армянских князей, многие из которых, видимо, не признавали Теодороса и в трудный момент не оказали ему поддержки. Не на это ли намекал Гевонд, когда писал: «Хотя и видели они, что жен и детей их уводят в плен, но по малочисленности своей не могли противостоять им, а сидя только оплакивали своих жен и детей вздохами и стонами».

В том же году католикос Нерсес III обратился к императору Константу с просьбой признать Теодороса Рштуни и император присвоил ему титул патрикия и признал верховным правителем Армении и главнокомандующим (спарапет).

В 643 г. владения арабов в Джезире подверглись одновременному удару с двух сторон. Действия византийской армии, возглавляемой Валентином, оказались неудачными; Валентин, боясь арабов, как и его предшественники, видимо, избрал тактику выжидания и потерпел поражение. Арабы захватили брошенный им лагерь со всеми богатствами. Теодорос, в помощь которому был прислан византийский отряд под командованием Прокопия, действовал успешнее. Ему удалось проникнуть до Саруджа, захватить и ограбить этот город [131].

Об этих событиях мы знаем лишь по краткой заметке у Дионисия Теллмахрского, который происходил из этих мест, ни армянские, ни арабские источники ничего об этом не знают. Но, судя по рассказам о военных действиях преемников Ийада, им пришлось снова завоевывать Джезиру, о чем свидетельствует тот факт, что преемнику Ийада, Умайру б. Са'ду, пришлось вновь завоевывать Рас ал-Айн [132], этим же, вероятно, можно объяснить и то, что в «Футух Дийар Бакр» взятие Киркисии датировано 1 рамадана 22/24 июля 643 г. [133]. Не исключено, что тогда же и Антиохия вышла из-под власти арабов, хотя о датировке ее повторного завоевания и имени командующего информация арабских историков противоречива.

Глава 3

РАЗГРОМ САСАНИДСКОГО ИРАНА

БОИ В ХУЗИСТАНЕ

Продвижение арабских войск после Джалула до Кармасина и Масабадана не было первым шагом на территорию собственно Ирана, подлинным началом его завоевания стали боевые действия на южном фланге, за Шатт ал-Арабом, развернувшиеся несколько раньше, сразу после основания военного поселения Басра.

Сведения об этих действиях противоречивы, и датировка их колеблется в пределах трех лет [1], что при быстром развороте событий может заметно менять понимание происходившего. Отчасти эти расхождения в датировке объясняются тем, что в некоторых предприятиях Утбы б. Газвана участвовал в качестве одного из командиров Мугира б. Шу'ба, который потом стал наместником Басры, поэтому историки могли отнести военные действия, в которых принимал участие Мугира, ко времени его наместничества. Ат-Табари помещает рассказы о завоевании Утбой Убуллы и Майсана в раздел о 14 г. х., но сам замечает в другом месте, что его наместничество приходилось на 15 г. х. [2], что вполне соответствует другим сведениям об отправлении Утбы в паломничество в конце 15 или начале 16 г. х. (декабрь 636 — январь 637 г.). Но у ат-Табари есть сведения о том, что Утба вел военные действия в Хузистане в 16 г. х. [3].

Был ли Мугира в Басре в конце 15 — начале 16 г. х.? По некоторым сведениям, Мугира потерял глаз в сражении на Йармуке [4], вернулся в Медину, а оттуда во главе отряда из 400 человек был послан на подкрепление Са'ду б. Абу Ваккасу [5], а тот отослал его к Утбе [6]. Видимо, действительно в 16/637 г. в Хузистане воевал Мугира б. Шу'ба [7]. Определенно говорит о военных действиях в 16 г. х. только Халифа б. Хаййат, но настолько лаконично, что его сведения трудно отождествить с более пространными сообщениями других авторов: «Рассказал мне ал-Валид ибн Хишам со слов своего отца, [а тот] со слов его деда, который сказал: „Отправился ал-Мугира в ал-Ахваз, и заключил с ним мирный договор ал-Бирзан на [условии выплаты] двух миллионов восьмисот девяноста тысяч, а потом еще совершил на них поход ал-Аш'ари“» [8].

К 16 г. х. (после Кадисии) ат-Табари относит возвращение в Ахваз его владетеля, Хурмузана (Хурмуздана)[9], принадлежавшего к одному из семи знатнейших родов Ирана, который стал вытеснять мусульман из завоеванных ими районов севернее Шатт ал-Араба. Мусульман поддерживали бедуины бану ал-ам, обитавшие в этом районе; Хурмузан вынужден был оставить Маназир и Нахр Тиру, отступить за Карун (который арабы называли Дуджайл — «Малый Тигр») и заключить соглашение, по которому уступал бану ал-ам Нахр Тиру и Маназир, а мусульманская сторона признавала его права на Ахваз и Михраджан Казак (рис. 9), но ни о какой дани в этой связи не говорится. Через некоторое время между Хурмузаном и бану ал-ам возник спор о границах, и третейский судья из мусульман признал правоту арабов. Тогда Хурмузан обратился за помощью к курдам, а арабы — к своим собратьям-мусульманам. Соединенные силы арабов переправились через Карун выше моста-вододелителя и разгромили Хурмузана[10]. Оставив Ахваз (Сук ал-Ахваз, иранское название — Хурмузд Ардашир), он отошел через «мост Арбука» у деревни аш-Шагар к Рамхурмузу, а арабы остались в Ахвазе. Дальнейшее продвижение было будто бы остановлено по приказу халифа. Новый мирный договор закреплял статус-кво и обязывал Хурмузана платить дань, зато арабы оказывали ему помощь против набегов курдов[11].

Ко времени правления Утбы б. Газвана некоторые источники относят также набег арабов из Бахрейна на Фарс, организованный ал-Ала б. ал-Хадрами и окончившийся их разгромом. На помощь им Утба отправил из Басры отряд под командованием Абу Сабры, который нанес поражение персам, преследовавшим остатки бахрейнского отряда, и вывел их к своим[12].

После возвращения этого отряда в Басру Утба отправился в Мекку, «когда прошло три с половиной года после того, как Са‘д покинул ал-Мада’ин»; после этого до конца года Басрой будто бы правил Абу Сабра, а в следующем году Умар назначил Мугиру, остававшегося на этом посту два года[13].

Хронология эта совершенно фантастична: приказ о переводе войска из Ктесифона в Хиру, как отмечалось выше, последовал в мухарраме 17/23.I—21.II 638 г., прибавив три с половиной года, мы получим середину 641 г., а назначение Мугиры придется на 642 или на начало 643 г., тогда как, по всем надежным данным, Умар сместил его в 17/638 г.

Но, установив ложность датировок в рассказе о завоевании Ахваза, мы не можем безоговорочно утверждать, что краткое сообщение Халифы о дани с Ахваза, установленной при Мугире, соответствует второму договору с Хурмузаном (тем более что там упоминается совершенно иной правитель Ахваза). Нам остается только констатировать, что в 16/637 г. в наместничество Мугиры был совершен поход на Ахваз и заключен мирный договор с выплатой большой дани.

Но если историки не сообщают ничего внятного о военных

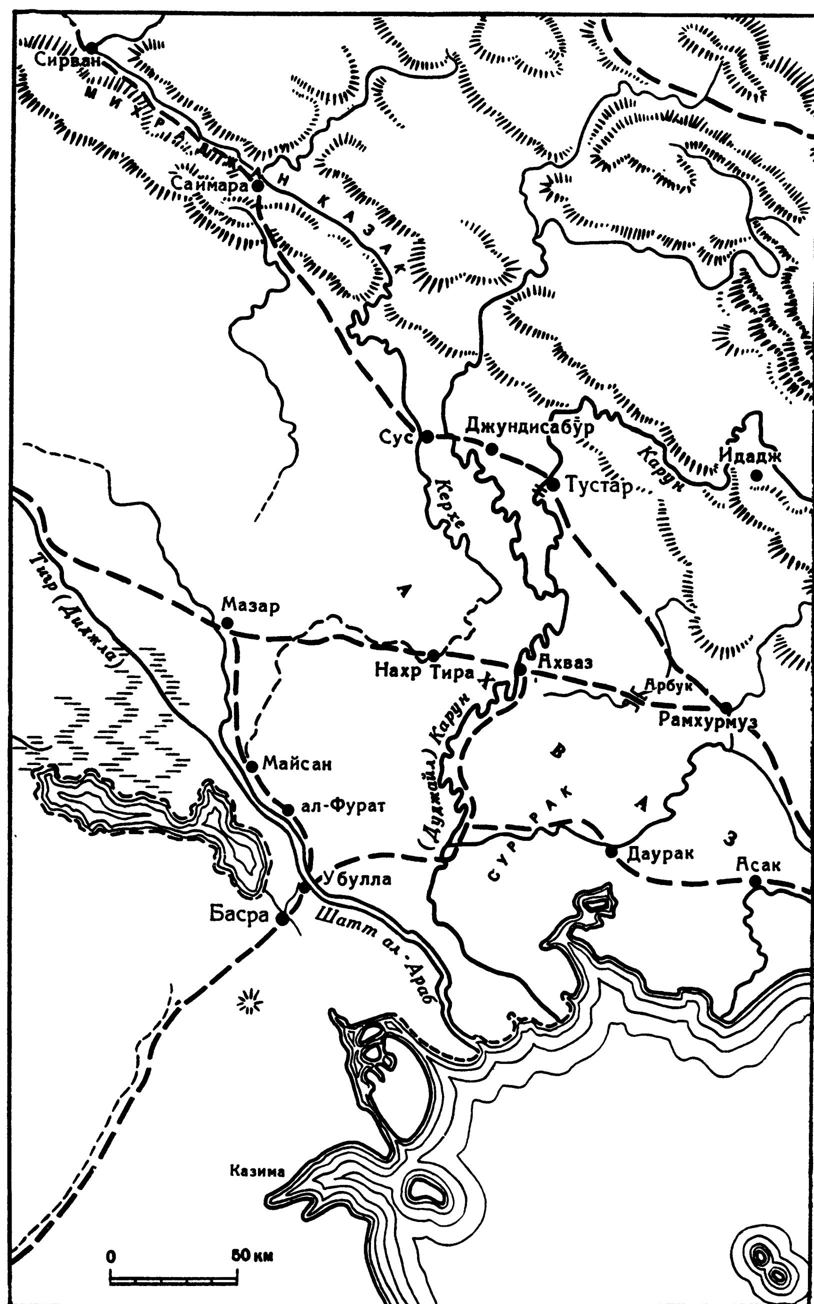
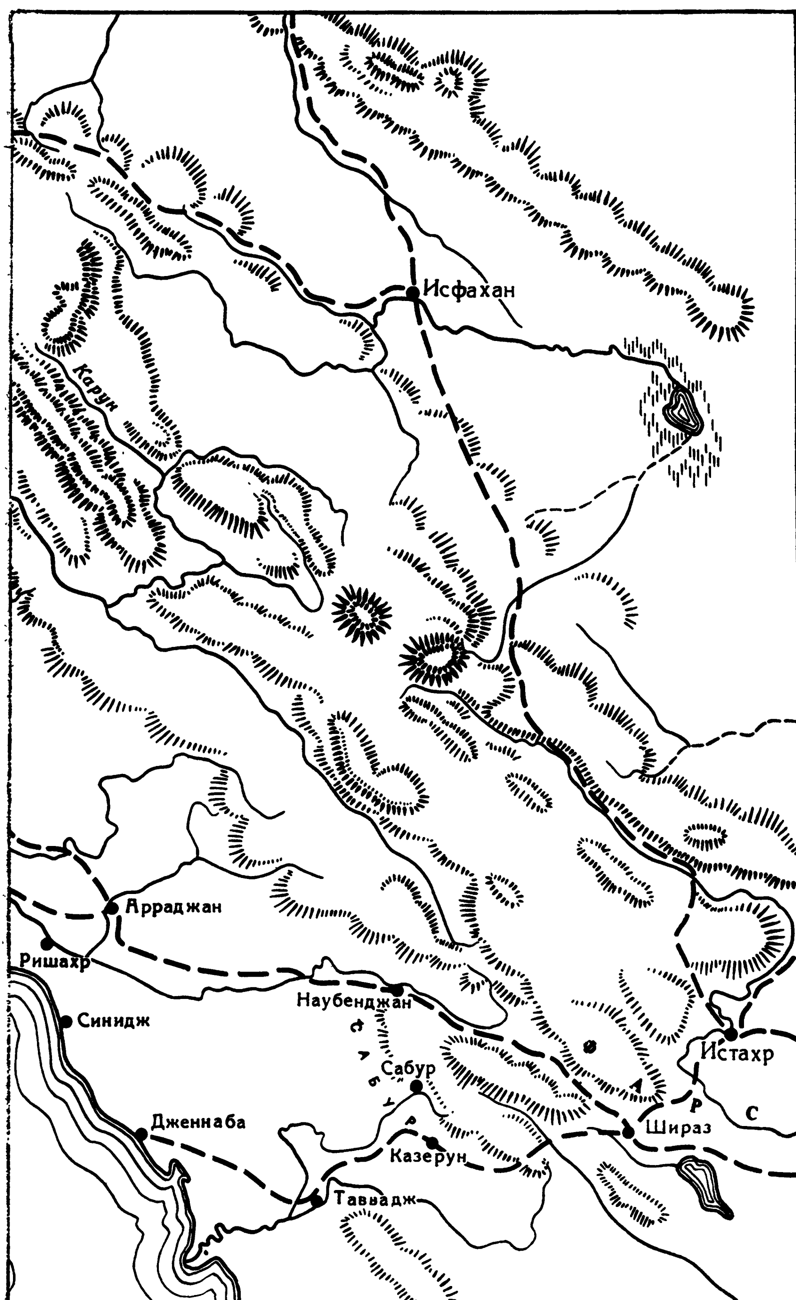


Рис. 9. Юго-Западный Иран


Исфахан
Карун
Арраджан
Ришахр
Синидж
Наубенджан
Сабур
Дженнаба
Казерун
Таввадж
Шираз
Истахр
А
Р
С

и административных успехах Мугиры в пору его наместничества, то о его скандальном смещении, кратко ли, подробно ли, упоминают все. На нем стоит остановиться и нам, чтобы лучше понять нравы той эпохи.

Не отличаясь полководческими талантами, Мугира был большим женолюбом (биографы отмечают, что он только законно женился 300 раз) [14], это и подвело его. В Басре, военном лагере, едва обустроенном, нравы мусульман были гораздо вольнее, чем в Медине под строгим надзором сурового Умара, и женщины пользовались большей свободой, сходясь по любви или ради благ мирских (особенно с высокопоставленными лицами) [15]. Появилась такая замужняя дама сердца и у Мугиры. Его сосед Абу Бакра (свояк Утбы) то ли из искреннего благочестия, то ли по вражде [16] подстерег его в момент свидания и пригласил еще трех свидетелей посмотреть на гнусное поведение амира. Абу Бакра не поленился поехать в Медину и рассказать все халифу. Умар немедленно послал в Басру Абу Мусу ал-Аш'ари с приказом отправить к нему Мугиру и всех свидетелей (в раби' I 17/23.III—21.IV 638 г.).

Дело было скандальное: Мугира хотя и не был из числа старейших мусульман, но все-таки принадлежал к участникам присяги в Худайбии (см. т. 1, с. 143—144), весьма уважаемой категории сподвижников пророка; тяжкое обвинение такого человека в прелюбодеянии, которое влекло за собой страшную смертную казнь — побитие камнями, роняло престиж всех сподвижников пророка, авторитетом которых во многом обеспечивалось послушание пестрых армий в Сирии и Месопотамии. В то же время сокрытие такого проступка вызвало бы недовольство ревнителей благочестия. Умар вышел из этого трудного положения простейшим, но действенным способом — дискредитацией свидетелей.

Трое свидетелей во главе с Абу Бакрой публично дали совершенно недвусмысленные показания, которые никак нельзя было перетолковать в пользу обвиняемого. Последнего свидетеля, Зийада б. Убайда, единоутробного брата Абу Бакры, Умар встретил словами: «Клянусь Аллахом, я вижу лицо [человека], который не опозорит сегодня человека из сподвижников Мухаммада». Молоденький, еще безусый Зийад засмущался и дал несколько уклончивое показание, которое для любого средневекового мусульманского судьи было бы достаточным для осуждения, но Умар счел его доказательством невиновности Мугиры, а показания первых трех — клеветой и приказал их высечь. При этом Умар явно не сомневался в вине Мугиры: когда тот схватился за меч, чтобы ударить Абу Бакру, Умар сказал: «Прекрати, кривой, на тебе проклятие Аллаха» [17].

Эта гривуазная история, которая дошла до нас в разном изложении, так как ее явно в свое время охотно пересказывали, украшая живописными деталями, любопытна тем, что объясняет характер Умара лучше, чем специальные жизнеописания.

рисующие его воинственную добродетельность и ревностное искоренение пороков. Защита чести сподвижника, назначенного им наместником, была важнее установления истины, и, когда Абу Бакра после порки сказал: «А все-таки Мугира — прелюбодей», Умар хотел наказать его вторично.

Итак, в конце марта—апреле 638 г. наместником Басры стал Абу Муса, при котором произошел резкий перелом в боевых действиях в Ахвазе. Сведения о событиях, начиная с 17 г. х., значительно определеннее, но и здесь расхождения между источниками значительны, особенно в относительной и абсолютной хронологии: то, что у Халифы б. Хаййата приходится на 17—21 гг. х., у ат-Табари вмещается в один 17 г. х.[18].

Абу Мусе пришлось начинать с возвращения под власть Халифата Нахр Тиры и Маназира, завоеванных предшественниками. К сожалению, ни один из наших источников не позволяет датировать хотя бы косвенно какой-то из эпизодов начального этапа боевых действий, чтобы понять, начались ли они с прибытием Абу Мусы, или он их только продолжил. Уверенно можно сказать только то, что до конца года Хурмузан оставил Ахваз и отступил в Рамхурмуз, а Ахваз был обложен огромной данью в 10 400 тыс. дирхемов, в 3,6 раза большей, чем предусматривал договор 637 г. Это можно объяснить тем, что при заключении первого договора Хурмузан оставался владетелем Ахваза и уступал лишь часть налоговых поступлений соответствующего округа, а во втором случае арабы получали их целиком. Судить о тяжести этой дани трудно, поскольку мы не знаем, с какой территории она выплачивалась.

Никаких упоминаний о боях под Ахвазом и его осаде нет, как нет и упоминаний о богатой добыче и пленных. Видимо, Хурмузан почему-то не смог или не захотел оборонять этот город, и покинутые им горожане предпочли мирную сдачу по договору, хотя бы и на тяжелых условиях. Ахваз стал теперь базой для дальнейшего завоевания Хузистана.

В следующем году арабы постепенно завоевывают всю долинную часть Хузистана. После сражения у Арбука с отрядом ан-Нуʻмана б. Мукаррина Хурмузан отошел в предгорную часть своих владений, где было легче остановить продвижение арабов. Рамхурмуз не оказал сопротивления и сдался по договору, обязавшись платить со своего округа 800 тыс. дирхемов. Этим была предрешена судьба оказавшегося в изоляции округа Суррак. По сведениям Халифы б. Хаййата, восходящим к надежным информаторам, здесь оказал сопротивление городок Сахртадж (Чахартадж) [19], который не упоминается другими историками и неизвестен средневековым арабским географам, поэтому непонятно, случилось это до капитуляции по договору Даурака, административного центра Суррака, или после и не следует ли видеть в Сахртадже иное название этого центра. По договору, Суррак, как и Рамхурмуз, обязывался выплачивать ежегодно 800 тыс. дирхемов.

В это время другая часть мусульманского войска из Рамхурмуза совершила набег на север до Идаджа (Изаджа), в результате которого его правитель Тиравайх заключил с арабами мирный договор[20].

Все эти завоевания приписываются различным командующим. Согласно ал-Балазури, и Рамхурмуз с Идаджем, и Суррак были завоеваны Абу Марйамом, у ал-Куфи Рамхурмуз завоевывают Джарир б. Абдаллах и ан-Нуʻман, у ат-Табари Рамхурмуз и Идадж завоеваны ан-Нуʻманом, а завоевание Суррака, упоминаемое в связи с более ранними событиями, связывается с именем Джаза б. Муʻавии[21]. В этих действиях участвовали небольшие отряды (по сведениям Халифы, первый отряд, подошедший к Рамхурмузу, насчитывал всего 400 человек), а основная часть войска Абу Мусы была занята осадой Тустара, для обороны которого Хурмузан собрал значительные силы[22]. Успешной обороне способствовало расположение города на возвышенности посреди местности, пересеченной многочисленными каналами. Наиболее доступный подход к городским воротам защищал лагерь Хурмузана, окруженный рвами.

С осадой Тустара связан основной объем сведений арабских источников о завоевании Хузистана, однако ни даты начала осады, ни даты его падения в источниках не сохранилось. Нет единства мнений даже о длительности осады: говорится то о двух годах, то о полутора, то об одном годе. Некоторое представление о наибольшей вероятности какой-то из этих цифр могла бы дать очередность завоевания важнейших городов Северного Хузистана — Тустара, Суса (Шуш=древние Сузы) и Джундисабура (Гундишапура), но и в этом нет ясности: одни источники помещают завоевание Суса до осады Тустара, другие — наоборот. В пользу первых свидетельствует наиболее ранний из имеющихся в нашем распоряжении источников — анонимная христианская хроника (на сирийском языке), написанная через 30—40 лет после описываемых событий[23], источник к тому же независимый от арабской исторической традиции (в отличие от многих более поздних христианских исторических сочинений). По его данным, Сус пал ранее Тустара, осада которого длилась два года. Такого же порядка придерживаются наиболее ранняя из дошедших до нас арабских хроник, Халифы б. Хаййата, и компетентнейший историк завоеваний — ал-Балазури. Такое совпадение вряд ли случайно.

Меньше ясности с завоеванием Джундисабура: в той же сирийской хронике он не упоминается, у Халифы сообщение о его завоевании приводится под 18 г. х. (вместе с Сусом) и под 20 г. х. (но до Тустара), у ал-Балазури договор с Джундисабуром упоминается между завоеванием Тустара и битвой при Нихавенде[24], у ат-Табари он, как и Сус, упоминается после захвата Тустара[25]. Согласившись с тем, что Сус был завоеван раньше Тустара, логично думать, что расположенный между ними Джундисабур должен был сдаться после Суса.

Конкретных сведений о ходе осады Суса у нас нет, вся информация концентрируется вокруг двух эпизодов: сдачи владетеля Суса и уничтожения могилы пророка Даниила.

Все арабские источники сходятся на том, что после длительной осады, когда в Сусе кончилось продовольствие, правитель (у одних — марзбан, у других — *малик*) сдал город с условием помилования оговоренного числа родных и приближенных (число называется различное, от 10 человек до 100), но забыл включить в это число себя и был казнен, как не получивший помилования [26]. По сведениям Сайфа, это был Шахрийар, брат Хурмузана, а ал-Куфи говорит, что его звали Шапур (Сабур) сын Азермаха (не упоминая родственной связи с Хурмузаном). Сирийский аноним вообще не упоминает этого эпизода; это обстоятельство вместе с фольклорным характером рассказа и тем, что сюжет повторяется у арабских историков в связи с разными городами, заставляет сомневаться в его достоверности.

Среди многих диковин, захваченных в городе, наибольшее впечатление на завоевателей произвели сокровища гробницы с мощами пророка Даниила. Народная молва также окутала захват ее туманом легенд, сущность которых сводится к тому, что Абу Муса сообщил о гробнице Умару, Умар стал расспрашивать своих приближенных о пророке и затем распорядился похоронить его останки. Абу Муса будто бы запрудил один из каналов, выкопал в его ложе могилу, похоронил в ней останки и пустил затем воду, навеки скрыв их от глаз людских. Сирийский аноним рассказывает о разграблении гробницы и захвате серебряной раки, но не упоминает о столь экстравагантном перезахоронении, которое непременно сохранилось бы в памяти христианской общины Суса [27].

Абу Мусе не удалось плотно обложить Тустар из-за активных действий Хурмузана. Арабские источники сообщают о 80 вылазках персов (правда, число выглядит условным обозначением «много» — вспомним Джалула), а в поединках будто бы погибло 100 мусульман. Собственных сил Абу Мусы оказалось недостаточно для разгрома Хурмузана, и ему пришлось просить подкреплений. По распоряжению Умара из Хулвана прибыл Джарир б. Абдаллах с отрядом в 1000 человек [28], но и его оказалось недостаточно, в ответ на вторичную просьбу из Ирака прибыл командующий иракской армией Аммар б. Йасир с большими силами. Только после этого в двухдневном сражении, в котором персы потеряли убитыми до 1000 человек и пленными (которые были казнены) — 600 человек, мусульманам удалось разгромить персов. Мусульмане ворвались в лагерь, охранявший подступы к городу, и загнали остатки персидского войска в город. Началась плотная осада, при которой падение города было лишь делом времени.

Падение Тустара ускорила измена группы горожан [29], один из которых провел группу мусульманских воинов (численность указывается разная: от 11 до 300 человек), они перед рассве-

том открыли ворота, и ворвавшееся войско в ожесточенном сражении перебило большинство оборонявшихся. Остатки вместе с Хурмузаном укрылись в цитадели. Взятый с бою город стал добычей завоевателей, вымещавших на мирных жителях озлобленность долгой осадой. Жертвой резни пало даже христианское духовенство во главе с епископом города. Как мы видим, между миролюбивыми наставлениями Абу Бакра и практикой войны лежит огромная дистанция. И все же, издали сочувствуя жителям иранских городов, захваченных штурмом, не будем забывать, что точно так же вели себя иранские солдаты в завоеванных городах Византии, уводя многие десятки тысяч мирных жителей в плен, устлав улицы Иерусалима трупами его жителей. Такова была психология общества, и долго еще имущество жителей взятого штурмом города считалось законной добычей победителей — достаточно вспомнить Измаил, отданный Суворовым на разграбление своим солдатам.

После раздела добычи каждому досталось по тысяче дирхемов (включая и стоимость рабов), а кавалеристам — по три тысячи.

Хурмузан ясно видел, что ждет его и его окружение, когда цитадель будет взята штурмом, надеяться на выручку извне не приходилось, тем более что запасы продовольствия были на исходе, и он вступил в переговоры. Абу Муса не рискнул гарантировать ему пощаду от своего имени и согласился только доставить его и его родственников и приближенных к халифу, чтобы тот решил его судьбу. Хурмузану пришлось довольствоваться этим ненадежным шансом на сохранение жизни. По одному свидетельству, вместе с Хурмузаном в Медину были отправлены еще 300 пленных, вероятно из его окружения, как ценнейшие трофеи в составе каравана, которым доставлялась пятая часть добычи.

Вокруг знатного пленника, едва ли не важнейшего из всех захваченных до той поры, сложилось немало легенд. Самая популярная из них рассказывает, что Хурмузан, представ перед халифом, попросил напиться, и ему принесли чашу с водой. Взяв ее, он сказал: «Боюсь, что ты убьешь меня, когда буду пить».— «Не бойся ничего,— ответил халиф,— пока не выпьешь ее». Хурмузан выплеснул воду (или уронил стеклянную чашу, и она разбилась) и сказал, что ему нужно было не питье, а помилование. Разгневанный халиф хотел казнить его, но присутствовавшие подтвердили, что слова гарантии сохранения жизни были произнесены [30]. Этот рассказ имеет все детали, необходимые для легенды: когда делегация приводит Хурмузана в мечеть, где Умар спит в одиночестве, завернувшись в бурнус, и изо всех аксессуаров власти при нем только его легендарный бич, которым он собственноручно наказывает нарушителей шариата, изумленный Хурмузан спрашивает, где же его привратники и стража, а сопровождающие с гордостью отвечают, что у него нет ни стражи, ни привратников, ни секретарей, ни кан-

целярии. Легенда эта была настолько распространена, что Абу Ханифа ад-Динавари, дойдя в своем рассказе до прибытия к Умару, замечает: «...а [дальнейший] рассказ о нем хорошо известен»[31].

Конечно, простота быта и приема у главы мусульманского государства должна была поразить иранского аристократа, привыкшего к пышности и строгому этикету сасанидского двора, остальное же происходило гораздо проще. Согласно другим источникам, Умар хотел казнить Хурмузана, но Абу Бакра отговорил его, ссылаясь на то, что казнь усилит ожесточенность сопротивления оставшихся иранских правителей, а помилование склонит их к переговорам, и Умар внял этому доводу[32]. Хурмузан был помилован и вынужден принять ислам, но зато стал одним из советников халифа и получил жалованье в 2000 дирхемов.

Судьба тех городов, которые предпочли сдачу, была гораздо благополучнее. Так, жители Джундисабура помимо дани были обязаны отдать завоевателям лишь оружие. В некоторых случаях (а может быть, как правило?) не желавшие оставаться в городе, жители которого по договору обязывались платить позорную для благородных (*азатов*) подушную подать, получали несколько льготных месяцев для подготовки отъезда в незавоеванные мусульманами части Ирана[33].

Заключительным аккордом военных действий в Хузистане стало завоевание вотчины Хурмузана — Михраджан Казака и его родового замка около Саймары.

Успеху арабов в Хузистане способствовала разрозненность действий иранской стороны. Хурмузан за три года войны не получил поддержки от Йездигерда, который сам с большим трудом сколачивал армию, чтобы защитить Западный Иран. Сообщения ал-Куфи о трех отрядах по 15 000 человек, посланных царем, явно фантастичны и никак не подтверждаются другими источниками. Кажется, единственным подкреплением были 300 тяжелых кавалеристов (*асавира*) во главе с Сийахом, появившихся в Хузистане во время осады Суса. Но от кого, с какой стороны они появились, сказать с уверенностью трудно. Мы знаем, что этот отряд стоял в Калбании, но эта местность, по одним данным, находилась в районе Рамхурмуза[34] (и тогда они прибыли из Истахра), а по другим — между Сусом и Саймарой[35] (и, следовательно, прибыли со стороны Хамадана от Йездигерда).

После падения Суса или после прибытия подкреплений с Аммаром б. Йасиром отряд Сийаха перешел на сторону мусульман и даже вроде бы принял участие в осаде Тустара[36].

Наиболее реальной и действенной могла быть помощь со стороны Фарса, но в тот момент, когда она была особенно нужна — с началом осады Тустара,— возникла угроза самому Фарсу. Сначала арабы из Бахрейна захватили остров Абаркаван (позднее Ибн Каван, современный Кешм)[37], а затем в 19/640 г.

несколько тысяч человек под командованием ал-Хакама б. Абу-л-Аса ас-Сакафи, брата наместника Бахрейна и Омана Усмана б. Абу-л-Аса, высадились около Ришахра [38]. В конце того же года (в зу-л-хиджжа=22.XI—20.XII 640 г.) в трех фарсахах (15—20 км) от Ришахра около Сихаба произошло решающее сражение между арабами и персидским войском под командованием марзбана Фарса Шахрака [39]. Сведения о ходе сражения очень неконкретны и противоречивы. Судя по рассказу, восходящему к самому ал-Хакаму, арабы применили свой обычный тактический прием: пустились в притворное бегство, а потом внезапно контратаковали. В сражении погибли Шахрак и его сын [40]. По ожесточенности это сражение сравнивали с битвой при Кадисии.

Часть разгромленного войска во главе с Бартайаном (?) отошла на север к ат-Туджану (ат-Таваджану?) в округе Санбил и продержалась там около года, пока войска Мусы не освободились от осады Тустара [41], а основная масса отступила на восток к Шапуру (Сабуру). Ал-Хакам взял штурмом Ришахр и двинулся в сторону округа Шапур, где захватил город Тавадж. Никаких деталей его завоевания (осада, мирный договор с жителями или штурм) до нас не дошло, так же как нет надежных данных о времени его завоевания. Халифа и ал-Балазури относят его завоевание и заселение арабами к 19/640 г. [42], но эта дата явно называется лишь потому, что завоевание произошло вслед за битвой при Сихабе. Таввадж был завоеван в начале 20/641 г., а после возвращения войска из кампании того года Усман взялся за основательное обустройство в этом центре.

Несколько следующих лет Усман, опираясь на Таввадж, совершал набеги на соседние районы, дойдя в 23/643-44 г. до сердца Фарса — Истахра, но не смог взять ни одного значительного города. Даже соседние Сабур (Шапур) и Казерун пали только в 26/646-47 г. [43]. Совершенно очевидно, что он располагал незначительными силами и до решительного общего перелома в войне с сасанидским Ираном, наступившего после битвы при Нихавенде и завоевания Западного Ирана, не мог добиться заметного успеха.

БИТВА ПРИ НИХАВЕНДЕ И ПЕРЕЛОМ В ВОЙНЕ С САСАНИДСКИМ ИРАНОМ

Между битвой при Джалула и следующим этапом активизации военных действий в направлении на Хамадан лежит четыре года. Чем объяснить этот внезапный спад наступательного порыва мусульман в Ираке, когда и на севере Сирии, и в Армении шло неуклонное продвижение вперед? Во-первых, приблизительно год ушел на завоевание Верхней Месопотамии до Мосула включительно и Курдистана; во-вторых, часть сил ирак-

ской армии, в том числе и половина передового гарнизона, стоявшего в Ханакине, в течение 19/640 и 20/641 гг. находилась в Хузистане, наконец, и это едва ли не самое главное, завоевателям требовалось время, чтобы переварить плоды успеха, освоить большую богатую страну. Ежегодно в распоряжение горстки завоевателей (что такое 20—30 тысяч человек по сравнению с добрым миллионом налогоплательщиков!) поступали огромные массы зерна и денег; грубо говоря, на долю каждого воина приходилось около 2000 дирхемов в год (подробнее см. гл. 5), не считая военной добычи. Требовалось время, чтобы наладить машину получения и распределения этих богатств, а может быть, и для того, чтобы справиться с ошеломляющей переменой образа жизни, которая могла на время приглушить погоню за новой добычей.

Во всяком случае, Йездигерд, отделенный от мусульманских владений цепью гор, получил три с лишним года передышки, которые позволили ему и его сторонникам прийти в себя после жестоких поражений и попытаться поставить преграду дальнейшему продвижению арабов в глубь Ирана. К сожалению, о том, что происходило в Иране в эти три года, мы знаем только из сочинений арабских историков, интересовавшихся триумфами мусульманских армий, а не тем, что делалось в стане противника. Бесстрастный свидетель, монеты позволяют говорить о том, что в эти годы на всей территории Ирана, не завоеванной арабами, чеканилась монета Йездигерда III и, следовательно, власть его, сначала признанная не всеми, постепенно распространялась на весь Иран хотя бы формально [44].

Пока основные силы иракской армии Халифата были заняты осадой Тустара, в районе Нихавенда стали концентрироваться иранские войска, прибывавшие из разных провинций. Арабские историки перечисляют все провинции Ирана, но приводимая при этом численность войск настолько преувеличена (до 150 000 человек) [45], что возникает сомнение в достоверности самого перечня провинций, откуда они прибыли.

О сборе иранского войска в Нихавенде узнал владетель Хулвана, Кубад, и сообщил Са'ду б. Абу Ваккасу. Тот оценил угрозу и стал готовить армию к походу, но в разгар сборов халифу поступил донос, что Са'д неправильно ведет молитву и слишком увлекается охотой. Умар послал человека для выяснения обстоятельств, который потом вернулся в Медину вместе с Са'дом. Халиф не нашел в его действиях большой провинности, но оставил при себе, а наместником Куфы в этот трудный момент стал заместитель Са'да Абдаллах б. Абдаллах б. Итбан [46].

На помощь куфийцам Умар перебросил часть войск из Басры и из других районов. Общая численность армии достигла 30 000 человек. Возглавил ее не наместник, а уже известный нам ан-Ну'ман б. Мукаррин. Одновременно командующие отдельными отрядами в Ахвазе получили приказ прикрыть подходы к Нихавенду со стороны Фарса [47]. Однако с этим, вполне по-

нятным распоряжением не вяжутся сведения о дислокации отрядов прикрытия в районе между Мардж ал-Кал'а и Гуда Шаджар. Местоположение последнего неизвестно, а Мардж ал-Кал'а — долина у Керенда, и где бы ни находился неизвестный нам пункт, отряды прикрытия защищали бы дорогу на Хамадан со стороны Саймары, а не преграждали пути от Фарса к Нихавенду и Хамадану.

Армия ан-Ну'мана б. Мукаррина беспрепятственно дошла до Тазара, в 20 с лишним фарсахах от Нихавенда, т. е. примерно между Керманшахом и Махидештом. Отсюда арабское войско, осторожно продвигаясь вслед за разведкой, без столкновения с противником достигло рустака Исфизахан и остановилось у селения Кудайсиджан, в трех фарсахах (15—20 км) от Нихавенда. Лагерь иранского войска находился в Вайхурде, в двух фарсахах от Нихавенда.

Вызывает удивление, почему иранский командующий (его называют то Фирузан, то Марданшах) позволил арабской армии беспрепятственно пройти по горной дороге, не устроив засад или каких-нибудь заграждений. Что это — небрежность или результат внезапного появления арабов? Не мог же он думать, что они пройдут мимо него по главной дороге на Хамадан и он сможет нанести сокрушительный фланговый удар? Как бы то ни было, арабы и в этот раз оказались предприимчивее и оперативнее.

О самом сражении сохранилось сравнительно много сведений (особенно у ат-Табари), но надежной информации, которая позволила бы представить его ход, в них содержится немного: во всех рассказах много шаблонных сюжетов и приемов, характерных для фольклора [48]. Если отбросить благочестивые наставления войску перед боем и описания поединков, то представляется следующая картина.

Арабская армия, остановившись напротив персидской, разбила лагерь, и после этого начались военные действия. Источники умалчивают, было ли какое-то предварительное прощупывание сил и намерений противника, получается, что бой завязался чуть ли не с ходу (сведения об устройстве лагеря и специалистах этого дела сохранились только у ат-Табари) [49]. Большинство источников сходится на том, что сражение длилось три дня: со среды до пятницы, но ни число, ни месяц не называются. В коротком рассказе Халифы сообщается, что в первый день персы заставили отступить правое крыло, а на следующий день — левое (а правое устояло). По сведениям ат-Табари, в пятницу арабы оттеснили персов в их лагерь, но прорваться через окружающий его ров не смогли. Затем ан-Ну'ман по совету своего окружения (податели мудрого совета называются разные) устраивает демонстративную атаку — небольшими силами кавалерии, которая будто бы не выдерживает обстрела и пускается в бегство. Персы не выдержали и бросились в погоню, в схватку с обеих сторон ввязалось все войско. В этом бою

погибли ан-Ну'ман и несколько последовательно сменявших его командующих. Персы были в конце концов разгромлены, бежали, арабская конница их преследовала и перебила многих беглецов [50].

По рассказу ад-Динавари, персы с самого начала не принимали боя, ан-Ну'ман по совету Амра б. Ма'дикариба пустил слух (который, видимо, должен был через лазутчиков дойти до персов), что умер халиф, и сделал вид, что снимается с места, персы вышли из лагеря и в среду произошло первое столкновение с большими потерями для обеих сторон. На третий день, в пятницу, при первой же атаке пал ан-Ну'ман [51].

По ал-Куфи, ан-Ну'ман погиб на второй день, а все сражение длилось четыре дня. В последний день персы ворвались в арабский лагерь, но своевременная атака засадного отряда переломила ход сражения, персы побежали, арабы преследовали их два фарсаха, а затем вернулись в Нихавенд (?!) [52].

Этот рассказ, перемежающийся описанием множества поединков, пространными речами героев, упоминанием десятков боевых слонов, участвовавших в сражении (которых другие авторы вообще не упоминают), несет на себе отчетливый отпечаток фольклорной обработки и вызывает сомнение в его достоверности.

Какие же бесспорные факты можно извлечь из всего комплекса противоречивых рассказов о нихавендском сражении? Во-первых, несомненно, что сражение длилось три дня и в начале его погиб ан-Ну'ман б. Мукаррин, во-вторых, общая длительность боевых действий под Нихавендом была значительно больше: в какой-то момент иранская армия отсиживалась в укрепленном лагере, желая протянуть время для подхода подкреплений, но неясно даже, на каком этапе это было — до первого столкновения или после. Историку остается только лишний раз удивиться тому, как мало отчетливых воспоминаний об одной из решающих битв эпохи завоеваний осталось в исторической памяти мусульманской общины.

Умар высоко оценил заслуги участников нихавендской битвы: те из них, кто включился в военные действия после Кадисии, получили, как и участники сражения при Кадисии, жалованье в 2000 дирхемов в год [53].

Дальнейший ход событий описывается так же противоречиво, приводятся различные даты завоевания городов и областей, различные имена арабских командующих, осуществлявших эти завоевания. В какой-то мере это путаница чисто историографического характера, о чем уже неоднократно говорилось по ходу изложения. В то же время некоторые противоречия могут объясняться неоднократным завоеванием одних и тех же пунктов разными командующими. К сожалению, сколько-нибудь точные даты этих событий отсутствуют, и даже проверка хронологии по именам наместников, упоминаемых в связи с этими событиями, оказывается в данном случае бесполезной, так как отсутствуют

точные даты их назначения. Так, по данным ат-Табари, наместником Куфы в 21 г. х. был Аммар б. Йасир, а между ним и Са'дом, смещенным в 20 г. х., правили Абдаллах б. Абдаллах б. Итбан. при котором произошла битва при Нихавенде, и Зийад б. Ханзала [54]. Знай мы хотя бы месяц замены Абдаллаха Зийадом, мы могли бы точнее датировать сражение при Нихавенде в пределах 21/642 г. (в начале 21 г. х., с 10 декабря 641 и до весны 642 г., военные действия арабов в этих горах маловероятны, к тому же ни один информатор не упоминает неприятностей, связанных с холодом).

Несомненно, что разгром иранской армии ошеломил мелкие гарнизоны соседних городов и лишил их правителей воли к сопротивлению. Правитель Нихавенда сразу же вступил в переговоры и сдал город. Жрец одного из храмов огня (*хирбед*) сам явился к казначею, ведавшему добычей, и выговорил себе сохранение всех поместий за то, что выдал сокровища Нахирджана (Нахиргана), одного из полководцев, участвовавших в битве при Кадисии [55]. Весьма вероятно, что Хамадан и более мелкие города Джибала в тот момент поспешили откупиться от победителей.

Походы следующих двух лет оставили в памяти современников путаные воспоминания. По сведениям ал-Балазури, Масабадан и Динавар были завоеваны Абу Мусой ал-Аш'ари еще до сражения при Нихавенде, а согласно Халифе, их завоевал Хузайфа б. ал-Йаман в 22/643 г. [56]; возможно, и здесь следует предполагать повторное завоевание.

Хамадан вторично был завоеван также в 22 г. х. [57] Ну'аймом б. Мукаррином. Оставшись в городе с основными силами, он выдвинул передовые отряды до рустака Дастаба, где-то в районе Саве, в трех-четырех днях пути от главного города Северного Ирана, Рейя (Рага). В Рейе после Нихавенда некоторое время находился Йездигерд со своим двором, но затем рассорился с правителем Рейя Абаном Джазавайхом и перебрался в Исфахан [58]. Владетель Табаристана предлагал царю убежище в своей труднодоступной области, но он отказался, а в благодарность даровал владетелю титул испехбеда [59].

Под Рейем собрались войска всего Северного Ирана, от Кумиса до Азербайджана, войско которого возглавлял Исфендийар, брат Рустама.

В трех фарсахах от города восьмитысячная армия Ну'айма в тяжелом сражении, которое якобы не уступало нихавендскому, одержало победу. После этого правитель Рейя заключил с победителем договор, по которому обязался выплатить контрибуцию в 200 000 дирхемов и платить ежегодную дань в 30 000 [60].

Дата сражения и сдачи Рейя, имена участников этих событий с обеих сторон во всех источниках разнятся. У ат-Табари в двух версиях арабский командующий — Ну'айм б. Мукаррин, а битва происходит в 22 г. х. У ал-Балазури (по Абу Михнафу) говорится, что через два месяца после Нихавенда Умар прика-

зал Аммару б. Йасиру послать Урву б. Зайд ал-Хайла на Рейй; договор от Рейя заключил Фаррахан сын Зайнаби, за выплату 500 000 дирхемов жители Рейя и Кумиса получали гарантию безопасности и сохранения в неприкосновенности храмов огня, харадж устанавливался такой же, как для Нихавенда (сумма которого не сообщается) [61].

Эту же версию, но в более пространном виде дает ал-Куфи: Урва, захватив Хамадан, движется на Рейй, в трех фарсахах от города происходит сражение. Договор заключает правитель Рейя Фархандад сын Йазадмихра [62]. У ат-Табари правителем Рейя назван Сийавуш сын Михрана, потомок Бахрама Чубина, он обидел Зайнаби, и тот провел арабов в город, что и решило исход сражения; Зайнаби заключил договор с арабами и был утвержден ими марзбаном Рейя [63].

Согласно Халифе, Хамадан и Рейй завоевал Хузайфа б. ал-Йаман в 22 г. х. или Мугира б. Шу'ба в джумаде I 24/марте 645 г. [64]; ал-Вакиди называет 23 г. х., а по другим данным, Рейй находился в осаде в момент смерти Умара [65].

Этот разнобой свидетельствует о смешении сведений, относящихся к разновременным походам. По-видимому, второй поход на Рейй начался в 23 г. х. и закончился его взятием в джумаде I 24/марте 645 г.

Несколько четче сведения о завоевании Исфахана (Джейя). Ат-Табари датирует его 21 г. х. [66], но это явно ошибочная дата, до сражения под Нихавендом или сразу после него Исхафан еще не мог быть завоеван. Ал-Балазури датирует точно те же события 23 г. х., т. е. тем же временем, когда начался поход на Рейй. Различия между ат-Табари и ал-Балазури заключаются еще в том, что у первого поход направляется из Куфы, а у второго — из Басры, но командующим в обоих случаях назван Абдаллах б. Будайл б. Варка. Сведения ал-Куфи совпадают с ал-Балазури и, как всегда, не датированы.

Абу Муса ал-Аш'ари со всем войском дошел до Ахваза, а оттуда выслал двухтысячный авангард под командованием Абдаллаха б. Будайла. После сражения под Исфаханом (Джейем) падуспан (вероятно, тождествен упоминаемому там же астандару — правителю южной четверти Ирана) бежал с 30 лучшими лучниками в Истахр к Йездигерду. Жители Джейя после этого сдали город, обязавшись уплатить 200 000 дирхемов. Подошедший к тому времени Абу Муса направился дальше на север, к Кумму и Кашану [67], подчинением этих городов завершилось завоевание Западного Ирана.

ЗАВОЕВАНИЕ АЗЕРБАЙДЖАНА

Победа под Нихавендом открыла арабским армиям путь не только на восток, к Рейю и далее — на Хорасан, но и на север, в Азербайджан, который для этого времени следовало бы назы-

вать Адербайганом, чтобы отличить эту иранскую по населению провинцию сасанидского Ирана от позднесредневекового тюркоязычного Азербайджана. Эта провинция охватывала территорию между оз. Урмия, Араксом и Каспийским морем со столицей в Ардебиле.

Первым шагом ко вторжению в Азербайджан стало завоевание Абхара и Казвина сразу после сражения при Нихавенде. Казвинцы пригласили на помощь горцев из Дейлема, славившихся воинственностью, но они воздержались от боя, а после победы арабов выразили желание служить на тех же условиях, что и *асавира* Басры [68].

На следующий год военные действия перекинулись непосредственно на территорию Азербайджана. По сведениям ал-Балазури, Хузайфа б. ал-Йаман достиг Ардебиля и там имел сражение с марзбаном. После этого был заключен договор, по которому Азербайджан выплачивал 800 000 дирхемов «веса восьми» (см. гл. 5), а за это его жители получали гарантию личной безопасности и неприкосновенности храмов огня, особо оговаривалось право свободного совершения праздничных обрядов в храме Шиза. Ал-Балазури и Халифа датируют поход Хузайфы 22/642-43 г. [69].

В 23/644 г., как мы видели, марзбан Азербайджана Исфендийар пришел на помощь Рейю, и это, по всей видимости, было сочтено разрывом договора. Умар приказал Утбе б. Фаркаду вторгнуться в западную часть Азербайджана из Мосула или Шахразура, а Букайру б. Абдаллаху — из Хамадана [70]. На помощь им Нуʿайм должен был послать Симака б. Харашу, но тот задержал его до взятия Рейя.

Ясно, что Исфендийар при первой же неудаче реййцев поспешил покинуть их, чтобы защитить собственные владения.

Под Джармизаном (местоположение неизвестно) произошло сражение между Исфендийаром и Букайром; Исфендийар потерпел поражение и был взят в плен, его воины рассеялись по горным крепостям и продолжали войну. В это время с запада появился Утба. Брат Исфендийара, Бахрам, пытался преградить ему путь в глубь страны, но тоже потерпел поражение. Убедившись, что дело проиграно, Исфендийар согласился подписать договор [71].

Текст его, приводимый ат-Табари, не содержит каких-то специфических положений, и поэтому его трудно сравнить с договором Хузайфы, чтобы убедиться, что это не один и тот же договор. Дата договора, приводимая в тексте,— 18 г. х. — совершенно невероятна, если только она не является результатом искажения числительного «двадцать», ибо в 28 г. х. Абдаллах б. Шубайл возобновлял договор с Азербайджаном (на условиях договора Хузайфы) [72].

Глава 4

ЗАВОЕВАНИЕ ЕГИПТА

ВТОРЖЕНИЕ В ЕГИПЕТ

Продвижение мусульманской армии к побережью Сирии и Палестины, в глубь Верхней Месопотамии и даже в собственно Иран, имевший с арабским миром границу огромной протяженности, не представлялось неожиданным и преднамеренным. Отдельные набеги то в одном, то в другом месте вдоль постоянно меняющейся границы выхватывали у противоположной стороны то один, то другой район. Отряды, потерпевшие неудачу, всегда могли вернуться назад на широком фронте.

Иначе выглядит неожиданное вторжение небольшого мусульманского отряда под командованием Амра б. ал-Аса в Египет, соединенный с ранее завоеванными арабами землями узким Суэцким перешейком. Триста километров пустыни, отделяющие Южную Палестину от Дельты Нила, обеспечивали возможность неожиданного появления арабской армии на границе обрабатываемых земель, но в то же время перешеек, перекрытый решительным военачальником, мог стать дверцей мышеловки для малочисленного войска.

Арабская армия в Палестине находилась в трудном положении. Амвасская чума ополовинила ее ряды. Оставшихся сил только-только хватало для осады Кесареи и нескольких портовых городов Палестины, еще остававшихся в руках византийцев.

Арабским историкам довелось зафиксировать лишь очень скудные и противоречивые воспоминания участников египетского похода. Причем о самом начале нет ни одного сообщения очевидца, есть лишь более поздние рассказы. Согласно одним, Амр отправился тайно на свой страх и риск, согласно другим, он обо всем договорился с халифом, когда тот был в Джабии, наконец, инициатором похода оказывается сам халиф. Все сходятся только в одном: Умар опасался за судьбу отряда и послал письмо, в котором приказывал Амру вернуться, если он еще не успел вступить в Египет [1].

Его беспокойство было основательным: отряд в три с половиной тысячи человек должен был затеряться в многолюдном Египте, как иголка в стоге сена. К тому же, если в 634 г. ви-

зантийцы не придали значения вторжению арабов и не организовали серьезного сопротивления, когда еще не набрали сил, то теперь, после йармукского разгрома, падения Иерусалима, Дамаска и Антиохии, трудно было бы не считаться с опасностью арабского вторжения в Египет. Мы знаем, что византийцы и на этот раз оказались беспечными, но ни Умар в далекой Медине, ни арабские полководцы в Сирии и Палестине еще не знали этого.

Ибн Абдалхакам объясняет решимость Амра тем, что он «в доисламское время уже бывал в Египте, знал его дороги и видел обилие того, что в нем есть» [2]. Однако рассказ о посещении Амром Египта настолько насыщен ситуациями и шаблонами, характерными для фольклора, что его трудно принять всерьез. Возможно, в какой-то мере на решение Амра могли повлиять сведения, полученные во время набегов на крепости и монастыри Синайского полуострова [3], о чем арабские авторы не говорят.

В любом случае кроме желания завоевать богатую страну должна была быть еще какая-то веская причина, заставившая решиться на безумное предприятие — завоевание большой страны с горсткой воинов.

Мне кажется, эту причину следует искать в каких-то личных амбициях. После смерти Абу Убайды, Му'аза б. Джабалы и Йазида б. Абу Суфйана Амр мог рассчитывать на назначение его амиром всей Палестины. Но это назначение получил Му'авийа б. Абу Суфйан. Ситуация, конечно, не совсем ясна; фигура Му'авии, человека, оспорившего у Али халифат, была одиозной в глазах прошиитских историков, и поэтому сведения о его назначении неопределенны, но тот факт, что под командованием Амра оказалась незначительная часть палестинской армии, говорит за его второстепенное положение в Палестине. Наконец, если бы он был амиром Палестины, то именно он довел бы до конца осаду Кесареи, а не бросил бы порученную ему провинцию.

Видимо, Амр оказался не у дел, был обижен своим положением и обида толкнула его на рискованный шаг. Тогда можно понять и поверить сообщениям о том, что Амр уходил тайно, не раскрывая никому своих намерений: «Он приказал своим людям уходить, как уходит племя с одной стоянки на другую, ближнюю. Затем ночью он увел их» [4]. Праздник жертвоприношения, 10 зу-л-хиджжа (12 декабря 639 г.), Амр встретил в ал-Арише, городке, который административно относился к Египту. Накануне, в ар-Рафахе, он будто бы получил письмо от Умара и, догадываясь о содержании, раскрыл только в ал-Арише, в нем был приказ вернуться, если он еще не вступил на территорию Египта. Но теперь, находясь в ал-Арише, Амр имел законное основание идти дальше.

Конечно, нельзя исключить такого совпадения, что письмо с приказом вернуться настигло Амра на границе Египта, но сам

сюжет о просроченном письме достаточно распространен и вызывает подозрение в том, что это — готовый кирпичик, вкладываемый в построение здания исторической легенды. Ведь если на самом деле Амр тайно вышел в поход откуда-то из района между Бейт Джибрином и Иерусалимом, то через 3—4 дня оказался бы в ар-Рафахе, а для того, чтобы весть о самовольном выступлении Амра дошла до халифа и его приказ был бы доставлен в ар-Рафах, потребовалось бы не менее полумесяца бешеной скачки гонцов. Словом, концы не сходятся с концами.

Приморская дорога в Египет оказалась без охраны, и Амр через несколько дней беспрепятственно достиг первого действительно египетского города, ал-Фарама (Пелузия). Его укрепления сильно пострадали при осаде персами в 616 г., но, видимо, бреши были уже заложены, а в отряде Амра явно не имелось осадной техники, и ему пришлось терпеливо ожидать, когда через месяц или два при отражении очередной вылазки гарнизона удалось на плечах отступающих ворваться в одни из ворот и захватить город. Это был первый большой успех. Покидая ал-Фарама, Амр предусмотрительно приказал разрушить городскую стену, чтобы лишить византийцев возможности, захватив город, укрепиться в нем и отрезать все связи с Халифатом. Оставить же хотя бы 2—3 сотни воинов для охраны крепости Амр не мог: перед ним лежала обширная страна с многочисленными укрепленными городами.

Арабские историки совершенно не имели представления о том, что происходило в Египте накануне и во время его завоевания. Все высшие административные и военные деятели византийского Египта слились для них в одну полулегендарную фигуру ал-Мукаукиса, которого обычно отождествляют с мелькитским патриархом Киром, назначенным в Египет осенью 631 г., он же фигурирует и в рассказах о посольстве Мухаммада в Египет в 7/629 г.

Круг полномочий Кира не совсем ясен и в христианских источниках. Для монофизитов-коптов он был исчадием ада, в котором воплотилось все зло, и он вырос во всемогущую фигуру, заслонившую остальных представителей высшей власти, хотя несмотря на все полномочия, не был главой египетской администрации[5], каким предстает в сочинениях монофизитских авторов.

Сразу же после прибытия в Египет Кир принялся рьяно насаждать монофелитскую догму, которая должна были примирить сторонников учения о двух естествах в едином теле сына божьего с догматом монофизитов о едином естестве. Но этот гибрид не приняли ни мелькиты, ни монофизиты. Для первых она представлялась такой же ересью, как и монофизитство, вторые же считали, что их просто хотят обратить в другую веру, не усматривая никакого компромисса. Коптский патриарх Вениамин разослал по стране пасторское послание, призывая стоять за истинную веру, и покинул свою резиденцию в Алек-

сандрии (или в одном из монастырей около нее), чтобы укрыться в дальних монастырях Верхнего Египта.

Упорство коптов, для которых своя религия была своеобразной формой внутренней духовной автономии под властью чужаков-греков, вызывало у Кира ожесточение. Его посланцы в сопровождении солдат врывались в коптские монастыри и требовали подписывать акты о принятии официального догмата. Особо упорствовавших подвергали пыткам. Одни, не желая принимать новое учение, бежали в горы и пустыни, другие, принимая внешне официальную догму, сохраняли свои убеждения и продолжали тайно молиться по своему обряду. Кир пытался отыскать знамя сопротивления — патриарха Вениамина, но тот успешно ускользал от преследования, укрываясь то в одном, то в другом отдаленном монастыре Верхнего Египта.

Борьба шла не только за верность тем или иным догматам, сущность которых была ясна далеко не всем мирянам, но и за вполне ощутимые ценности — за церковные владения, которые Кир конфисковал у противившихся монофелитству церквей и монастырей.

К концу тридцатых годов официальное учение внешне восторжествовало, но конфликт был лишь загнан внутрь и в любой момент мог вырваться наружу. Политика Кира привела к тому, что в Египте противостояние между основной массой жителей и византийскими властями было больше, чем в Сирии и Палестине. К тому же кроме религиозных конфликтов существовали серьезные противоречия между «зелеными», которые в Египте представляли партию местных землевладельцев и торгово-ремесленного населения, и «синими», составлявшими партию константинопольской ориентации (см. т. 1, с. 19). Существовали города и даже целые районы, придерживавшиеся «синей» или «зеленой» ориентации. Вдобавок ко всей этой пестрой картине политической и религиозной розни нужно отметить, что в Египте еще сохранялись значительные очаги гностицизма, также преследуемого официальной церковью и неприемлемого для коптов-монофизитов.

Такова была ситуация в стране, в которую вторгся Амр б. ал-Ас со своим малочисленным войском. К сожалению, никаких сведений о силах, которыми располагал Феодор, командующий византийской армией, в имеющихся источниках мы не находим. Видимо, значительная часть их была рассеяна по всей стране в виде гарнизонов, а полевая армия была сравнительно невелика. Во всяком случае, арабские источники, склонные преувеличивать силы противника для вящей славы мусульманского оружия, в описании сражений в Египте не говорят о значительных силах. Известным подспорьем армии могла быть городская милиция. Но она была не очень надежна.

Амр двинулся обычным путем завоевателей, вторгавшихся в Египет из Азии,— вдоль восточной окраины Дельты к ее вершине, так же, как четверть века назад шла персидская армия.

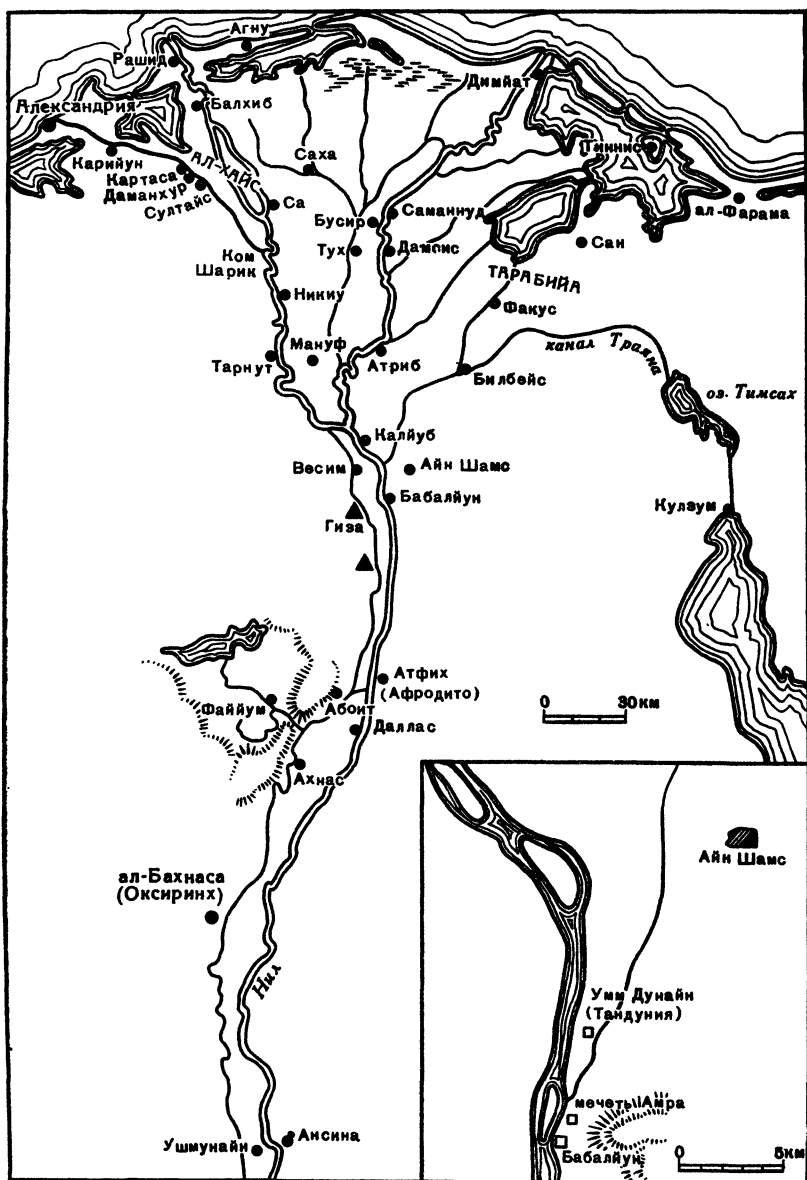


Рис. 10. Египет в середине VII в.

Первым серьезным препятствием оказался хорошо укрепленный город Билбейс, комендантом которого, как сообщают некоторые авторы, был Аретон, бывший комендант Иерусалима, бежавший после его сдачи в Египет. Он попытал счастья разгромить арабов ночным нападением на их лагерь, но потерпел поражение. Арабы месяц осаждали город и наконец взяли его штурмом. Византийцы потеряли 1000 человек убитыми и 3000 пленными [6]. Цифры эти, несомненно, сильно округлены в сторону завышения. Не могли не понести потери и арабы, но их в какой-то мере компенсировали бедуины, кочевавшие между Дельтой и Синаем, присоединившиеся к Амру. Учитывая длительность осады ал-Фарама, время на переходы, падение Билбейса должно прийтись на конец февраля — конец марта 640 г. (рис. 10).

Далее Амр оказался у крепости Умм Дунайн (Тандуния) (где-то в районе современного Булака в Каире) [7] и города Бабалйун, или Бабилон, остатки которого можно и сейчас видеть в южной части Каира. С этого момента мы оказываемся перед трудной проблемой восстановления порядка событий.

Арабские историки сводят весь первый этап военных действий в Египте к боям вокруг Бабалйуна, а в важнейшем источнике по истории Египта VII в., «Хронике» Иоанна Никиуского, боям под Бабалйуном предшествует развернутое повествование о захвате арабами Файйума и ал-Бахнаса, но как это связано с предшествующими событиями, мы не знаем, так как в единственной рукописи этого сочинения нет большого куска, охватывающего около 30 лет, в том числе отсутствует и раздел о вступлении мусульман в Египет. Поэтому трудно дать достоверную последовательность событий.

Согласно арабским источникам, на подходе к Бабалйуну, между ним и Айн Шамсом, Амр натолкнулся на хорошо укрепленный лагерь византийцев, не решился напасть на него и послал к халифу просьбу о помощи. Для прибытия подкреплений из Сирии потребовалось бы не меньше месяца. Все это время Амр маневрировал, чтобы скрыть малочисленность своего войска [8].

А. Батлер, опираясь на сведения Иоанна Никиуского, считает, что в ожидании подкреплений Амр решился на отчаянный (по его же словам) шаг: захватив Умм Дунайн, переправился с поредевшей армией через Нил и совершил набег на Файйум и ал-Бахнаса [9]. Поверить в это трудно, хотя, конечно, нельзя отвергать сообщения источников только потому, что какие-то действия деятелей далекого прошлого не соответствуют нашим представлениям о пределах разумного. Нужно прежде всего исходить из логики изложения.

Рассказ о военных действиях против арабов у Иоанна Никиуского начинается сообщением о гибели в бою Иоанна, командующего милицией [10]. О месте его гибели не сообщается. Главнокомандующий египетскими войсками Феодор узнает о

гибели от посланцев префекта Аркадии (Файйум с прилегающей частью долины Нила) Феодосия, который вместе с префектом Александрии, Анастасием, стоял лагерем в 12 милях от Никиу (между ним и Тарнутом). Узкое ущелье, соединяющее Файйум с долиной Нила, охранял византийский отряд под командованием другого Иоанна. Мусульмане обошли Файйум с запада, захватив много скота, и напали на ал-Бахнаса. Арабы убили командующего (Иоанна Барку?) и стали хозяевами города, убивая и грабя жителей, а затем напали на Иоанна (охранявшего дорогу на Файйум?), который с кавалеристами и ополченцами спрятался в зарослях у Нила, но местные жители выдали их, и мусульмане убили Иоанна и 50 сопровождавших его всадников.

Узнав об этом, Анастасий и Феодосий передвинулись из Никиу в Бабалйун, а против арабов направили тучного и несведущего в военном деле Леонтия[11]. Тот, увидев, что Феодор сражается с арабами, ушедшими в Файйум, предпочел не рисковать и удалился с половиной войск в Бабалйун. Феодор же нашел в реке тело Иоанна (какого из двух?) и отправил его императору. Анастасий и Феодосий, враждовавшие с Феодором, пошли к Гелиополю (Айн Шамс), чтобы дать там бой Амру, который до того не знал о существовании города Мисра (Бабалйун) и откуда-то шел на соединение с двумя другими мусульманскими отрядами.

Таким образом, получается, что Амр предпринял рейд на ал-Бахнаса, миновав Бабалйун, оставляя за собой основную часть египетской армии, опиравшейся на ряд крепостей и действовавшей в хорошо ей знакомой местности. Возникает вопрос: если Амр предпринял свой рейд не из тактических соображений (тактическая выгода от этого скорее в пользу византийцев), а ради добычи, то почему он не выбрал Атриб или Атфих, находившиеся на восточном берегу?

Вчитываясь в текст Иоанна, натыкаешься на ряд несообразностей и противоречий. 1) Почему византийская армия стояла в районе Никиу, а не около Бабалйуна, где она преградила бы путь и на Александрию, и в Верхний Египет? 2) Почему Феодор, находившийся где-то в районе ал-Бахнаса — Файйума, узнал о гибели Иоанна от Феодосия, находившегося под Никиу? 3) Как могло случиться, что Амр (или незначительная часть его отряда) попал в район Файйума — ал-Бахнаса, минуя Бабалйун?

Весьма вероятно, что текст «Хроники» Иоанна, переживший два перевода, постепенно утратил первоначальную логику изложения и главы CXI, CXII оказались не на месте. Иначе трудно объяснить, почему все арабские источники помещают взятие Файйума и завоевание Верхнего Египта после взятия Бабалйуна.

Оставим пока в стороне спорный вопрос о набеге на Файйум и ал-Бахнаса. В любом случае Амр (или один из посланных

им отрядов) не мог, двигаясь от Билбейса, миновать вершину Дельты, прикрытую крепостью Бабалйун. Учитывая время, ушедшее на осаду двух крепостей, Амр не мог появиться под Бабалйуном ранее середины марта. Здесь его ждало византийское войско, расположившееся в хорошо укрепленном лагере между Тандунией и Бабалйуном. Амр запросил подкреплений у халифа, а сам тем временем беспокоил византийцев частыми нападениями с разных сторон, чтобы создать впечатление многочисленности своего войска [12]. Византийцы легко разгадали его уловки, но, верные той же тактике, которая погубила византийские армии в Сирии, воздерживались от активных действий.

Решительное сражение произошло только в июле. Возможно, решимость византийцев укрепилась с подходом войск Анастасия и Феодосия [13]. Успел ли Амр получить подкрепления, мы не знаем. Согласно Иоанну, они подошли до сражения, а арабские источники не позволяют утверждать это даже по косвенным данным. Амр разделил свое войско на три группы, атаковал византийцев с двух сторон, а затем в решительный момент 500 конников Хариджи б. Хузафы напали с тыла и повергли византийцев в бегство. Потери их, видимо, были невелики, так как беглецы могли укрыться в близлежащих крепостях.

После этого сражения мусульмане сравнительно легко захватили Умм Дунайн и перебили значительную часть гарнизона, лишь тремстам человекам из него удалось спастись на судах и бежать в сторону Никиу. Иоанн сообщает, что, узнав о поражении, Доменциан, префект Файйума, тоже бежал в Никиу и арабы заняли Файйум и Абоит, перебив многих жителей. Но это, вероятно, связано с падением Бабалйуна, а не сражением под Умм Дунайном, так как у Амра было еще достаточно хлопот с осадой Бабалйуна. Это была превосходная крепость, построенная римлянами. Стены толщиной в два с половиной метра, сложенные из перемежающихся рядов камня и обожженного кирпича, возвышались на 18 метров. Двое ворот, в южной и западной стене, выходили к Нилу, а к суше, в сторону арабов, были обращены глухие стены. Взять такую крепость штурмом, без хорошей осадной техники было невозможно (рассказ о том, как аз-Зубайр б. ал-Аввам приставил лестницу и легко взобрался на стену, совершенно фантастичен) [14]. Взять ее измором было также непросто — она была связана понтонным мостом с островом ар-Рауда, а через него со всей страной. Кроме того, укрепленный городок на ар-Рауде служил для размещения резервов, так как в самом Бабалйуне вряд ли могло разместиться больше 3000 солдат. Пока мост оставался в руках византийцев, взятие города было делом чрезвычайно трудным. Поэтому невозможно согласиться с А. Батлером, что Миср (Бабалйун) был взят без боя [15].

Византийцы попытались взять реванш, атаковали осаждающих и снова потерпели поражение в поле. Воспользоваться плодами этого успеха арабы все равно не могли. А тем временем

начался подъем воды в Ниле, и военные действия неминуемо должны были затухнуть. В этот момент патриарх Кир начал переговоры с арабами, убеждая их взять выкуп и уйти. Арабские источники, естественно, превозносят впечатление, которое произвели на византийцев простота нравов мусульман, их благочестие и дух равенства, о содержании же договора не говорят ничего. Кир будто бы предлагал 1000 динаров халифу, 100 динаров Амру и по 2 динара остальным воинам [16], что составило бы 15—20 тыс. динаров. Такая сумма в качестве контрибуции с одного небольшого городка вполне естественна, но для договора одного города не требовался бы приезд патриарха. Видимо, договор имел более общий характер: арабы получали большую контрибуцию и отказывались от нападений на Египет. Феофан говорит о 120 000 номисм (динаров), после чего арабы три года не беспокоили Египет. Последнее, как мы знаем, не соответствует действительности, но позволяет догадываться, что речь шла не о сдаче Египта на условии договора, а именно о гарантии его безопасности.

Можно понять, почему Амр согласился на это: половодье лишало его свободы действий, захват Бабалйуна был невозможен, почетное отступление с богатой контрибуцией вполне устраивало всех мусульман.

Что же толкнуло Кира на соглашение в этот момент? Видимо, причину следует искать во внутренней ситуации. С одной стороны, не было единства между главнокомандующим, Феодором, принадлежавшим к партии «зеленых», и Доменцианом, приверженцем «синих» [17]. С другой стороны, с арабским вторжением подняли голову задавленные было монофизиты. В марте в Дефашире, городке около Александрии, обнаружился заговор монофизитов-гаянитов [18] с целью убийства Кира в отместку за конфискацию имущества их церквей. Комендант Александрии (?) Евдокиан, брат Доменциана, послал в церковь, где собрались заговорщики, солдат, они обстреляли собравшихся, а затем так избили, что несколько человек умерли, а двоим отрубили руки. Затем глашатай объявил, чтобы все находились в своих церквах и не выходили (видимо, дело было в какой-то большой праздник, когда заговорщики надеялись напасть на патриарха из толпы, скорее всего — пасха) [19].

Вероятно, были и другие проявления недовольства и враждебности, о которых мы ничего не знаем, но которые прекрасно знал Кир и поэтому решил откупиться от внешнего врага, чтобы развязать себе руки для подавления недовольных. Однако этому договору не суждено было вступить в силу. Узнав о нем, Ираклий разгневался, отозвал Кира в Константинополь и, не удовлетворившись его объяснениями, отправил в ссылку.

Несомненно, после отъезда Кира византийские власти не приступили к выплате денег, обусловленных договором; Амр счел договор аннулированным и осенью, уже после спада воды, возобновил военные действия. Основные силы византийцев к

этому времени отошли в Александрию, у Никиу стоял небольшой заслон под командованием Доменциана, а города Дельты охранялись лишь их гарнизонами.

Амр приказал местным властям построить мост через большой канал у Калйуба и двинулся на север к Атрибу (Банха ал-Асал, ныне Бенха). Другой мост через Нил, построенный у Бабалйуна, должен был преграждать движение судов, на которых могли быть переброшены войска для удара ему в тыл. Для охраны моста должно было оставаться значительное прикрытие [20] (см. рис. 10).

Продвижение армии Амра в сложных условиях Дельты, пересеченной многочисленными большими каналами, облегчалось помощью присоединившихся к нему коптов, которых Иоанн Никиуский называет людьми, которые отвергли Христа и называли христиан врагами Господа [21]. Среди присоединившихся были не только фанатичные противники официальной церкви, но и какие-то представители местной знати, недовольные своим положением. Иоанн Никиуский упоминает неких Каладжи, перешедшего с отрядом на сторону мусульман, и Сабендиса, обиженного неуважением к нему со стороны Иоанна (коменданта Димйата?).

Феодор оценил опасность, вышел из Александрии и двинулся наперерез Амру, чтобы не допустить его в район Саманнуда, где господствовали «синие», склонные к компромиссу с завоевателями [22], и где мусульмане могли рассчитывать на поддержку населения. Авангарду правительственных войск удалось опередить Амра и, несмотря на отказ милиции Саманнуда присоединиться к войскам и сражаться с арабами, нанести ему поражение, используя многочисленные каналы как оборонительные рвы. Амр был вынужден отступить к Бусиру и укрепиться там.

Успех правительственных войск заставил некоторых перебежчиков задуматься о своем будущем и судьбе близких. Первым покинул лагерь Амра Каладжи, опасавшийся за мать и жену, оставшихся в Александрии. За ним последовал Сабендис, бежавший в Димйат под покровительство коменданта этого города. Получив от него письмо с протекцией, Сабендис поехал в Александрию и выплакал себе прощение за измену [23].

Вне четкой связи с военными действиями под Саманнудом Иоанн упоминает нападения на Дамсис, Тух и Саха, которые якобы были безуспешны [24]. Однако Дамсис, расположенный в десятке километров южнее Бусира, где обосновался Амр, просто невозможно было обойти на пути к Саманнуду через Бусир. Тух, находящийся в 15 км от Дамсиса, также не мог быть не затронут военными действиями в данном районе. Только относительно Саха можно поверить, что его не удалось взять наскоком. Далее Амр напал на Димйат, потерпел неудачу и пытался сжечь урожай на полях. Разлив Нила заставил его отойти на исходную позицию и возобновить осаду Бабалйуна.

Как мы видим, отношение египтян к арабам было неоднозначным, так же, по-видимому, как и отношение арабов к египтянам. С одной стороны, мы читаем, что Амр «арестовывал византийских магистратов, сковывал им руки и ноги цепями и деревянными колодками, он вымогал много денег, удвоил налог с крестьян и заставлял доставлять фураж для лошадей; он совершал бесчисленные насильственные деяния» [25], с другой стороны, часть египтян, измученная религиозными преследованиями, отказывалась сражаться с мусульманами и даже помогала им разыскивать и уничтожать византийских солдат. Конечно, не все эти люди руководствовались одинаковыми мотивами и не все занимали активную позицию. Для многих было достаточно того, что, согласившись платить дань победителям, они получали возможность жить, не опасаясь гонений за веру, которым они подвергались в течение десяти лет. У Ибн Абдалхакама даже сохранилось сообщение о письме Вениамина, обращенном к пастве с призывом помогать арабам [26]. Вряд ли прямой смысл послания был именно таков, но явно с приходом арабов он мог вздохнуть свободно. Конечно, копты не встречали арабов как освободителей от византийского гнета — одна чужая власть над ними сменялась другой, но она в это время хотя бы не касалась их религиозных убеждений.

Осада Бабалйуна затянулась на семь месяцев. Арабы с помощью местных мастеров соорудили камнеметные машины (*манджаник*) и обстреливали город; других осадных приспособлений у них не было, и о штурме стен такой высоты не приходилось и думать. В арабских преданиях об осаде можно найти рассказ о том, как аз-Зубайр б. ал-Аввам, приставив лестницу к стене, первым взобрался на нее, с горсткой храбрецов бросился к воротам с криком «Аллах велик!» и открыл их. Мусульмане ворвались в город, и ал-Мукаукис запросил мира [27]. Подобных рассказов о взятии городов в арабских исторических преданиях немало, и подавляющее большинство из них является всего лишь фольклорным шаблоном.

Шел пятый месяц осады города, когда в Константинополе произошли большие перемены. На тридцать первом году царствования от горячки скончался император Ираклий (11 февраля 641 г.), оставив после себя соправителями двух сыновей: Константина (от первого брака с Евдокией) и Ираклиона (от брака с Мартиной, своей двоюродной сестрой). Такое соправление не обещало ничего хорошего. Эти две жены и их сыновья принадлежали к разным группировкам, к тому же духовенство считало брак с двоюродной сестрой кровосмешением, а сына от этого брака — незаконнорожденным. Константинопольский патриарх Пирр провозгласил императором Константина III. Константин вызвал из Египта Феодора, чтобы выяснить обстановку, и стал готовить флот для высадки.

Весть о смерти Ираклия и отзыве главнокомандующего не могла не повлиять на волю гарнизона к сопротивлению. К тому

же у осажденных кончались припасы и начиналась эпидемия. Комендант гарнизона или высшие светские и духовные власти вынуждены были начать переговоры о сдаче. В памяти участников событий с арабской стороны смешались переговоры с Киром осенью предыдущего года с переговорами о сдаче; всюду византийскую сторону представляет ал-Мукаукис, который к тому же превращается в защитника интересов коптов в ущерб византийцам [28]. Но Кир в это время, как мы уже знаем, был далеко от Египта, а кто-то из городской верхушки, зашифрованный под именем ал-Мукаукис, ведший переговоры, мог и в самом деле больше печься об интересах коптов, чем византийского гарнизона.

Условия сдачи нигде не приводятся. О них приходится догадываться по отдельным крупицам сведений. Прежде всего ясно, что гарнизон выговорил себе право беспрепятственно покинуть город, но должен был оставить все военные припасы. Как свидетельствуют условия договоров с сирийскими городами, уйти могли и все желающие, а оставшиеся обязывались платить джизью в размере 2 динаров с каждого взрослого мужчины.

Договор был подписан в страстную субботу, 6 апреля 641 г. Отпраздновав пасху, гарнизон покидал город. По случаю этого христианского праздника любви и примирения из темницы были выпущены заключенные, но тем, кто был заточен за веру, отрубили руки, чтобы эти враги церкви не радовались освобождению с приходом арабов [29]. В понедельник гарнизон покинул измученный город и в него вступили арабы.

Сразу же после этого Амр начал поход на Александрию, двигаясь по левому, степному, берегу Александрийского рукава Нила. На пути к ней лежал хорошо укрепленный город Никиу, около которого целый год базировалась византийская армия, прикрывавшая Александрию. Недавно возвратившийся из столицы Феодор оставил здесь трусливого Доменциана, который уже отличился бегством из Файйума. Когда арабы внезапно появились под городом, Доменциан тайком бежал, бросив гарнизон на произвол судьбы. Обезглавленный гарнизон, не оказывая сопротивления, разбежался; лодочники, мобилизованные со своими судами для обслуживания армии, тоже воспользовались случаем и разбежались по домам. 25 мая арабы ворвались в незащищенный город и перебили множество мирных жителей, встречавшихся им на улицах. Все же, видимо, арабы действовали не совсем вслепую: в Са они убили родственников Феодора [30], а жители Никиу принадлежали к «зеленым», сторонникам борьбы с арабами.

Арабские историки не упоминают взятия Никиу, а говорят о небольшом столкновении с византийцами у Тарнута [31]. Такое смещение могло произойти потому, что впоследствии Тарнут приобрел большее значение в этом регионе, чем захиревшее Никиу.

Феодор стал спешно исправлять положение. Уже через несколько дней передовой отряд Амра, возглавляемый Шариком б. Сумаййем, столкнулся с упорным сопротивлением: три дня он сражался в окружении, пока не подошел Амр с основными силами. Эта местность стала после того называться у арабов Ком (или Каум) Шарик [32].

В эти самые дни скончался император Константин III, готовивший подкрепления для Египта, вероятно отравленный сторонниками Мартины и ее сына Ираклиона [33]. Новая смена власти могла вызвать обострение внутриполитической борьбы в Египте, который и без того, как выразился Иоанн Никиуский, был «добычей сатаны». Вражда между «синими» и «зелеными» выливалась в вооруженные столкновения [34].

Но известие о смене власти не успело дойти до Египта, как арабы оказались на подступах к Александрии. После тяжелого боя под Султайсом (Сунтайсом), в котором против арабов сражались также городские ополчения Картасы и Султайса, арабы отбросили византийцев и заняли Даманхур (Ермуполь), последний значительный и укрепленный город на пути к Александрии. Султайс, Картаса и Даманхур были разграблены, а жители в наказание за участие в бою были обращены в рабство и отправлены в Медину (правда, после завоевания всего Египта Умар распорядился возвратить этих пленников домой, но разыскать удалось не всех) [35].

Эти два неудачных для византийцев сражения все же позволили задержать противника настолько, чтобы на самых подступах к Александрии у крепости Карийун, прикрывавшей узкую, 2—3-километровую косу, соединяющую Александрию с остальным Египтом, арабов встретила самая сильная за все время египетская армия, в которой кроме гарнизона Александрии и подкреплений, прибывших по морю, были также городские ополчения из Саха, ал-Хайса, Балхиба и Масира (Масила). Бой длился десять дней, прежде чем победа досталась мусульманам. Никаких сведений о численности войск обеих сторон и о ходе битвы не имеется, нет даже обычных для рассказов о сражениях описаний боевых эпизодов и поединков. Известно только, что авангардом командовал Абдаллах, сын Амра, получивший при этом ранение, но и он (один из передатчиков сведений о завоевании Сирии) молчит по этому поводу.

Был, вероятно, конец июня, когда арабы подошли к стенам Александрии. Взять ее штурмом было делом необычайно трудным, крохотный Бабалйун арабы осаждали 7 месяцев, а здесь перед ними был огромный по тем временам город с населением около 150 000 человек. Взять его измором было просто невозможно: город, все существование которого было связано с морем и морской торговлей, город, повернутый спиной к стране, столицей которой он являлся, имел большой флот, позволявший беспрепятственно подвозить продовольствие. В его стенах спокойно могла разместиться большая армия. А. Батлер считал,

что гарнизон насчитывал 50 000 человек, тогда как у арабов было только 15 000 [36]. Численность гарнизона явно преувеличена: если бы Феодор располагал такой силой, то арабы не пробились бы через Карийун. Видимо, можно говорить о 10—15 тыс. солдат и нескольких тысячах вооруженных горожан. Но и в этом случае для защиты восьми с половиной километров стен, обращенных к суше, город мог выставить по 2—2,5 воина на каждый метр.

Арабская историческая традиция в этом случае почему-то изменяет своему обычаю преувеличивать силы противника и утверждает, что хитрый ал-Мукаукис, чтобы скрыть малочисленность гарнизона, поставил на стены женщин, лицом к городу, чтобы арабы испугались многочисленности защитников. Это, конечно, фольклорный сюжет, нередкий для рассказов о военных хитростях (ср. т. 1, с. 272, примеч. 45), тем более что и Кира в это время не было в Египте.

Арабы сразу поняли несоизмеримость сил. При первой попытке приблизиться к стенам они были засыпаны камнями из камнеметных машин и поспешно отступили. Серьезных столкновений под Александрией не было, так как арабы потеряли всего 22 человека убитыми [37].

В их власти остались все окрестности с богатыми виллами и поместьями, но главная цель оставалась недостижимой. Прошло два месяца, приближалось время подъема воды, которая отрезала бы арабов под Александрией от остальной страны. Поэтому Амр почел за благо отступить, но выбрал путь через Дельту. Все сколько-нибудь значительные города, в том числе Саха, Тух и Дамсис, не сдались при появлении арабской армии, а времени для длительной осады у Амра не оставалось, он спешил возвратиться на безопасный восточный берег. По сведениям ал-Куда'и, это произошло в зу-л-ка'да 20 г. [38], т. е. в октябре 641 г., но в этом случае арабам пришлось бы два месяца сидеть в затопленной Дельте. А. Батлер считал, что после возвращения из-под Александрии Амр совершил поход на Антиною (Ансина), который, возможно, произошел раньше на год [39].

Таким образом, через полтора года после вторжения в Египет Амр бесспорно контролировал только правый берег Нила от Ансина до ал-Фарама и, может быть, район Файйума и самую вершину Дельты. Овладение Александрией после знакомства с ее укреплениями отодвигалось в далекое будущее.

СДАЧА АЛЕКСАНДРИИ

Несмотря на ряд поражений, византийский главнокомандующий имел достаточно сил, чтобы осенью 641 г. предпринять контрнаступление и хотя бы занять прежнюю оборонительную позицию в районе Никиу. Но эта возможность была чисто теоретической, так как воевать ему приходилось на два фронта.

Комендант Александрии Доменциан, пользовавшийся покровительством Мартины, матери Ираклиона, во внутриполитической борьбе был гораздо активнее, чем на поле боя. Кроме того, приходилось лавировать между группировками «синих» и «зеленых». Глава «зеленых» Мина поддерживал Феодора и был настроен активно бороться с арабами. Доменциан опирался на «синих». Но конкретная ситуация была значительно сложнее, чем просто противостояние сторонников Феодора и Доменциана или «синих» и «зеленых». Мина, по-видимому монофизит, враждебно относился к Евдокиану, брату Доменциана, за казнь монофизитов в пасху. Доменциан, враждуя с Миной, не любил Кира, хотя был его шурином. К этому примешивались различные денежные интересы.

Так, в это время в Александрию прибыл Филиад, префект Аркадии (не значит ли это, что Файйум был завоеван арабами только в 641 г.?), которому покровительствовал Мина. Но Филиад высказывался за сокращение числа солдат с целью экономии средств, и это, вероятно, послужило причиной нападения на него жителей Цезариона, которые подожгли дом, где он укрылся, и разграбили все имущество. На усмирение Доменциан послал своих сторонников. Разгорелось побоище, в котором шесть человек были убиты и многие ранены. Феодору с трудом удалось усмирить волнения [40].

Религиозно-политическая ситуация осложнялась наличием в Александрии беженцев из различных районов Египта.

В августе в Константинополе произошел новый переворот: вместо малолетнего Ираклиона, за которого правила его мать, восставшая армия поставила Константа, сына Константина III. С этой новостью Кир возвратился в Александрию. Феодор, посовещавшись с ним, вызвал Мину, назначил его командовать гарнизоном, а Доменциана изгнал из города.

Возвращение Кира пришлось на воздвижение и поэтому было особенно торжественно, правда, напоследок диакон из подобострастия вместо песнопения, полагающегося по чину богослужения, воспел тропарь в честь возвращения Кира, что, естественно, вызвало возмущение присутствующих и было сочтено дурным предзнаменованием для него [41].

После изгнания Доменциана, казалось бы, восторжествовала партия сторонников сопротивления арабам и у Феодора были развязаны руки для более решительных действий. Однако вместо этого Кир неожиданно прибыл в Бабалйун для переговоров с Амром о сдаче Александрии, и 8 ноября 641 г. был подписан договор, состоявший из восьми пунктов:

1. Александрия обязуется выплатить дань (по 2 динара со взрослого мужчины).

2. Устанавливается перемирие на 11 месяцев до 1 паопхи (28 сентября 642 г.).

3. Арабы остаются на местах, александрийцы тоже не предпринимают враждебных действий.

4. Византийский гарнизон отплывает по морю. Те, что уходят по суше, выплачивают дань за месяц.

5. Византийская армия не возвращается.

6. Мусульмане не трогают церквей и не вмешиваются во внутренние дела христиан.

7. Евреям разрешается остаться в городе.

8. В качестве гарантии соблюдения договора византийцы дают 150 военных и 50 невоенных заложников [42].

Трудно представить себе более благоприятные условия договора для арабов, особенно если учесть, что им не приходилось вести длительную осаду или нести большие жертвы во время штурма.

Чем объяснить такую странную уступчивость Кира, чуть ли не предупредительность по отношению к мусульманам? Ж. Жарри считает, что Кир и его сторонники хотели таким образом выиграть время, чтобы расправиться со своими противниками в Александрии, а потом нанести удар по арабам, имея за собой прочный тыл [43]. Во всяком случае несомненно, что для Кира главной целью было перемирие почти на год. Думали ли он и те, кто поддерживал его, всерьез о сдаче Александрии? Вряд ли. Весь смысл этого договора для византийской стороны заключался в получении длительной передышки, после чего, накопив сил, можно было и не выполнять остальные условия. Много пообещать противнику в критический момент и разорвать договор, когда в нем отпала нужда,— на этом строилась вся византийская внешняя политика. На то же рассчитывал и Кир: лишь бы откупиться сейчас, а потом — видно будет. Только расчетом на последующий отказ от выполнения договора можно объяснить согласие на эвакуацию византийских войск, без которых и патриарх, и городские власти оказывались беспомощными перед лицом арабов,— произойти-то она должна была только через год.

Пункт об обоюдном прекращении военных действий, очевидно, касался только Александрии, а не всего Египта, так как в промежутке между заключением договора и его исполнением завершилось завоевание Дельты и Верхнего Египта. Кир не мог подписывать договор от всего Египта уже хотя бы потому, что в нем не было единого главы администрации, им управляли два августала — Верхнего и Нижнего Египта [44]. В изложении событий у Иоанна Кир не выглядит носителем какой-либо светской власти. Подписывая договор с Амром, патриарх бросал остальной Египет на произвол судьбы.

В воспоминаниях арабской стороны Кир/ал-Мукаукис предстает главой всего Египта и заключает договор от всего Египта, а дальше идет уже домысливание: если джизья была по 2 динара с человека, а в Египте будто бы насчитали 6 или 8 млн. взрослых мужчин, то вся подать, собранная Амром, равнялась 12 млн. динаров [45]. У ат-Табари названа другая цифра — 50 млн., но без указания денежной единицы [46]. Если здесь под-

разумеваются динары (как и должно ожидать в византийской провинции), то сумму следует признать фантастической. Если же она выражена в дирхемах, то по курсу того времени она составит 4,16—5 млн. динаров — что соответствует общей сумме налогов Египта за год в IX—XIII вв. Заслуживает доверия и указание, что эта сумма соответствует наиболее благоприятному паводку и уменьшается в худших условиях. Но отсутствие общего договора заставляет думать, что у ат-Табари отражено состояние налогообложения Египта в IX в., а не сумма дани в первые годы после завоевания.

Дань же Александрии составляла от 13 до 22 тыс. динаров в год [47], т. е. на каждого взрослого александрийца приходилось не более 1 динара в год [48]; такая дань не была слишком дорогой ценой за год спокойной жизни.

Вернувшись в Александрию, Кир познакомил с результатами своих переговоров сначала только Феодора и Константина, начальника городской милиции, затем, заручившись их одобрением, сообщил августалу Феодору и городскому патрициату. Народ о совершившемся ничего не знал. Понятно, что когда 10 декабря 641 г. (1 мухаррама 21 г. х. — эту дату Ибн Абдалхакам считает днем захвата города) [49] у стен ничего не подозревавшей Александрии появилась арабская армия, то город охватила паника. Феодор и Константин успокаивали горожан, что им ничто не угрожает, а сопротивление только приведет к бесполезному кровопролитию. Возмущенная вероломством Кира толпа чуть не растерзала его, но горожане оказались обезглавлены и сопротивление невозможно было организовать [50]. Арабы получили дань и спокойно ушли, не потревожив горожан, в полном соответствии со своими обязательствами.

Такой мирный исход дела побудил многочисленных беженцев, укрывшихся в Александрии, обратиться к Киру с просьбой договориться с арабами о разрешении им вернуться в родные места. Разрешение было дано, и Александрия освободилась от значительной части беспокойного элемента.

Кир и его сторонники могли считать первую половину своего замысла — получить передышку — успешно выполненной, но повернуть эту передышку в свою пользу не смогли. Наоборот, арабы за год без особых усилий подчинили себе весь остальной Египет, за исключением некоторых заболоченных, труднодоступных районов Дельты. В разной связи упоминается договор с Баруллусом, Рашидом и Агну, Кафртайсом и Султайсом [51]. Местная администрация сразу нашла общий язык с завоевателями: префект Нижнего Египта Мина (которого Иоанн характеризует как человека необразованного и надменного), назначенный Ираклием, остался на своем посту; префектом ар-Рифа был назначен Синода, а префектом Аркадии и Файума — Филоксен [52]. Двое первых, судя по именам, были коптами, а не греками.

Параллельно с завершением завоевания Египта арабская

армия стала обустраивать свой лагерь, сложившийся вокруг Бабалйуна и получивший название ал-Фустат, т. е. «лагерь». Амр со сподвижниками пророка поселился севернее Бабалйуна. Здесь же в 21/642 г. была построена небольшая мечеть размером 50×30 локтей (27×16 м), которая могла вместить от силы 600—700 человек. Поэтому большинство молящихся располагалось на площади перед мечетью. Здесь, между мечетью и коптским Бабалйуном, уже в первые годы застройка приобрела городской характер. Остальное пространство к югу, востоку и северу в радиусе примерно двух километров было поделено между различными племенами; здесь палатки и наскоро слепленные домики и загоны для скота одного племени отделялись от другого обширными пространствами пустырей. Часть воинов, при осаде города стоявших лагерем в садах на острове ар-Рауда, пожелала остаться на этом месте, и около их поселения в 22/643 г. было построено укрепление (а может быть, просто восстановлено существовавшее прежде) [53].

Едва Амр успел освоиться в незнакомой стране, как халиф приказал ему восстановить древний канал от Нила до Суэцкого залива. Амр и особенно его египетские советники возражали, доказывали трудность этого предприятия, но Умар настоял на своем. Восстановление канала легло тяжелой повинностью на коптов и потребовало значительных средств [54].

Тем временем неумолимо приближался срок сдачи Александрии. Расчеты Кира и его единомышленников оказались опровергнуты жизнью, и им волей судеб пришлось честно выполнить все условия договора. Кир понял, какую злую шутку сыграла с ним судьба: надежды на чудо, которое сокрушило бы арабов, оказались напрасными, а в Константинополе к власти пришли его враги. Терзаясь раскаянием, он все-таки не смирился духом и возобновил преследования инаковерующих, но времени в его распоряжении оставалось уже очень мало: заболев дизентерией, он скончался в страстной четверг 10 апреля 642 г. [55].

22 сентября 642 г. августал Феодор с византийской армией отплыл на Кипр, а в Александрию беспрепятственно вступил Амр со своим войском. Удрученные александрийцы тем не менее встретили его с почтительностью. Вскоре после этого, к радости монофизитов, в свою резиденцию торжественно возвратился из изгнания патриарх Вениамин [56].

Иоанн Никиуский оценивает ситуацию в Александрии после сдачи арабам очень противоречиво. Он с одобрением отмечает, что Амр не требовал ничего сверх оговоренной суммы дани и не трогал церковного имущества, и тут же говорит о непомерной тяжести налога, заставлявшего продавать детей, чтобы его уплатить [57], хотя 18 000 и даже 22 000 динаров не были непомерно большой суммой для такого города, как Александрия. Может быть, его слова отчасти объясняются тем, что глава городской администрации, Мина, стараясь выслужиться перед

новыми хозяевами страны, вместо 22 000 собрал 32 000. Правда, Амр все-таки сместил его, но за это чрезмерное усердие или за что-то другое — мы не знаем [58].

Повествуя об этих тяготах, Иоанн замечает: «И все же Бог в своей великой доброте посрамил тех, кто нас мучил, дал восторжествовать своей любви к людям за грехи наши и изничтожил злые козни наших притеснителей...» [59].

Александрия поразила арабов мраморными колоннадами, своими размерами и величиной общественных зданий. Рассказы об этом быстро утратили всякую реальность и всякую меру в преувеличениях: рассказывалось, что в городе 4000 вилл и 4000 бань, 12 000 торговцев овощами и 600 000 взрослых мужчин, платящих джизью [60]. Но ни один человек из тысяч вступивших в Александрию не запомнил, что она сдалась без боя,— героическая традиция требовала захвата вражеского города штурмом, в худшем случае — с помощью изменника, показавшего потайной вход или открывшего ворота. Никто не запомнил никаких бытовых деталей, связанных с первыми впечатлениями от жизни в этом великом городе. Видимо, эти впечатления настолько выпадали из круга обычных представлений, что выразить их было очень трудно.

Амр не сделал Александрию своей резиденцией. Арабские историки объясняют это распоряжением Умара не располагать войска за большими реками. Это скорее всего легенда, но в то же время нельзя не отметить, что три крупнейшие резиденции и базы войск в Ираке и Египте основаны были на аравийской стороне великих рек. Вероятно, и сам Амр чувствовал себя неуютно в огромном городе на дальней от Аравии стороне Дельты.

В Александрии он расположил большой гарнизон, составлявший будто бы четверть всей армии, сменявшийся каждые шесть месяцев, другая четверть охраняла прибрежные города [61], а постоянной базой остался Фустат, который весной пустел, жители его разъезжались по пастбищам, расположенным в основном по восточной окраине Дельты и выше ее — по западному берегу Нила от ал-Бахнаса до разделения Нила на два рукава [62].

В Александрии арабский гарнизон имел на выбор множество домов и дворцов, брошенных уехавшей в Византию знатью. Они были общим достоянием мусульман, каждая смена поселялась, где хотела, не заботясь о сохранности этих зданий: «Человек входил в дом, где прежде был его товарищ, захватывал его и жил там, пока тот воевал. Амр сказал: „Я боюсь, что вы разрушите дома, если будете захватывать друг у друга“» [63].

Предпринял ли он что-нибудь для прекращения этой практики, мы не знаем. Скорее всего ничего изменить не удалось. Эти дома не соответствовали привычкам и образу жизни завоевателей. Жить во дворце, как в постоялом дворе, сознавая, что можешь сделать с ним что хочешь,— это одно, а жить в

нем как хозяин, содержать его и заботиться о нем — совсем другое. За примерами не надо далеко ходить — достаточно вспомнить петербургские дворцы, в которых разместились ленинградские учреждения.

В этой связи хочется снять с Амра предъявляемое ему иногда обвинение в тяжком грехе перед мировой культурой — сожжении по приказу Умара знаменитой Александрийской библиотеки. Специалисты хорошо знают, что это всего лишь благочестивая легенда, приписывающая Умару добродетельный поступок — уничтожение книг, противоречащих Корану, но в популярной литературе эта легенда иногда преподносится как исторический факт. Однако ни Иоанн Никиуский, немало сообщающий о грабежах и погромах во время арабского завоевания, ни какой-либо другой христианский историк, враждебный исламу, не упоминает пожара библиотеки. Скорее всего самой великой библиотеки в это время уже не существовало — она тихо угасла под напором борьбы христианства с языческой наукой в течение предшествующих трех веков [64].

Конечно, Александрия потеряла столичный блеск, но не из-за разгрома арабами, а из-за отъезда значительной части городской элиты и утраты городом статуса столицы. Непотревоженными стояли дворцы и храмы, продолжали действовать прежние муниципальные органы, городская знать самостоятельно решала внутригородские проблемы, более того, никто теперь не указывал, «како веровать», но блистательная Александрия разом превратилась в провинциальный город, хотя и оставалась резиденцией патриарха. Судьбы страны теперь решались в Фустате, который, как плотина, преградил путь потоку налогов, денежных и натуральных, питавших, кроме всего прочего, процветание Александрии.

Утратила она и роль транзитного центра, через который из Египта шел поток зерна в Константинополь. С восстановлением канала Траяна, завершенным скорее всего в 643 г., этот поток повернул в сторону Красного моря и стал питать Медину и Мекку, а главным транзитным центром стал Фустат.

Первый караван судов из Египта, прибывший в гавань Джара, приехал встречать сам Умар. Всем имевшим право на получение продуктов Умар выписал чеки (*сакк*), которые тут же стали объектом спекуляции. Богачи покупали у бедняков эти чеки, выдававшиеся бесплатно, а потом или перепродавали их, или получали по ним зерно и торговали им. Особенно отличился Хаким б. Хизам, племянник Хадиджи, который нажил таким образом 100 000 дирхемов. Узнав об этом, Умар потребовал вернуть людям деньги, полученные неправой продажей (продажа товара, отсутствующего у продавца,— греховна), но тот ответил, что деньги уже истрачены и их не вернуть [65]. Умар удовлетворился этим ответом и не наказал Хакима, хотя Халид б. ал-Валид за меньший проступок был смещен с должности. Это лишний раз доказывает, что в случае с Халидом обвинение

в расточительстве было лишь поводом, чтобы унизить слишком популярного и независимого человека.

Завоевание Александрии открывало Амру дальнейший путь на запад вдоль побережья Средиземного моря. Вероятно, вскоре после занятия Александрии он совершил поход на Барку (Пентаполис). В это время она уже не была той процветающей земледельческой областью, какой была античная Киренаика. Интенсивное освоение горных склонов привело к эрозии почвы и упадку земледелия. Бо́льшую часть ее населения составляли кочевые и полукочевые берберские племена. Без серьезного сопротивления жители Барки и племя лавата обязались присылать ежегодно 13 000 динаров, не допуская на свою территорию сборщиков налогов. Затем (или во время того же похода) Амр послал Укбу б. Нафи' в набег на оазис Завилу в центре Сахары, в 900 км юго-западнее Барки. Значительную часть дани отсюда составляли скот и рабы [66].

На следующий год (643) Амр совершил поход еще дальше на запад через Лабду до Нибары (современный Триполи). Взять ее не удавалось в течение месяца, пока случайно не нашелся проход в город со стороны моря, доступный во время отлива. Византийский гарнизон и часть жителей успели покинуть город на кораблях. Не теряя времени, Амр бросил конницу на Сабрату, жители которой, уверенные, что арабы все еще безуспешно осаждают Нибару, утром беспечно открыли ворота, чтобы выгнать скот на пастбище, и позволили арабам без труда захватить город [67].

Можно думать, что реальной властью над этой далекой от Египта областью Амр не обладал и вряд ли оставил в этих городах свои гарнизоны. Ему вполне хватало забот с освоением Египта.

АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Мусульманские юристы начиная с VIII в. много спорили о статусе Египта, был ли он завоеван силой оружия (и тогда правитель вправе произвольно увеличивать налогообложение и распорядиться землей), или был заключен общий договор, которым и должна определяться сумма налога. Как пытался доказать К. Моримото, обе концепции родились под влиянием конкретных политических условий своего времени: при Умаййадах стремление увеличить налоги вызвало потребность в сведениях об отсутствии договора и полной бесправности египтян, а при Аббасидах египетские правоведы искали аргументы противоположного характера [68].

Думается, что в жизни все было проще, чем думает этот японский исследователь: правители не искали правовых обоснований для увеличения налогов и все споры мусульманских

правоведов VIII—IX вв. носили схоластический характер — они выясняли проблему для себя.

Для арабов в первые годы после завоевания Египта не было принципиальной разницы, имелся ли договор с той или иной административной единицей. Он имел значение в момент сдачи города, был охранной грамотой, которая гарантировала сохранность жизни и имущества, личного, муниципального и церковного. Возможно, что сумма дани (если она фиксировалась в договоре) в этом случае могла быть меньше, чем при подушном обложении. Дальнейшее определяла бюрократическая фискальная машина, которая продолжала работать, невзирая на смену высшей власти в стране. Наивно думать, что в первый же год после завоевания был произведен подсчет налогоплательщиков по всей стране. Все было проще: завоеватели стали получать то, что прежде получали византийцы. Могли быть какие-то мелкие отличия, но в принципе все определялось давно заведенным механизмом.

Даже требования обеспечения постоя и снабжения проезжающих мусульман, зафиксированные в договорах с самыми разными областями и подтверждаемые документами из Египта, вряд ли вносили новое сравнительно с практикой постоя и снабжения византийской армии. Обычно исследователи ссылаются на сообщение Иоанна Никиуского о том, что Амр после взятия Бабалйуна увеличил вдвое налог с крестьян, заковывал магистратов в цепи и вымогал у них деньги [69]. Сомневаться в правдивости этого сообщения нет оснований, но это была практика военного времени, а после подчинения города или области восстанавливалась прежняя система налогообложения. Конечно, в каких-то случаях правитель мог счесть поступления недостаточными и потребовать дополнительных сумм, но такие случаи могли быть и в византийское время.

В нашем распоряжении имеются подлинные документы, свидетельствующие о том, насколько упорядоченными были взаимоотношения между местными властями и арабскими амирами буквально через несколько месяцев после договора с Александрией [70].

В одном из этих чудом сохранившихся папирусов из канцелярии Гераклеополя (Ахнаса) [71], имеющем параллельный арабский и греческий текст, мы читаем следующее (рис. 11):

«Во имя Аллаха, милостивого, милосердного. Это то, что взял Абдаллах ибн Джабр и его товарищи из скота на убой из Ахнаса. Взяли от заместителя (*халифа*) Тадарика сына Абу Кира Младшего и от его заместителя Истафана сына Абу Кира Старшего пятьдесят овец на убой и еще пятнадцать других овец, которых зарежут [его] сотоварищи, его лодочники и его кавалеристы и носильщики [72]. В месяце джумада первая двадцать второго года* написал Ибн Кудайд».

* 28 марта — 26 апреля 643 г.



Рис. 11. Расписка Абдаллаха б. Джабра, старейший документ арабским письмом



Рис. 12. Надгробие 32 г. х. из Египта

Еще интереснее, чем сам текст письма, пометка по-гречески на обороте документа (их канцеляристы делали на сложенных документах, чтобы легче ориентироваться): «Документ о передаче баранов магаритам [73] и другим лицам, которые прибыли, для зачета в налог [74] первого [года] индикта», т. е. указанные поставки были не побором, а вычитались из суммы налога текущего года.

Имя Абдаллаха б. Джабра в арабских источниках не встречается (если только писец не пропустил *алеф* в имени Джабир), а Абу Кир, видимо, тот самый Абакири из Далласа, который, по сведениям Иоанна Никиуского, перевозил арабские войска из Файйума в Нижний Египет (ар-Риф) [75].

В другом документе (греческом) тот же Абдаллах б. Джабр отдает распоряжение властям Гераклеополя (Ахнаса) выдать на 342 человека 342 артабы пшеницы и 171 ксест масла [76], что полностью соответствует сведениям арабских историков о размере продуктового пайка арабского воина в Египте.

В этих документах любопытно не только быстрое нахождение общего языка между завоевателями и местной администра-

цией, но и то, каким прекрасным каллиграфическим почерком написана арабская часть документа, свидетельствуя о существовании длительной традиции письменности на этом языке и наличии профессиональной выучки писцов. Надписи на камне были гораздо примитивнее (рис. 12).

Интересно было бы узнать, изменилось ли налогообложение с приходом арабов, стало ли тяжелее положение египтян при новой власти. К сожалению, никаких данных об общей сумме налогов, собиравшихся в византийском Египте, у нас нет. Арабские авторы говорят, что Амр обложил каждого взрослого копта двумя динарами в год. Это в целом соответствует наиболее правдоподобному сообщению, что при Амре в Египте собирали 2 млн. динаров [77]. Если разделить эту сумму на примерное число взрослых мужчин в Египте — 800—1000 тыс. [78],— то получим именно по 2 динара на душу. В свете этого можно думать, что александрийцы оказались благодаря своему договору в выигрышном положении: у них в среднем на душу приходилось около 1 динара. К. Моримото считает, что горожане платили по 2 динара, а земледельцы — один динар подушной подати с земли [79], но это плод странного недомыслия — земля была распределена неравномерно, и поэтому равной подати с земли на каждого земледельца никак не могло быть. Несомненно, что в первые годы своего правления арабы не вникали в детали работы финансового ведомства, оно представлялось им чем-то вроде дойной коровы, которую нужно толкнуть в бок, чтобы она дала больше молока. Именно так будто бы и писал Умар Амру: «Толчок извлекает молоко» [80].

Однако реальный приток средств из Египта в центральную казну оказался значительно меньше, чем ожидал Умар, наслышавшийся, вероятно, о несметных богатствах фараонов. Из двух миллионов, собранных в первый год, не менее полумиллиона ушло только на содержание египетской армии, кроме того, требовались средства на внутренние нужды страны — на поддержание в порядке ирригационной системы [81], немало денег поглотило восстановление канала Траяна.

Умар резко упрекнул Амра в попустительстве египтянам, требовал еще нажать. Амр пытался объяснить, куда ушла значительная часть налогов и что больше собрать нельзя: «Ты говоришь, что толчок извлекает молоко, так ведь я его (Египет) выдоил дочиста, так что молоко страны прекратилось» [82]. Умар же видел в его объяснении только хитрую отговорку. Верить документальности их переписки не приходится, но суть конфликта передается верно. Приписываемые Умару слова: «Я послал тебя в Египет не для того, чтобы он стал кормушкой для тебя и твоего рода» [83], несомненно, близки к тому, что на самом деле думал и писал халиф своему слишком далеко ушедшему из-под контроля амиру.

Поведение Амра, по мнению Умара, противоречило принципу равенства мусульман (во всяком случае, равенству старой

гвардии ислама). Поэтому, решив, что Амр слишком обогатился, он послал в Египет Мухаммада б. Масламу, одного из почтеннейших мусульман, участника битвы при Бадре, которого Мухаммад не раз оставлял во время походов своим заместителем в Медине, с приказом Амру отдать ему половину нажитых богатств. Получив приказ, Амр в сердцах помянул, что его отец ходил в парче, когда отец Умара возил дрова на осле, но подчинился и половину денег отдал — внутренняя дисциплина в мусульманской общине была еще крепка.

Не удовлетворившись этим, Умар разделил Египет на два наместничества и назначил наместником Верхнего Египта и Файйума Абдаллаха б. Са'да [84].

Глава 5

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА УМАРА

УМАР КАК РЕФОРМАТОР

За десять лет правления Умара мусульманское государство совершенно изменило свой характер. Из однонационального объединения единоверцев без центрального аппарата управления и постоянной армии оно в результате завоеваний превратилось в многонациональную империю, в которой население Аравии составляло примерно четверть всего числа жителей. Еще важнее было то, что провинции находились на значительно более высоком уровне социального и экономического развития, чем политический центр Халифата — Хиджаз. Кроме того, значительная часть наиболее активного населения Аравии в ходе завоеваний покинула ее или переселилась на ее северные окраины (Сирия и Приевфратье).

Мусульманская аристократия — мухаджиры и ансары — не порывала со своей родиной и то и дело возвращалась в Медину, выезжая затем оттуда то в одну, то в другую страну по своей инициативе или по распоряжению халифа. Впрочем, халиф мог распорядиться только назначением на высокий пост или смещением, приказать же кому-то участвовать в походе он не мог (как мы видели, во всех случаях Умару приходилось убеждать колеблющихся, стыдить их, сулить добычу, но не приказывать), так как войско не получало от него жалованья. Но йеменские арабы, уйдя в Сирию или Египет, сразу оторвались от своей далекой родины. Процесс этот усиливался по мере того, как арабы уходили все дальше от мест первоначального обитания. По мере удаления от Медины возрастал и сепаратизм военачальников, угрожая сделать рождающееся государство неуправляемым.

Умар был энергичным и решительным человеком, его авторитет позволял ему круто обходиться с чересчур своенравными военачальниками, даже такими заслуженными, как Халид б. ал-Валид. Однако управление государством, в котором три четверти населения жили по неведомым главе государства законам, требовало иных знаний и качеств.

Мусульманская историческая традиция рисует Умара благочестивым и мудрым, всеведущим государем. Он никогда не

спит: гонцы из армий всегда застают его бодрствующим, днем он управляет, ночью молится; он приказывает военачальникам, куда и как идти в поход, где обосновываться поселенцам, контролирует, кто и как руководит молитвой, и устанавливает нормы снабжения армии, предписывает размеры налогов и устанавливает меры длины и объема для обмера полей и сбора поземельного налога; при нем Халифат и мусульманское общество приобретают совершенно законченную форму, которая далее почти не меняется, а если меняется, то только в худшую сторону.

Этот идеализированный образ Умара в наше время под пером некоторых арабских историков приобрел новый ореол — своеобразного провозвестника арабского социализма, который первым в мире провел национализацию земли, сделал воды общим достоянием, обеспечил всем равные права на государственные доходы и сам при этом не ел ничего, чего не было у народа, не выделялся одеждой и не притеснял никого — наоборот, снизил налоги по сравнению с тем, что было при византийцах [1].

Умару и в самом деле волей или неволей приходилось решать многие из этих проблем, возникавших в совершенно новой, непривычной ситуации. Но что именно было сделано при нем, по его инициативе, а что только приписано ему из установившегося позднее правоведами VIII в. — в этом разобраться трудно. Мы ведь не знаем самого главного — каков был кругозор этого человека. Он единственный раз выезжал за пределы Аравии: в 637 г. в Сирию и Палестину. Природный ум, конечно, позволяет человеку легко осваиваться с новыми ситуациями и решать вновь возникающие задачи, но и у него есть предел, который нельзя перейти без предварительной подготовки.

Сейчас ясно, что многочисленные рассказы о наставлениях полководцам перед сражением и подробные диспозиции — плод творчества ранних историков, в лучшем случае многократно растиражированные единичные факты. Следующие поколения просто не могли допустить, чтобы что-то серьезное произошло помимо воли праведного халифа [2]. Конечно, какие-то серьезные мероприятия обсуждались с халифом. Нет ничего невероятного, например, в том, что Амр испрашивал позволение совершить поход на Ифрикийу (Тунис) [3], а Умар запретил ему рисковать. Но что мог он знать о ситуации в Египте или Закавказье, даже имея подробные отчеты своих наместников? Какие рекомендации мог он дать, кроме напоминаний о том, что на все воля Аллаха и что малые отряды с помощью Аллаха побеждают большие полчища. И ведь действительно они побеждали! Так может быть, именно такой поддержки от халифа и ожидали полководцы? Или же они в душе посмеивались над своим сотоварищем, пытающимся издалека, понаслышке давать им советы? Увы, этого нам не дано понять. Можно думать, что последнее со временем становилось все сильнее, но Умар не дожил до того времени, когда правители провинций могли взбунтоваться.

Конечно, Умар не был столь всеведущ, как рисует его мусульманская историческая традиция, но, несомненно, обладал необходимой для главы государства способностью воспринимать новое и применять его на деле. Главным источником сведений, нами еще недостаточно оцененным, были советчики халифа из завоеванных стран, как его мавали, так и свободные, приезжавшие в Медину со своими жалобами и просьбами. Например, восстановление канала Траяна явно должно было быть кем-то подсказано. Что-то извлекал он и из бесед с людьми, возвращавшимися из дальних походов. Ближайшее окружение, Али, Усман, Абдаррахман б. Ауф, которые во всех рассказах о принятии Умаром важных решений играют решающую роль, в действительности вряд ли лучше его ориентировались в новой обстановке.

В любом случае решающее слово оставалось за халифом. На нем лежала ответственность принять новое в жизни общины, не упомянутое в Коране и отсутствовавшее в практике пророка. И он не боялся давать распоряжения, расходившиеся с решениями Мухаммада, и даже отменял последние. Так, в нарушение решений Мухаммада он выселил в 20/641 г. евреев из Хайбара, Фадака, Тайма и Вади-л-Кура, разделив земли оазисов между мусульманами. В случае с Хайбаром был формальный повод: его жители ночью напали и ранили Абдаллаха, сына Умара, который приехал туда «по делам», скорее всего — выколачивать арендную плату [4]. В других случаях никакой повод не упоминается, кроме желания Умара выполнить предсмертный завет Мухаммада — сделать Аравию чисто мусульманской. Только этим можно объяснить переселение евреев и христиан Наджрана в район Куфы в нарушение договора, подписанного самим пророком; правда, за недвижимость, оставленную ими в Наджране, Умар заплатил, а землю в Саваде предоставил бесплатно [5].

Не останавливался Умар и перед отменой земельных дарений, сделанных Мухаммадом, если хозяин не обрабатывал эту землю.

Характерно для умонастроения мусульманского общества того времени, что ни одно из этих решений не воспринималось как прегрешение и нарушение воли пророка. Очевидно, еще было живо представление о том, что Мухаммад — обычный человек и его решения, принятые помимо откровения, могут, как решения обычного правителя, быть исправлены.

ПРОБЛЕМА БЕСХОЗНЫХ ЗЕМЕЛЬ

Первые два-три года особых сложностей с управлением государством не возникало: как и при Абу Бакре, всю добычу, поступавшую в Медину, халиф делил поровну между мединцами, кому-то мог дать больше, а кто-то из верхушки сам прихва-

тывал лишнее. Войска за пределами Аравии находились в буквальном смысле слова на подножном корму и не требовали ничего, кроме посылки подкреплений, пока они еще были малочисленны перед лицом противника, более того, они сами обеспечивали своих сородичей в Медине, посылая пятую часть добычи.

Затруднения возникли, когда завоеванные территории настолько увеличились, что значительную часть войск пришлось оставлять для гарнизонной службы, а следовательно, лишать ее возможности получать долю добычи. Практика ведения военных действий, подкрепленная разъяснениями Умара, допускала получение добычи подразделениями, которые были отряжены для операций по обеспечению победы, но в бою непосредственно не участвовали: дальняя разведка, фланговое охранение и даже подкрепления, не успевшие подойти к исходу сражения, но прибывшие до погребения убитых, имели право на получение добычи. Но это не касалось тех, кто не был так или иначе связан с конкретным сражением.

Конечно, наместники как-то обеспечивали их из налогов, поступавших согласно договорам, но здесь уже начинается область доброй воли и произвола наместников.

Огромные размеры завоеванных земель поставили перед завоевателями трудную задачу их освоения. Существовал простой и привычный способ: все разделить между участниками завоевания. Такие мысли у многих, несомненно, возникали. По свидетельству арабских источников, на разделе завоеванных земель настаивали участники завоевания Савада, Сирии и Египта. Приводятся различные версии, кто был главным ходатаем за этот раздел и кто возражал [6]. Выявить истину здесь невозможно, ясно только, что противники раздела находились в Медине, это была верхушка общины, которая с разделом всего в провинциях лишилась бы своих доходов.

Умар аргументировал запрещение раздела земли ссылкой на Коран: «И те, которые придут после них, скажут: „Господи наш! Прости нас и братьев наших, которые были раньше нас в вере, и не вложи в сердца наши ненависть к тем, кто уверовал“» (LIX, 10/10), поясняя при этом: «Аллах сделал тех, кто придет после вас, совладельцами этой общей собственности (*фай'*), а если я разделю ее, то не достанется ничего тем, кто после вас» [7].

Завоеватели хотели разделить не только земли, но и всех крестьян, сидевших на земле. После взятия ал-Мадаина победители собирались разделить между собой 30 000 крестьянских семей, живших за Тигром,— по три семьи на каждого. Умар решительно запретил. «Оставь крестьян как они есть,— писал он Са'ду,— кроме тех, кто воевал или бежал от тебя к врагам, а ты его захватил». Далее Умар пояснил, что в раздел поступают только земли бежавших землевладельцев [8]. Проявлением той же политики было возвращение на родину мирных жителей, плененных в Балхибе и Султайсе [9]. Известно также о разделе

земель Ахваза сразу после его завоевания, отмененном Умаром, который, по всей видимости, сопровождался временным порабощением населения [10].

Далее мы вступаем в область фискальной теории мусульманского права, основательно запутанную усилиями юристов VIII в., пытавшихся построить стройную систему обоснования права государства взимать налоги с земли. По их мнению, поскольку «земля принадлежит Аллаху и он дает ее в наследие, кому пожелает из своих рабов» (VII, 128/125), то фактом завоевания Аллах возвращает *(афа̄'а)* землю мусульманам, которая становится коллективной собственностью *(фай')* всей общины, олицетворенной в государстве [11]. Оставляя прежним владельцам завоеванную землю в пользование, государство получает с них поземельный налог, *харадж*, и этим реализует свое право собственника. Юрист конца VIII в. Абу Йусуф так и объяснял ар-Рашиду: «А что касается фай'а, о повелитель верующих, то это по-нашему — харадж, харадж с земли» [12]. Отсюда следовало и обратное — все земли, с которых платят харадж, являются собственностью государства [13].

Конечно, при Умаре эта казуистическая теория еще не родилась или не была сформулирована столь четко [14]. Неискушенные в правовой теории, участники завоеваний не могли не видеть очевидную разницу между взиманием дани с завоеванных областей и получением дохода с земельной собственности, будь она коллективной или частной. На это определенно указывает фраза из письма Умара Амру б. ал-Асу, в котором предлагалось вернуть земли коптам, плененным под Александрией: «Не следует превращать их земли в фай', а жителей превращать в рабов» [15],— следовательно, Умар не считал, как Абу Йусуф полтора века спустя, что все земли, с которых платят харадж, суть *фай'*. Расхождение с общепринятым мнением юристов VIII—IX вв. — лучшее доказательство подлинности письма (хотя бы и в пересказе).

Арабские источники четко определяют категории земель, которые Умар изъял из раздела: домен Сасанидов и заповеданные ими земли [16], владения их родственников, земли убитых в боях с мусульманами и беглецов, почтовых станций [17], заросли и земли, залитые сбросовыми водами каналов [18], короче говоря — бесхозные земли. Те же категории бесхозных земель были и в завоеванных византийских провинциях. Все они были объявлены неотчуждаемыми *(ṣава̄фӣ)*.

Вряд ли можно сомневаться, что земли за Тигром, которые хотели разделить вместе с крестьянами, являлись царским доменом, так как именно в Месопотамии и вокруг столицы находился их основной массив, занимавший почти 10% всей площади [19].

Савафи можно определить как государственную собственность, хотя мусульманское право не знало такой категории. Остальные земли оставались собственностью прежних владельцев,

плативших с них харадж; увязка права собственности с формой налога, который, в свою очередь, зависел от завоевания силой (*ʿанватан*) или по договору (*сулхан*), родилась позже в умах первых правоведов-теоретиков.

Форма коллективной собственности на землю, представленная *савафи*, была не чужда арабам в виде родовой и племенной собственности на пастбища, а также заповедных земель (*хима*), новшеством было только то, что в нее были включены обрабатываемые земли, которые в Аравии находились в частной собственности. Поэтому решение Умара относительно савафи было воспринято с пониманием.

Параллельно с учреждением неотчуждаемой (иммобилизованной) общинной (государственной) собственности на землю Умар запретил арабским воинам заниматься земледелием [20] в целях сохранения боеспособности и мобильности войска. Однако было бы грубой ошибкой считать, что эти распоряжения исключали какую бы то ни было возможность приобретения земли в завоеванных странах. Во-первых, запрет касался земледелия, а не землевладения, во-вторых, халиф, как управляющий общинной собственностью, мог часть ее подарить или дать в пожизненное пользование. Правда, о дарениях Умара мы не знаем ничего достоверного.

Систематическое поступление в распоряжение халифа огромных сумм с завоеванных территорий потребовало создания нового механизма их распределения. Однако, прежде чем говорить о степени тяжести налогового обложения и об изменении жизненного уровня завоевателей и завоеванных, необходимо конкретно представить себе денежную систему и реальную покупательную способность тех денежных единиц, о которых пойдет речь. Чтобы разобраться с ними, придется углубиться в более скучную, чем политическая история, сферу средневековой экономики.

ДЕНЕЖНАЯ СИСТЕМА И ЖИЗНЕННЫЙ УРОВЕНЬ

На территории, которую включил в себя Халифат, в первой половине VII в. существовали две разные валютные системы: византийская, основанная на золоте, в которой серебро было разменной монетой, и сасанидская, где основным металлом было серебро, а золото в обращении не участвовало, хотя какое-то количество золотых монет, скорее всего наградного назначения, все-таки чеканили.

В Византии основной денежной единицей была номисма, монета реальным весом около 4,45 г с портретом императора на лицевой стороне. Серебряная монета занимала небольшое место в денежном обращении, в повседневной мелкой торговле основную тяжесть брала на себя медная монета. В связи с незначительной ролью серебра и с тем, что номисма была слиш-

ком велика для обыденного употребления, приходилось чеканить монеты в половину номисмы (семиссы) и в одну треть (тримиссы). Цена медной разменной монеты устанавливалась декретом правительства и сильно менялась, конечно, в сторону удорожания медной монеты, от чеканки которой государство, видимо, получало больший доход, чем от чеканки золота. Из фунта (литры) золота (327 г) чеканили 72 номисмы (319—320 г), остающиеся 7—8 г покрывали расходы на чеканку и частично поступали в доход государства. Без этих отчислений вес номисмы равнялся бы 4,54 г. Отдельные экземпляры такого веса в коллекциях встречаются [21].

При расчетах употреблялась дробная единица, карат, т. е. $^1/_{24}$. Величина карата оказывается не совсем стандартной и зависит от того, какая единица берется за основу. Если основным считать вес $^1/_{72}$ фунта (4,54 г), то номисма в 4,45 г окажется равной 21 $^1/_2$ карата. Но чеканились также монеты в 22 карата (≈4,17 г) и даже в 20 каратов (≈3,79 г). Некоторые специалисты в области византийской нумизматики считают, что это вызывалось желанием облегчить размен монеты, создавая различные весовые сочетания [22]. Но почему-то забота об облегчении размена особенно проявилась после 616 г., когда Византия потеряла Сирию и Палестину и несла огромные расходы на войну с Ираном и аварами.

В сасанидском Иране основной денежной единицей была драхма, монета, стандартный вес которой пока не удается установить. Наиболее распространены в коллекциях драхмы весом около 4 г. На лицевой стороне драхмы изображался профильный портрет царя с сокращенным названием монетного двора и обозначением года правления. На обороте изображался алтарь огня (*аташгах*) и по сторонам его два жреца, обращенных к алтарю (рис. 13). Здесь, видимо, не было практики выпуска монет дробного номинала, так как размен ее не представлял трудности. До сих пор неясно, из какого весового стандарта исходили позднесасанидские монетные дворы, так как четких кратных соотношений драхмы разного веса не дают. Ясно только, что максимальный вес отдельных экземпляров достигает 4,25 г.

Бóльшая часть Аравии была в «драхмовой зоне», лишь северо-западный угол входил в зону золотого обращения. Граница между этими двумя зонами, грубо говоря, проходила по меридиану Мекки. Мекканские торговцы, закупая товары в Наджране или Джураше и везя их в Сирию (или наоборот), все время переходили из одной зоны в другую. На рынках Мекки полноправно ходила и та и другая валюта. И в Коране упоминаются и динары (номисмы) и дирхемы (драхмы) как полноправные носители понятия богатства.

Нестандартность веса монет, усугублявшаяся утерей веса из-за стирания в процессе обращения и из-за обрезания монет (драхмы очень тонки, и края могут быть обрезаны ножницами;



Рис. 13. Драхма Йездигерда III

во избежание этого по краю монеты шел круг из точек, но штамп не всегда приходился по центру, и один край оказывался без точек), вынуждала большие суммы взвешивать. Поштучно принимались только безусловно полноценные монеты, их так и называли — «счетные». В кораническом рассказе об Иосифе путники продают его именно за *дарāхим ма‘дӯда* (XII, 20/20). Видимо, такие монеты и определяли курс серебра и золота.

О курсе динара и дирхема за пределами Аравии ничего не известно, а в Мекке динар считался равным десяти дирхемам. Конечно, и здесь мы не имеем прямых свидетельств, но тот факт, что размер виры за предумышленное убийство (*дийа*), установленный Мухаммадом, равнялся 10 000 дирхемов или 1000 динаров, а затем ставки джизьи в зонах обеих валют имели ту же кратность, позволяют утверждать, что курс был именно таким.

Если довериться этим сведениям, то окажется, что цена серебра в Аравии была непомерно велика. Ведь если там 4,45 г золота равнялись 40 г серебра (10 драхм), то в Византии фунт серебра (правда, не в монете) стоил 5 номисм, т. е. серебро было в 14,4 раза дешевле золота. Авторитетный специалист в области сасанидской нумизматики Р. Гёбль тоже считает, что «естественное соотношение» цен этих металлов должно быть 1:13 — 1:15 [23], хотя и не приводит в подтверждение никаких доказательств. Но, согласившись с ним, мы должны ожидать, что самая массовая драхма весом 4 г должна меняться по 14,4—16,7 штуки за номисму. Пытаться объяснить курс 1:10 дороговизной серебра в Аравии невозможно, так как она была одним из поставщиков серебра в Иран (см. т. 1, с. 110). Если же исходить из соотношения, существовавшего в VIII—X вв., когда золото было в 10 раз дороже серебра, то обмениваться 1:10 могла только драхма, равная весу номисмы, а такие экземпляры чрезвычайно редки.

В конце правления Умара привычный для Мекки обменный курс изменился — динар стал стоить 12 дирхемов, хотя, насколько можно судить по реальным монетам, падение веса или пробы драхмы не наблюдается. Это изменение прослеживается в новых нормах уплаты виры за убийство (*дийа*), установленных Умаром [24]. Соблазнительно самое простое объяснение — приток серебра в связи с завоеванием Ирака и значительной части Ирана обесценил драхму относительно золота. Но вероятнее всего, что драхмы разного веса должны были иметь разный курс. Это подтверждается сообщением Йахйи б. Адама о том, что Халид б. ал-Валид обложил каждого из 6 тысяч мужчин Хиры «14 дирхемами весом в пять, что составило 84 тысячи весом в пять, а это равнялось 60 [тысячам] веса семи» [25]. Последнюю цифру приводит и Абу Йусуф, правда без определения, какие дирхемы имеются в виду.

Из этого сообщения следует, что наряду с полновесными дирхемами «веса семи», которые шли по курсу 1:10 (имеется в виду низшая ставка джизьи, равная одному динару), существовали и другие, имевшие курс 1:14. Таинственные дирхемы «веса семи» упоминаются в рассказе об уплате дани Сабура в 26/646-47 г. и Дерабджерда в 27/647-48 г. и «веса восьми» — в сообщении о договоре с Азербайджаном. В IX в., когда писал ал-Балазури, выражение «дирхем веса семи» означало, что десять таких монет весят семь мискалей, и это соответствовало весу дирхема, установленному реформой Абдалмалика [26]. Но, приняв такое объяснение, мы должны сделать вывод, что золото было только в 6,5 раза дороже серебра, а это совершенно невероятно. Значит, нужно искать иное объяснение.

Естественно предположить, что в названных выше определениях разного достоинства драхм указывается не соотношение, а число определенных весовых единиц. Такой единицей скорее всего может быть *данг* (араб. *даник*) — $^1/_6$ мискаля. Вопрос заключается только в том, какой величины был этот мискаль.

Если обратиться к позднесасанидским монетам, то мы увидим две основные весовые группы: около 4 г и около 3,7—3,8 г. Мискаль в 4 г нам неизвестен (если не считать, что первоначальный теоретический вес этой группы монет должен был составлять 4,25 г), а монеты второй весовой группы соответствуют финикийской драхме (3,73 г), лежавшей в основе весового стандарта парфянских и раннесасанидских драхм [27]. Приняв этот вес за единицу, мы получим данг, равный 0.6216 г; соответственно, «дирхем веса пяти» будет равняться 3,108 г, а «веса семи» — 4,351 г.

Как будет выглядеть в свете этого соотношение цен серебра и золота, если динар/номисма равнялся 14 драхмам «веса пяти» и 10 — «веса семи»? В обоих случаях 43,51 г серебра будут равняться 4,45 г золота, что дает соотношение 1:9,777, т. е. практически 1:10.

Падения среднего веса сасанидских драхм со времени Мухаммада до правления Умара не произошло, в обращении одновременно циркулировали монеты разного веса — чем же объяснить изменение официального соотношения драхмы и номисмы? Видимо, по какой-то причине в Аравии стандартной считалась драхма в 4,35 г, а окунувшись потом в море ходячей монеты Ирана и Ирака, мусульмане перешли к расчетам в монете другого стандарта.

Естественно возникает вопрос: чему же в современных единицах равнялись динары и дирхемы? Единственным надежным эталоном может быть оптовая цена на золото на международном рынке, которая в последние годы колеблется от 360 до 400 долларов за унцию (31,1 г). На этом основании номисму можно приравнять к 50—60 долларам, а драхму — к 4—5 долларам. Это дает некоторую ориентировку, но далеко не полно отражает покупательную способность этих денежных единиц, так как соотношения цен на ремесленные и продовольственные товары были различными, да и сам образ жизни был иным. Более того, отождествление с современными деньгами может сыграть коварную шутку.

Поэтому лучше всего посмотреть, какова была реальная покупательная способность этих денежных единиц.

По эквивалентам замены при уплате виры за предумышленное убийство (*дийа*), установленным Мухаммадом, взрослая верблюдица стоила 10 динаров (100 дирхемов), овца — 1 динар, а корова — 6 динаров. Это, конечно, очень усредненная оценка, так как конкретный верблюд мог стоить 5—6 динаров и 50—60 динаров, так же как и овцы, в зависимости от величины и упитанности. Простая рубаха стоила 1—2 дирхема, плащ — 3—4 дирхема.

Более разнообразные данные о ценах дает нам византийский Египет. Там в VI—VII вв. на 1 динар можно было купить от 250 до 350 кг пшеницы, 2 полугодовалые овцы, корова стоила 2—3 динара, комплект простейшей одежды (короткая рубаха-туника, плащ, сандалии) — около половины динара [28].

Заработок египетского ремесленника составлял 1—2 динара в месяц, а чернорабочие-поденщики получали и того меньше — около половины динара. Чтобы не угасать от голода, работающему взрослому мужчине нужно было около 0,3 динара в месяц. Один динар обеспечивал прожиточный минимум семье с 2—3 детьми [29]. Это было совсем не то, что мы подразумеваем сейчас, а возможность досыта есть хлеб и овощи и иметь тот минимум одежды, которым позволял обходиться теплый климат.

Теперь, конкретно представляя себе, что такое динар и дирхем в повседневной жизни подавляющего большинства населения, мы можем понять, какую часть бюджета простой семьи отнимали налоги.

СИСТЕМА НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ

Сведений о данях, взимавшихся в этот период, и о размерах индивидуального обложения в арабских источниках очень много, но все они имеют один общий недостаток: они трансформированы в соответствии с практикой и представлениями людей, передававших и записывавших сообщения о периоде завоеваний тридцать-сорок лет спустя. Срок исторически ничтожный, но огромный для периода становления нового общества, так же как для взрослого пять лет — один миг, а для формирования человека от двенадцати до семнадцати лет — целая эпоха.

Как уже отмечалось при рассмотрении конкретных случаев завоеваний, арабы, заключая договоры, диктовали лишь суммы выплат и объем продуктовых поставок, не вмешиваясь в их сбор и не предписывая способов раскладки на налогоплательщиков. В то же время в большинстве случаев указывается размер подушной подати из расчета взрослых свободных мужчин. В других случаях (их много, и нет смысла давать ссылки) указывается, что на завоеванных («на головы их») была наложена подушная подать, а на землю — харадж. В этом случае нельзя было обойтись без определения норм и контроля за выполнением этих норм.

В тексте договоров, заключенных Мухаммадом с Наджраном, Айлой и Азрухом, указывались определенные размеры подати и даже денежные эквиваленты натуральных поставок (т. 1, с. 173). В договорах же времени Умара сообщаются только общие положения: гарантия неприкосновенности личности и имущества, сохранности городской стены и церквей и так далее; если же сообщается об общем размере дани и индивидуальном обложении, то вне текста договора.

Арабская историческая традиция приписывает Умару создание всей налоговой системы Халифата, основывавшейся на двух типах налога: поземельном налоге, харадже, и подушной подати с иноверцев. Десятки раз в исторических и юридических сочинениях мы встречаем утверждения, что Умар предписал то одному, то другому полководцу, как и в каком размере собирать эти налоги.

Действительно, ни в Коране, ни в практике Мухаммада никаких конкретных установлений по налогообложению иноверцев не существовало. Евреев Хайбара просто оставили обрабатывать исполу свои же земли, в договоре с Наджраном была установлена конкретная сумма поставок натурой (или ее денежным эквивалентом); то же можно сказать и о договорах с Айлой, Джербой и Азрухом, с той только разницей, что их жители должны были платить по динару со взрослого мужчины (т. 1, с. 173, 178—179). Во всех этих случаях речь о поземельном налоге не шла.

При завоеваниях в 634—640 гг., как мы видели, упоминаются договоры с городами (подразумевая всю административно

подчиненную им территорию) из расчета 1, 2 или 4 динара подушной подати и, кроме того, поставки фуража и продовольствия для войска. Предписания Умара в этих случаях не упоминаются, о сумме дани договаривается полководец с полномочным представителем города. Само собой разумеется, что арабский военачальник никаких условий сбора не оговаривал, техника сбора была делом туземных властей и ничем не отличалась от принятой при прежних правителях.

Никакого различия между хараджем и джизьей в смысле, который вкладывался в эти понятия мусульманскими юристами, быть не могло, хотя местные власти, несомненно, применяли и подушное и поземельное обложение в соответствии с местными традициями. Тем не менее историки и юристы приписывают Умару установление той системы, которая сложилась не ранее чем через 15—20 лет и утвердилась при Умаййадах.

Как утверждают мусульманские источники, в 642 г. после смещения Са'да б. Абу Ваккаса для обмера земель Центрального Ирака («от Куфы до Хулвана») был послан Усман б. Хунайф, а в низовья Тигра — Хузайфа б. ал-Йаман. Их задача, по всей видимости, заключалась не в фактическом обмере всех полей, а в проверке кадастров и площади обрабатываемых земель в тех случаях, когда местные власти заявляли, что не могут обеспечить выплату сумм, следующих по налоговым спискам. Усман имел какое-то представление о существовавшей практике кадастризации, а неопытного Хузайфу местные жители водили за нос [30].

Для обмеров Усману б. Хунайфу Умар будто бы вручил мерный локоть, равный «ручному локтю» (49,9 см) с добавлением «кулака с вытянутым пальцем», что равняется примерно 64—66 см. Обмер дал, по разным сведениям, от 30 до 36 млн. джарибов пригодной для обработки земли, т. е., при второй цифре, от 3157 тыс. до 3794 тыс. га (см. т. 1, с. 228—229) [31].

Одновременно проводился подсчет земледельческого населения, выявивший, по разным данным, от 500 000 до 600 000 потенциальных плательщиков подушной подати [32]. Данные о площади обрабатываемых земель и численности населения хорошо согласуются друг с другом: по современным и косвенным средневековым данным, одна крестьянская семья в состоянии обрабатывать до 12 га посевных земель. Следовательно, для обработки 3,5 млн. га требовалось около 300 000 крестьянских семей, учитывая же трудоемкость огородных культур, эту цифру надо увеличить примерно в полтора раза.

По сведениям тех же источников, Усман б. Хунайф, проводя подсчет населения и сбор джизьи, вешал на шеи плательщиков свинцовые бирки в качестве квитанций об уплате, или, по выражению арабских источников, «опечатывал шеи»: «И ставил печати на инородцев (*'улӯдж*) [33] ас-Савада, и опечатал пятьсот тысяч инородцев по категориям: сорок восемь, и двадцать четыре, и двенадцать [дирхемов]. А когда кончил их проверку, то

вернул их дихканам и сломал их печати»[34]. Абу Убайд ал-Қасим б. Саллам сообщает, что Усману помогал его брат Сахл: «Они опечатывали их шеи, а потом разложили джизью — на каждого человека по четыре дирхема каждый месяц, а потом сосчитали жителей сел и что с них полагается и сказали дихкану каждой деревни: „На твоей деревне столько-то и столько-то". Те ушли и разделили между собой. А с дихкана брали все, что лежит на жителях его деревни»[35].

Из этого текста следует, что Абу Убайд или его информатор плохо понимали, о чем идет речь, и не заметили несколько противоречий. Практика навешивания бирок (или печатей) — квитанций — существовала в сасанидском Иране, но выдавались они после уплаты налога (о чем и свидетельствует цитированный отрывок из Абу Йусуфа)[36], если же Усман разложил налог, получил деньги и выдал бирки, то совершенно бессмысленно было указывать дихканам сумму налога, которая причиталась с селения. Ошибочен и размер обложения — 48 дирхемов в год, поскольку это относилось не к крестьянам, а к богатым людям (в частности, к тем же дихканам). Для нас в этом сообщении важно указание на то, что арабы вели сбор не индивидуально, а давали старостам селений «твердое задание», которое они выполняли из своих средств, а потом в течение года помесячно собирали со своих подопечных. Проводился ли при этом сплошной подсчет взрослых мужчин — сказать трудно. Скорее всего, проверялись сасанидские кадастры, а в каких-то случаях и применялись какие-то метки, чтобы отличить сосчитанных от несосчитанных.

Подробное описание системы раскладки и сбора налога в Египте при Амре б. ал-Асе у Ибн Абдалхакама совершенно не упоминает вмешательства арабских властей и навязывания своей системы сбора.

«Когда положение Амра б. ал-Аса укрепилось, он установил сбор налогов с коптов, [существовавший] при византийцах, А сбор налогов у них был с учетом изменений (*би-т-та'дūл*). Если селение процветало и его жители умножались, то им прибавляли, а если уменьшалось его население и оно приходило в упадок, то уменьшали. Старосты каждого селения, его землевладельцы[37] и главы его населения собирались и рассматривали его процветание или упадок. Так что если устанавливали при делении [необходимость] увеличения, то отправлялись с этим делением в округа. Потом они собирались с главами селений и распределяли это по возможностям селений расширить посев, затем возвращались в каждую деревню с установленной для них долей и соединяли эту долю с хараджем каждого селения и его обработанными и засеянными землями. И исключали из этой земли федданы, принадлежащие их церквам, баням, и бичевые тропы[38] из всей земли. Затем вычитали из нее необходимое для обеспечения приема мусульман и для постоя властей. Когда кончали с этим, смотрели, сколько в каждом селении ремеслен-

ников и наемных рабочих, и [возлагали] на них их долю в соответствии с их возможностями, а если среди них есть приезжие[39], то раскладывали и на них в меру их возможности, и редко когда это был не многодетный или не женатый человек. Затем смотрели на то, что осталось от хараджа, и делили его между собой по количеству земли, затем делили между теми из них, кто хотел обработать ее в меру своих возможностей. А если кто-то не мог [и] жаловался, что не в состоянии обработать свою землю, то распределяли то, что не могли обработать, между теми, кто был в состоянии. И если были среди них желавшие прибавки, то давали им то, что не могли обработать немощные. А если между ними возникали сложности, то делили это по их числу»[40].

Таким образом, индивидуальных ставок хараджа, которые могли бы быть предписаны арабами египтянам, не существовало, а имелись суммарные обязательства округов (которые определялись на пятнадцатилетний период, индикт), конкретизировавшиеся на месте. Счет по индиктам сохранялся в документации до перехода делопроизводства на арабский язык, соответственно сохранялась и вся система исчисления и сбора налогов.

Самый сложный вопрос — соотношение подушного и поземельного налогов. Существование подушной подати в Египте зафиксировано в папирусах VII в.[41], однако датировка их в пределах этого периода очень приблизительна, и невозможно выяснить, внесло ли арабское завоевание что-то новое. Возможно, что и в этой сфере ничего нового не появилось, разве что могли несколько измениться общие суммы, задаваемые финансовому ведомству.

К. Моримото считает, что хараджем в данном случае назывался денежный налог, а поставки натурой назывались *дариба*; при этом крестьяне платили один динар подушной подати и один динар с земли, а ремесленники и наемные рабочие — те же два динара в виде джизьи[42]. Согласиться с этим трудно, так как, во-первых, иноверцы — крестьяне, мелкие ремесленники и наемные рабочие — по мусульманскому праву должны были платить лишь один динар, что подтверждается документами VIII—X вв. Трудно предполагать, что через 100 лет после завоевания низшая ставка джизьи для ремесленников уменьшилась в два раза. Во-вторых, как уже отмечалось в предыдущей главе, ставка денежного налога должна быть привязана к определенной единице площади (да к тому же с учетом качества земли), в противном случае этот налог ничем не будет отличаться от подушного.

Арабские источники не дают определенного ответа на вопрос о размере хараджа. В одном случае говорится, что землевладельцев обязали платить два динара, три ирдабба пшеницы и по два киста масла, уксуса и меда; в другом случае говорится об одном динаре и трех ирдаббах пшеницы с джериба[43]. Более

информированный о делах Египта Ибн Абдалхакам говорит о половине ирдабба пшеницы и $^{1}/_{3}$ ирдабба ячменя с каждого феддана [44]. Такая противоречивость не должна удивлять: обложение земель разного качества под разными культурами и не может быть одинаковым. К этому вопросу мы возвратимся несколько позже, рассматривая сведения об Ираке, сейчас следует лишь заметить, что в первых двух случаях явно смешаны подушная подать и налог с земли: с феддана невозможно было взять сразу и динар и три ирдабба пшеницы, так как это будет равняться при хорошем урожае 70—80% всего урожая; отложим еще 10% на семена и поймем нереальность этих сведений [45].

В то же время мало верится сведениям ал-Йа'куби о том, что харадж Египта составлял 2 ирдабба с сотни [46]. Как показывают более поздние сведения и документы, харадж натурой в Египте и Ираке колебался около $^{1}/_{3}$ урожая, т. е. 33 ирдабба с сотни.

Гораздо более четкие сведения мы имеем о размере хараджа в Ираке. При некотором разнобое вырисовывается общая картина: джериб финиковых пальм высшего качества, виноградников и фруктовых деревьев облагался 10 дирхемами, кунжута — 8, сахарного тростника — 6, хлопка — 5 дирхемами. Некоторое разногласие встречается только при определении размера хараджа с зерновых. Наиболее ходовое определение: с джериба пшеницы — кафиз зерна и дирхем, но упоминаются также ставки 2 дирхема и 2 джериба (кафиза), а только в деньгах — 4 дирхема [47]. Эта противоречивость легко объясняется различием качества земель. Об этом определенно свидетельствует рассказ одного из налоговых чиновников халифа Али (656—661), что джериб плотного посева пшеницы облагался 1,5 дирхема и 1 са зерна, среднего — 1 дирхемом и редкого — $^{2}/_{3}$ дирхема [48].

В таком случае все сведения о харадже с пшеничных посевов можно свести к двум ставкам: а) 1 дирхем и 1 кафиз; б) 2 дирхема и 2 кафиза. Вторая ставка в чисто денежном выражении, по-видимому, соответствовала 4 дирхемам.

Сложнее выразить эти ставки в привычных нам единицах. В большинстве случаев средневековые историки и юристы считают упоминаемый здесь кафиз равным кафизу (*махтуму*) ал-Хаджжаджа, а последний — равным са, или 8 багдадским ратлям (3,2 кг) [49]. Это как будто совпадает с приведенными выше данными о харадже при Али. Однако указанное равенство не бесспорно. Во-первых, размер са в первой половине VII в. вызывал сомнение уже у авторов IX в. [50], во-вторых, имеются данные, что кафиз, применявшийся при первом обложении Ирака, был больше 8 ратлей. По сообщению ал-Балазури, иракский кафиз при Умаре назывался у местных жителей *шабуркан*: «Этот кафиз был их маккуком, который назывался *шабуркан*. Йахйа ибн Адам сказал: „Это махтум ал-Хаджжаджа“». Сам

же Йахйа определял махтум ал-Хаджжаджа как меру, содержащую 30 ратлей зерна [51]. У Абу Йусуфа эта мера называется *махтум ал-хашими* и содержит 32 ратля [52]. Разницу в два ратля можно объяснить тем, что в рукописи сочинения Йахйи числительное «два» по ошибке выпало.

При таком кафизе (13 кг) и джерибе земли в 0,16 га окажется, что высшая ставка налога с гектара земли высшего качества (2 кафиза зерна и 2 дирхема с джериба) под пшеницей равна 162,5 кг зерна и 12,5 дирхема. Но, как было сказано выше, эта же высшая ставка в денежном выражении составляет 4 дирхема, и, следовательно, стоимость натуральной и денежной части равны. Значит, общий размер налога эквивалентен 325 кг зерна.

Насколько можно судить по современным данным об урожайности земли в Ираке при обработке ее традиционными методами и без применения химических удобрений, гектар лучшей земли дает в среднем урожай около 13 ц пшеницы или 20 ц ячменя [53]. Следовательно, высшая ставка хараджа с лучшей земли равнялась четверти урожая. А при джерибе в 0,1 га она поднимается до 5,2 ц с гектара, т. е. до 40%. Первый вариант ближе к тому, что мы знаем о налогообложении в более позднее время, но делать из этого определенные выводы вряд ли возможно.

После ревизии Усмана б. Хунайфа началось регулярное поступление налогов с богатейшей провинции Ближнего Востока. По свидетельству средневековых авторов, общая сумма всех налогов с нее при Умаре составляла 100—120 млн. дирхемов [54]. Учитывая склонность средневековых авторов противопоставлять золотое время первых халифов упадку своей эпохи, больше доверия вызывает цифра, сообщаемая ал-Йа'куби,— 80 млн. дирхемов [55]. Это даст среднюю норму обложения одного взрослого мужчины (550 000 крестьян и не менее 100 000 горожан) — 123 дирхема на душу в год, а в пересчете на джериб пригодной для обработки земли — 2,2 дирхема. Это неплохо согласуется с известными нам данными о ставках хараджа на джериб под разными культурами.

По сравнению даже с этой меньшей суммой размер хараджа Египта при Амре (2 млн. динаров=24 млн. дирхемов) выглядит весьма скромно. Отчасти это объясняется меньшей (на 30—40%) площадью обрабатываемых земель по сравнению с Ираком [56]. Но если разложить общую сумму на число взрослых мужчин (около 0,8—1 млн. человек) [57], то на каждого придется лишь 24—26 2/3 дирхема — разрыв огромный.

Не исключено, конечно, что сведения о числе налогоплательщиков, учтенных Усманом б. Хунайфом, неполны или относятся лишь к части Ирака. Но более надежный критерий — средняя сумма налога на единицу площади — показывает, что только этой ошибкой разницу в размере обложения не объяснить: ведь в Египте на гектар земли приходилось около 10 дир-

хемов, а в Ираке (какой бы величины джериб мы ни взяли — 0,1 га или 0,16 га) — от 14 до 22 дирхемов.

Видимо, все-таки прав был Умар, когда упрекал Амра за недобор налога. Лишь после того как харадж Египта был увеличен до 4 млн. динаров [58], обложение Египта и Ирака на единицу площади обрабатываемых земель сравнялось. Но при этом мы должны помнить о возможности различного соотношения натуральной и денежной части налога в этих странах.

Однако ни общий объем налогов, ни средняя сумма, падающая на потенциального налогоплательщика, не дают представления об изменениях в положении основной массы населения завоеванных стран. Если поверить средневековым авторам, то может показаться, что уровень налогообложения значительно снизился. Так, Ибн Абдалхакам пишет, что ал-Мукаукис собирал с Египта 20 млн. динаров, а об Ираке сообщается, что Сасаниды собирали 150 млн. дирхемов (приводятся и бóльшие цифры) [59], но это — проявление все той же тенденции видеть в прошлом (даже в доисламском!) золотой век.

Единственное существенное изменение, которое, несомненно, принесло с собой арабское завоевание в Египет,— аннулирование автопрагии, фискального иммунитета крупных поместий, и включение императорских доменов в разряд савафи с соответствующим изменением фискального статуса. Однако это затронуло только привилегии земельных магнатов и мало изменило положение крестьян [60]. Те же изменения можно предполагать и в областях, завоеванных у Сасанидов.

Этим во многом объясняется противоречивость оценок арабского завоевания у христианских авторов, которые то называют «сарацинов» кровожадными зверями, не знающими пощады, то отмечают справедливость их правления [61]. И дело здесь не только в том, что в глазах монофизитов мусульмане были избавителями от религиозных гонений со стороны халкидонитов,— сама действительность была противоречива. Период военных действий действительно отличался жестокостью (заметим — обычной для того времени жестокостью), но режим, установившийся после прекращения военных действий, не принес дополнительных налоговых тягот, на первых порах, может быть, объем налогов был даже ниже, чем прежде.

Остается сказать несколько слов об общей сумме налоговых поступлений из завоеванных к 20—21/641—642 гг. стран. Точных данных о многих районах у нас нет, и можно говорить лишь о порядке величин. Для Сирии у нас есть данные о налогах Дамаска (100 000 динаров), Химса (170 000), Антиохии (300 000) и Манбиджа (100 000). Это охватывает примерно треть территории, поэтому можно оценить все поступления Сирии примерно в 2 млн. динаров. Совершенно нет данных о Северной Месопотамии. По аналогии с Сирией и Ираком ее налоговые поступления можно оценить примерно в 1 млн. динаров. Палестина и Иордания платили по 180 000 динаров.

Немалые поступления в казну Халифата шли также из завоеванных областей Ирана. Богатейшая из них, Ахваз, платила в год 10,4 млн. дирхемов, Джибал (Динавар, Масабадан, Мах Динар) — 800 000 дирхемов [62], а все завоеванные районы Ирана — не менее 15 млн. дирхемов. Несколько миллионов дирхемов поступало из Йемена.

Итак, в 641—642 гг. в распоряжение мусульманского государства (не учитывая садаки и других привилегированных налогов жителей Аравии) стало поступать не менее 180 млн. дирхемов, и очень остро встала проблема их распределения.

УЧРЕЖДЕНИЕ ДИВАНОВ

Первая попытка назначить воинам постоянное содержание, как мы видели, была предпринята Умаром в Джабии. Но установленное там жалованье, по полдинара на воина и его жену, было мизерным и носило не обязательный для всех стран характер. Были ли одновременно введены подобные пайки и жалованья в иракской армии, судить трудно. По сведениям Сайфа, жалованье выплачивалось уже во время стояния в Бахурасире, а потом, в мухарраме 17/январе—феврале 638 г.,— в Ктесифоне [63]. Скорее всего это была еще не выплата определенного жалованья, а раздел денег, собранных по договорам с местного населения. Регулярная выплата твердо фиксированного жалованья стала возможна только с началом регулярного поступления налогов после 19/640 г.

Инициатива учреждения списков (диванов) на выплату жалованья обычно приписывается Умару, но упоминаются также имена людей, советовавших Умару установить жалованье воинам по примеру Византии [64].

Начало составлению списков было положено в мухарраме 20/21.XII 640—19.I 641 г. [65], хотя, может быть, это — дата, с которой стало начисляться жалованье. Своеобразие установленной Умаром системы жалований заключалось в том, что размер их определялся не только и не столько местом, занимаемым в военной или административной иерархии, а близостью к пророку, временем принятия ислама и участием в сражениях.

На этом основании наивысшее жалованье получили не глава общины и не его наместники-полководцы, а восемь вдов пророка. Это странно даже с позиций мусульманского права, согласно которому женщина получает вдвое меньшее наследство, чем мужчина. При установлении им пенсиона учитывались их положение в обществе и отношение к ним пророка. Аише, как любимой жене (и к тому же дочери Абу Бакра), определили 12 000 дирхемов в год, пятерым — по 10 000, а Джувайрийе и Сафии, как бывшим пленницам (см. т. 1, с. 126, 148), только по 6000 [66]. «Не могу же я назначить пленнице столько же, сколько дочери Абу Бакра»,— заметил Умар [67].

Но этот наименьший вдовий пенсион был выше, чем у самых почтенных сподвижников пророка, участников битвы при Бадре,— они получили по 5000 дирхемов [68]. Столько же было назначено внукам пророка, Хасану и Хусейну, хотя они родились после Бадра. На особом положении оказался и Аббас, он будто бы тоже получил 5000, но трудно избавиться от подозрения, что историки льстили таким образом прародителю правящей династии Аббасидов, так же как те историки, у которых жалованье Аббаса из 5000 превращается в 25 000. Эта ошибка могла быть механической, но у Абу Йусуфа, обращавшего свое сочинение непосредственно к ар-Рашиду, жалованье Аббаса оказывается 12 000 [69], тут уже описки быть не может — автор явно старается угодить халифу.

Принявшие ислам после клятвы при Худайбии, участники подавления ридды и первых походов до Йармука и Кадисии получали 3000 дирхемов. Участники сражений при Йармуке, Кадисии, Джалула и Нихавенде получали 2000, а наиболее отличившиеся — 2500 дирхемов. Включившиеся в походы после Кадисии и до завоевания Ктесифона («первое пополнение») — 1000 дирхемов; второе пополнение — 500 дирхемов, третье — 300, четвертое — 250 и последнее, 20/641 г. х.,— 200 дирхемов.

Таким образом, первые мусульмане получали в 20 раз больше рядовых участников последних завоевательных походов. Но привилегии мусульманской элиты не ограничивались этим — жены мухаджиров и других заслуженных лиц также получали жалованье. Жены участников сражения при Бадре — 500 дирхемов, после Бадра до Худайбии — 400, участников сражений до Кадисии — 300, жены сражавшихся при Кадисии — 200 дирхемов [70].

Учесть все заслуги, да еще и степень благородства происхождения было непросто, исключений было немало, и они вызывали обиды и нарекания. Так, некоторые женщины-мухаджирки получили персональные пенсионы. Тетка Мухаммада, Сафийа бт. Абдалмутталиб, мать аз-Зубайра б. ал-Аввама, получила 6000 дирхемов, еще несколько мухаджирок получили по 1000 (или, по другим сведениям, по 3000 дирхемов [71]). Жалованье выше причитавшегося по рангу получили и некоторые мужчины. Так, Усама б. Зайд получил 4000 дирхемов, а сын халифа Абдаллах — 3000. Умару пришлось объяснять сыну: «Я ему прибавил потому, что посланник Аллаха любил его больше, чем тебя, и любил его отца больше, чем твоего отца». 4000 дирхемов получил также Умар, сын Абу Саламы и Умм Саламы (одной из жен пророка, см. т. 1, с. 125), и это сразу же вызвало возмущенный вопрос Мухаммада, сына Абдаллаха б. Джахша (прославленного нападением на мекканский караван в Нахле, см. т. 1, с. 95—96): «За что Умару оказано предпочтение перед нами? За хиджру его отца? Так и наши отцы совершили хиджру и сражались при Бадре!» Халиф пояснил: «Я отдал ему предпочтение за то место, которое он занимал у посланника Ал-

лаха. Я назначил ему за отца, Абу Саламу, две тысячи и добавил ему за мать, Умм Саламу, тысячу. Если бы кто-то пришел и просил за такую же мать, как Умм Салама, то я удовлетворил бы его просьбу» [72].

Как бы субъективен и пристрастен ни был Умар, в одном нельзя ему отказать — он не выделил себя из круга сотоварищей-ветеранов, хотя, конечно, все восприняли бы как естественное, что глава общины получает наибольшее жалованье, не поддался он и соблазну поставить своих сыновей выше других. Ветераны ислама еще хранили верность духу равенства, характерному для первоначальной общины.

Постоянное жалованье было назначено и бедуинам Хиджаза. Умар сам выезжал в ал-Кудайд и ал-Усфан для составления диванов, но о размере жалованья и круге лиц, получивших на него право, ничего не известно. Исходя из принципа стажа в исламе, жалованье должны были получить и все мекканцы, принявшие ислам после завоевания Мекки, однако прямых указаний на это нет, а есть короткое сообщение, восходящее к одному из сыновей Умара (Абдаллаху?): «Подлинно, Умар не давал жителям Мекки жалованья и не отправлял им посылок и говорил: „Они такие-то и такие-то“ — слова, которые мне не хочется вспоминать» [73].

Видимо, во всех случаях (кроме ансаров и мухаджиров) постоянное жалованье полагалось участникам сражений. Его получали также не-арабы, присоединявшиеся к мусульманской армии. Его получили дихканы Вавилона, Хутарнии, Фалаличджа и Нахр Малика (по 2000 дирхемов), иранские всадники (*асавира*) отряда Сийаха, перешедшие на сторону мусульман в Хузистане. Самому Сийаху и нескольким из его командиров была назначена высшая ставка, возможная для тех, кто не был ветераном ислама,— 2500 дирхемов, остальные воины получили по 2000. Наконец, такое же жалованье получил упорно воевавший с мусульманами правитель Хузистана, Хурмузан [74]. Для обеспечения жалованья одних только мухаджиров и ансаров с их сыновьями и женами требовалось 20—25 млн. дирхемов, а с учетом всех участников клятвы в Худайбии и похода на Мекку, участников подавления ридды сумма, необходимая Умару для выплаты жалованья (с учетом того, что часть лиц этих категорий находилась за пределами Аравии и там получала жалованье), окажется не менее 50 млн. дирхемов. Правильность этой оценки подтверждается сообщением ал-Йа'куби, что Усман б. Хунайф привез по распоряжению халифа 20 или 30 млн. дирхемов [75]. Остальное покрывали поступления из других областей.

На практике система начисления и выплаты жалованья была сложнее, чем это можно представить по сведениям средневековых историков и юристов. Некоторый свет на нее проливает небольшой раздел у ат-Табари. Все жители Куфы были разделены на 100 подразделений, *'ираф*, каждой из которых причи-

талось в год 100 000 дирхемов, но численность и состав их были различными. Ирафы участников подавления ридды и боев до Кадисии состояли из 20 мужчин, получающих по 3000, 20 женщин и неуказанного количества членов семей, которые получали по 100 дирхемов. Ирафы участников сражения при Кадисии состояли из 43 мужчин, 43 женщин и 50 членов семей, ирафы первого пополнения — из 60 мужчин с окладом 1500 дирхемов, 60 женщин и 40 членов семей, «и далее по такому расчету» [76]. Таким образом оказывается, что семья из первой ирафы имела 5000 дирхемов в год, а из ирафы первого пополнения — 1666 $^{2}/_{3}$ дирхема. Жалованье воины получали не прямо из центральной казны: соответствующую часть денег получали главы семи искусственно сформированных племенных группировок (*умара ал-асба'*), те делили их между «начальниками знамен», те далее распределяли их между уполномоченными (*ан-нукаба ва-л-умана*) мелких группировок, а уж те раздавали их по семьям.

Та же система существовала и в Басре, а возможно, и в других центрах военных округов. Остается, однако, загадкой, как можно было сочетать группы по 100 000 дирхемов с реальным числом лиц разных категорий в разных племенах. Несомненно, идеальной математической точности не было, группы различались по численности не только в зависимости от категории, это порождало взаимные претензии и открывало широкие возможности для злоупотреблений. У глав крупных группировок скапливались огромные средства, которые позволяли им путем подкупа манипулировать настроениями своих подопечных.

Больше всего таких возможностей имелось у наместников больших богатых областей. И они эти возможности широко использовали. Борясь с чрезмерным обогащением, Умар не останавливался перед конфискацией у них половины имущества, нажитого во время правления. Так поступил он с Амром б. ал-Асом, Са'дом б. Абу Ваккасом, Абу Хурайрой, управлявшим Бахрейном, с наместниками Майсана, Мекки и Йемена [77]. Делал он это, правда, не в целях своего обогащения, а для пополнения общественной кассы. С легко нажитыми деньгами наместники и расставались легко. Во всяком случае, серьезных конфликтов не происходило.

Кроме денежного содержания воины ежемесячно получали продуктовый паек, *ризк*, размеры которого бесспорны (документально подтверждены) только для Египта: ирдабб (36 л, или 25 кг) пшеницы, кист (1 л) растительного масла и, видимо, столько же уксуса, некоторое количество меда и сала [78]. Сведения о пайках в Сирии, Джезире и Ираке противоречивы. Так, для Сирии хлебный паек выражается то в модиях (*мудй*), то в джерибах (которые там не употреблялись), а в Ираке он оказывается равным 15 са, что, по общепринятым оценкам, составило бы 48—49 кг. Говорится также об одном, двух и трех кистах масла [79]. Учитывая, что 25 кг пшеницы или хлеба по пред-

ставлениям того времени были нормальным рационом, можно без особой ошибки предположить, что и в остальных регионах паек, как бы он ни был выражен в местных мерах, был примерно равен египетскому [80].

Таким образом, арабские воины и переселенцы в завоеванных областях были гарантированы от голода в любых обстоятельствах. Потому так различны оценки ситуации в одни и те же годы первого века ислама у христианских и мусульманских историков: там, где первые пишут о страшном голоде, вторые его вообще не упоминают, так как их информаторы были сыты и этого голода на себе не почувствовали, их впечатления отражали другие стороны жизни.

Добавим к этому, что менее состоятельная часть мусульман не платила вообще никаких налогов, так как единственный сбор с мусульман, закат, не брали, если в доме на момент сбора было наличными менее 20 динаров. Можно было иметь небольшой сад, 39 овец и коз, 4 верблюда и ничего не платить с этого [81].

В странном промежуточном положении оказались арабы-христиане, прежде всего таглибиты. Они отказывались платить джизью, считая ее позорной для арабов, но в то же время мусульманское государство не могло поставить их на один уровень с мусульманами. Выход был найден в том, что вместо джизьи и хараджа арабы-христиане будут платить двойную садаку и с земли — двойное по сравнению с мусульманами обложение (двойной ушр) [82].

Бесспорно, мусульманское общество в этот период достигло большой степени внутреннего равенства, только не следует забывать, что все эти льготы оплачивали своим трудом 5—6 миллионов немусульман — крестьян, ремесленников и торговцев. Без этого демократическая сказка раннемусульманского общества не могла бы состояться.

ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО

Превращение Медины в столицу большой империи вызвало приток населения и потребовало строительства новых общественных зданий. Прежде всего пришлось расширить мечеть Медины. Затем для хранения продовольствия, поступавшего в виде заката и присылаемого из завоеванных стран, был выстроен склад, *дар ад-дакик* («мучной двор»). Склад для продовольствия из Египта был построен также в порту Джар [83].

Катастрофический паводок 638 г., разрушивший много зданий и нанесший ущерб Ка'бе, заставил Умара взяться за перестройку храмового комплекса. В раджабе 17 г. х. (19 июля — 17 августа 638 г.), совершив малое паломничество (*умра*), Умар распорядился расчистить пространство вокруг Ка'бы от наносов, принесенных селем. Снесенный потоком «макам Ибрахим»

(см. т. 1, с. 52) был установлен на новом месте, был увеличен ал-Хиджр, а бесформенный тесный пустырь вокруг Ка'бы, зажатый между жилыми домами, был расширен и обнесен невысокой стеной, превратившей это пространство во двор мечети. Для ее строительства пришлось снести часть домов мекканской знати, в том числе и дом Аббаса. Умар предложил хозяевам денежную компенсацию, но многие отвергли ее, и Умар отложил деньги в казнохранилище до той поры, пока хозяева одумаются и возьмут их [84].

По-видимому, тогда же по приказу Умара были сооружены две дамбы, прикрывшие мечеть от разрушительных ливневых потоков, стекающих с окрестных гор. Кроме того, были обновлены пограничные камни харама.

При Умаре же началось благоустройство дорог паломников от Медины до Мекки, появились оборудованные стоянки для караванов, обеспеченные водой, с навесами, защищающими от солнца.

С именем Умара связывается возникновение нескольких городов, которым суждено было играть важнейшую роль в военно-политической истории Халифата,— Куфы и Басры, хотя в действительности ему пришлось лишь утвердить свершившееся.

Как уже говорилось, Басра, высокая галечная терраса по южному берегу Шатт ал-Араба, была с 633 г. излюбленным местом расположения арабских войск, действовавших против Убуллы, а затем в Хузистане. Здесь, на обширном пространстве между остатками нескольких укрепленных усадеб, возвращавшиеся из походов войска ставили палатки и легкие дома, сплетенные из камыша, которым изобиловали эти края [85].

Арабская армия, действовавшая в центре Месопотамии, не имела подобного постоянного лагеря: до захвата Ктесифона базой служила широкая полоса степного пограничья Месопотамии, а после она разместилась в самом Ктесифоне. В начале 638 г. Са'д б. Абу Ваккас получил распоряжение перебазироваться ближе к Аравии. Сначала лагерь переместился в район Анбара, но здесь люди и животные страдали от мух — пришлось искать новое место. Наконец армия вернулась на исходную позицию — в район Хиры и стала севернее ее на берегу Евфрата, соорудив такие же камышовые дома, как в Басре. В шаввале 17/октябре—ноябре 638 г. пожар уничтожил 80 больших камышовых домов. Тогда же сгорела часть домов и в Басре, а камыша для строительства в это время года не было. Тогда Умар разрешил в обоих лагерях строить глинобитные дома, но не более чем по три комнаты в каждом [86]. Этот момент и можно считать датой основания Куфы и Басры.

Сколько-нибудь подробные сведения о застройке имеются только для Куфы. Прежде всего в центре поселения была размечена большая площадь для общественных зданий: мечети и резиденции наместника. Разметка ее была произведена простым

и истинно военным способом: в центре планируемой площади встал хороший стрелок и выстрелил в четыре стороны, места падения стрел обозначили границу площади, скорее всего ее четыре угла. В центре отвели место для мечети, которая в то время была не храмом, а площадью для соборного пятничного моления. Ее границы обозначал ров, и лишь в южной части были сооружены стена с михрабом и перед ней крытая галерея на разнокалиберных колоннах, взятых из старых построек Хиры [87]. Детали старых построек использовались и в частном строительстве: рассказывается, что при переезде из Ктесифона люди забрали с собой двери домов, в которых жили. Удивляться этому не приходится — в этой безлесной стране строительный лес (как, впрочем, и крупные каменные детали, вроде колонн) был большим дефицитом и стоил дорого. У южной стены мечети была возведена резиденция амира, в которой хранилась и вся общинная казна. Первоначально это была не слишком капитальная постройка, так как вскоре злоумышленники пробили стену и украли часть хранившихся там сокровищ. После этого, видимо, было построено монументальное здание из обожженного кирпича [88]. А казнохранилище по распоряжению Умара перенесли в мечеть: «...ибо в мечети днем и ночью есть люди, а они — лучшая крепость для своей казны» [89].

Все свободное пространство вокруг мечети и резиденции служило базарной площадью. Никаких торговых построек на ней не было, торговцы со своими товарами размещались, как им было угодно, прямо на земле. Никаких сборов за место или торговых пошлин на этом базаре не существовало.

За пределами центральной площади были разбиты участки под застройку, выделенные по племенному принципу. Мешанина из десятков племен разной степени общности и разной величины, собравшихся со всей Аравии, требовала хоть какой-то систематизации и административной организации, особенно когда стали составляться списки на жалованье. С помощью знатоков генеалогии все многообразие племен было сведено к семи группам, из которых ат-Табари называет шесть: 1) кинана, их союзники из ахабиш (т. 1, с. 51) и джадила; 2) куда'а, баджила, хас'ам, кинда, хадрамаут, азд; 3) мазхидж, химйар, хамдан; 4) тамим, ар-рибаб и хавазин; 5) асад, гатафан, мухариб, ан-намир, дубай'а, таглиб; 6) ийад, акк, абдалкайс, жители Хаджара и «ал-хамра» [90]. Седьмой, а вернее, первой группой были, видимо, сподвижники пророка вне зависимости от племенной принадлежности.

Во главе каждой из семи групп был поставлен амир, который был уже не племенным вождем, а должностным лицом. Он получал непосредственно из казны жалованье на всю свою группу, а потом распределял по ирафам.

Группировка племен вокруг центральной площади, о которой сообщает ат-Табари, не совпадает с указанными группами. Впрочем, нет такого совпадения и по сведениям ал-Балазури [91].

Возможно, это семеричное деление было проведено после расселения племен, проводившегося по жребию.

Сетка улиц была, видимо, регулярной, так как соблюдалась иерархия ширины улиц в зависимости от значимости. Магистральные улицы *(манāхидж)* имели ширину 40 локтей (20 м), второстепенные — 30 и 20 локтей, переулки — 7 локтей. Длина кварталов составляла 60 локтей. Историческое предание приписывает установление этих размеров Умару, однако совпадение ширины магистралей с предписываемой римско-византийской градостроительной наукой (40 шагов)* заставляет предполагать инициативу человека, знакомого с этой традицией. Строителем михрабной части мечети и резиденции наместника арабские историки называют некоего Рузбе сына Бузургмихра, который, рассорившись с Сасанидами, бежал в Византию и вернулся после прихода арабов [92]. Ему же могла принадлежать и генеральная разметка плана города.

К сожалению, расплывчатые описания планировки Куфы не удается уточнить с помощью археологии, так как пока раскопаны только резиденция наместников умаййадского и аббасидского времени и местами — фундаменты первой резиденции, но неясна даже принципиальная схема плана: радиальная или прямоугольно-квадратная. Неясны и границы города, тем более что он не имел оборонительной стены, которая могла бы обозначить пределы застройки. Единственный известный мне опубликованный план Куфы очень схематичен, планы окрестностей (планы Хиры) плохо увязываются с топографической основой и с собственно Куфой [93].

Сопоставление данных всех схем позволяет говорить, что диаметр города был около 5 км, а площадь — около 1500—1800 га. Конечно, эти размеры больше соответствуют городу периода его расцвета при Умаййадах, но поскольку рост населения происходил в основном за счет уплотнения первоначально очень редкой застройки, то площадь города увеличилась мало.

Численность населения этих городов устанавливается в пределах двукратной ошибки. По прямому указанию, в Куфе было 12 000 йеменитов и 8000 северных арабов [94]. Это не противоречит тому, что мы знаем о численности арабской армии. В обычных условиях мужчины от 15 до 60 лет составляют около 27—28% всего населения [95]. Исходя из этого 20 тысячам воинов должно соответствовать 72—74 тыс. жителей. В данном случае неизвестно, кем были эти 20 тысяч: воинами или единицами списочного состава, куда попадало также некоторое число женщин и детей, к тому же не все воины, числившиеся в диване Куфы, жили в самой Куфе, часть посменно находилась в пограничных гарнизонах, часть постоянно жила в других городах того же наместничества. Поэтому реальное число жителей Ку-

* В данном случае важно совпадение числа единиц измерения, а не истинных размеров.

фы в момент основания с учетом некоторого превышения процента боеспособных мужчин над нормой, с одной стороны, и наличия значительного числа рабов и наложниц — с другой, можно определить в 50—60 тыс. человек.

Армия, действовавшая в Нижней Месопотамии, а затем — в Южном Иране, была несколько меньше. Соответственно и площадь Басры, насколько можно судить по имеющимся историко-топографическим материалам, была меньше — около 1000—1200 га [96] при населении около 30—40 тыс. Примерно таким же было первоначальное население Фустата.

Таким образом, за четыре года возникли три города, сразу вставших в один ряд с такими древними городами, как Апамея, Эдесса, Дамаск и многие другие. Правда, в первые 10—15 лет они еще не имели значительного торгово-ремесленного населения, но огромная покупательная способность обитателей этих городов-лагерей притянула сюда сначала торговцев, а потом и ремесленников из других городов, и они превратились в мощные торгово-ремесленные центры с быстро растущим населением. Одновременно должен был произойти демографический взрыв в среде арабов-горожан — исчез голод, неумолимо удерживавший население Аравии в неизменных пределах; резкое улучшение питания должно было уменьшить детскую смертность и увеличить прирост до предела, близкого к естественной плодовитости,— до 5—6% в год.

Историческая значимость возникновения этих городов заключалась еще и в том, что это были первые арабские города такой величины, к тому же населенные представителями практически всех племен и регионов Аравии. Они стали главными центрами формирования арабской нации. Вместе с тем дальнейшее продвижение Халифата на Восток и управление завоеванными областями шло уже не непосредственно из Медины, а через Куфу и Басру. Таким образом они превращались в крупнейшие административные центры нового государства.

Четвертый город-лагерь, возникший на правом берегу Тигра напротив Ниневии, Мосул, имел второстепенное значение и в ранней истории Халифата не играл заметной роли. Он служил базой завоевательных походов в Закавказье (Азербайджан и Арран) и первое время имел сменный гарнизон из куфийцев.

Глава 6

ПОСЛЕДНЯЯ ВОЛНА

СМЕНА ВЛАСТИ

С расстояния в четырнадцать веков не видны трагедии отдельных людей, захваченных кровавым потоком завоевательных войн: убитые, раненые, пленные представляются абстрактными числами. Лишь изредка прорываются на страницы наших источников судьбы простых людей, наполняя жизнью холодное повествование средневековых историков.

Жил в Иране хороший мастер на все руки: столяр, резчик и кузнец Файруз. Сначала он попал в плен к византийцам, возвратился на родину, но через несколько лет в битве при Нихавенде снова был взят в плен, на этот раз арабами. При разделе добычи достался Мугире б. Шу'бе, и Мугира предоставил ему возможность брать заказы на работу, но требовал приносить в день два дирхема, т. е. все, что мог заработать даже очень хороший мастер, а Файрузу надо было кормить жену и дочку (неизвестно только, попал он в неволю с семьей или женился в Медине).

В начале ноября 644 г. Файруз (который чаще фигурирует под именем Абу Лу'лу'а) подошел к Умару, совершавшему свой обычный обход базара, и попросил: «О амир верующих, спаси меня от Мугиры ибн Шу'бы: на мне большой оброк».— «Каков же твой оброк*?» — «Два дирхема в день».— «А что ты делаешь?» — «Я столяр, резчик и кузнец».— «А я не считаю, что при хорошем владении этими ремеслами подать с тебя велика»,— ответил Умар. Файруз, ворча, повернулся и ушел. Через некоторое время произошла еще одна встреча. Умар, сидевший на улице, остановил проходившего мимо Файруза и спросил: «Я слышал, ты говорил, что если захочешь, то сделаешь мельницу, которая мелет ветром».— «Да».— «Так сделай мне мельницу». Файруз ответил ему со странной интонацией в голосе: «Жив буду, сделаю такую мельницу, о которой заговорят на востоке и на западе...» — и ушел. «Никак, раб мне угрожал сейчас»,— задумчиво заметил Умар [1].

Как вспоминали потом мединцы, доведенный до отчаяния Файруз, встречая маленьких пленников-земляков, гладил их по

* Букв. *харадж.*

голове и, заливаясь слезами, говорил: «Погубил меня Умар»** [2]. В среду 3 ноября, раздобыв кинжал о двух лезвиях, Файруз раньше всех пришел в утренних сумерках в мечеть, закутав лицо, чтобы его не узнали, и встал около Умара. Едва Умар начал молитву и, возгласив «Аллах велик!», простерся ниц, Файруз трижды вонзил кинжал ему в живот [3] и бросился к выходу. «Эта собака убила меня»,— простонал Умар. В полутьме окружавшие не сразу поняли, что произошло, потом бросились ловить убийцу, который, пробиваясь к выходу, ранил еще двенадцать или тринадцать человек. Наконец, кто-то набросил на Файруза плащ, и тот, поняв, что спасенья нет, заколол себя.

Умар нашел в себе силы распорядиться, чтобы Абдаррахман б. Ауф довел моленье до конца. Умара перенесли домой. Пришел врач, увидел глубокую рану ниже пупка и распорядился дать питье, оно все вытекло из раны, врач сказал, что надежды нет, и Умар принялся за последние распоряжения [4].

Прежде всего предстояло найти преемника. Кто-то посоветовал назначить его сына Абдаллаха, но Умар отверг это предложение: «Хватит в нашем роду одного человека на этом посту». Назвать кого-либо он не решился, а предоставил шести человекам: Абдаррахману б. Ауфу, Али, Усману, аз-Зубайру, Талхе и Са'ду б. Абу Ваккасу — выбрать из своей среды нового халифа. Этот совет выборщиков (*шура*) некоторые современные мусульманские ученые представляют предтечей европейской парламентской системы [5], забывая, что народными избранниками они не были.

Кто же были эти люди? Об Али и Усмане мы уже говорили. Шестидесятидвухлетний Абдаррахман б. Ауф был старейшим и самым богатым в этой «коллегии выборщиков». Его капитал, нажитый торговлей, по самым скромным оценкам, превышал миллион дирхемов, под Мединой у него паслись 1000 верблюдов, 3000 овец и 100 коней, а в Джурфе (см. т. 1, с. 84) два десятка верблюдов использовались на поливе его земель [6]. Через одну из жен он был родственником Усмана.

Аз-Зубайр был племянником Хадиджи (по отцу) и двоюродным братом Мухаммада по матери. То и другое делало его очень близким для пророка человеком, тот даже ласково звал его «мой апостол». В отличие от Абу Бакра и Умара он не был бессребреником и, подобно Абдаррахману, умел нажить несколько миллионов [7].

Са'д б. Абу Ваккас, хорошо известный нам как победитель при Кадисии и завоеватель Ирака, был из оставшихся старейшим по времени принятия ислама и тоже очень богатым человеком. По матери он был внуком Абу Суфйана и, следовательно, троюродным племянником Усмана.

Шестой выборщик, Талха, отсутствовавший в этот момент в Медине, тоже относился к числу миллионеров [8].

** Букв.: «Съел мою печень».

В состав совета был включен также сын Умара, Абдаллах, но без права быть избранным. В выборах он тоже не участвовал, видимо, роль его сводилась к контролю за соблюдением условий выборов, предписанных умирающим халифом.

Умар продержался трое суток и умер 1 мухаррама 24/7 ноября 644 г., выговорив у Аиши право быть похороненным в ее бывшей комнате, рядом с Мухаммадом и Абу Бакром.

Но трагедия, разыгравшаяся за три дня до этого, имела продолжение. Абдаррахман, сын Абу Бакра, рассказал Убайдаллаху, сыну Умара, что накануне покушения спугнул секретничавших Абу Лу'лу'а, Хурмузана и Джуфайну (учитель-христианин из Хиры), они вскочили и обронили тот самый двухлезвийный кинжал, каким был убит Умар. Три дня Убайдаллах сдерживал себя, а когда отец умер, схватил меч и убил Хурмузана, Джуфайну и дочку Абу Лу'лу'а. Убайдаллаха схватили, Са'д б. Абу Ваккас оттаскал его за волосы, отобрал меч и запер у себя дома [9]. Решение его судьбы было отложено до избрания халифа.

Члены совета уединились в одном из домов около мечети, на охрану которого встал отряд из 50 ансаров, и начались трехдневные переговоры.

Понятно, что детали этих переговоров навсегда ушли вместе с пятью выборщиками, а то, что дошло до нас, во многом искажено, так как, во-первых, выборщикам совсем не хотелось раскрывать свои интриги, а во-вторых, события, разыгравшиеся двенадцать лет спустя, привели к откровенным фальсификациям для обоснования легитимности власти различных претендентов.

Инициативу организации переговоров взял на себя Абдаррахман, отказавшись от претензий быть избранным. Двое суток шли какие-то обсуждения, через третьих лиц прощупывались настроения мединцев. Наконец, Абдаррахман стал поодиночке опрашивать четырех претендентов, кого бы они выбрали, если не выберут их самих. Али указал на Усмана, Усман — на Али, Са'д б. Абу Ваккас и аз-Зубайр — на Усмана. Теперь оставалось прийти к единому мнению, на чем особенно настаивал Умар.

Дальнейший выбор снова взял на себя Абдаррахман. Собрав всех претендентов, он сказал: «Вы не сошлись на одном из этих двоих, Али и Усмане». Затем взял Али за руку и спросил: «Клянешься ли ты следовать книге Аллаха и обычаю пророка и деяниям Абу Бакра и Умара?» Али ответил: «О боже! Нет, клянусь только стараться делать это в меру сил». На тот же вопрос Усман ответил утвердительно без всяких оговорок, и Абдаррахман, подняв голову к потолку мечети, возгласил: «О боже! Слушай и свидетельствуй. О боже, возлагаю то, что лежало на моей шее, на шею Усмана!» — и началась присяга. Прибывший в это время Талха присоединился к общему мнению [10].

Выбор Усмана, конечно, был предопределен не характером ответа Усмана, в этом рассказе отразилась только внешняя сторона. Суть скорее всего в том, что богатые курайшиты, аппетиты которых постоянно сдерживал Умар, хотели видеть над собой более покладистого халифа, а Али обещал быть более жестким правителем, чем Усман [11], тем более что его близость к пророку позволила бы ему в силу авторитета быть решительнее в поступках. Кроме того, немалую роль сыграло старое соперничество между хашимитами и умаййадами. Многие считали, что выборы халифа — внутреннее дело бану абдманаф (см. т. 1, с. 45). Когда ал-Микдад (некурайшит, адоптированный бану зухра) стал защищать права Али, один из махзумитов сказал: «Эй, сын Сумаййи***, не выходи из себя, какое тебе дело до назначения этих двух курайшитов самих себя правителями?» [12].

Али, конечно, был недоволен таким исходом выборов, но как проявил это внешне, трудно сказать, так как позже, в период борьбы Али за власть, подчеркивалось, что он не был согласен ни с выбором Абу Бакра, ни с выбором Усмана. По этой же причине трудно правильно оценить реакцию мединцев на первые шаги Усмана в качестве амира верующих. Как сообщает один источник, многие были возмущены, что Усман сел не на нижнюю ступеньку минбара, как его предшественники, а на самый верх, где сидел пророк, поставив себя таким образом на один уровень с ним [13].

Что действительно вызвало недовольство, так это решение судьбы Убайдаллаха б. Умара. Налицо было предумышленное убийство мусульман (Хурмузана и дочери Файруза) и немусульманина, находившегося под мусульманской юрисдикцией. Вина Хурмузана была сомнительной. Сын Хурмузана, Камадбан, утверждал, что его отец случайно встретился на улице с Файрузом и тот показал ему кинжал, а в ответ на вопрос, зачем он ему, сказал: «Отведу им душу», однако прохожий, видевший это, сказал, что Хурмузан дал кинжал. Когда Убайдаллаха привели на суд, Усман спросил присутствовавших мухаджиров и ансаров: «Посоветуйте мне, как быть с тем, кто так преступил ислам?» Али посоветовал казнить Убайдаллаха, но другие мухаджиры воспротивились: «Вчера убит Умар, а сегодня ты убьешь его сына?!» А Амр б. ал-Ас сказал: «Упаси тебя Аллах, чтобы это случилось. Аллах дал тебе власть над мусульманами, а если это случится, то не будет у тебя власти». И Усман помиловал Убайдаллаха (возможно, сыграла роль и примирительная позиция сына Хурмузана). Однако решение Усмана наложить на Убайдаллаха виру (*дийа*), а заплатить ее из своих денег многим показалось странным. Один из старых ансаров, присягавших пророку в Акабе, высмеял Усмана и Убайдаллаха в стихах, которые очень разгневали халифа [14].

*** Прозвание по матери в арабской речи носило уничижительный оттенок.

Мусульманские историки пишут, что Усман впервые в истории Халифата по избрании халифом разослал в провинции послания с наставлениями наместникам, командующим, сборщикам хараджа и подданным. Ат-Табари приводит их тексты, которые слишком абстрактно-назидательны, чтобы быть подлинными [15]. Поэтому приводить их текст не имеет смысла.

Умар завещал преемнику не смещать в течение года прежних наместников, и Усман какое-то время следовал этому завету. Перечислим их, чтобы легче было следить за последующими переменами и понять административное деление того времени. Наместником Мекки был Халид б. ал-Ас ал-Махзуми [16] (племянник Абу Джахла и двоюродный племянник Халида б. ал-Валида), Таифа — Суфйан б. Абдаллах ас-Сакафи, Йемена (Сан'а) — Йа'ла б. Мунйа, ал-Джанады — Абдаллах б. Абу Раби'а, Куфы — Мугира б. Шу'ба, Басры — Абу Муса ал-Аш'ари, Египта — Амр б. ал-Ас, Химса — Умайр б. Са'д, Дамаска — Му'авийа, Бахрейна и Омана — Усман б. Абу-л-Ас [17].

Из всех этих наместничеств важнейшими были те, где концентрировались основные силы армии и продолжались завоевательные походы: Египет, Сирия, Куфа и Басра, ставшие фактически полунезависимыми владениями. Все важнейшие политические события происходили именно там.

БОРЬБА ЗА СЕВЕРНУЮ АФРИКУ

Укрепившись на престоле, Констант решил возвратить Византии Египет, откуда ему писали о слабости арабского гарнизона Александрии. В конце лета 645 г., в наиболее благоприятное для плавания время, византийская армия под командованием Мануила на 300 судах высадилась в Александрии. Гарнизон ее (если верить сведениям, приведенным в гл. 4) не превышал 3500 человек, а византийская армия, судя по числу судов, могла достигать 10—15 тыс. человек.

Легко захватив Александрию, византийцы двинулись на Фустат. Амр с пятнадцатитысячной армией встал на их пути [18]. После тяжелого сражения византийцы были отброшены и укрылись за стенами города. В конце декабря 645 г. [19] Александрия была взята штурмом и жестоко разгромлена. Амр поклялся, что, взяв Александрию, разрушит ее стену, чтобы она стала как дом проститутки, в который можно беспрепятственно войти, и выполнил свою угрозу. Александрия стала опальным городом. Тогда же разгрому подверглись те приморские города, которые поддержали византийцев. Пленные, захваченные при штурме Александрии и других городов, были отосланы в Медину, но через некоторое время Усман возвратил их на родину [20].

Через месяц после этой победы Усман сместил Амра. Как мы помним, еще Умар назначил правителем Файйума и Верхнего Египта Абдаллаха б. Са'да, молочного брата Усмана. По-

бедив византийцев, Амр поехал в Медину и потребовал сместить Абдаллаха. Усман ответил, что его назначил Умар и не ему его смещать. А когда Амр стал настаивать и заявил, что вернется в Египет только наместником всего Египта, то Усман в ответ послал грамоту с назначением Абдаллаха правителем всего Египта. По другой версии, Усман хотел поделить сферы управления — сделать Амра главнокомандующим, а Абдаллаху поручить финансы, на что Амр ответил: «Это все равно что держать корову за рога, когда доить ее будет другой» [21].

Так или иначе, но Амр был смещен и на всю жизнь сохранил ненависть к Усману, сыгравшую большую роль в политике Халифата.

Абдаллах б. Са'д возродил идею Амра завоевать провинцию Африка (араб. Ифрикийа, нынешний Тунис и восточная часть Алжира). Усман долго не давал согласия, ссылаясь на мнение Умара, но в 27/648 г. под влиянием успехов на всех направлениях решился организовать экспедицию в Африку. Впервые после отправки Са'да б. Абу Ваккаса был проведен общеаравийский сбор добровольцев, которых на этот раз набралось всего 4800 человек из разных племен. Усман предоставил им 1000 верблюдов и снабдил недостающим оружием [22]. Во главе армии встал цвет мусульманской аристократии: сыновья Умара Абдаллах и Убайдаллах, Абдаррахман б. Абу Бакр, Абдаллах б. Амр б. ал-Ас, Абдаллах б. аз-Зубайр, Абдаррахман б. Зайд б. ал-Хаттаб, Ма'бад б. ал-Аббас и другие. В Египте это войско соединилось с египетской армией и поступило под командование Абдаллаха б. Са'да. По пути через Барку и Триполи к ним присоединялись кочевники-берберы, и армия выросла до 23 000 человек.

Экзарх Африки, Григорий, в это время отложился от Византии, объявил себя императором и не признал Константа. Возможно, Абдаллах рассчитывал именно на это, когда настаивал на походе на Карфаген.

Общая фабула всех сообщений арабских авторов шаблонна: Абдаллах предложил Григорию принять ислам или платить джизью, тот отказался, потерпел поражение и запросил мира. Сопоставление рассказов ал-Балазури и ал-Йа'куби показывает, что было два сражения. Первое, видимо, у Акубы, а второе у Субайталы (в 70 милях от Кайрувана). Во втором сражении, по арабским сведениям, Григорий был убит Абдаллахом б. аз-Зубайром [23]. Но по сведениям христианских источников. Григорий после поражения бежал в Византию, повинился перед императором и был прощен [24].

После бегства Григория знать Карфагена [25] вступила в переговоры с Абдаллахом и обязалась выплатить 2 520 000 динаров или, по другим сведениям, 300 кинтаров (30 000 фунтов) золота, что примерно равно,— если арабы покинут страну. Спустя многие годы ветераны этого похода хвастались, что даже простой пехотинец при разделе африканской добычи получил по тысяче

динаров, но самый примитивный расчет показывает, что при разделе 2 млн. на 23 000 человек (если треть из них — кавалеристы) даже кавалерист не мог получить больше 150 динаров.

Получив эту контрибуцию, мусульманская армия покинула Карфаген, не оставив гарнизона. Нет никаких сведений, что Ифрикийа платила какую-либо дань. Поэтому нельзя считать поход Абдаллаха завоеванием Ифрикии.

Следующим крупным важным предприятием в Северной Африке был поход на Нубию в 31/651-52 г. Арабское войско углубилось до Донголы, где произошло жестокое сражение. Меткой стрельбой нубийцы остановили арабов, не допустив их до рукопашной схватки. В бою полторы сотни мусульман были поражены стрелами в глаз. Впрочем, арабы и не проявляли особого боевого рвения, считая, что поживиться с полуголых нубийцев нечем: «Трофеи с них невелики, а ожесточенность их велика».

Сведения о походе очень расплывчаты, смешивается какой-то набег на нубийцев при Амре б. ал-Асе, который то ли был, то ли не был, а если что-то и было, то могло быть столкновением небольших отрядов за Асуаном, так как основные силы Амра были заняты сначала в Нижнем Египте, а потом в Барке и Триполи. В походе на Донголу также участвовали небольшие силы, скорее всего гарнизоны Асуана и пограничных крепостей, так как основные силы египетской армии были заняты в морской экспедиции против Малой Азии, которой целесообразнее коснуться в связи с войной против византийцев на побережье Сирии и в Малой Азии.

Результатом столкновения у Донголы было заключение равноправного договора, по которому обе стороны обязались не нападать друг на друга, нубийцы получали беспрепятственный доступ на рынки Египта, в обмен на поставки 300 (360 или 400?) рабов ежегодно нубийцы получали из Египта пшеницу и чечевицу; кроме того, нубийцы обязались выдавать беглецов из Египта, мусульман и коптов [26].

БОРЬБА ЗА ВОСТОЧНОЕ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ

Арабские войска сравнительно легко справились с завоеванием континентальной части Сирии и Палестины, однако приморские города, продолжавшие свободно общаться с метрополией по морю и имевшие возможность получать продовольствие и подкрепления, продолжали упорно держаться.

Один из крупнейших городов, центр Палестины Первой, Кесарея (Кайсарийа), в течение семи лет с начала арабского вторжения в Палестину выдержала несколько осад. Упорно держались Аскалон, Тир (Сур), Сидон (Сайда), Триполи (Тарабулус), Арадос, Антарадос (Антартус, ныне Тартус).

Сведения арабских историков об осаде и взятии Кайсарии

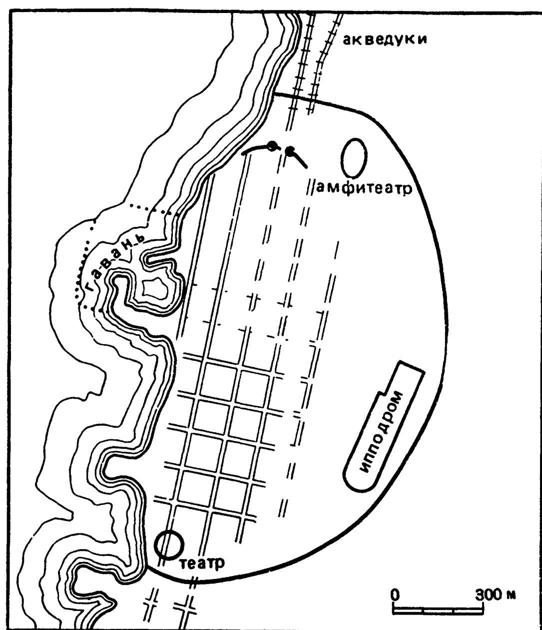


Рис. 14. Кайсарийа (северная часть)

кратки, противоречивы, а порой еще и фантастичны. Разнобой существует не только в отношении даты ее завоевания, но и в том, кому из военачальников принадлежит эта честь, поскольку неоднократные попытки взять ее слились в одну семилетнюю осаду с разными командующими.

В 18/639 г. на нее двинулось семнадцатитысячное войско Йазида б. Абу Суфйана. Его передовой отряд под командой Хабиба б. Масламы отбросил заслон византийцев, и арабы обложили город в последний раз. О численности византийского гарнизона достоверных сведений нет. Ал-Йа'куби дает явно преувеличенную цифру 80 000 человек, но и она меркнет по сравнению с семисоттысячным гарнизоном, о котором говорит ал-Балазури [27]. Думается, что, сократив цифру ал-Балазури раз в сто, мы приблизимся к действительности.

Кайсарийа действительно была большим городом, который тянулся вдоль моря на расстоянии четырех с половиной километров. На северном конце его находилась часть, окруженная крепостной стеной, примерно такой же величины, как Дамаск или Иерусалим. С севера внутрь укрепленной части города под стеной входили два водовода [28] (рис. 14). Число его постоянных жителей было около 50—70 тысяч.

Арабы были настолько убеждены в своем численном превосходстве, что не допускали мысли о возможности атаки из города и небрежно относились к охране своей передовой линии. По-

этому, когда гарнизон, утомленный осадой, решил попытать счастья в поле и напал на осаждающих, арабы, застигнутые врасплох, бежали из лагеря. Йазиду с трудом удалось остановить бегущих и повести их в контратаку. Численное превосходство в конце концов сказалось, и византийцы, оставив несколько тысяч убитыми, отступили под прикрытие городских стен [29].

Йазиду не довелось довести осаду до конца. После смерти Му'аза б. Джабалы в конце 18/639 г. он был назначен наместником Сирии и Палестины и уехал в Дамаск, где и его вскоре унесла эпидемия. Вести осаду он оставил своего брата Му'авийу.

Город продержался еще год, но никаких подробностей о ходе осады не имеется. В июле или октябре 640 г. [30] он был взят штурмом, причем около 7000 защитников были перебиты, а 4000 пленных были отосланы в Медину и Умар раздал их осиротевшим семьям ансаров [31]. Рассказ о падении города из-за изменника-еврея, который провел арабов через потайной ход, по подземному каналу, снабжавшему город водой, весьма сомнителен. Сюжет о горожанине-изменнике, указывающем тайный подземный ход, нередок в рассказах о взятии городов, и нельзя поручиться, что здесь перед нами подлинный случай, а не легендарный сюжет. Трудно поверить, чтобы арабы за год с лишним сами не заметили, куда уходит конец семикилометрового акведука.

Обстоятельства и время завоевания приморских городов неясны. В связи с завоеванием Дамаска сообщается, что были захвачены также Сайда, Ирка, Джубайл и Бейрут, а Шурахбил тогда же завоевал Сур [32]. Но с трудом верится, что Сайда, соединенная с материком узким перешейком, удобным для обороны, была захвачена с ходу, когда Триполи (Тарабулус), находившийся в сходных условиях, продержался до начала правления Усмана и даже менее защищенный географическим положением Аскалон сдался лишь в 644 г. [33].

До середины 40-х годов основным театром военных действий против Византии была восточная часть Малой Азии, где продвижение арабов было остановлено труднопроходимым хребтом Тавра. Отдельные набеги через горные проходы в Киликию предпринимались еще в конце 30-х годов, первый из них связывают с именем Халида б. ал-Валида [34], но проверить достоверность этих сообщений очень трудно. Первый не вызывающий сомнений поход на Малую Азию совершил Му'авийа летом 644 г., когда он дошел до Амореи [35].

В 645 г. византийцы предприняли широкое контрнаступление. Как рассказывалось выше, они попытались изгнать арабов из Египта, на сирийском побережье, вероятно, тогда же отбита Ирка [36], а в Малой Азии были сосредоточены такие силы, что Му'авийа просил помощи со стороны Ирака, и на помощь прибыло 6000 воинов во главе с Салманом б. Раби'ой [37]. Впрочем, это сообщение довольно туманно и трудно утверждать без-

оговорочно, что Хабиб сражался именно в Малой Азии, так как в качестве союзников византийцев упоминаются тюрки (хазары), которые, скорее, действовали со стороны Аррана (Албании) и Азербайджана.

Арабам удалось быстро переломить ход военных действий в свою пользу. В Египте значительная часть экспедиционной армии погибла в боях за Александрию. Ирка была возвращена, а в Малой Азии Му'авийа в 646 г. захватил несколько крепостей [38].

Контратаки византийцев показали Му'авии, что без господства на море любая точка побережья Сирии будет постоянно находиться под угрозой нападения. В 647 г. Му'авийа стал готовить в Акке флот для нападения на Кипр. По окончании зимы 648 г. 220 судов [39] с войсками отправились на Кипр. Не зная вместимости судов, трудно определить численность десанта. Скорее всего можно говорить о нескольких тысячах.

Первая в истории Халифата морская экспедиция оказалась удачной, хотя легкий шторм потрепал флот по выходе из гавани. На Кипре не ожидали нападения с моря и не смогли помешать высадке. Арабские отряды рассыпались по острову, грабя неукрепленные селения и уводя пленных (всего будто бы до 8000 женщин и детей). Правитель острова (названный в одном из источников архонтом) согласился ежегодно платить 7200 динаров (столько же, сколько императору) и сохранять нейтралитет [40].

Ат-Табари и некоторые христианские историки упоминают участие египетских войск в рейде на Кипр [41], но не исключено, что здесь отразились более поздние события.

Дерзкое вторжение мусульман в сферу, в которой византийцы считали себя полными хозяевами, заставило их быстро отреагировать и послать эскадру под командованием Какоризоса [42]. Видимо, это и заставило Му'авийу поторопиться заключить соглашение с правителем острова на легких для него условиях.

Возвращаясь с Кипра, Му'авийа напал на державшийся до той поры город Арвад (Арадос) на крохотном острове в трех километрах от Антарадоса (Тартуса). Му'авийа послал к арвадцам епископа Фому уговорить их переселиться в Византию, а город отдать арабам. Жители вместо ответа арестовали епископа и решили обороняться. Городская стена, сооруженная в древности из огромных, по нескольку тонн, каменных блоков (часть ее сохранилась до наших дней, поражая посетителей), шедшая по периметру острова, позволяла надеяться на неприступность города. Взять город можно было только блокадой с моря, а приближалось время осенних бурь, и Му'авии пришлось отказаться от блокады. Он установил ее на следующий год и вынудил жителей согласиться на эвакуацию. Стена была разрушена, а город сожжен [43].

Под 32/652-53 г. ал-Йа'куби и ат-Табари сообщают о про-

рыве Му'авии к «Теснине Константинополя» (мадӣк ал-Кустантӣнӣйа) [44]. Означает ли это Дарданеллы или какую-то теснину на пути к Константинополю — сказать невозможно. Оба варианта для этого времени невероятны; налицо неверная датировка сообщения.

В 33/653-54 г. киприоты нарушили договор, предоставив императору суда для участия в военных действиях против мусульман. Наказать нарушителей Му'авийа послал своего старого соратника Абу-л-А'вара [45], который на этот раз имел в своем распоряжении 500 судов. Жители прибрежных селений при виде арабов бежали в горы. Пробыв на острове 40 дней, основательно пограбив его и оставив гарнизон, арабы возобновили прежний договор и отправились дальше на Родос, Кос и Крит [46].

В это время Му'авийа вторгся в Малую Азию и захватил Хисн ал-Мар'а около Малатии [47].

Зимой 654/55 г. на верфях Сирии и Египта интенсивно строились и подготавливались суда для большой морской экспедиции против Византии. В Тарабулусе (Триполи) двое братьев-греков, бывшие на службе у мусульман, видя опасность, грозящую Византии, открыли тюрьму, где находились пленные, освободили их, убили коменданта города, подожгли флот и склады и бежали на одном из захваченных судов. Египетскому флоту пришлось вести войну на море одному [48].

Сирийская армия снова вторглась в Малую Азию и дошла до Малатии, угнав в плен множество мирных жителей. Один из отрядов под командованием Абу-л-А'вара проник в Ликию [49]. Одновременно туда же подошел египетский флот и намеревался высадить десант, когда пришла весть о движении византийского флота в составе нескольких сотен кораблей во главе с императором. Встреча произошла у Фойника на ликийском побережье [50]. Оба флота под вечер стали на якорь друг против друга и провели беспокойную ночь. Утром, сближаясь, команды судов сначала обстреливали друг друга из луков, а потом обе стороны пошли на абордаж. Как вспоминал один из участников сражения, главная тяжесть его пришлась на рукопашную схватку. Об употреблении камнеметных машин и зажигательных средств никаких упоминаний не имеется.

В сражении, затянувшемся до ночи, арабы проявили большее упорство и сломили наконец сопротивление византийцев. Им удалось захватить флагманское судно и убить человека, который перед боем надел одежду императора, так что арабы подумали, что убили самого императора.

Потери с обеих сторон были огромными. Византийцы, по некоторым данным, потеряли около 20 000 человек (что, впрочем, явно преувеличено). Поднявшийся в конце сражения шторм довершил уничтожение византийского флота. Наутро берег моря был завален грудами тел убитых и утонувших [51].

Арабский флот, вероятно, тоже оказался после этой битвы

неспособным вести дальнейшие боевые действия, но как бы ни были тяжелы потери арабов, они в результате этого сражения стали хозяевами восточной части Средиземного моря и получили возможность наносить чувствительные удары по важнейшим центрам империи, расположенным на морских берегах.

Описание этого сражения позволяет предполагать, что Византия, веками господствовавшая на море и не имевшая соперников, не располагала настоящим военным флотом, предназначенным для сражений с сильным противником [52]. Для обуздания пиратов достаточно было иметь быстроходные суда с вооруженным экипажем. Этим, видимо, и объясняется, как арабы смогли за несколько лет создать флот, способный разгромить опытных мореходов. Матросы и кормчие, которых арабские авторы называют греческим словом «наутикос», набирались из египтян или жителей сирийского побережья, которые, судя по всему, добросовестно исполняли свои обязанности. Таким образом, в мореходном отношении арабский флот был примерно равен византийскому и исход сражений решала абордажная рукопашная схватка, в которой мусульманские воины, судя по результатам сражений на суше, превосходили византийцев.

АРМЕНИЯ И АРАБЫ

Исход войны с Византией за обладание Малой Азией во многом зависел от ситуации в Армении, нависшей над правым флангом арабских войск, вторгшихся в Малую Азию. Армения, по своей территории, ее труднодоступности, по численности воинов, которых была в состоянии выставить, могла стать серьезным противником Халифата. Однако, несмотря на наличие одного главы, ишхана, единого государства Армении не существовало. Добрых два десятка княжеств стремились к полной независимости от какой-либо центральной власти, постоянно складывались и рассыпались различные коалиции. Византия, а за ней и Халифат использовали эту ситуацию для усиления своего влияния или захвата территории Армении.

В 646 г. в Армению прибыл с неизвестными полномочиями и задачами византийский сановник Фома, который, заручившись поддержкой вельмож, заключил мирный договор с арабами (вероятно, с наместником Джезиры) [53]. Обезопасив себя со стороны арабов, Фома арестовал Теодороса Рштуни и в оковах доставил в Константинополь. Император разгневался на Фому, не допустил во дворец для личных объяснений и лишил его поста. Теодорос был обласкан императором, получил жалованье и был оставлен при дворе. Последнее позволяет подозревать, что перед нами хитрый ход византийской политики: надо было удалить из Армении главу государства, набиравшего слишком большую силу, но так, чтобы не рассорить его с императором. И вот — непосредственный исполнитель наказан за самоуправ-

ство, арестованный, обласканный императором, не мог иметь к нему претензий, и главная цель — лишить Армению слишком сильного правителя — достигнута: он привязан к византийскому двору.

Здесь Теодорос Рштуни встретился с Варазтироцем, сыном Смбата Багратуни, бывшим марзбаном персидской части Армении, с которым Теодорос в юности вместе был при дворе Хосрова II. Вскоре Варазтироц бежал из Константинополя и объявился в Пайке (район западнее Карса). О его претензиях на власть Себеос ничего не говорит, но ясно, что для многих армянских князей он был законным претендентом на царский трон. Они вместе с византийским полководцем Теодоросом послали католикоса Нерсеса III к Варазтироцу с предложением стать ишханом Армении, а получив согласие, обратились к Константу с просьбой утвердить его в этом сане. Император даровал Варазтироцу звание куропалата* и утвердил ишханом, прислав также богатые дары и серебряный трон. Но Варазтироц внезапно заболел и умер, не дождавшись императорской инвеституры [54]. Эта внезапность заставляет нас подозревать отравление, во всяком случае сын Варазтироца считал, что отца убили византийцы [55].

После его смерти император позволил Теодоросу Рштуни вернуться на родину в качестве ишхана, хотя часть князей была недовольна возвращением сильного главы государства, способного ущемить их полновластие.

Натиск арабов на суше и на море требовал от императора возможно более тесного взаимодействия с Арменией, однако Констант в этой ситуации пошел на шаг, который мог только расстроить отношения между ними. Изобретательность и изворотливость, характерные для внешней политики Константинополя, изменяли ему, как только дело касалось религии. Стремление всюду насадить халкидонство, невзирая ни на что, уже сыграло роковую для Византии роль в Египте; но идеологическое упрямство сильнее разума — Констант в 649 г. обратился к армянам с призывом принять халкидонство (мелькитство).

Для обсуждения этого послания в Двине собрались епископы во главе с католикосом Нерсесом и нахарары во главе с Теодоросом. Собор отверг предложение императора и решительно заявил о своей приверженности григорианству (армянская ветвь монофизитства) [56]. О реакции на это императора нет никаких сведений, возможно, он понял несвоевременность своего шага, в Армении же его призыв не мог прибавить симпатий к метрополии.

А единение было крайне необходимо: на следующий год после этих событий в Армению со стороны Азербайджана вторглись арабы под командованием Салмана б. Раби'и. Одна группа направилась в Васпуракан (район между оз. Урмия и

---

* Высшая придворная должность.

оз. Ван), другая — в Айрарат (западнее горы Арарат) и третья, возглавляемая непосредственно Салманом,— в Албанию[57] (см. рис. 8).

Успехи первой группы были невелики, потому, вероятно, арабские историки и не упоминают ее действий. Осада Хоя окончилась ничем, безуспешны были попытки взять Ордспу[58]; сняв с него осаду, этот трехтысячный отряд продвинулся дальше на северо-запад и осадил крепость Арцап. Осажденные стойко оборонялись, но силы их иссякли, и они обратились за помощью к Смбату Багратуни, сидевшему в крепости Даруйнк (Баязет). Тот смог дать 40 человек, но это подкрепление не спасло, а погубило Арцап: арабы заметили потайной ход, по которому его ввели в крепость, и в воскресенье 23-го числа армянского месяца хори (7 или 8 августа 651 г.)[59] ворвались в крепость, учинив жестокую резню, а затем увели пленных женщин и детей. Теодорос Рштуни с 600 всадниками настиг этот отряд и почти полностью истребил, освободив пленных. Погибли и два арабских военачальника: Усман и Укба, о которых по арабским источникам ничего не известно. Сотню коней из захваченных в этом бою Теодорос послал в дар императору[60].

В долине Аракса арабам также не удалось достичь решающих успехов, кроме ограбления области. Сначала они пытались взять Нахичеван, но, убедившись в бесплодности своих попыток, перешли на южный берег и осадили Храм, который успешно оборонялся, пока не подошли войска, действовавшие в Айрарате. Соединенными силами арабы овладели этим городом, разграбили и увели много пленных, но закрепиться где-либо им не удалось.

О действиях в Албании (Арране) не известно ничего. Себеос только упоминает вторжение в нее, а сведения Халифы о набеге на Грузию и о походе Салмана на Дербент должны быть отнесены к более позднему времени.

Кампания 651 г. показала Теодоросу Рштуни, что он не в состоянии защитить страну от разрушительных вторжений арабов, а слишком большая зависимость от Византии может привести к новой попытке утверждения халкидонства. Выход из этой ситуации Теодорос увидел в заключении союза с наиболее опасным противником — арабами.

Арабские источники не сохранили даже намека на это важное политическое событие. Пересказ договора, подписанного летом 652 г. Рштуни и Му'авией, донес до нас Себеос: «Таков будет мирный договор между мной и вами на сколько лет вам будет угодно: три года не возьму с вас дани, а после этого срока платите сколько пожелаете. В этом даю вам клятву. Держите в вашей земле конницу 1500 человек, им содержание (хлеб) отпускайте из вашей страны, и это я зачту в счет дани. Конницу вашу я не вызову в Сирию, но в другие места, когда бы я ни потребовал,— она должна быть готова к выступлению.

Я не пришлю в ваши крепости эмиров (комендантов), ни арабского войска, даже ни единого всадника. Никакой враг не вступит в Армению, если же ромеи нападут на вас, то я пришлю на помощь войско, сколько вы пожелаете. Клянусь всемогущим Богом, что не обману вас»[61].

Важным достижением Рштуни было условие не использовать армянские войска против единоверцев-византийцев, реабилитировавшее в глазах армян союз с иноверцами. Нахарары одобрили этот договор, но церковь отнеслась к нему иначе, примерно так, как отозвался о нем Себеос: «Заключил союз со смертью и договор с адом».

Договор не принес Армении ожидаемого мира. Император расценил поступок Теодороса как измену и лично возглавил армию, которая должна была покарать изменника. На подходе к Феодосиополю (Каликала, Эрзурум) его встретил посланец Му'авии с письмом, в котором тот предостерегал императора от вступления в страну, которая находится под его покровительством. Император ответил, что страна принадлежит ему.

В Феодосиополь к императору прибыли засвидетельствовать свою верность все противники Теодороса (в основном из Северо-Западной Армении), возглавляли их католикос и Мушег Мамиконян. Князья постановили сместить Теодороса и выбрали нового ишхана. Делегация из 40 человек поехала к Теодоросу, чтобы известить об этом решении. Тот в ответ арестовал посланцев и стал готовиться к войне. Его поддержала вся Центральная и Северо-Восточная Армения, а также грузины и албаны.

Император расположил свою ставку в Двине, во дворце католикоса, и разослал оттуда отряды для покорения Албании и Сюника. Мушегу Мамиконяну с 3000 всадников была поручена наиболее ответственная задача — подавить сопротивление Васпуракана и этим отделить районы за Араксом от Рштуника, родового владения Теодороса. Все районы, оставшиеся на стороне Теодороса, подверглись ограблению, но сломлено ли было их сопротивление — из рассказа Себеоса неясно[62].

В это время Му'авийа активизировал действия в Средиземноморье, и Константу пришлось возвратиться в Константинополь. Командовать византийскими войсками в Армении он оставил греческого полководца Мавриана.

Оказавшись в трудном положении, Теодорос обратился за помощью к арабам, и ему был прислан семитысячный отряд, который расположился к северу от оз. Ван. Это сразу изменило соотношение сил. Весной 653 г. (после пасхи) Теодорос с помощью арабов разгромил византийцев в области Тайк и дошел до Трапезунда, а затем с богатыми дарами из захваченной при этом добычи прибыл к Му'авии в Дамаск. Му'авийа принял его с почетом, возложил на него почетные одежды и утвердил его правителем всей Армении и Закавказья, в том числе и тех областей, которые еще предстояло завоевать.

Видимо, в осуществление этой задачи ему были приданы арабские войска. Они дошли до Двина, чтобы оттуда напасть на Грузию (Иверию), но сильные морозы заставили прервать поход и вернуться на зимние квартиры [63].

С их уходом тяжело заболевший Теодорос утратил власть над Арменией. Игнорируя его, князья заключили между собой договор о ненападении и разделили Армению. Став полновластными хозяевами своих уделов, они обложили подданных тяжелыми налогами. «Люди стали подобны больным, когда боли усиливаются и языки немеют; им некуда было бежать и спасаться (от сборщиков)» [64].

Теодорос вновь обратился за помощью к арабам. В ответ Му'авийа, находившийся с главными силами под Малатией в Малой Азии, послал Хабиба б. Масламу с 6 или 8 тысячами воинов. С другой стороны, из Куфы, вышло примерно такое же по численности войско Салмана б. Раби'и ал-Бахили.

Вокруг начавшейся после этого кампании, развернувшейся на широком фронте от верховьев Евфрата и оз. Ван до Терека, в арабской среде сложилось немало легенд, для передатчиков которых были важны не точная хронология и порядок событий, а героическая гибель Салмана и его соратников и то, кто кому оказывал помощь в трудную минуту — куфийцы сирийцам или наоборот. Одни и те же эпизоды в разных вариантах включаются историками в повествования о разных годах с разрывом в десять лет. Сопоставление этих рассказов со сведениями армянских историков не всегда помогает [65].

Наиболее подробный и последовательный рассказ ал-Балазури о походах Хабиба не датирован. Начало военных действий, видимо, относится к осени 653 г. Хабиб осадил Феодосиополь (Каликала), жители его после упорного сопротивления согласились сдать город по договору [66]. Находясь в Феодосиополе, Хабиб узнал, что битрик Армениака (полководец Мавриан, оставленный в Армении после ухода из нее императора?) собрал большое войско, к которому присоединились также абхазы, аланы и хазары, и попросил о помощи. Му'авийа послал 2000 всадников, Хабиб оставил их в Каликала, а сам пошел навстречу противнику, туда же направился и Салман. Хабиб решил не делить с ним славу победы (и добычу) и, не дожидаясь его подхода, ночью напал на лагерь византийцев и разгромил их. Подоспевшие куфийцы потребовали долю добычи, но сирийцы решительно отказались делиться. Возникший спор халиф решил в пользу сирийцев [67]. Но этот эпизод может и не относиться к данной кампании [68]. Исключая эпизод со спором о добыче, никакой связи между действиями Хабиба и Салмана установить нельзя: в дальнейшем Салман вдруг оказывается в Байлакане непосредственно по приказу Усмана [69]. Видимо, в этой кампании Салман действовал совершенно независимо и из Куфы пошел прямо на Азербайджан, жители которого подняли восстание из-за тяжести дани [70]. После успешного его подавления ка-

рательный поход мог естественно превратиться в завоевательный поход против Аррана и Дагестана.

Разгромив Мавриана, Хабиб двинулся через горы на юго-восток, к оз. Ван. Вероятно, к этому этапу относится сообщение Михаила Сирийца, что арабам в октябре пришлось пробиваться в горах через снежные заносы, гоня перед собой стадо коров. По дороге его встретил владетель Хлата (Мушег Мамиконян) с грамотой, подписанной Ийадом б. Ганмом. Хабиб подтвердил условия договора, и Мушег доставил ему требуемую сумму и подарки еще до прибытия в Хлат. Видимо, договор, касавшийся всей Армении, утратил силу, поскольку Теодорос Рштуни не контролировал ситуацию в стране, и Хабибу приходилось иметь дело с отдельными княжествами.

Хлат на время стал резиденцией Хабиба. Сюда к нему прибывали князья с изъявлением покорности, отсюда он посылал отряды для подавления непокорных. Говоря об обязательствах покоренных, ал-Балазури упоминает и джизью и харадж, но в реальности арабы требовали лишь определенную сумму, не вникая в то, как она будет собираться. Любопытно упоминание, что рыбные ловли оз. Ван (Бухайра ат-Тиррих) признавались общим достоянием, свободным от обложения *(мубāх̣)* [71].

Подчинив княжества, прилегавшие к оз. Ван, Хабиб двинулся на столицу Армении, Двин, по-видимому, по дороге вдоль северного берега озера до Беркри, а оттуда на север до Игдира. На этот маршрут указывает то, что к Двину Хабиб подошел через селение Арташат (Ардашат) [72]. Город приготовился к обороне и только после обстрела из камнеметных машин вступил в переговоры. Возможно, жители Двина ожидали помощи от византийской армии Мавриана, которая находилась где-то в Закавказье, а не дождавшись ее, решили спастись от резни, неизбежной в случае взятия города штурмом, заключением договора, текст которого сохранился у ал-Балазури:

«Во имя Аллаха, милостивого, милосердного. Эта — грамота Хабиба ибн Масламы христианам из жителей Дабила и их магам и иудеям, тем, кто присутствует, и тем, кто отсутствует, в том, что даю вам гарантию неприкосновенности вас самих, и вашего имущества, и ваших церквей, и ваших храмов, и стен вашего города. Вы в безопасности, а мы обязаны соблюдать в отношении вас верность этому договору, пока вы соблюдаете его и платите джизью и харадж. Свидетель — Аллах, и достаточно его в свидетели.

Поставил печать Хабиб ибн Маслама» [73].

Из Двина Хабиб пошел вниз по Араксу на Нахичеван, который сдался на тех же условиях, что и Двин. После этого поспешили заключить договоры области к юго-западу от Нахичевана. Затем наступила очередь горных районов Сисаджана (Сисакан) и Вайса (Вайоцдзор). Их воинственные жители, засевшие в горных замках, оказали сопротивление арабам, но в конце концов вынуждены были сдаться.

Успехам Хабиба способствовала в первую очередь разрозненность усилий армянских князей, которые не просто сражались каждый за себя, но порой прибегали к помощи арабов, чтобы избавиться от соперников. Так, по словам Себеоса, владетель Аруча (Талин) был выдан на казнь Хабибу своим родным братом [74].

Следующей целью Хабиба была Грузия (ал-Джурзан), достичь которую он мог двумя путями: прямо из Вайоцдзора, перевалив через Малый Кавказ восточнее Севана, где до сих пор нет хороших дорог, или, возвратившись в Двин, идти на Тифлис (Тбилиси) более легким путем через Ширак и далее по одной из речных долин, открывающихся в сторону Куры. Судя по некоторым косвенным данным, он избрал второй путь [75].

Царь Грузии (*битрик ал-Джурзан*) выслал навстречу Хабибу посла с предложением заключить договор. Хабиб ответил согласием и, прибыв в Тифлис, подписал договор, текст которого значительно конкретнее, чем многие другие:

«Во имя Аллаха, милостивого, милосердного. Это — грамота Хабиба ибн Масламы жителям Тифлиса в [рустаке] Манджалис [области] Джурзан ал-Кирмиз [76] с гарантией безопасности им самим, их храмам и кельям (*савами'*) и их молитвам и их религии при условии признания их приниженности и джизьи в один динар с каждой семьи (*ахл ал-байт*). Вы не можете соединять членов семей для облегчения джизьи, а мы не можем их разделять для ее увеличения. А вы должны дружественно относиться к нам и в меру возможности подкреплять против врагов Аллаха и его посланника. Вы должны дать ночлег нуждающемуся мусульманину и пищу людей Писания, дозволенную нам. А если заблудится у вас кто-то из мусульман, то вы должны проводить его до ближайшего расположения (*аднā фи'а*) мусульман, если только он не обратится к кому-то кроме вас. А если раскаетесь и станете совершать [мусульманскую] молитву, то вы — наши братья по вере, а если нет — то на вас лежит джизья. А если мусульмане будут отвлечены делом от вас и вас одолеет ваш враг, то вы не будете обвинены за это и это не является нарушением вашего договора. Обязательства в отношении вас и ваши обязательства свидетельствует Аллах и его ангелы, а Аллаха достаточно в свидетели» [77].

Отдельно от Тифлиса упоминаются договоры с другими княжествами Грузии: Самцхети, Шавшети, Кларджети, Триалети и Кахети. Этот список охватывает почти всю территорию Грузии (некоторые названия не идентифицируются) от Черного моря до Дарьяльского ущелья (Баб ал-Лан, «Ворота аланов») [78].

Арабские источники не разделяют походы Хабиба на какие-то периоды. Согласно же Себеосу, военные действия в Закавказье зима разделила на две кампании. О первой говорится только, что Мушег Мамиконян перешел на службу к арабам и они заняли всю страну от края и до края. В том же году из-за

зависти брата был отдан на казнь Хабибу Артавазд Димакаян. Ни сдача Двина и Нахичевана, ни поход на Грузию не упоминаются. Не упоминается и участие византийской армии в отражении арабского вторжения. Она появляется неожиданно в связи с упоминанием зимы: «Были суровые зимние дни, греки теснили их (исмаильтян), но они вследствие стужи не могли выступить против них. Поэтому они перешли реку и пошли укрепились в Захреване» [79].

Воспользовавшись уходом арабов за Аракс, византийская армия Мавриана напала на Двин и разграбила его, а затем осадила Нахичеван, который упорно оборонялся до весны, когда арабы пришли на помощь гарнизону и разгромили византийцев.

К сожалению, в подробном рассказе ал-Балазури не удается проследить последовательность отдельных эпизодов и невозможно понять, на каком этапе произошло завоевание Грузии — до или после поражения Мавриана под Нахичеваном. Поэтому следует учитывать, что порядок событий, изложенный здесь, лишь один из возможных [80].

Видимо, одновременно с вторжением Хабиба в Армению другая арабская армия, руководимая из Куфы, приступила к завоеванию Аррана [81]. Как говорилось выше, Себеос начинает рассказ о поражении арабов у Дербента с упоминания восстания мидян (т. е. жителей Азербайджана) из-за тяжести дани, подразумевая, что поход был связан с подавлением восстания. Однако ни арабские источники, ни «История Алванка» не упоминают каких-либо действий в Азербайджане в это время.

Первый город, упоминаемый на пути Салмана,— Байлакан, но неизвестно даже, с какой стороны он подошел к нему [82]. Город сдался, заключив мирный договор. Отсюда Салман направился к Партаву (Барда'а) и встал лагерем на реке Тертер. После нескольких дней атак на город, сочетавшихся с ограблением окрестных селений, горожане, обеспокоенные судьбой созревшего урожая, вступили в переговоры и сдали город на обычных условиях неприкосновенности жизни и имущества. Салман временно остановился в городе, рассылая отряды по соседним городам и районам. Ему сдались Шакашен, Мискуван, Мисрийан (Мецаранц), Уз (Утик), Харджиман, т. е. вся территория между Малым Кавказом и Курой.

Затем из Барда'а Салман пошел к слиянию Аракса и Куры, захватил Барзендж [83], переправился через Куру и принялся за покорение княжеств между Курой и южным склоном Кавказского хребта с городами Кабала, Шеки (Шакки) [84] и областью Камибаран (в южном течении рек Алазани и Иори), т. е. всей Албании. Затем Салман перевалил через южные отроги Кавказского хребта к Ширвану, Шабирану и Маскату [85]; кроме этих владений с арабами заключили мирные договоры также некоторые горные княжества, по одним сведениям — Хайзан (Кайтак), по другим — Лакз, Филан и Табарсаран [86]. Говорить о

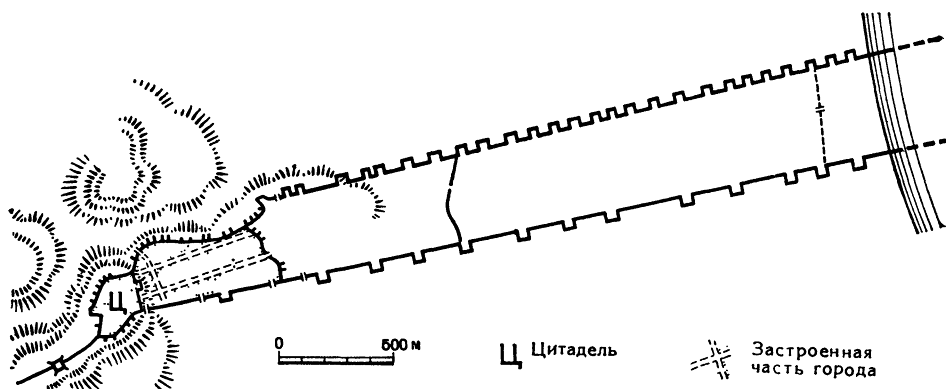


Рис. 15. План Дербента VI—VII вв.

завоевании этих княжеств вряд ли возможно, вероятно, все подчинение выражалось в присылке даров.

Поразительно, что во всей Албании Салман не встретил серьезного сопротивления. Можно допустить, что арабские источники не сохранили воспоминания об этом, но и у Каланкатуаци нет упоминаний о сражениях с арабами. Сама решимость Салмана предпринять дальний поход после завоевания Албании говорит о том, что его войско не понесло заметных потерь. Объяснить это можно только тем, что для мелких княжеств, на которые была раздроблена Албания, четырех-шеститысячное войско Салмана было неодолимой силой.

Конечной целью похода скорее всего был Дербент, последний пункт Сасанидской империи, еще не завоеванный арабами. Это было важнейшее звено оборонительных сооружений, прикрывавших закавказские владения Сасанидов от вторжений кочевников с севера. Здесь узкая двух-трехкилометровая прибрежная полоса, по которой проходила главная дорога из прикаспийских степей в Закавказье, была перекрыта в середине VI в. сначала одной каменной стеной, высотой до 12 м, потом параллельно ей на расстоянии 200—400 метров — второй, которые тянулись от собственно крепости, расположенной на последнем отроге гор, заходя далеко в море. В предгорной части, где находились основные ворота, располагались жилые кварталы, но бóльшая часть пространства между стенами была свободна от застройки (рис. 15).

В другую сторону от крепости по горам на десятки километров от башни к башне тянулась еще одна стена, не позволявшая обойти Дербент с нагорной стороны[87]. Недаром эту крепость персы называли Дар банд — «замóк», а арабы стали называть Баб ал-Абваб («ворота ворот», т. е. «главные ворота») (рис. 16, 17).

Сасаниды держали в Дербенте большой гарнизон, но неиз-



Рис. 16. Дербент. Ворота Кала-Капы, вид изнутри

вестно, что стало с ним после завоевания арабами Азербайджана. Во всяком случае, Салман занял Дербент без особого сопротивления [88].

Легкий успех вскружил голову Салману. Дав своим воинам три дня отдыха, он повел их еще дальше — в глубь хазарских владений. Три-четыре перехода до Тарки (Семендера) [89] были также пройдены беспрепятственно. Мы не знаем, задержался ли он в этом, одном из крупнейших городов Хазарии, во всяком случае, к тому времени, когда арабское войско совершило еще один переход и переправилось через Сулак («река Баланджара») [90], хазарский хакан успел собрать войско

Неожиданное столкновение с превосходящими силами противника оказалось роковым для арабов — потеряв своего командующего (а с ним погиб и его брат Абдаррахман), они искали спасения в бегстве, но хазары перерезали путь к отступлению. Из четырехтысячного войска спаслись лишь единицы [91]. Дербент достался хазарам, а албанские княжества вновь обрели независимость. Хузайфе б. ал-Йаману, назначенному Усманом наместником кавказского пограничья (с̱агр Армӣнийа̄), пришлось снова совершать поход на Барда' а [92].

Хабиб возвратился в Сирию, уводя с собой более полутора тысяч заложников из лучших армянских семей. Не избежала этой участи и семья Мушега Мамиконяна, первым явившегося к Хабибу засвидетельствовать свою покорность. Уехал в Дамаск и Теодорос Рштуни, скончавшийся по дороге [93]. Кем он был: почетным пленником или эмигрантом, скрывавшимся от ненависти земляков, которые не могли простить ему союз с

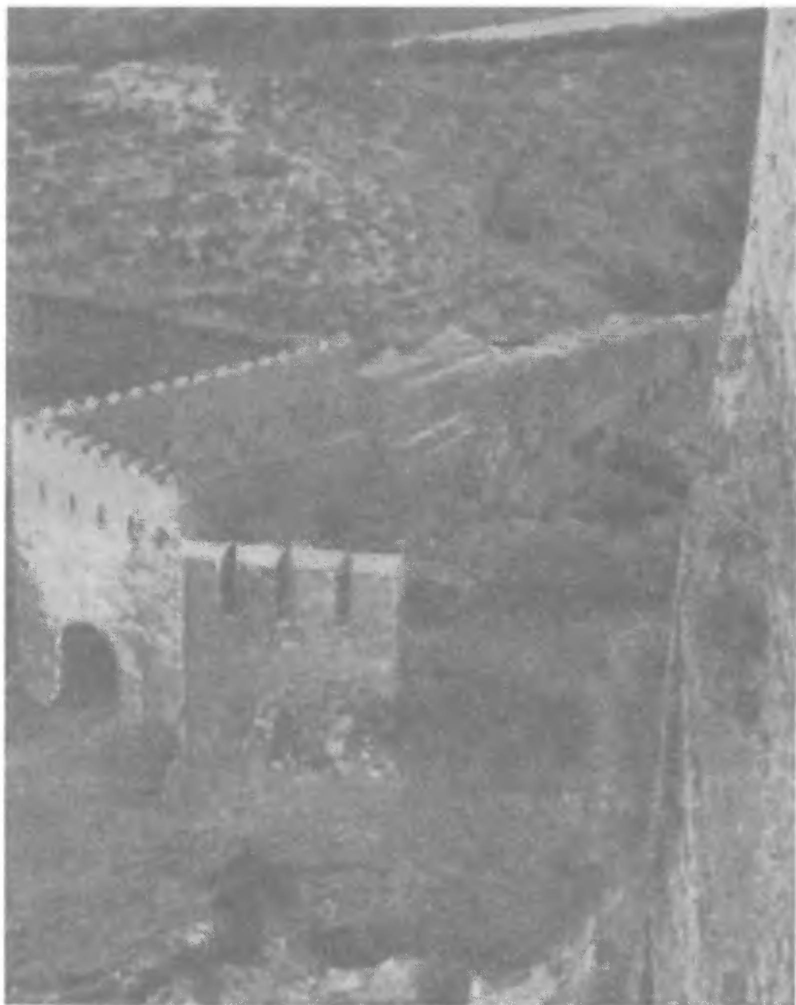


Рис. 17. Вид с цитадели Дербента

арабами,— вероятно и то и другое; армянские источники молчат об этом, а арабские просто не удостоили этого деятеля своим вниманием.

КОНЕЦ САСАНИДСКОЙ ДЕРЖАВЫ

После завоевания Азербайджана на севере и прорыва в сторону Фарса на юге арабы натолкнулись на упорное сопротивление с одной стороны в районе Сабура — Шираза — Истахра, с другой — в районе Хамадана — Рейя.

Арабы прорвались в этот район по инерции нихавендской победы, но не могли надежно закрепиться: как только основная армия уходила в Куфу, то один, то другой город восставал и их приходилось завоевывать снова. Возможно, некоторые сообщения о походах на Рейй и Исфахан сдублированы в процессе компиляций, но несомненно, что окончательное присоединение этих городов произошло только в начале правления Усмана в 645 или 646 г.[94].

Наместник Куфы, Са'д б. Абу Ваккас, непосредственного участия в походах не принимал, предпочитая блеску воинской славы блеск драгоценного металла, собираемого в личную сокровищницу в спокойной резиденции. Хотя с конца правления Умара финансовое и военно-административное ведомства часто разделялись, это не мешало наместнику вольно распоряжаться казной. Грешил, видимо, этим и Са'д, взявший деньги из казны в долг и не пожелавший их возвратить. Казначеем же был Абдаллах б. Мас'уд, человек из старой гвардии ислама, который не пожелал спустить амиру посягательство на общинное достояние. Он неотступно требовал возвращения долга.

Между ними произошла серьезная ссора, вызвавшая раскол среди куфийцев. В то время казна в сознании мусульман еще не превратилась в царскую сокровищницу, а оставалась *мал ал-муслимин* («имуществом мусульман») и они принимали покушения на нее близко к сердцу, поэтому многие встали на сторону казначея, но нашлись защитники и у задолжавшего амира.

Халиф разгневался на обоих виновников раскола куфийцев, но все же Абдаллаха оставил на его посту, а Са'да заставил вернуть взятые деньги и сместил, заменив его ал-Валидом б. Укбой, своим троюродным племянником из того же рода Умаййи, который удовлетворил всех куфийцев своей щедростью и открытостью в буквальном смысле слова: дверь его резиденции не закрывалась и любой мог войти в нее[95]. О других сторонах его деятельности как правителя ничего не известно, можно лишь сказать, что воинственным рвением он не отличался.

Интенсивные военные действия в это время велись только на южном фланге восточной границы Халифата, в Фарсе, хотя и без особого успеха. Одни и те же города приходилось завоевывать несколько раз. Упорство сопротивления можно объяснить как богатством и населенностью этой провинции, колыбели Сасанидской державы, так и присутствием здесь Йездигерда III, хотя его авторитет после всех поражений был невелик.

В 25/645-46 г. Усман б. Абу-л-Ас, командовавший авангардом армии Абу Мусы ал-Аш'ари, занял Сабур и заключил мирный договор с хирбедом, по которому Сабур и Казерун обязаны были выплачивать 3300 тыс. дирхемов в год[96]. Договор был нарушен сразу же: жители одной из крепостей Казеруна убили двух мусульманских всадников и тайно похоронили в саду. Истина все же выявилась, и селение было жестоко наказано: все мужчины перебиты, а женщины и дети уведены в рабство[97]. Тем

не менее после ухода арабских войск этот район отложился, и его пришлось вновь завоевывать на следующий год.

В 27/647-48 г. арабы продвинулись еще дальше на восток, до Дерабджерда, правитель которого обязался уплатить 2200 тыс. дирхемов [98].

Продвигаясь все дальше, арабы оставляли за собой не вполне освоенные и покорившиеся районы. Восстания иногда вспыхивали в далеком, казалось бы, тылу. В 28/649 г. (на четвертом году правления ал-Аш'ари) [99] восстали курды Лура и жители Идаджа. Регулярные войска находились в это время в Фарсе, поэтому Абу Мусе пришлось набирать и экипировать добровольцев. И здесь произошел казус, стоивший ему поста наместника: у Абу Мусы то ли не оказалось средств обеспечить отряд верховыми животными, то ли он решил приберечь деньги, во всяком случае, он стал расписывать воинам отряда особые заслуги пешего похода в войне за веру и вроде бы убедил их. Но когда в день, назначенный для выступления, из ворот резиденции наместника вышли 40 мулов, груженных багажом Абу Мусы, то возмущенные его лицемерием добровольцы схватили мулов за уздечки и остановили их с криком: «Вези нас на этих „заслугах“, а сам прельстись пешим походом, каким прельщал нас!»

Поход сорвался. Возмущенные басрийцы послали делегацию к халифу с требованием сместить Абу Мусу, обвиняли его в том, что он возвеличивает сородичей, возрождает дух джахилии и пренебрегает делами Басры. Усман сместил Абу Мусу и взамен назначил двадцатипятилетнего Абдаллаха б. Амира б. Курайза, своего племянника по линии матери и в то же время дальнего родственника Мухаммада (отец Абдаллаха был сыном дочери Абдалмутталиба, т. е. двоюродным братом Мухаммада по женской линии) [100].

Пусть не покажутся слишком назойливыми генеалогические указания — родство играло большую роль, и многое в политической жизни Халифата объясняется родственными отношениями.

Вместе с ал-Аш'ари был смещен и Усман б. Абу-л-Ас, командовавший армией в Фарсе, и она была непосредственно подчинена Абдаллаху б. Амиру.

Молодой и энергичный наместник горячо взялся за дело. В том же году, по некоторым данным, был вновь завоеван Исфахан [101] и началось решительное наступление в Фарсе (Йездигерд в это время сумел поссориться с марзбаном Фарса и перебрался со двором в Керман).

Сведения об этом походе Ибн Амира противоречивы. По одним данным, он сначала завоевал Джур и Дерабджерд, по другим — начал с Истахра. Центральным событием, несомненно, были осада и взятие Истахра, который до этого отделывался контрибуциями.

В Истахре нашла последнее убежище знать всего Фарса,

решительно настроившаяся отстоять город. Авангард Ибн Амира под командованием курайшита Убайдаллаха б. Ма'мара был встречен у Рамджерда и потерпел поражение, сам Убайдаллах был убит и похоронен в саду в Рамджерде. Его гибель так разгневала Ибн Амира, что он поклялся, что будет убивать засевших в Истахре, пока кровь не потечет из ворот города.

Город упорно сопротивлялся. Арабы обстреливали его из камнеметных машин, затем сделали подкоп и неожиданно ворвались в город, беспощадно убивая всех подряд. В этой резне погибло большинство знатных родов Фарса. Пресыщенные убийством, воины просили Ибн Амира прекратить бойню, но он отвечал, что должен исполнить клятву. Наконец кто-то посоветовал полить улицу водой, кровавая вода вытекла через ворота, и тогда только побоище прекратилось [102].

В этом же походе были завоеваны Джур и область Дерабджерда. Теперь перед арабской армией открывался свободный путь на Керман и далее в Сиджистан.

650 год оказался переломным также и в действиях куфийской армии на востоке, что связано со смещением пассивного ал-Валида б. Укбы и назначением Са'ида б. ал-Аса, четвероюродного брата ал-Валида. Впрочем, смещение произошло не из-за его пассивности в ведении военных действий, а из-за острых конфликтов в самой Куфе. Идеи нестяжательства, равенства и братства мусульман, проповедовавшиеся вероучителем ислама, растаяли, как утренний туман, при сиянии золота и серебра, хлынувшего из завоеванных стран. Он обогатил и тех, кто прежде не знал ничего лучше верблюжьего молока и ячменной лепешки, но разрыв между бедными и богатыми стал не меньше, а больше, чем прежде.

Видимо, ал-Валид в меру сил старался смягчить этот разрыв, помогал беднякам, и даже рабы и рабыни при нем получали из казны на прокорм по три дирхема в месяц [103] — сумма ничтожная на фоне тысяч, которые проживала верхушка мусульманского общества, но эти гроши позволяли ежедневно покупать 2 ратля хлеба. Любили его и свободные бедняки. Зато племенная аристократия (*хасса*) относилась к нему враждебно [104].

Взаимоотношения между различными племенными группами были далеко не идеальными. Как-то ночью группа молодых людей, в основном аздитов, стала проламывать стену дома в квартале хуза'итов. Хозяин стал их увещевать, а потом вышел к ним с мечом. Увидав, что их много, он стал звать на помощь, ему пригрозили, что убьют, если крикнет еще. Это увидел с крыши соседнего дома сподвижник Мухаммада Абу Шурайх ал-Хуза'и и окликнул их. Те недолго думая убили хозяина дома.

На крики сбежались люди, убийц схватили — они оказались сыновьями видных людей из племени азд [105]. Ал-Валид очутился в затруднительном положении: преднамеренное убийство му-

сульманина требовало смертной казни убийц, а это значило восстановить против себя всех аздитов и дать козырь в руки врагов, которые всегда есть у всякого правителя. Ал-Валид решил уйти от трудного решения и предоставил его халифу. Усман распорядился казнить преступников, что и было исполнено на площади перед резиденцией наместника[106]. Ненависть родственников казненных все равно не обошла ал-Валида.

В этом рассказе Сайфа неясно самое главное: с чего это вдруг молодые люди из почтенных семейств стали взламывать дом и не остановились перед убийством хозяина — не ради же грабежа пошли они на это? Сопоставление разных источников не дает определенного ответа на этот вопрос. Неоднозначное отношение куфийцев к ал-Валиду определило противоречивость освещения события, предопределившего его отставку.

По сведениям ал-Мас'уди, ал-Валид был пьяницей, пившим с приятелем-христианином ночи напролет, пьяным приходившим в мечеть руководить утренней молитвой, с пьяных же глаз предложившим добавить к канонической молитве в четыре рак'ата пятый, что, по мнению мусульман, было надругательством над порядком моления, установленным самим пророком. Ненависть Джундаба (отца одного из казненных) объясняется тем, что ал-Валид арестовал его за убийство фокусника, забавлявшего наместника. Ал-Валид предоставил решение судьбы Джундаба халифу, и тот распорядился его освободить[107]. Эта версия в иной редакции встречается и у других авторов[108]. Столь различное объяснение причин враждебности не обязательно требует признать одну из версий ложной. Совершенно очевидно, что у рассказчиков не было четкого представления о происшедшем, одни рассказывали одну часть событий, другие — другую, по-разному оценивали действия героев повествования, что-то в ходе передачи искажалось. Найти связь между этими двумя версиями помогает, казалось бы, совершенно не вяжущееся ни с чем сообщение, что племянник Джундаба убил тюремщика и освободил своего дядю[109]. Видимо, непонятному нападению на дом предшествовал арест Джундаба и тех, кто возмущался решением ал-Валида арестовать сподвижника пророка за убийство какого-то колдуна. Сыновья арестованных попытались освободить заключенных, напав на дом тюремщика.

Этот частный эпизод, ничтожный на фоне событий, определявших судьбы целых народов, заслуживает такого подробного разбора, так как хорошо иллюстрирует сложные, противоречивые взаимоотношения внутри верхушки мусульманского общества.

Все действия ал-Валида были безупречны: убийц следовало наказывать, и казнил он их не по собственной инициативе, а по приказу халифа, но это не могло оправдать его в глазах родственников казненных. Они стали искать повода опорочить ал-Валида перед халифом. Проще всего было уличить его в пьянстве. Один раз Джундаб устроил форменный обыск в доме ал-

Валида, но не смог найти доказательств и только разгневал куфийцев таким бесчестным поступком. Друзья советовали ал-Валиду пожаловаться халифу, но он предпочел скрыть этот случай, чтобы не разжигать страстей в городе, к тому же он сам хорошо знал свое пристрастие к вину. Наконец, Джундаб сумел снять перстень-печать с руки пьяного ал-Валида.

Это вещественное доказательство опьянения было предъявлено Усману, и ему ничего не оставалось, кроме как приговорить ал-Валида к 40 ударам бича. Исполнить наказание было поручено Са'иду б. ал-Асу [110], который затем получил назначение на пост наместника Куфы [111].

В наиболее враждебной ал-Валиду версии событий повествуется, что Са'ид, придя первый раз на моление в мечеть Куфы, отказался взойти на минбар, оскверненный предшественником, и потребовал его вымыть, со словами: «Ведь ал-Валид был скверным и мерзким» [112]. Но последующая деятельность Са'ида вскоре вызвала к нему всеобщую ненависть. Особенно жалели об ал-Валиде бедняки и рабы. Один из рабов оплакал смещение ал-Валида в бесхитростных стихах, подлинность которых не вызывает сомнения:

О горе! Отняли у нас ал-Валида,
Прислали морящего нас голодом Са'ида,
Он мерку хлебную убавил, не прибавил,
Голодными рабов он и рабынь оставил [113].

Пока в Куфе шла скандальная смена власти, басрийская армия под предводительством Ибн Амира, захватив Фарс, продолжала движение к восточным пределам Ирана (рис. 18). Ее успехи заставили Йездигерда искать пристанище в соседнем Кермане. В погоню за ним был послан Муджаши' б. Мас'уд. В конце 650 г. он дошел до Сиреджана (Ширеджана) [114] и после короткой осады взял его штурмом. Дело было к зиме, от которой в этих краях трудно ожидать больших холодов, и Муджаши' смело пошел на Керман короткой дорогой через горы. Неожиданно в горах мощный снегопад (снег лежал «высотой с копье») накрыл отряд. Легко одетые и непривычные к морозам арабы погибли от холода, лишь немногим вместе с Муджаши' удалось возвратиться назад [115].

Керман недолго был пристанищем последнего Сасанида. Его требование дать заложников в доказательство верности возмутило правителя Кермана, и он изгнал Йездигерда. Царь со своей многочисленной челядью и небольшим отрядом гвардии через Сиджистан направился в Хорасан искать союзников для борьбы с арабами [116].

На следующий, 651 г. Абдаллах б. Амир со всей армией встал в Ширеджане и оттуда послал ар-Раби' б. Зийада на Сиджистан. Тот прошел через Фехредж, пересек пустыню и около 20 сентября, в праздник осеннего равноденствия — михраджан,— оказался у укрепленного селения Залик в пяти фарсахах (30 км) южнее Зеренджа [117].

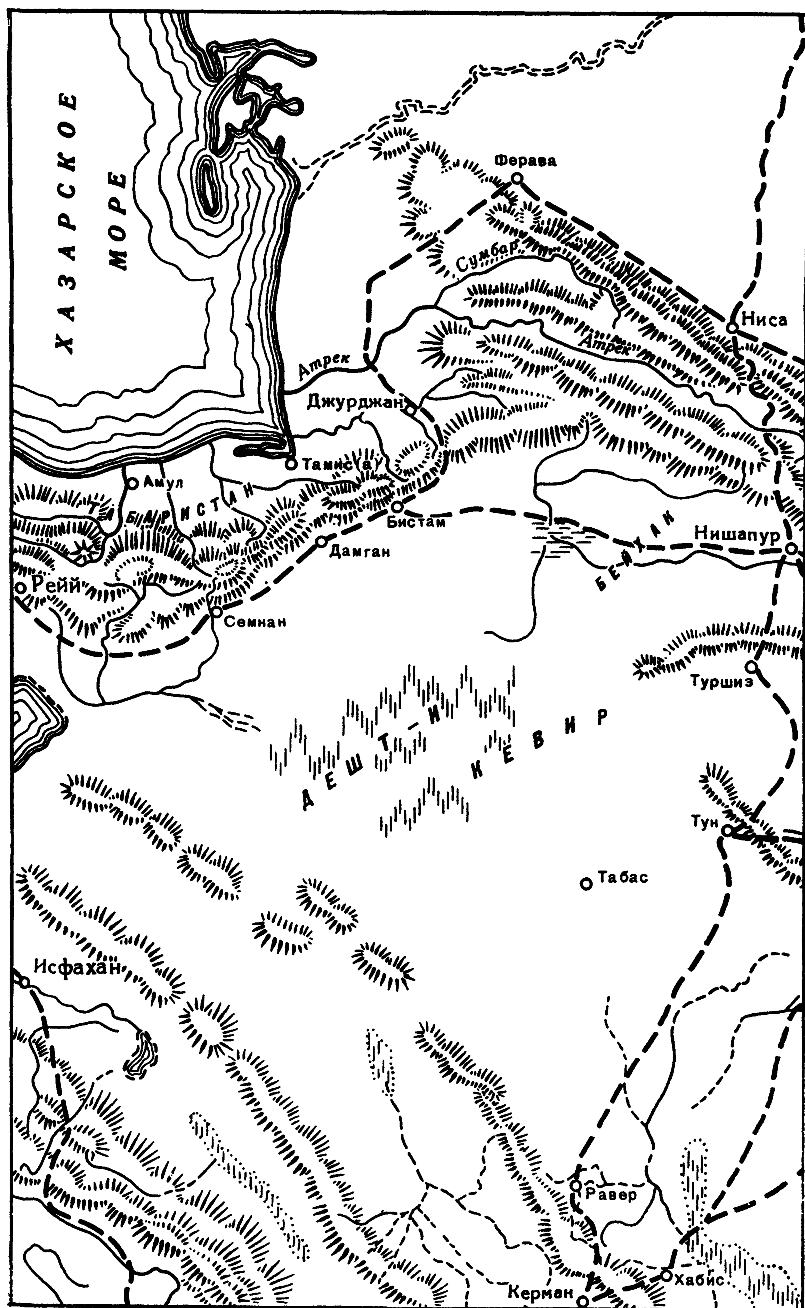
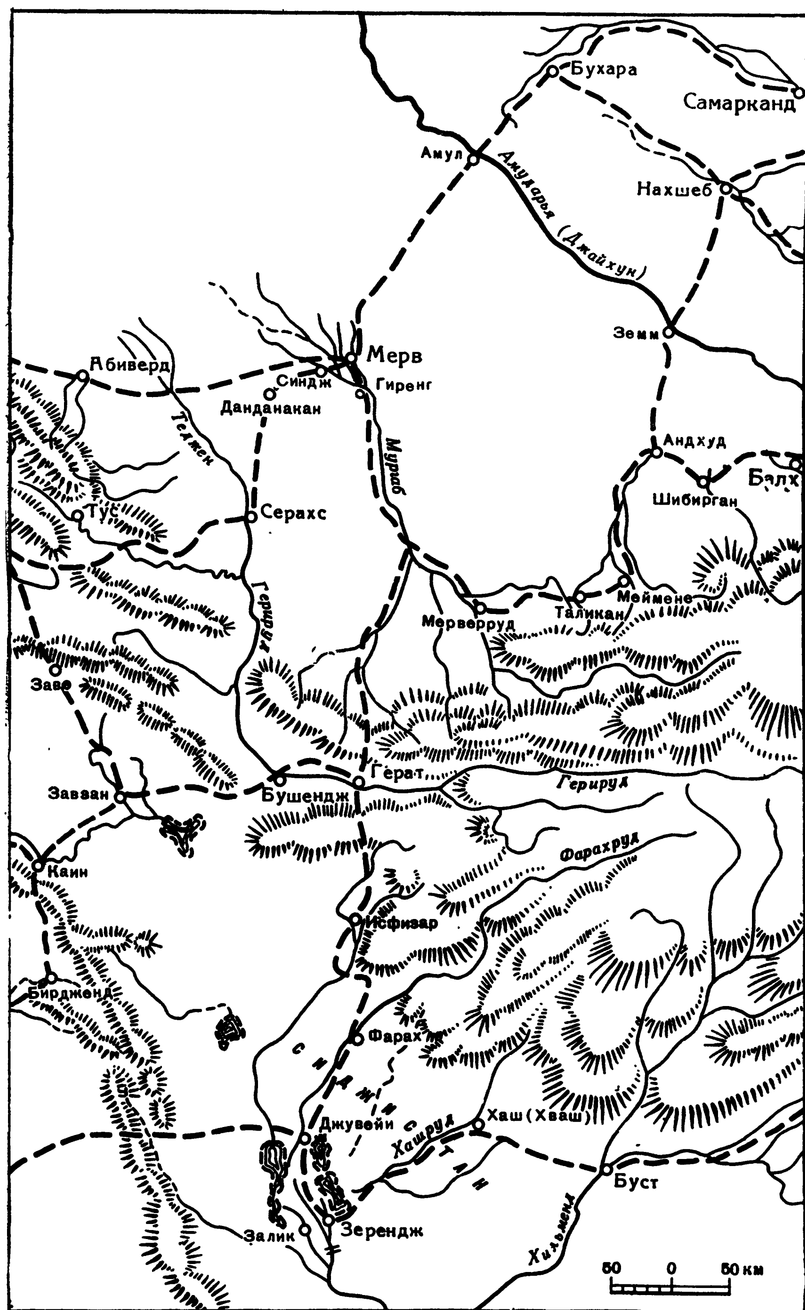


Рис. 18. Северо-Восточный Иран



Бухара
Самарканд
Амул
Амударья (Джайхун)
Нахшеб
Земм
Абиверд
Синдж
Мерв
Гиренг
Данданакан
Теджен
Мургаб
Андхуд
Балх
Шибирган
Тус
Серахс
Герируд
Меймене
Таликан
Мерверруд
Заве
Герат
Бушендж
Завван
Герируд
Фарахруд
Каин
Исфизар
Бирдженд
Фарах
Сиджистан
Хаш (Хваш)
Хашруд
Джувейни
Буст
Зерендж
Залик
Хильменд
50
0
50 км

Эта дата свидетельствует, что путь от Ширеджана до Фехреджа не был прогулкой. Ведь если бы армия выступила в весенний поход даже из Басры, то 800 км до Ширеджана прошла бы без особой спешки дней за 40—45 (учитывая отдых, остановки для получения фуража и так далее), прибыв к концу апреля — началу мая. На оставшиеся до Залика 650—700 км остается, таким образом, не менее 4 месяцев. Значит, города на пути от Ширеджана до Фехреджа приходилось осаждать, вести бои и переговоры.

По сведениям ал-Балазури, главный город на этом пути, Бам, был завоеван ар-Раби' б. Зийадом еще при Абу Мусе ал-Аш'ари, но потом восстал и его вторично завоевывал Муджаши', после чего ему пришлось завоевывать Джируфт и выдержать под Хурмузом бой с горцами-куфджами и беглецами из других областей Ирана. Потерпев поражение, они бежали по морю в Мекран [118]. В каком году произошло это сражение или хотя бы когда оно было — до или после злосчастного зимнего похода Муджаши',— сказать невозможно.

Захватив Залик, ар-Раби' б. Зийад не решился сразу напасть на столицу Сиджистана, Зерендж, а направился сначала на север и, заключив договор с городком Каркуйа, вернулся в Залик, взял проводников, переправился через Хильменд и подошел к Зеренджу. Под городом произошло сражение, в котором обе стороны понесли большие потери. Гарнизон Зеренджа был загнан обратно в город, но взять его сразу не удалось. Лишь после захвата местности к востоку от Зеренджа [119] ар-Раби' начал осаду столицы. Осажденные упорно оборонялись и совершали вылазки. После одной из таких схваток, когда шах Сиджистана Иран сын Рустама [120] прибыл для переговоров о сдаче, ар-Раби' приказал сложить тела убитых врагов и превратить в подобие трона для себя и своих военачальников. Увидев восседавшего на этом страшном троне темнолицего, большеротого, зубастого ар-Раби', шах сказал своей свите: «Говорят, Ахриман* днем не является. Вот же он, и в этом нет никакого сомнения». Услышав перевод этих слов, ар-Раби', довольный собой, расхохотался.

Условия договора были странными: шах должен был поставить 1000 рабов, каждый с золотым кубком в руке [121]. Видимо, у ар-Раби' была склонность к издевательским чудачествам — заключая договор с Заликом, он потребовал поставить козу и обсыпать ее золотыми и серебряными монетами, пока они ее не закроют.

После Зеренджа ар-Раби' прошел до Буста и возвратился обратно.

Одновременно с этим [122] на севере Ирана Са'ид б. ал-Ас предпринял поход на Джурджан и Табаристан, по-видимому, со стороны главной дороги на Хорасан, выйдя откуда-то около

---

* В иранской мифологии — воплощение злого начала в мире.

Бистама на Джурджан (Гурген). Жители города вступили в переговоры и откупились от арабов уплатой 200 000 дирхемов. Далее Са'ид подступил к Тамисе, городу, находившемуся на границе Джурджана и Табаристана. Жители его упорно сражались и настолько обозлили Са'ида, что, захватив город, он приказал перебить всех его защитников [123]. Отсюда арабы совершили набег на побережье Табаристана.

Эта экспедиция Са'ида выглядит несколько странно: вместо того чтобы идти прямой дорогой на Абаршахр (Нишапур), до которого от Бистама не более десяти дней пути, он вдруг сворачивает в сторону. Объяснить это можно только тем, что к Нишапуру с юга уже подошли басрийцы под командованием самого Абдаллаха б. Амира или его полководца ал-Ахнафа б. Кайса.

Как рассказывает ал-Йа'куби, халиф написал Са'иду и Абдаллаху, что тот из них, кто первым войдет в Хорасан, станет его наместником [124]. Синхронизировать действия этих двух наместников как-то иначе очень трудно, поскольку ат-Табари относит эти походы в разных версиях то к 30, то к 31 г. х.

Видимо, параллельно с завоеванием Сиджистана басрийская армия двинулась по пустынной дороге через Равер и Дешт-и Кевир на Хорасан, не встречая в этих пустынных краях серьезного сопротивления.

Тем временем в Мерве разыгрывался последний акт трагического царствования Йездигерда III. Хорасан был его последней надеждой после десяти лет бесплодных попыток организовать сопротивление арабам, отступая из провинции в провинцию [125]. Но и в Мерве Йездигерд был встречен без особого энтузиазма: по некоторым сведениям, правитель Мерва, Махуйе (по другому чтению — Махавейхи), не хотел даже пустить его в город [126]. Шахиншах прибыл с большой свитой и отрядом гвардии, содержание которых требовало денег, а взять их было неоткуда. При нем были сокровища, вывезенные из Фарса, но расставаться с ними не хотелось. Йездигерд потребовал денег у Махуйе и мервцев. Это вызвало их враждебность. Ища опоры в недружелюбном окружении, шахиншах стал настраивать одних влиятельных лиц против других, а добился только того, что Махуйе обратился за помощью к эфталитскому правителю Гузгана (Джузджана) Низек-Тархану.

Здесь сведения различных информаторов расходятся. Одни просто говорят о том, что мервцы позвали тюрков и те, напав ночью, изгнали Йездигерда из Мерва, другие говорят о сражении, в ходе которого Махуйе перешел на сторону тюрков, и разгромленный Йездигерд, потеряв коня, укрылся на мельнице в двух фарсахах (12 км) от Мерва.

По самой пространной версии, Махуйе приглашает Низека [127] якобы для помощи Йездигерду и подговаривает царя выйти ему навстречу без своей гвардии. Встреча с Низеком началась дружественно. Низек встретил царя, как подобает низ-

шему, пешком, царь приказал дать ему коня, и они поехали к войску Низека рядом, как равные. Но когда Низек попросил в жены какую-нибудь из дочерей Йездигерда, тот вспылил и воскликнул: «И ты осмеливаешься равняться со мной, собака!» Оскорбленный Низек хлестнул царя плетью, и тот, с криком: «Измена!» — поскакал прочь. Воины Низека набросились на свиту Йездигерда и перебили ее. Йездигерд спасся и три дня укрывался на мельнице.

Эпизод с Низеком хорошо согласуется с тем, что мы знаем о непреодолимом высокомерии Йездигерда, не дававшем ему ужиться ни с одним из своих вассалов, поэтому эта версия вызывает доверие.

Все источники единодушны в том, что Йездигерд был убит на мельнице, где он нашел убежище после поражения, но одни говорят, что он был убит во сне позарившимся на драгоценную одежду и украшения мельником, давшим приют; другие сообщают, что мельника заставили убить царя люди Махуйе, посланные на его розыски, или же они сами задушили его тетивой.

Многих мервцев потрясло убийство царя, персона которого считалась священной (поэтому соперников в борьбе за престол предпочитали не убивать, а лишь ослеплять), но только несторианский епископ Илия взял на себя труд пристойно похоронить последнего Сасанида на кладбище к северу от Мерва, в память о бабке Йездигерда, покровительствовавшей христианам.

Оставшийся в живых сын Йездигерда с остатками царской свиты ушел за Амударью и в поисках поддержки и покровительства дошел до Дальнего Востока. Но надежда на реванш и восстановление царства отцов осталась напрасной. О реальных попытках сына принять участие в войнах с арабами нет никаких упоминаний. Дело, видимо, не в том, что никто в Средней Азии не пожелал оказать ему помощь, а в том, что Сасаниды не имели поддержки в самом Иране.

Тем временем басрийская армия вошла в пределы Хорасана, который после смерти Йездигерда окончательно распался на множество независимых владений. Единственной реальной силой, способной противостоять арабам, были эфталиты — полукочевой народ, изначально, по-видимому, иранского происхождения, ассимилировавший известную долю гуннских и тюркских элементов [128]. В середине VII в. владения эфталитов занимали обширную территорию между Гиндукушем и верхним течением Амударьи от Герата до Бадахшана. Это была конфедерация мало связанных друг с другом княжеств, которые, однако, располагали немалыми силами кавалерии, привычной к действиям в горах и на равнине. В этом отношении они были достойными соперниками арабов. Видимо, значительную часть этой кавалерии составляли тюрки, поэтому арабские источники, говоря о военных действиях в этом районе, упоминают то эфталитов (хайатила), то тюрков.

Впервые столкнуться с ними довелось авангарду Абдаллаха б. Амира под командованием ал-Ахнафа б. Кайса при движении через Табасайн и западную окраину Кухистана в 30/650-51 г. Это столкновение закончилось в пользу арабов. Кухистанцы отошли в укрепленные селения, а с подходом основных сил заключили договор, по которому обязывались платить 60 000 или 75 000 дирхемов [129].

Из Кухистана Абдаллах б. Амир разослал отряды на север к Бейхаку (Себзевару) и на восток в сторону Бахарза и Джувейна, а сам осадил Нишапур. Бейхакцы упорно сопротивлялись и нанесли арабам ощутимые потери. При его завоевании погиб командовавший отрядом ал-Асвад б. Кулсум.

Нишапур выдерживал осаду в течение нескольких месяцев. Ворваться в него арабам удалось при содействии старосты одной из четвертей (*руб'*), на которые делился город. Марзбан с небольшой группой воинов укрылся в цитадели города и вступил в переговоры с арабами. Согласно договору Нишапур (подразумевается весь административный округ) обязался платить, по одним сведениям, 700 000 дирхемов, по другим — 1 млн. [130].

После этого Абдаллах б. Амир послал Абдаллаха б. Хазима [131] на север Хорасана. Правитель Ниса сразу же согласился платить 300 000 дирхемов, избавив свои владения от разграбления. Так же без боя сдался Абиверд с условием платить 400 000 дирхемов. Сопротивление оказал только Серахс. Осажденные были доведены до такой крайности, что согласились сдать крепость на условии помилования 100 мужчин и выдачи всех женщин арабам. Здесь в арабских источниках мы снова встречаемся с рассказом о том, как правитель, составив список помилованных 100 человек, забыл включить в него себя и был казнен. Дочка марзбана досталась в долю Абдаллаха б. Хазима [132].

Из Серахса на покорение Мерва был послан Хатим б. ан-Ну'ман. Сопротивление ему оказал только городок Синдж на западной окраине оазиса. Неназванный марзбан Мерва, несомненно тот же Махуйе, поспешил без боя подписать договор, по которому обязался выплачивать 2200 тыс. или 1000 тыс. дирхемов деньгами и 200 000 джерибов ячменя и пшеницы, при условии, что арабы не будут вмешиваться в сбор дани [133].

Взятие Мерва, по-видимому, начинает кампанию 652 г. Следующим этапом было завоевание полосы от Герата до Балха. Не исключено, что Герат и Бушендж были завоеваны ранее Мерва, если судить по порядку изложения у ал-Балазури [134]. Этот район, как и Мервский оазис, обязался платить 1 млн. дирхемов.

Серьезное сопротивление арабы встретили только в верховьях Мургаба, когда в 652 г. ал-Ахнаф б. Кайс вторгся в район Мерверруда. Примерно в 40 км от Мерверруда, в местности, которая потом получила название Каср ал-Ахнаф (Замок ал-Ахнафа, район современного Меручака), четырехтысячному отряду ал-Ахнафа в узкой речной долине преградило путь большое

тюркско-эфталитское войско. После долгого противостояния, перемежавшегося мелкими схватками, ал-Ахнаф дал генеральное сражение, затянувшееся до ночи, разгромил противника и подошел к Мерверруду [135].

Марзбан Мерверруда согласился вступить в переговоры, если ему будет гарантировано сохранение наследной власти и освобождение его семьи от каких бы то ни было налогов. Ал-Ахнаф согласился и выдал грамоту:

«Во имя Аллаха, милостивого, милосердного.

От Сахра [136] ибн Кайса, эмира войска, Базану, марзбану Мерверруда, и тем всадникам (*асавира*) и иранцам (*'аджам*), которые с ним... Мы соглашаемся на то, что ты просишь и предлагаешь мне,— что ты будешь уплачивать за твоих земледельцев (аккаров) и землепашцев (феллахов) и за земли шестьдесят тысяч дирхемов мне и правителю после меня из мусульманских эмиров — исключая то, что касается земель, которые, как ты говоришь, Хосрой, тиран, сам по себе дал в удел деду твоего отца за то, что он убил змею, опустошавшую землю и преграждавшую дорогу...

Тебе вместе с теми всадниками, которые при тебе, надлежит помощь мусульманам и борьба с их врагами, если мусульмане захотят и пожелают. За это тебе предоставляется поддержка против тех, кто ведет борьбу с твоими единоверцами, пользующимися твоею защитой и покровительством. В этом дается тебе от меня грамота, которая останется у тебя после меня. Ни тебе, ни кому из твоего дома, твоих кровных родичей, не надо платить харадж. Если же ты примешь ислам и станешь последователем посланника, тебе от мусульман будут установлены жалованье, должное положение и надел и ты будешь их братом» [137].

После разгрома тюркско-эфталитской армии ал-Ахнаф без особых затруднений завладел районом Джузджана (Гузгана) и достиг Балха, крупнейшего города Тохаристана; он сдался по договору, о содержании которого ничего не сообщается. Этим было завершено завоевание земель, когда-либо принадлежавших Сасанидам, и закончилась эпоха великих завоеваний.

Легкость завоевания Хорасана отнюдь не означала полной его покорности. Стоило арабской армии уйти из какого-то района, как прекращалась выплата дани, установленной договорами, или происходили восстания с избиением и изгнанием мелких арабских гарнизонов. Наиболее значительное из них в 32/653 г. было возглавлено представителем Каринов, одного из знатнейших родов сасанидского Ирана. Основная армия с Абдаллахом б. Амиром ушла в Басру, а в Хорасане, разделенном между четырьмя амирами, оставались небольшие силы. Карину удалось собрать около 40 000 человек из жителей Кухистана, Герата и Багдиса.

Кайс б. ал-Хайсам, оставленный Абдаллахом своим заместителем, растерялся и обратился за советом к решительному Абдаллаху б. Хазиму. Тот велел ему покинуть Хорасан, предъявив

подложную грамоту Ибн Амира на правление Хорасаном. Кайс уехал в Басру, а Абдаллах б. Хазим взял на себя управление Хорасаном. Смелая ночная атака на лагерь восставших, когда 600 воинов с факелами на копьях окружили его со всех сторон, а остальные ворвались в лагерь с одной стороны, вызвала панику, и Абдаллах б. Хазим одержал полную победу [138].

За эту победу Ибн Амир простил Ибн Хазиму подлог и утвердил его наместником. Но впереди ему и арабской власти в Хорасане предстояло преодолеть еще немало опасностей, о которых речь пойдет в следующем томе.

Глава 7

КРИЗИС МЕДИНСКОГО ХАЛИФАТА

ПОЛИТИКА УСМАНА

Для быстро развивающегося общества и государства в период становления, а именно таким был ранний Халифат, каждое десятилетие — целый этап, имеющий свое лицо, свои характерные черты, которые на фоне смены правителей невольно хочется объяснить особенностями их личностей. Задача историка в этом случае — отделить глубинные сущностные явления от поверхностных черт, и в самом деле зависящих от личности правителя. Управляют событиями объективные процессы, но реализуются они в форме взаимоотношений между конкретными людьми, характер которых окрашивает ход объективно обусловленного процесса. Естественно, что личность главы государства играет при этом важнейшую роль.

После сурового Умара, стремившегося сохранить хотя бы внешние приметы спартанского образа жизни ранней мусульманской общины, Усман выглядит слабохарактерным правителем, не способным справиться с серьезными государственными проблемами. Как осторожно выразился В. Шмукер, ему недоставало не реализма и способности найти решение трудных вопросов, а твердости в проведении решений [1].

Впрочем, начало правления Усмана было внешне спокойным и не требовало никаких серьезных решений. В отличие от Умара ему не надо было формировать основы рождающейся государственной машины, достаточно было отлаживать на ходу ее работу. Сформировавшиеся армии продолжали успешные завоевательные походы и не требовали от халифа особых забот. Главное же, что курайшиты с одобрением относились к его внутренней политике, «он был милее курайшитам, ибо Умар был суров, а Усман мягок и добр по отношению к ним» [2]. Как показывают некоторые сообщения, различия между двумя халифами имели вполне конкретное выражение. По словам аш-Ша'би, «Умар еще при жизни стал тяготить курайшитов: он держал их в Медине и не выпускал. А когда какой-нибудь человек из мухаджиров, которых он задерживал в Медине, просил разрешения отправиться в поход — а другим мекканцам он этого не разрешал,— то он отвечал ему: „Достаточно тебе походов с посланником Аллаха, да благословит его Аллах и да приветствует! Для тебя сейчас лучше походов, чтобы ты не видел мир, а мир не

видел тебя“. Когда же стал править Усман, то освободил их, и поехали они по разным странам и привязались к ним» [3].

В другом сообщении говорится: «Не прошло и года правления Усмана, как курайшиты обзавелись собственностью в гарнизонных городах [4] и привязались к ней» [5].

Несмотря на кажущуюся ясность этих сообщений, воспринимать их следует не буквально, а как отражение общего направления политики этих двух халифов. Ведь мы не знаем ни одного случая, связанного с конкретным лицом, которому Умар запретил бы выезд из Медины. Наоборот, ему первые годы приходилось прилагать усилия, чтобы набрать необходимые подкрепления для армии, действующей в Ираке. Видимо, не зря во всех трех цитатах речь идет только о курайшитах, и не случайна оговорка, что курайшитам, которые приняли ислам после завоевания Мекки, Умар вообще не разрешал участвовать в походах, хотя это не совсем точно, так как некоторые из них все-таки воевали, но добиться этого стоило большого труда [6]. Видимо, для участия в походе курайшитов не-мухаджиров каждый раз требовалось особое разрешение халифа.

Эти-то ограничения, вероятно, и отменил Усман. Он не был таким несгибаемым догматиком, как Умар, и меньше обращал внимание на то, какую позицию занимал тот или иной человек до завоевания Мекки, тем более что среди старых врагов пророка было немало его родичей из клана абдшамс, привязанность к которым у него порой перевешивала долг истинного мусульманина. Достаточно вспомнить, как он спас своего молочного брата Абдаллаха б. Са'да, который должен был быть казнен за вероотступничество (т. 1, с. 161). Одним из первых актов Усмана было возвращение из Таифа своего дяди по отцу ал-Хакама б. Абу-л-Аса, сосланного туда пророком [7].

Можно думать, что этих опальных при Умаре курайшитов Мекки и имеют в виду процитированные выше источники: ведь курайшиты-мухаджиры жили достаточно вольготно и при Умаре, хотя, несомненно, и их тяготили мелочная опека халифа и необходимость сдерживать свои стремления к обогащению и роскошной жизни в соответствии со средствами, приобретавшимися благодаря завоеваниям. Усман же руководствовался принципом «живи сам и давай жить другим».

Он первым из халифов выстроил в Медине большой каменный дом, достойный главы государства, и приобрел немало недвижимости за пределами Аравии. Но от него не отставали и другие. Аз-Зубайр обзавелся в Медине 11 домами, в Басре построил два дома, при одном из которых были торговые ряды; по одному дому имелось у него в Куфе, Фустате и Александрии, в Габа, одном из плодороднейших мест Мединского оазиса, он купил участок земли за 170 000 дирхемов [8]. Владения Талхи в Ираке приносили ему по 1000 дирхемов в день [9]. О богатстве Абдаррахмана мы уже говорили, характеризуя каждого из участников совета выборщиков.

У других мусульманских вождей владения были скромнее, но и они не стеснялись в средствах и имели, как правило, в запасе по нескольку десятков тысяч дирхемов. Приток квалифицированной рабочей силы в виде военнопленных-рабов способствовал интенсивному строительству в столице Халифата, которая потеряла прежний деревенский облик.

Дошла очередь и до старой мечети. В декабре 649 г. Усман разрушил прежнюю глинобитную мечеть, крытую пальмовыми листьями, и к осени 650 г. выстроил новую, более просторную (80×75 м), из тесаного камня, с каменными колоннами и потолком из индийского тикового дерева. Монументальность постройки вызывала у некоторых мусульман, привыкших к скромной галерее на пальмовых стволах, подозрение, не нарушена ли этой перестройкой сунна пророка. В связи с расширением мечети был разрушен дом Хафсы, в возмещение Усман построил ей новый [10].

КОДИФИКАЦИЯ ТЕКСТА КОРАНА

Важнейшим вкладом Усмана в формирование ислама было издание стандартного текста Корана. Записи проповедей Мухаммада еще при жизни вели его секретари Убайй б. Ка'б и Зайд б. Сабит; фиксировали их в письменном виде и некоторые его сподвижники и близкие, такие, как Али, Абдаллах б. Мас'уд, какие-то записи имелись у его жен: Аиши, Хафсы и Умм Саламы. Значительная часть мусульман хранила и передавала проповеди изустно, затем они для памяти записывались на различном подручном материале: черепках, коже, бараньих лопатках. Ни о каком сводном тексте речи быть не могло.

Согласно мусульманской исторической традиции, первую попытку письменной фиксации всего объема проповедей предпринял Абу Бакр после битвы в «саду смерти», когда погибло много устных хранителей Корана (см. т. 1, с. 198—199). Может быть, главным результатом этой инициативы была лишь активизация записи того, что прежде держалось в памяти.

Понятно, что при всем благоговении перед текстом откровения объем хранившегося в памяти и в записях разных людей, которых к тому же завоевательные походы разбросали по обширной территории, был различным, а в совпадающем объеме текста имелось множество мелких и крупных разночтений.

Ко времени Усмана каждый из крупных провинциальных центров имел свою, авторитетную для него редакцию: в Басре это была редакция Абу Мусы ал-Аш'ари, в Куфе — Абдаллаха б. Мас'уда, в Сирии — Убаййа б. Ка'ба. В Медине каноническими считались, по-видимому, списки Зайда б. Сабита и Хафсы или же существовал какой-то иной общепринятый в среде старейших сподвижников свод текста, так как ни о каких текстологических разногласиях в Медине не сообщается. В спорных

случаях опрашивали несколько авторитетов: «Слышал ли ты, как посланник Аллаха сказал то-то и то-то?» — их подтверждения было достаточно.

Иначе обстояло дело в провинциях. Наметившееся к этому времени политическое соперничество между ними отражалось и в спорах о тексте Корана. Как сообщает один из ранних средневековых знатоков истории текста Корана, острота разногласий в Куфе доходила до того, что в одном углу мечети собирались для чтения Корана «по Абу Мусе», а в другом — по «Ибн Мас'уду». Очевидцы подобных споров обратились к Усману с предложением утвердить текст, который был бы принят всеми и снял бы опасные разногласия [11].

Усман предложил всем принести имеющиеся у них записи и, положив в основу списки Зайда и Хафсы, составил сводный текст. С этого списка были сделаны несколько копий и разосланы в крупнейшие гарнизонные города, остальные списки было приказано уничтожить.

Композицию этой, так называемой Усмановской редакции Корана нельзя признать удачной. Материал в ней был расположен не в хронологическом порядке, а по размеру главок (сур) — от самой длинной суры «Корова» в 286 стихов (айатов)* до небольших сур-молитв в 3—6 айатов. В нарушение этого принципа в начало была помещена сура-молитва «Фатиха» («Открывающая»):

«Во имя Аллаха, милостивого, милосердного. 1) Хвала Аллаху, Господу миров, 2) милостивому, милосердному, 3) царю в день суда! 4) Тебе мы поклоняемся и просим помочь! 5) Веди нас по дороге прямой, 6) по дороге тех, кого Ты облагодетельствовал,— 7) не тех, которые находятся под гневом, и не заблудших».

Как свидетельствуют средневековые знатоки истории текста Корана, «Фатиха» отсутствовала в своде Абдаллаха б. Мас'уда, так же как завершающие две суры-молитвы (113-я и 114-я) [12]. Сообщаемый этими знатоками перечень сур свода Ибн Мас'уда и Убаййа свидетельствует, что, несмотря на все различия, общий принцип расположения сур был тот же, что в Усмановской редакции. И во всех случаях Коран начинался (если не считать «Фатиху») с первой мединской суры «Корова» [13]. Это позволяет предполагать, что такой порядок сложился на раннем этапе письменной фиксации, скорее всего в первые годы хиджры, а не был установлен при Усмане.

Несмотря на распоряжение уничтожить индивидуальные списки, многие из них сохранились и находили приверженцев. По утверждению некоторых источников, отказался уничтожить свой список Ибн Мас'уд, говоря: «Да я читал [слышанные] из уст посланника, да благословит его Аллах и да приветствует, семьдесят сур, когда Зайд ибн Сабит с двумя косичками еще

---

* Букв. *айат* — «чудо», «знамение».

играл с мальчишками»[14]. Можно понять его возмущение предпочтением, оказанным списку Зайда, ведь он действительно слышал и заучивал откровения в пору гонений, хранил свои записи как драгоценную реликвию, а их приговорили к уничтожению, предпочтя записи мальчишки. Сохранились также отдельные копии других провинциальных списков, которыми пользовались составители первых комментариев к Корану. Но все они после утверждения канонического текста утратили прежнее значение.

Другие нововведения Усмана касались внешней стороны обрядности: он добавил третий призыв к молитве и вместо двух рак'атов молитвы в Мина стал делать четыре[15].

НАЗРЕВАНИЕ КОНФЛИКТА

Интенсивное обогащение верхушки мусульманского общества и победоносное шествие арабских армий, сопровождавшие все годы правления Усмана, составляют фасадную сторону событий этого времени, за которой скрывается малоприметный процесс внутреннего развития государства, протекавший не столь однозначно, как завоевания, и приведший Халифат к серьезному внутреннему кризису.

Как отмечают средневековые историки, первые шесть лет правления Усмана, т. е. примерно до 650 г., не вызывали недовольства мусульман, затем начинаются не вполне ясные конфликты, которые в источниках излагаются как следствие дурных решений халифа, нарушавшего клятвенные обещания, данные при его избрании.

Усман действительно не всегда поступал осмотрительно и со временем утратил представление о границах своей власти, но несомненно, что в основе конфликтов, возникших в начале пятидесятых годов, лежали глубинные социально-экономические процессы.

Какие же внутренние процессы происходили в мусульманском обществе за парадным фасадом военных успехов? Прежде всего следует сказать, что в этот период еще не произошло полного совпадения государства и мусульманской общины. Последняя не столько управляла государством, сколько пользовалась продуктами его деятельности. Разнообразные государственные и территориальные образования, объединенные в Халифате силой оружия, имели свои автономные, веками складывавшиеся административно-фискальные и хозяйственные механизмы, которые продолжали надежно функционировать, невзирая на смены высшей власти (если только она не пыталась разрушить их улучшениями)[16]. Халифам не было нужды задумываться над организацией производства на новых началах. Взаимоотношения этих систем с мусульманской властью были красноречиво сформулированы в договоре с жителями Мерва: «На них лежит расклад-

ка дани, а на мусульманах — только ее получение»[17]. Главной заботой халифа было не устроение государства, а получение и распределение доходов.

Как мы видели, проблему распределения получаемых налоговых поступлений Умар решил более или менее удовлетворительно, но только применительно к нуждам армии-завоевательницы, в условиях, когда халиф был в роли главнокомандующего, определявшего стратегические цели и распределявшего стратегические резервы, а подавляющая масса обитателей выдвинутых вперед военных баз, вроде Куфы и Фустата, состояла из воинов, получавших жалованье в соответствии со стажем участия в военных действиях.

Создание Куфы, Басры и других военных баз, в которых концентрировались основные вооруженные силы Халифата, было неотвратимой потребностью армии, нацеленной на завоевания, но в нем была заложена неотвратимость утраты Мединой положения столицы. Не только потому, что через пятнадцать лет после основания каждый из этих городов превзошел Медину по численности населения: главное, что за эти годы зона военных действий отодвинулась от этих форпостов мусульманского государства еще не менее чем на 1000 км. Балх и Мерв, через которые в 652 г. пролегла восточная граница Халифата, отстояли от Басры на 2000 км — вдвое больше, чем Басра от Медины. Прежние форпосты стали для пограничных гарнизонов таким же (и даже более глубоким) тылом, каким совсем недавно была Медина для этих форпостов.

Непосредственное управление войсками из Медины стало невозможным; более того, наместники гарнизонных городов также не могли непосредственно управлять своими обширными наместничествами и назначали, когда от себя, когда по воле халифа, наместников низшего ранга. Фактически реальная власть перешла к наместникам высшего ранга, в руках которых находилась армия, в отличие от халифа, который не располагал никакими вооруженными силами. Наместники были независимы от него как в финансовом отношении (выплата жалованья производилась из собственных средств провинций), так и в отношении пополнения людьми: во-первых, шел постоянный стихийный приток населения в гарнизонные города, во-вторых, контингент воинов на жалованье пополнялся за счет быстрого естественного прироста — в конце правления Усмана армию уже пополняли юноши, родившиеся в Куфе, Басре и других подобных городах.

Что же имелось в распоряжении халифа кроме авторитета? Прежде всего у него концентрировались значительные средства, поступавшие в виде хумса. В абсолютном измерении они были не больше, чем у каждого отдельно взятого наместника высшего ранга, но в отличие от них халиф тратил меньшую часть денег на жалованье, так как не расходовался на армию. Поэтому в его казне был больший остаток свободных средств, чем у наместников.

Кроме того, в распоряжении халифа была вся садака Аравии [18]. При Умаре только на заповедных пастбищах (*хима*) паслось 30 000 верблюдов, собранных в виде садаки, при Усмане их стало 40 000. О количестве мелкого рогатого скота сведений нет, но, судя по обычному составу стад и соотношению числа верблюдов и овец в добыче, захватывавшейся при Мухаммаде (т. 1, с. 125, 142, 164), овец и коз должно было быть в 5—6 раз больше [19]. Чтобы обеспечить эти огромные стада пастбищами, Усману пришлось расширить территорию хима Дарийа, прикупив у бану дубай'а колодец ал-Бакра; кроме того, по его распоряжению был выкопан новый колодец в хима Файд (которая, вероятно, была установлена Усманом) [20].

Какова была общая численность скота, собираемого в качестве садаки, мы не знаем. Те 30—40 тыс. голов верблюдов, о которых идет речь в источниках, скорее всего постоянно возобновлявшееся поголовье. Общая стоимость его составляла 3—4 млн. дирхемов, что было вместе со средствами хумса, остававшимися после выплаты жалованья, мощным орудием в руках халифа.

Наконец, халиф был распорядителем важнейшей общинной собственности, земель *савафи* (о них см. гл. 5). Практика их использования остается в области догадок, прежде всего из-за сбивчивости терминологии. Теоретически все ясно: есть земли в завоеванных странах, оставшиеся в собственности прежних владельцев, которые платят поземельный налог (индивидуально или с солидарной ответственностью — неважно), и есть бесхозные земли, перешедшие в собственность мусульманской общины-государства. Последние суть *фай'* мусульман. Однако в конкретных сообщениях об использовании мусульманами земель в завоеванных странах этот термин прилагается не только к собственно савафи, но и ко всем покоренным территориям.

В. Шмукер справедливо объясняет это противоречие более поздней тенденцией объявить файем все завоеванные земли, а не только савафи, как это было сначала [21]. Это подтверждается разъяснением ат-Табари: «А *фай'* — это то, о чем спорили жители гарнизонных городов (*амсар*), а это то, что принадлежало царям, вроде Хосрова и императора, и их приближенным» [22].

Как уже говорилось, Умар запретил мусульманам обзаводиться землей в завоеванных странах. Но было ли это запрещение всеобъемлющим или касалось какой-то одной категории земель, сказать трудно. С одной стороны, сообщается (и на этот пример ссылаются все исследователи, поскольку других нет), что Умар расторг акт покупки Джариром б. Абдаллахом земли где-то на Евфрате [23]. Однако это противоречит разъяснению, которое тот же Умар дал Са'ду б. Абу Ваккасу, когда решался вопрос, делить или не делить завоеванные земли: «Продажа земли, которая между горами [Хулвана] и горами в земле арабов, разрешается только тем, кому Аллах даровал ее в добычу

(*афа'а*), а не разрешается продажа [остальным] людям — то есть тем, кому не даровал ее Аллах»*. В другом случае это сообщение излагается менее ясно: «Не допускается покупка земли, что между Хулваном и Кадисией, а Кадисийа относится к савафи — потому что она принадлежит тем, кому даровал ее Аллах» [24].

В свете этих сообщений неясно, почему Умар аннулировал покупку Джарира: ведь савафи запрещалось покупать только тем, кто не участвовал в завоевании, а Джарир был одним из активнейших участников завоеваний Ирака.

Можно предложить два объяснения: либо Джарир купил хараджную землю и эта сделка была расторгнута из-за того, что при переходе хараджной земли в собственность мусульманина вместо хараджа, составлявшего примерно $1/3$ урожая, государство начинает получать лишь $1/10$ [25]; либо он купил землю из савафи — тогда сделка была бы незаконна, поскольку он покупал ее не у собственника, а у пользователя.

Первая версия подтверждается еще одним решением Умара. Абу Абдаллах Нафи' просил халифа отдать ему участок земли в Басре, которая не является хараджной, так что это не повредит никому из мусульман. Умар разрешил дать ее ему в надел (*акта'а*) [26].

Вторая версия теоретически вероятна, но ничем не подтверждается. Случаев покупки земель савафи у государства мы не знаем. Государство в лице халифа дарило их, наделяло ими угодных ему людей, но не продавало. Наделы (*ḳaṭā'u'*, ед. ч. *ḳaṭū'a*) в окрестностях Медины и даже далеко за ее пределами дарил еще Мухаммад, но безусловной собственностью они не считались, и Умар отобрал те из них, которые не обрабатывались хозяевами [27].

Вопреки утверждениям ряда авторов о запрещении Умаром приобретения земель, он, так же как Мухаммад, раздавал *ката'и'*, хотя сведения об этом неконкретны [28]. Интенсивный процесс дарения и приобретения земель в завоеванных странах, прежде всего в районе Басры и Куфы, начался при Усмане. В Куфе можно говорить лишь о перераспределении собственности, поскольку вся пригодная для обработки земля была так или иначе освоена, а в Басре был большой массив бесхозных солончаково-болотистых пойменных земель, которые вводились в оборот по мере проведения каналов. Первый канал от Убуллы до Басры начали копать при Умаре, но Абу Муса ал-Аш'ари довел его только до пункта в одном фарсахе (около 5—6 км) от города. Продолжен он был лишь несколько лет спустя. В 31/651-52 г. управляющий делами Абдаллаха б. Амира, Зийад б. Абихи, довел канал Убуллы до Басры и прокопал канал ал-Файд от Басры на северо-восток до Шатт ал-Араба [29]. На основе этих магистральных каналов стала быстро развиваться

* Конец фразы после тире — пояснение ат-Табари.

сеть мелких индивидуальных каналов, которые каждый владелец земли подводил к своему участку.

Проведение канала было делом престижным. Поэтому когда Абдаллах б. Амир возвратился из Хорасана и узнал о работах, предпринятых Зийадом, то разгневался на него и обвинил его в том, что он захотел прославить свое имя. Вражду, возникшую между ними на этой почве, унаследовали их потомки [30].

Согласно мусульманскому праву, человек, выкопавший канал или колодец и оросивший пустовавшую землю, становится ее хозяином. Такой обычай существовал в Аравии и до ислама, поэтому можно предполагать, что из него родилось данное положение мусульманского права. В этом случае все земли Басры, орошенные каналами, проведенными на деньги казны, должны были считаться государственными. На это как будто указывает тот факт, что Ибн Амир, как наместник, наделил своего брата по матери Абдаллаха б. Умайра 8000 джерибов земли и тот выкопал для ее орошения канал, названный по нему каналом Ибн Умайра [31]. О массовом наделении басрийцев землей после проведения магистральных каналов сведений не имеется, но остается фактом, что все это пространство примерно в 220—250 кв. км к концу правления Усмана было собственностью мусульман, плативших со своих земель десятину. Часть из них, вероятно, резервировалась за халифом, так как сообщается, что Усман б. Аффан владел значительным участком в Басре [32]. Разбросанность владений характерна для всех крупных землевладельцев-мусульман. Пути приобретения участков в областях, далеких от места проживания владельцев, для этого периода остаются неясными. Наиболее вероятным представляется покупка, но немалую долю составляли пожалования халифа, о которых источники не сообщают. Контроль за строительством в гарнизонных городах со стороны халифа был значительным. Например, разрешение на строительство кем-либо бани требовалось получать у халифа [33]. Но такое вмешательство халифа в отношения собственности делало его ответственным за все конфликтные ситуации, так что в конце концов Усман стал объектом ненависти в провинциях.

Социальное неравенство в среде воинов-переселенцев, усилившееся за десятилетие с момента основания базовых гарнизонных городов, могло считаться виной Усмана. Огромные жалованья мусульманской элиты позволяли ей обзаводиться в зависимых странах обширными владениями, скупавшимися у местных землевладельцев. Попытки, предпринимавшиеся Умаром, могли быть успешными только короткое время, но и его авторитет не мог бы остановить процессы, продиктованные экономическими закономерностями. Проживи Умар еще пяток лет, и ему пришлось бы столкнуться с теми же проблемами, что и Усману.

Рост социальной напряженности в гарнизонных городах определялся не только усилением имущественного неравенства между мусульманами-арабами. В них складывается значитель-

ная прослойка мусульман-неарабов. Имеются в виду не привилегированные кавалеристы сасанидской армии, принявшие ислам и поселившиеся в Басре: их было немного, и они по жалованью были приравнены к участникам сражения при Кадисии,— а низшие слои.

Начальный этап исламизации неарабов совершенно неизвестен. Прежде всего ислам принимали, конечно, пленные, обращенные в рабство и обслуживавшие семьи арабов. Обычно принявших ислам рабов отпускали на свободу. Они становились клиентами (*мавали*) и оставались в составе рода или большой семьи бывшего хозяина, часто в роли секретарей, уполномоченных, принимали участие в походах бок о бок с патроном. Становясь свободными, они не уравнивались с арабами, как это следовало по духу учения Мухаммада, среди соратников которого на равных были богач Абдаррахман б. Ауф и бывшие рабы Билал или Убада б. ас-Самит. Но воспринять любое уравнительное учение способно лишь небольшое число его адептов; распространяясь широко, оно трансформируется в духе взглядов большинства данного общества. Так было с христианством, так произошло и с исламом.

Ислам был принят арабами как победоносная религия, принятие которой отождествлялось прежде всего с внешней обрядностью, а этическая сторона учения большинством не воспринималась вообще. Люди, привыкшие жить в системе племенных отношений, не могли считать чужеземца, даже собрата по вере, равным себе. Он все равно был *'илдж* — варвар, неараб. И наоборот — в среде новообращенных неарабов наибольшее внимание привлекало учение о равенстве мусульман, и это создавало благоприятную почву для разработки этической стороны учения, а с ней и для внедрения религиозно-философских идей, отсутствовавших в сознании ранней мусульманской общины.

Новообращенные мусульмане были еще слишком малочисленны, разрозненны и, кроме того, не вооружены, чтобы представлять самостоятельную оппозиционную силу, но они готовы были поддержать ту сторону во внутриобщинной борьбе, которая выступит против существующего порядка.

Средневековые авторы игнорировали социально-экономическую сторону жизни общества, поскольку понимание подобных процессов было за пределами сознания тех людей, у которых историки черпали информацию. К тому же конкретные причины конфликтов и недовольства маскируются религиозной фразеологией.

За обычными обвинениями правителей в отступлении от обычая пророка и призывами «воздерживаться от осуждаемого и действовать как положено» могут скрываться как неодобряемые изменения в обрядности, так и увеличение налогового бремени: нарушение правил сбора заката со скота (например, обложение налогом коней), установление торговых сборов на базаре или взимание хараджа и джизьи с мусульман. Поэтому

угадывать, что скрывается за этими общими словами, приходится по случайным намекам.

Как говорилось в предыдущей главе, причиной смещения ал-Валида б. Укбы с поста наместника Куфы было не только его пьянство; если бы не недовольство влиятельной верхушки его политикой поддержки низших слоев, то на этот порок, достаточно распространенный в то время, могли бы посмотреть и сквозь пальцы или же не нашлось бы влиятельных доносчиков.

О недовольстве мусульманской верхушки Куфы свидетельствует письмо, которое Са'ид б. ал-Ас написал халифу, ознакомившись с ситуацией в Куфе:

«Дела жителей Куфы расстроены: ее благородные, знатные роды (*буйӯтāт*), предводители и первые мусульмане принижены, овладели этой страной пришедшие с пополнением (*равāдиф*) и переселившиеся бедуины, пренебрегают благородными и заслуженными воинами, поселившимися там или выросшими там»[34].

Конечно, слова Са'ида не следует понимать буквально, и сподвижники Мухаммада и племенная знать не были в загоне, просто рост населения привел к изменению соотношения его различных групп; не исключено и то, что ал-Валид не давал знати слишком своевольничать.

В ответ на это письмо халиф посоветовал: «Отдавай предпочтение первым мусульманам и предводителям, которым Аллах открыл эту страну, и пусть будут те, кто поселился здесь благодаря им, послушными им, кроме тех случаев, когда они тяготятся соблюдением права и пренебрегают им, а те — следуют праву. Сохраняй положение каждого и воздавай всем должное им по закону. Воистину, знанием людей достигается справедливость»[35].

За этой достаточно абстрактной перепиской стояли очень конкретные проблемы. Са'ид созвал «представительных людей (*вуджӯх ан-нāс*) из участников сражений ридды и Кадисии» и сказал им: «Вы — лица тех, кто за вами, и лицо сообщает о теле. Сообщите нам о нуждах нуждающихся и бедах бедствующих». В числе нуждающихся были учтены переселенцы и прибывшие с пополнением. «И была Куфа как сушняк, охваченный огнем»[36]. Как показывает дальнейшее, напряженность существовала из-за того, что участники завоеваний в Ираке, возвратившиеся в Медину, сохраняли за собой участки, полученные в надел из земель савафи, в ущерб тем, кто поселился там позже. Усман предложил иракцам продать свои земли в Аравии и за счет этого выкупить участки у тех, кто уехал из Ирака. Из этого вытекает, что какая-то часть земли все-таки была разделена, но когда — при Умаре или при Усмане? И о какой именно земле идет речь: только о районе Куфы или эти участки были разбросаны по всему Ираку? Неясно и то, чьим интересам в первую очередь отвечало это мероприятие: шел не просто выкуп с целью обеспечить жителей Аравии, участвовавших в войнах,

землей по месту жительства и за счет их земель в Ираке удовлетворить иракцев. Так, Талха б. Убайдаллах продал свою долю в Хайбаре и часть других своих владений в Аравии мединцам, воевавшим в Ираке, и на эти деньги купил большое поместье Нашастадж под Куфой и за участок земли под Мединой купил у Усмана какую-то землю в Ираке, а Марван б. ал-Хакам купил в Ираке Нахр Марван на деньги, которые дал ему Усман. Потом басрийцы покупали у него земли на этом канале за счет их владений, оставшихся в Мекке, Таифе, Йемене и Хадрамауте [37]. Смысл этого странного хода неясен. Почему сам халиф не мог обменять их без посредничества Марвана? Объяснить его можно только тем, что при этом образовывалась спекулятивная прибыль.

Как сообщает Сайф б. Умар, при проведении этого мероприятия выгадывала прежде всего мусульманская аристократия: «Покупали эти земли *(х̄а̄з̱а̄ ад-дарб)* люди из всех племен, у которых там было что-то и которые хотели обмена на то, что рядом с ними, и брали. И им это разрешали при обоюдном согласии и в соответствии с правом. Но только те, у кого не было первенства в исламе и выдающегося положения, не получали такого преимущества, как те, у которых было первенство в исламе и первые места в маджлисах и предводительство и почтение. Им не оказывали уважения... и когда приходил к ним кто-то из молодых, или бедуин, или освобожденный раб, то речи их были красивы и в избытке, а люди были в убытке, так что возобладало зло» [38].

О подобном мероприятии в других областях упоминаний нет. Может быть, эта проблема не стояла с такой остротой ни в Сирии, ни в Египте. В Басре же имелась большая площадь свободных земель, которые только-только начали осваивать.

Обмен земельных владений не мог сгладить огромный разрыв в имущественном положении мусульман и не лишил богатых мединцев владений в Ираке. Талха сохранил там такие владения, что получал с них ежедневно доход в 1000 дирхемов [39].

Таким образом, в правление Усмана возникло несколько линий социальной напряженности: между верхушкой мусульманского общества и массой рядовых воинов, между курайшитами и остальными арабами, между столицей и гарнизонными городами, а по мере увеличения числа мусульман-неарабов нарастало противостояние их мусульманам-арабам. Ликвидировать сами противоречия было невозможно, однако разумная политика позволяла не допустить губительного для высшей власти размаха выраставших на этой почве конфликтов: можно было, осторожно лавируя, все время снимать напряженность в обществе либо, имея поддержку господствующего слоя общества, подавлять эти конфликты силой. Как мы видели, в начале правления Усман имел такую опору в лице курайшитов и старых мусульман Медины — ансаров. Сохранение их поддержки целиком зависело от самого халифа.

ПРОСЧЕТЫ ПОЛИТИКИ УСМАНА

Стоит политику поверить, что ему все дозволено, и перестать считаться с людьми, которые готовы его поддерживать, как начинается его падение, если только в его руках нет мощного аппарата подавления.

Власть первых халифов опиралась лишь на их личный авторитет у подавляющего большинства мусульманского общества. Утрата авторитета была равносильна утрате власти, так как никакого иного инструмента обеспечения власти не имелось. Усман обзавелся охраной (*шурта*), но мы не знаем ни ее численности, ни из кого она состояла, ни в чем были ее функции.

Усман мог полагаться не только на свой авторитет, но и на авторитет той верхушки мусульманской элиты, которая сама вручила ему власть над общиной. Не претендуя сами на власть (кроме Али?), эти люди рассчитывали, как и прежде, быть соучастниками управления, быть чем-то вроде высшего государственного совета. Однако Усман скоро обманул их ожидания. Все больше привыкая к власти, он стал меньше считаться с ними и приблизил к себе двоюродного брата, Марвана, сына ал-Хакама, который был одним из наиболее ярых гонителей Мухаммада, и тот после завоевания Мекки сослал его вместе со всей семьей в Таиф. Усман ходатайствовал о разрешении ему вернуться домой перед Абу Бакром и Умаром, но оба отвечали, что не они его отправляли в ссылку и не им его возвращать. Придя к власти, Усман вернул из ссылки своего дядю и двоюродного брата и взял их в Медину. На упреки в нарушении воли пророка Усман отвечал, что сам Мухаммад обещал ему возвратить ал-Хакама из ссылки, но не успел выполнить обещания [40].

Один этот факт не мог вызвать враждебного отношения мусульманской верхушки к Усману, если бы он не встал в ряд с другими случаями явного предпочтения, оказываемого им своей родне в ущерб старой гвардии ислама. И вся эта родня оказывалась в какой-то степени врагами Мухаммада. Укба, отец ал-Валида, наместника Куфы, был казнен Мухаммадом после Бадра (см. т. 1, с. 102); ал-Ас б. Са'ид, отец Са'ида б. ал-Аса, сменившего ал-Валида на посту наместника, был одним из гонителей Мухаммада, сражался против него при Бадре и был там убит. Из всех Умаййадов только за отцом Абдаллаха б. Амира не числилось никаких враждебных действий против пророка, поскольку из-за слабоумия он не принимал активного участия в политике [41]. Абдаллах б. Са'д не был Умаййадом, но прегрешения его против пророка, как мы знаем, были куда тяжелее: он усомнился в откровениях, стал отступником и избежал казни после завоевания Мекки только благодаря заступничеству Усмана (см. т. 1, с. 161).

Ал-Балазури отмечает, что первые шесть лет правления Усмана не вызывали претензий мусульман [42]. Основываясь на этом, можно счесть переломным 29/649-50 год, когда произошло

скандальное смещение ал-Валида б. Укбы. В действительности же недовольство накапливалось постепенно. Возмущение вызывало не столько то, что все крупнейшие посты в Халифате заняли родственники халифа, сколько огромные подарки, которые он дарил своей родне из фондов, считавшихся общим достоянием. Так, часть хумса из добычи, взятой в 27 г. х. при походе на Ифрикийу, стоимостью сто или двести тысяч динаров Усман подарил Марвану б. ал-Хакаму, на дочери которого незадолго до этого женился [43], а его отец получил в подарок верблюдов из садаки, собранной Марваном с бану куда'а [44].

Усман не обездоливал этим своих выборщиков: аз-Зубайру он подарил 600 000 дирхемов из дани Исфахана [45], Талха получил от него в общей сложности 200 000 дирхемов. Вероятно, и другие получали значительные подарки, которые просто не отражены в источниках.

Вряд ли можно провести точную границу, за которой правление Усмана стало вызывать всеобщее неодобрение и даже озлобление. Во всяком случае, это началось до операции по обмену землями. Когда в 29 г. х. Усман разрушил старую мечеть, сложенную при Умаре из сырцового кирпича, с деревянными колоннами и крышей из пальмовых листьев и возвел более просторную из тесаного камня, с каменными колоннами, многие стали упрекать его за то, что он изменил сунне пророка [46]. Расширение площади *хима* тоже вменялось ему в вину, хотя его предшественника за то же самое никто не упрекал. Усман добавил к двум призывам на молитву третий — и это тоже осудили как вредное новшество [47]. Даже невинное распоряжение об уничтожении голубей в Медине, которых развелось слишком много, вызывало раздражение: «Приказывает убивать голубей, а изгнанным посланником Аллаха покровительствует» [48].

Все это были поводы для выражения недовольства тем, что высшая власть сконцентрировалась в узком кругу родственников Усмана и что тот же узкий круг родственников и друзей беззастенчиво доит общественную казну. Да и как иначе могли оценивать люди сложившуюся ситуацию, если, например, Аббас, сын доисламского компаньона Усмана, Раби'и б. ал-Хариса, прибыв в Басру для участия в войне, получил от Усмана дом и 100 000 дирхемов на обзаведение? [49]

Особое возмущение в Медине вызывал Марван б. ал-Хакам, ставший правой рукой Усмана. Некоторые сообщения рисуют его человеком совершенно беспардонным. После получения части хумса Ифрикии Марван выстроил в Медине дом *(дāр)* и по случаю новоселья устроил пиршество. В разговоре с гостями он заявил: «Я не израсходовал на этот дом ни одного дирхема из денег мусульман». На что ал-Мисвар, также участник похода в Ифрикийу, заметил: «Если бы ты ел и молчал, было бы лучше для тебя. Ты был в походе на Ифрикийу вместе с нами, и было у тебя меньше, чем у нас, средств, и рабов, и помощников и меньше багаж, но тебе сын Аффана дал хумс Ифрикии и назна-

чил собирать садаку, так что ты брал имущество (*мāл*) мусульман». Марван не принял упрека и пожаловался Урве б. аз-Зубайру: «Нагрубил он мне, а ведь я относился к нему с уважением и почтением» [50].

Брату Марвана, ал-Харису, Усман поручил надзор за базаром Медины, и тот, используя свое положение, стал покупать привозной товар по принудительной цене и продавать по рыночной; более того, на базаре, который со времен пророка был беспошлинным, начал брать плату за место. Мединцы требовали освободить их от такого надзирателя за торговлей, но халиф остался глух к жалобам [51].

Удивляться беззастенчивому присвоению этим семейством общинной собственности и нарушениям принятых в мусульманском обществе норм не приходится: оно долгое время находилось в опале и, вдруг оказавшись у вершины власти, стало наверстывать упущенное, к тому же сдерживающие нормы, выработанные мусульманской общиной до завоевания Мекки и за последующие 15 лет, которые ал-Хакам провел в ссылке, были чужды его семейству или же оно просто игнорировало их в отместку за долгое унижение.

Несколько лет неограниченной власти оказали влияние и на Усмана: он стал относиться к управляемому им государству как к личной собственности. В обществе с монархической традицией это воспринималось бы и господствующим классом, и остальными подданными как нечто само собой разумеющееся, но мусульманское общество еще хранило традиции общины, основанной на равноправии ее членов. Тысячи воинов, помнивших времена пророка, и их сыновья воспринимали государство, созданное силой их оружия, ценой их крови и смерти их сородичей, как общее достояние и не могли смириться с узурпацией власти небольшой группой родственников халифа, да еще с запятнанным прошлым.

Болезненнее всего воспринимали этот сдвиг люди, которые сами поставили над собой такого халифа. Они не были обделены материально и получали из казны щедрые дары, но предпочли бы, чтобы такие же дары не доставались бывшим врагам пророка, а главное — выбирая халифа, они надеялись оставаться, как при его предшественниках, ближайшими советниками. Приблизив к себе ал-Хакама и его сыновей, Усман оттолкнул от себя наиболее уважаемых людей мусульманского сообщества.

Когда Абдаррахман, Али, Талха и аз-Зубайр пришли увещевать Усмана, подарившего Са'ду б. ал-Асу 100 000 дирхемов, халиф будто бы ответил: «Он родственник, связанный [со мной] кровными узами».— «А разве у Абу Бакра и Умара не было близких и кровных родственников?» — спросили они. На что последовал ответ: «Абу Бакр и Умар проявляли благочестие [52], отстраняя своих родственников, а я проявляю благочестие, награждая близких».— «Ей-богу, их поведение нам милее, чем

твое поведение».— «Ничего не поделаешь»*,— ответил им Усман [53].

Сомнительно, чтобы Усман так неприкрыто цинично ответил старым сотоварищам. Перед нами скорее всего исторический анекдот, в котором отразилось расхожее мнение о том, как должен был ответить Усман в свете его политики, тем более что сходные высказывания приписываются Усману в связи с совершенно иными ситуациями [54]. Однако не приходится сомневаться, что старые соратники пытались его увещевать и что в каком-то случае он высказался в таком роде.

Вскоре после скандального смещения ал-Валида начались открытые конфликты Усмана со старой гвардией ислама. Причины этих конфликтов объясняются разноречиво, некоторые из них явно преувеличены противниками Усмана, а разобраться в их нарастании невозможно из-за отсутствия точных хронологических привязок.

Одним из первых возник конфликт с Абу Зарром, претендовавшим на то, что он — один из первых последователей Мухаммада [55]. Осуждая Му'авийу за то, что тот стал называть общественную казну вместо *мāл ал-муслимӣн* («средства мусульман») *мāл Аллāх* («средства Аллаха»), узурпируя таким образом права мусульман, Абу Зарр одновременно публично обличал богачей, грозил, что их будут утюжить в аду раскаленным железом. Эти проповеди так возбуждали бедняков, что Му'авийа выслал его в Медину. Абу Зарр пытался убедить Усмана в нечестивости обогащения, но Усман ответил: «Эй, Абу Зарр, я сам решу, что мне надо делать, и возьму, что следует, с подданных, и не принуждай их к воздержанию» [56].

Усман отнесся к Абу Зарру как к безвредному чудаку и отослал его в ар-Рабазу, дав для пропитания несколько верблюдов и небольшое стадо овец. Абу Зарр не пытался вырваться оттуда или собрать вокруг себя какую-то группу сторонников и мирно умер отшельником в середине июля 652 г. [57], но противники Усмана зачли ему ссылку Абу Зарра в список прегрешений.

Менее ясны причины ссоры между Усманом и Абдаллахом б. Мас'удом, одним из главных хранителей Корана и многолетним казначеем Куфы. Наиболее вероятной причиной можно считать уничтожение Усманом его списка Корана после составления канонического текста [58]. Не приходится сомневаться, что при этом Абдаллах сказал халифу немало резких слов. В ответ халиф запретил ему выезд из Медины и прекратил выплату жалованья (а может быть, и сам Ибн Мас'уд из гордости отказался его получать). Вскоре Абдаллах тяжело заболел и умер (в 32/652-53 г.), так и не примирившись с бывшим соратником [59].

Неуважительное отношение халифа к ветеранам ислама привело к разрыву отношений между ним и Абдаррахманом б. Ау-

* Букв.: «Нет силы и мощи ни у кого, кроме Аллаха».

фом. Абдаррахман перестал разговаривать с ним, тот, в свою очередь, перестал подпускать верблюдов Абдаррахмана к своему колодцу [60]. Были, конечно, всякие пересуды в Медине, рождались слухи, некоторые сообщения источников явно фиксируют не факты, а слухи.

После смерти Абдаррахмана в том же, 32/652-53 г. наиболее авторитетной фигурой в мусульманской общине стал Али б. Абу Талиб. Его преимуществом помимо близости к пророку было то, что, не занимая никаких административных постов, он не создавал поводов настроить людей против себя строгостью, наказаниями или несправедливостью (это — преимущество всякой оппозиции перед стоящими у власти), более того, он нередко выступал защитником обиженных, хотя при всем том, насколько можно судить по источникам, не проявлял открытой враждебности к халифу.

Главная опасность грозила халифу все же не от старых сподвижников пророка и не от мединцев, а из гарнизонных городов, где рядовые воины и некурайшиты выступали против претензий курайшитов и мединской верхушки на монопольное распоряжение завоеванными землями и средствами государственной казны. Это глухое недовольство сначала прорывалось в форме конфликтов с властью отдельных наиболее решительных противников проводимой ею политики и обострялось высокомерием наместников.

Главным очагом недовольства представляется Куфа. Впрочем, такое впечатление может порождаться тем, что основная масса информации об этом периоде восходит к куфийским историкам. Вождем недовольных здесь был Малик б. ал-Харис по прозвищу ал-Аштар, участник завоевания Сирии, приехавший в Куфу из Медины вместе с Са'идом б. ал-Асом [61]. Первое открытое столкновение произошло в 33/653 г., когда на одной из вечерних бесед в резиденции Са'ида, куда приглашались знать и знатоки Корана (*ал-ķуррā'*), зашел спор о том, кому принадлежит Савад Ирака. Начальник стражи Са'ида льстиво высказался в пользу амира, ал-Аштар вспылил, а Са'ид подбавил масла в огонь, заявив, что Савад — сад курайшитов. Спор кончился дракой, в которой ал-Аштар и его сторонники избили начальника стражи и вступившегося за него отца до потери сознания. Их соплеменник, Тулайха, привел своих асадитов к дворцу, против них выступили другие племена, свалка в приемном зале наместника чуть не кончилась сражением [62].

Са'ид перестал приглашать ал-Аштара и его друзей на вечерние беседы, но это только ухудшило обстановку, недовольные стали собираться в домах и квартальных мечетях, обрастая кругом сторонников. Затем благочестивцы из окружения ал-Аштара отправили Усману письмо, полное увещеваний, в котором, в частности, писали: «Заклинаем тебя Аллахом подумать об общине Мухаммада, ведь мы боимся, что расстроится ее дело твоими руками, потому что ты посадил на шеи людям своих со-

братьев»[63]. Храбрости подписать это письмо обличителям не хватило. Лишь юный Ка'б б. Абда написал письмо такого же содержания от своего имени. Усман потребовал прислать его в Медину, где между ними произошел знаменательный разговор. Посмотрев на юношу, Усман сказал: «Это ты-то наставляешь на истину меня, читавшего Книгу Аллаха, когда ты еще был в чреслах многобожника!» Ка'б дерзко ответил ему: «Если человек читал Книгу Аллаха и не поступает согласно ей, то это только свидетельствует против него!» Усман приказал дать ему 20 плетей и выслал в Дунбавенд[64].

В этом разговоре, даже если он и передан в источнике с некоторыми прикрасами, отразилась новая ситуация, сложившаяся в мусульманском обществе: два десятилетия ближайшие сподвижники пророка считали себя монопольными хранителями и толкователями духа и буквы ислама, а за это время выросло новое поколение, убежденное в своем праве понимать его самостоятельно, даже вступая в спор с ветеранами ислама.

Вдобавок к этому в новых центрах, где было много новообращенных, воспитанных в иной, мистически более изощренной религиозной среде, прежние положения веры приобретали новое их понимание, в духе привычных представлений общества, в котором были воспитаны неофиты до их обращения. В частности, это касалось восприятия пророческой миссии Мухаммада.

Как уже говорилось, Мухаммад не претендовал на то, что ему даны сверхъестественные способности. Свою миссию он видел в точной передаче ниспосылаемых через него откровений. Вся задача заключалась в том, чтобы донести их без утайки до всех соплеменников, до всех арабов.

Для самого Мухаммада, его близких и последователей он был обычным человеком, но облеченным доверием Всевышнего, простым смертным, кончина которого не сопровождалась никакими знамениями. Поэтому власть над общиной не обусловливалась каким-либо сакральным актом, передача ее от халифа к халифу была политическим актом.

Но для нового поколения и особенно для новообращенных из христиан и иудеев, да даже из зороастрийцев, привыкших к идее сакральности царской власти, вероучитель был немыслим без ауры благодати, он приобретал у них черты богочеловека и мессии. Он оказывался не передатчиком диктуемого свыше, а хранителем сокровенного знания, недоступного простым смертным и передаваемого от избранного к избранному. Эта идея в корне противоречила учению Мухаммада, для которого скрыть часть откровения от общины было немыслимо.

Из той же среды скорее всего могла прийти и идея династийного наследования сокровенного знания, поскольку у подавляющей массы арабов наследственная «царская» власть не вызывала симпатий.

Первым, насколько мы знаем, идею династийного наследования сокровенного знания стал проповедовать Абдаллах б. Са-

ба (Ибн ас-Сауда), йеменский иудей, принявший ислам при Усмане. Судя по сообщениям о содержании его проповедей, он с первых лет стал называть Али духовным наследником Мухаммада [65]. В это трудно поверить, поскольку Али как политическая фигура вряд ли появлялся в расчетах противоборствующих группировок до 32 г. х., до смерти Абдаррахмана б. Ауфа, а религиозно-теоретическое обоснование его прав могло появиться лишь несколько лет спустя. Если же у Али и его сторонников появились в это время притязания на халифат, то обоснования были политическими.

Пока же главная угроза существующей власти исходила из провинций. Усман пытался приглушить смуту, вырывая зачинщиков из родной среды и переводя в другие провинции. Так, в 33/653 г. по просьбе наместника Куфы Усман перевел группу недовольных во главе с ал-Аштаром в Сирию. Однако все попытки Му'авии умиротворить их оказались безуспешными. Все кончилось тем, что во время одного горячего спора Му'авийу схватили за бороду и чуть не побили. Смутьянов отправили в какой-то приморский гарнизон на границе с Византией, а часть — в Джезиру, но все это только подогрело страсти в Куфе [66].

Попытки изолировать смутьянов были бесплодны потому, что все эти люди были не организаторами и зачинщиками смуты, а лишь наиболее решительными выразителями всеобщего недовольства.

Во время хаджжа в 34/июне 655 г. в Мекке встретились главы недовольных из Куфы, Басры и Египта и договорились, что на следующий год придут со своими сторонниками в Медину и потребуют от Усмана выполнять обещания, данные при выборах, а если он откажется прислушаться к их претензиям, то решить на месте, что делать дальше [67].

Мы не знаем, стало ли известно это решение Усману и его наместникам, но Са'ид б. ал-Ас разослал предводителей: кого наместниками дальних от Куфы городов — Рейя, Киркисии, Хамадана, Мосула, а кого — в Азербайджан, руководить военными действиями. Это на время разрядило обстановку в самой Куфе [68].

Усман оценил серьезность положения в государстве и созвал наместников главных провинций на совет. Самый молодой и горячий Абдаллах б. Амир под впечатлением военных успехов последних лет посоветовал занять людей походами, где им придется думать о себе, а не о борьбе с халифом, Са'ид посоветовал уничтожить предводителей недовольных, Абдаллах б. Са'д — раздать людям деньги, так как это интересует их прежде всего, а Му'авийа, имевший твердое положение в своей провинции, сказал, что каждый должен навести порядок у себя, тогда и в государстве будет порядок. С тем все и разъехались по своим местам.

Задержавшийся дольше всех Му'авийа предложил халифу

уехать в Сирию под защиту верных ему войск или же прислать войска в Медину. Усман отверг оба предложения, сказав, что не хочет создавать лишние тяготы мединцам и надеется на покровительство Аллаха[69].

Пока Са'ид б. ал-Ас был в Медине, Йазид б. Кайс призвал к свержению Усмана, но не нашел в Куфе достаточной поддержки. Тогда Йазид послал гонца к сосланным вождям куфийцев, находившимся в Джезире. Ал-Аштар немедленно откликнулся на этот призыв и через семь дней прибыл в Куфу, остальные после короткого колебания последовали за ним.

Была пятница. Ал-Аштар появился в мечети и заявил, что он только что от амира верующих и узнал, что Са'ид хочет убавить выплаты женам на 100 дирхемов, а ветеранам завоеваний — на 500 дирхемов. Несмотря на известие о такой неприятной перспективе, «благородные и разумные» отказались последовать за ним, и только рядовые мусульмане откликнулись на призыв ал-Аштара. Заместитель Са'ида, руководивший молитвой, безуспешно пытался образумить их. Ал-Ка'ка' б. Амр прервал его: «Разве можно остановить низвержение селя или свернуть Евфрат с его теченья?! Не выйдет! Клянусь Аллахом, чернь может успокоить только машрафийский меч**, не успеешь его обнажить, как они заблеют, как стадо разжиревших козлов, и будут мечтать о том, что имеют сейчас, но Аллах никогда не вернет им этого. Потерпи!»

Почтенные куфийцы разошлись по домам, а Йазид и ал-Аштар со своими сторонниками вышли из Куфы, встали лагерем у ал-Джара'а и преградили путь Са'иду[70]. По другим данным, ал-Аштар предварительно разослал отряды численностью по нескольку сотен человек в сторону Басры, Айн ат-Тамра, Хулвана и ал-Мадаина, чтобы предупредить неожиданное нападение на Куфу. Навстречу же Са'иду к Узайбу был послан Малик б. ал-Ка'б с 500 воинами, Са'иду пришлось с позором возвратиться в Медину. Это был первый случай неповиновения наместнику халифа. Вслед за тем Усману было послано письмо, в котором мятежники потребовали назначить ведать военным и гражданским управлением Куфы Абу Мусу ал-Аш'ари и Хузайфу б. ал-Йамана.

Усман понял, что иного выхода у него нет, и утвердил эти назначения. Абу Муса заявил куфийцам, что будет их имамом только в том случае, если они подтвердят свою верность Усману[71].

Арабские историки приводят различные версии событий этого времени, разные варианты речей и посланий, подробный разбор которых занял бы слишком много места. Важно отметить одно: большинство старых сподвижников пророка не упоминается среди активных участников этих событий ни на той, ни на другой стороне. Исключение составляет Али: к нему обраща-

---

** Эти мечи из Машрафа (в Сирии) славились закалкой и остротой.

ются за поддержкой жалобщики, он вступается за обиженных, увещевает Усмана [72]. Часть этих сообщений может быть недостоверной, но все же можно заключить, что в 655 г. он становится серьезным соперником халифа, хотя и не предпринимает никаких враждебных действий: движение против Усмана углублялось и расширялось независимо от Али.

Замена Са'ида Абу Мусой не принесла Куфе успокоения, так как конфликт имел глубокие социальные корни: община, построенная на равенстве, становилась государством; единство целей, объединявшее мусульманских воинов в ходе завоевания, исчезло; имущественное неравенство резко возросло на глазах одного поколения; управлять расколовшимся обществом без аппарата принуждения становилось невозможно, однако и для халифа, и для его подданных, привыкших к патриархально-демократическому правлению, это представлялось недопустимым. Дело не в том, что Усман был нерешителен по характеру,— все мусульманское общество не было готово к принятию системы государственного принуждения применительно к единоверцам.

Бунт куфийцев заставил Усмана искать поддержки у верхушки мухаджиров. Вскоре после совещания с наместниками (Му'авийа не успел еще уехать) Усман созвал Али, Талху, аз-Зубайра, Са'да б. Абу Ваккаса. Поскольку на этой встрече присутствовал сын Талхи (к которому восходит это сообщение), то можно предполагать присутствие и других лиц из того же круга.

Совет начался перепалкой между Му'авией и Али, которую имеет смысл привести дословно.

Му'авийа обратился к присутствующим: «Вот вы, сподвижники посланника Аллаха, да благословит его Аллах и да приветствует, его избранники на земле, управители дела этой общины, и никто не может притязать на это, кроме вас, вы выбрали себе управителя без принуждения и притязания. Теперь годы его возросли и приблизился его срок. Если вы ждете его кончины, то она близка, я надеюсь, что почтит его Аллах свершением этого. [Сейчас] ходят разговоры, которые, боюсь, идут от вас, и в том, в чем вы его упрекаете, видна ваша рука. Не приваживайте людей к вашему делу, ведь если они возжелают его, то вы никогда не увидите его иначе, чем уходящим [от вас]».— «Какое тебе дело до этого,— вспылил Али,— и откуда ты это знаешь, нет у тебя матери!» — «Ты мою мать не трогай, она не хуже ваших матерей, она приняла ислам и присягнула пророку, да благословит его Аллах и да приветствует. Ты мне лучше ответь на то, что я сказал!»

Усман поддержал Му'авийу. «Ты правду сказал, племянник. Я вам скажу о себе и о делах, которыми управляю. Да, сподвижники, которые были до меня, притесняли себя и своих родственников, ища благоволения Аллаха, а посланник Аллаха, да благословит его Аллах и да приветствует, давал своим близким; у меня же большая семья и мало средств к существованию, и я

протягивал руку кое к чему из этих средств из-за того, что занимал пост, позволяющий это; я считал, что это принадлежит мне. Если же вы полагаете, что я совершил проступок, то я это верну. Мое распоряжение последует вашему распоряжению». В подтверждение искренности своих слов Усман потребовал от Абдаллаха б. Халида и Марвана б. ал-Хакама возвратить полученные ими 50 000 и 15 000 дирхемов [73].

Эта мера в какой-то степени могла успокоить общественное мнение мединцев, но не погасить всеобщее недовольство. Как отмечает ал-Балазури, никто из сподвижников пророка не защищал Усмана и не опровергал того, что говорили о нем [74]. Лишь немногие из сподвижников пытались подтолкнуть Усмана к изменению политики и поискам умиротворения общины.

ГИБЕЛЬ УСМАНА

В раджабе 35/январе 656 г. 500 египтян под видом совершения малого паломничества направились в Медину, чтобы заявить Усману свои претензии. Наместник Египта, Абдаллах б. Са'д, тотчас послал гонца, чтобы предупредить халифа об их истинных намерениях. Гонец так торопился, что преодолел 1300 км от Фустата всего за 11 дней [75], из чего можно заключить, что уже в то время на основных магистралях существовала специальная служба, обеспечивавшая гонцов.

Несмотря на то что у халифа было достаточно времени, чтобы подготовиться к встрече со своими противниками, он не сумел воспользоваться им. Никаких попыток привлечь на свою сторону мединцев, кажется, не было.

В то же время отряды по нескольку сотен недовольных вышли из Басры и Куфы, соединившись с египтянами в Зу-Хушуб, в одном дне пути от Медины (см. т. 1, с. 98, рис. 8) [76]. Несколько попыток Усмана вступить в контакт с недовольными и убедить их уйти по домам остались безуспешными. Сведения о многомесячных переговорах обрывочны и не связываются в последовательную картину событий [77].

Недовольные предъявляли Усману разнообразные претензии: от чисто религиозных (моление в четыре рак'ата в Мина, введение третьего призыва на молитву, а главное — сожжение старых записей Корана) до конкретных финансовых злоупотреблений (расширение хима, предоставление части хумса Ифрикии своему родственнику).

Трудно сказать, были ли эти обвинения предъявлены за один раз, или историки суммировали их. Во всяком случае, известны и другие, более конкретные претензии. По сведениям, восходящим к мавле одного из участников этих событий, египтяне пришли к Усману в его поместье и потребовали, чтобы он взял Коран и прочитал суру «Йунус» [78]. Когда Усман дошел до строк: «Скажи: „Видели ли вы то, что ниспослал вам Аллах из пропи-

тания, а вы сделали из него запретное и дозволенное?“ Скажи: „Аллах ли разрешил вам это, или вы выдумываете за Него?“» (X, 59/60), его прервали: «Стой! Как ты считаешь, те хима, которые ты заповедал, разрешены тебе Аллахом или ты выдумал за Него?» Усман стал оправдываться тем, что хима были заповеданы до него Умаром, а ему пришлось их только расширить из-за увеличения поголовья верблюдов. На другие упреки Усман не мог найти достойного ответа и вынужден был спросить: «Чего же вы хотите?»

Представители недовольных потребовали лишить мединцев жалованья и отдать его тем, кто завоевал право на него в боях, и почтенным асхабам. Усман согласился и объявил об этом в мечети, быть может втайне надеясь, что мединцы воспылают враждой к наглым пришельцам. Но результат был противоположным: мединцы отнесли это решение за счет злого умысла Умаййадов [79].

Переговоры закончились в мае 656 г. подписанием Усманом обязательства следующего содержания: «Это — грамота от раба Аллаха амира верующих тем из верующих и мусульман, которые порицают его. Воистину, обещаю вам действовать в отношении вас по Книге Аллаха и обычаю (сунне) его пророка; будет дано неимущему, и получит гарантию безопасности боящийся, и будет возвращен сосланный, и не будут посылаться отряды на вражескую территорию [80], и будет дан сполна фай'.

Али ибн Абу Талиб — гарант верующим и мусульманам в том, что Усман будет верен тому, что в этой грамоте. Засвидетельствовали: аз-Зубайр ибн ал-Аввам, и Талха ибн Убайдаллах, и Са'д ибн Малик ибн Абу Ваккас, и Абдаллах ибн Амр, и Зайд ибн Сабит, и Сахл ибн Хунайф, и Абу Аййуб Халид ибн Зайд. Написано в зу-л-ка'да тридцать пятого года» [81].

Все отряды недовольных взяли по экземпляру этого гарантийного письма и покинули Медину.

Дальше произошло нечто совершенно неожиданное. В Зу-Марве (ал-Бувайбе или Айле) отряд египтян обогнал гонец из Медины. Его задержали и узнали в нем гулама Усмана; это вызвало подозрение, его стали обыскивать и обнаружили письмо к наместнику Египта, скрепленное печатью Усмана, в котором предписывалось наказать предводителей отряда недовольных [82].

Возмущенные египтяне потребовали от Али и Мухаммада б. Масламы пойти к Усману и потребовать ответа. Али сказал, что сначала совершит полуденную молитву (желая, видимо, сбить пыл египтян). После молитвы Али и Мухаммад б. Маслама пошли с египтянами к Усману. Оставив их у ворот, они вошли к халифу и потребовали, чтобы он выслушал претензии египтян. Усман отказывался и просил Али выйти и поговорить с ними от его имени. Но Али твердо сказал: «Нет», и Усману пришлось принять мятежников.

Усману предъявили письмо и потребовали объяснить, кто

его написал. Он сказал, что гулам и верблюд — его, но он гулама никуда не посылал, верблюда не давал и письмо не писал. Этому можно было поверить — ведь письмо мог написать Марван б. ал-Хакам и, как секретарь халифа, воспользоваться его печатью. От Усмана потребовали выдачи Марвана, но он отказался это сделать. Разъярившись, египтяне потребовали отречения, на что Усман гордо ответил: «Не сложу с себя одежд, в которые облачил меня Аллах!» Али с трудом удалось смирить египтян и увести их из дома, но после этого и он и Мухаммад б. Маслама предоставили Усману самому искать выход из опасного положения [83].

Поначалу противники Усмана, окружив дом, ограничивались полемикой и предъявлением претензий. Усман мог спокойно ожидать подхода войск верных ему наместников Сирии, Куфы и Басры, к которым обратился за помощью [84]. Какая-то часть сподвижников пророка готова была поддержать халифа против египетских мятежников. Зайд б. Сабит (секретарь Мухаммада) будто бы предложил ему от лица ансаров: «Если хочешь, мы будем помощниками Аллаха второй раз», на что Усман ответил: «Мне этого не нужно. Воздержитесь» [85]. Было ли такое предложение, от которого халиф отказался, желая избежать кровопролития в столице, или же эта версия порождена стремлением ансаров задним числом оправдать свое бездействие, приведшее к гибели халифа? Похоже, что Усман до последнего надеялся, что мятежники не пойдут сами на кровопролитие. Точно так же отверг он помощь сыновей Али, Хасана и Хусайна, Абдаллаха б. аз-Зубайра и Абдаллаха б. Умара; несмотря на это, Абдаллах б. аз-Зубайр все-таки остался и помогал охранять дом до самого последнего момента [86].

Видя непреклонность халифа, осаждавшие прибегли к решительным мерам: пресекли доставку продовольствия и воды и всякое общение осажденных с внешним миром. Инициатором жесткой блокады некоторые источники называют Талху, сказавшего египтянам: «Что Усману ваша осада, когда ему привозят продукты и воду?! Вы пресеките подвоз ему воды» [87]. Время было уже летнее, июнь, стояла жара, единственный колодец во дворе давал солоноватую воду, мало пригодную для питья, а в доме находилось около ста человек. Усман стал увещевать осаждавших, обращаясь к ним с крыши дома: «Заклинаю вас Аллахом! Вы ведь знаете, что я на свои деньги купил колодец Раума и когда пользовался им, то моя веревка была как веревка любого из мусульман*, так почему же вы не даете мне испить его воды, чтобы разговеться после соленой воды?» [88]. Но все призывы были тщетны: египтяне не пропустили ни Али, ни вдову пророка Умм Хабибу, которые пытались провезти к нему воду [89].

Ситуация в Медине была парадоксальной: духовного главу

---

* Т. е. позволял всем пользоваться колодцем наравне с собой.

общины в собственном доме несколько сотен мятежников морили жаждой, а по соседству в мечети спокойно молилась его паства под руководством Талхи, через Медину прошли караваны паломников из Сирии и Египта (историки их не упоминают, но они не могли миновать Медину), халиф не мог их возглавить, как обычно, и послал вместо себя Абдаллаха б. Аббаса, но никого это не обеспокоило.

Осада длилась не меньше сорока дней без попыток решить дело силой оружия. Пришли известия о подходе верных халифу войск, напряжение обеих сторон возрастало, неминуем был взрыв. Если верить сведениям ал-Балазури, осаждающие стали обстреливать дом, нечаянно ранили Хасана и Абдаллаха б. аз-Зубайра, испугались, что хашимиты, узнав об этом, могут взяться за оружие, и решили расправиться с Усманом. Группа нападающих во главе с Мухаммадом б. Абу Бакром пробралась через участок соседа во двор дома Усмана, ворвалась в дом и убила халифа [90].

Не вдаваясь в детали этого рассказа, можно сказать, что в нем много неясного. Гораздо правдоподобнее рассказ гулама Усмана, который застрелил одного из осаждавших, пытавшегося пробраться во двор. Убитый оказался сподвижником пророка, поэтому его смерть вызвала особое возмущение. Осаждавшие потребовали выдачи убийцы, но Усман ответил отказом. Тогда на следующее утро, в пятницу 18 зу-л-хиджжа 35/17 июня 656 г., осаждавшие подожгли ворота и ворвались во двор. Защитники дома оказали ожесточенное сопротивление, Абдаллах б. аз-Зубайр был ранен (обе версии в этом сходятся), а тяжелораненный Марван б. ал-Хакам упал без сознания, и это его спасло — его приняли за убитого и не стали добивать. Исход схватки решило то, что сосед пропустил осаждавших через свой двор на задний двор дома Усмана [91].

Возможно, нападавшие и не намеревались убивать халифа, но напряжение, в котором больше месяца находились обе стороны, и ожесточение боя решили его судьбу. Осаждавшие ворвались в комнату Усмана, который вышел им навстречу с Кораном в руках, вероятно желая таким образом прекратить кровопролитие. Однако вид священной книги не охладил их пыл: кто-то ударил халифа рукояткой меча, кто-то ткнул наконечником стрелы... Потекла кровь; старик потерял сознание и упал. Его поволокли за ноги. Его жена Наила и дочери заголосили, Наила бросилась на тело мужа, чтобы закрыть его от мечей. Ее ранили и оттащили. Чей-то удар мечом в грудь кончил жизнь третьего халифа, первого из погибших от руки мусульман [92].

Кто был убийцей, не поняли, вероятно, даже те, кто находился в тот момент в доме. Мусульманские источники называют разные имена, в том числе Мухаммада б. Абу Бакра, который то ли держал халифа за бороду, когда другие перерезали ему горло, то ли убивал сам. Выяснить это невозможно — порой и след-

ствие по горячим следам не может восстановить картину коллективного убийства, что же говорить о возможностях расследования через четырнадцать веков!

Пока в личных покоях халифа разыгрывалась эта трагедия, предприимчивые люди бросились грабить казну, в которой оказалось всего два мешка денег.

А в это время в мечети на пятничную молитву собирались молящиеся, не зная, что произошло неслыханное преступление — мусульмане убили своего повелителя, не подозревая, какие потоки крови последуют за этим, разделяя навсегда общину на две враждебные половины.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

[1] Письменная фиксация рассказов о прошлом Аравии, генеалогических сведений и истории завоеваний, несомненно, началась при Му'авии I, поощрявшем их знатоков (подробнее см.: Abbot, 1957). Первым из известных нам собирателей рассказов о завоеваниях был Амир б. Шарахил аш-Ша'би (640?—721(27)) [GAS, Bd. 1, с. 277], который в молодости мог встречаться со многими участниками тех событий. Проверить источники его сведений очень трудно, так как ат-Табари (или его предшественники), у которого собрана подавляющая часть информации, восходящей к аш-Ша'би, доводит цепь ссылок на информаторов (*иснад*) только до аш-Ша'би. В единственной ссылке на него у ал-Азди [Азди 2, с. 265] аш-Ша'би также оказывается последним в цепи передачи (точнее, первым). Однако это не доказывает, что он не называл своих информаторов, так как у ат-Табари иногда говорится: «...аш-Ша'би со слов того, кто ему рассказал...»

[2] Выделение «второго поколения» историков в значительной мере условно и основывается не на физической последовательности поколений, а на том, что свою информацию о раннем этапе арабских завоеваний они черпали уже из вторых рук, из записей или устной передачи своих учителей. Среди крупных историков этого поколения следует назвать Мусу б. Укбу (674—742), Авану б. ал-Хакама (ум. в 764 г.) и, быть может, Абу Абдаллаха Мухаммада б. Исхака (ум. в 768 г.), автора первой большой биографии Мухаммада. Насколько условно выделение этого поколения, видно по тому, что Абу Михнафа, умершего на 11 лет позже Аваны, по этому формальному признаку приходится отнести уже к третьему поколению, поскольку между ним и участниками первого этапа завоеваний лежат два звена передатчиков (равиев), а Ибн Исхак находится в промежуточном положении: у него в ряде случаев также есть иснады с двумя этапами передачи (например, Таб.. I, с. 2519, 2520, 2569), но чаще — только один посредник.

[3] Наиболее ранняя из дошедших до нас «Книг завоеваний» — «Завоевание Сирии» Абу Исма'ила Мухаммада б. Абдаллаха ал-Азди (ум. в 175/791 г.?) [Азди 1; Азди 2; GAS, Bd. 1, с. 292—293].

[4] Попытки реконструкции старейших исторических сочинений на основе цитат из них в поздних компиляциях (так восстановлена «Книга походов» Урвы б. аз-Зубайра, ум. в 711 или 713 г. [Урва]) при всей их полезности не могут дать подлинной композиции сочинения, воспроизвести первоначальный порядок изложения, имеющий большое значение для относительной хронологии событий. Как убедительно показал А. Нот, компиляторы при компоновке разрозненных первоначальных сообщений подгоняли их под определенный шаблон и редактировали их в соответствии со своими представлениями о том, как должны были вести себя ставшие к тому времени легендарными деятели раннего ислама [Noth, 1973].

[5] Так, в «Истории города Дамаска» Ибн Асакира (ум. в 1176 г.) [И. Асак., т. 1] сохранился ряд сведений из не дошедших до нас ранних сочинений: «Истории» Мухаммада ал-Варрака и первого тома «Китаб ал-ма'рифа» ал-Фасави [Фас., с. 26—32]; встречаются в ней сведения ал-Азди и ал-Куфи.

[6] Особенно широко в словарях Ибн Хаджара ал-Аскалани (ум. в 1449 г.) [И. Хаджар, И.; И. Хаджар, ТТ.].

[7] Абу Йусуф [А. Йус.] и Йахйа б. Адам [И. Адам] — конец VIII— начало IX в., Абу Убайд [А. Уб.] — первая половина IX в.

[8] См.: Куфи. В рукописи, положенной в основу издания первой половины сочинения, имеются большие лакуны, которые издатель восполнил соответствующими частями персидского перевода.

[9] Персидский перевод привлек внимание исследователей уже в середине XIX в. [Dorn, 1844]. Арабский текст (отрывок о завоевании Хорасана и Самарканда Кутайбой б. Муслимом) из второй половины сочинения, отсутствую-

щей в персидском переводе, был введен в науку А. Н. Куратом [Kurat, 1948]. Опубликованный им текст договора Кутайбы с Самаркандом стал затем объектом исследования О. И. Смирновой [Смирнова, 1957]. Материал ал-Куфи по истории завоевания Хорасана и Мавераннахра еще до издания текста привлекал М. Шабан [Shaban, 1970]. Издание текста сделало его доступным многим исследователям. Широко использовано оно в новейших исследованиях по истории завоевания Ближнего Востока и Ирана [Mac Grow, 1981; Колесников, 1982]; разделы, касающиеся Кавказа, переведены З. М. Буниятовым [Куфи, пер.] (к сожалению, недостаточно корректно).

До сих пор, однако, отсутствует источниковедческий анализ этого сочинения, важного не только как источник сведений, но и для истории арабской историографии. Сложность заключается в том, что ал-Куфи не только опускает все иснады, но (за исключением нескольких случаев) не упоминает ни имен авторов, ни названий сочинений, из которых взят тот или иной материал. Пока мы можем отметить почти полную идентичность многих его сообщений тексту ал-Азди и совпадение содержания отдельных отрывков с «Та'рих-и Табари» Бал'ами (однако эта связь требует специального исследования).

[10] Азди 1.

[11] De Goeje, 1864.

[12] Азди 2. Текст нового издания уступает изданию Лиса; в частности, в нем иногда встречаются пропуски отдельных слов и частей предложений, которые издателем не отмечены, так же как и разночтения. Происхождение и местонахождение рукописи не указаны. По мнению издателя, она переписана до 576/1180-81 г., поскольку в иснаде, открывающем рукопись (унване), упоминается чтение ее Хафизом ал-Исфахани, умершим в 576 г. х. [Азди 2, с. *мим*]. В рукописи, изданной У. Лисом, этот иснад в начале отсутствует, но имеется в более полной форме внутри текста [Азди 1, с. 35—36]. В нем указывается, что текст сочинения продиктован (кому?) *(ахбарана)* ал-Исфахани в Александрии в мухарраме 573/июле 1177 г., а получен он был от ал-Мукри в Фустате в зу-л-хиджжа 515/10.II—11.III 1122 г. Трудно поверить, чтобы обе из дошедших до нас рукописей этого сочинения вышли из одного ученого кружка в течение короткого промежутка времени. Сомнение усиливается тем, что, по словам издателя, рукопись переписана почерком та'лик на бумаге с водяным знаком *(ал-'алāма ал-мā'ийа* — филигрань или верже?), которая на этом основании датируется им XII в. н. э. [Азди 2, с. *мим*]. Однако бумаги с филигранями ни в XII, ни даже в XIII в. не существовало, да и арабских рукописей, переписанных та'ликом в XII в., пока не обнаружено. Отсутствие факсимильного воспроизведения какой-либо страницы из этой рукописи лишает нас возможности датировать ее по характеру почерка. В этих условиях можно утверждать только то, что данная рукопись позже XIII в. (а скорее всего даже позже XIV в.).

[13] Mac Grow, 1981.

[14] Во всех иснадах последним звеном является не Абу Исма'ил, а Хусайн б. Зийад и (в трех случаях) следующий за ним Абу-л-Аббас Валид б. Хаммад ар-Рамли, но цепь информаторов разветвляется сразу за Абу Исма'илом, свидетельствуя, что именно он — составитель данного сочинения, а следующие за ним лишь передавали скомпонованный им материал, быть может только несколько редактируя его.

Ал-Азди объединил сведения 35 информаторов, чаще всего обращаясь к материалам Абу Джахдама ал-Азди (11 раз), Мухаммада б. Йусуфа ал-Хазраджи (11 раз), Абдалмалика б. Науфала (10 раз), Йазида б. Йазида б. Джабира (5 раз), которые являются основными информаторами Абу Михнафа (689—775) (гораздо чаще, чем указано у У. Сезгин [Sezgin U., 1971, указ.]) и Сайфа б. Умара (ум. в 170—173/786—790 гг.). Кроме них общими информаторами являются еще 10 лиц, ссылки на которых единичны. Одинаковая по длине цепь иснадов свидетельствует о том, что ал-Азди был современником этих двух известных историков. Сведения о нем чрезвычайно скудны. Издатель текста, Абдалмун'им Абдаллах, приводит о нем некоторые биографические данные, отсутствующие у Ф. Сезгина: он жил в Багдаде, был соседом Али б. ал-Вакида и считался надежным передатчиком сведений, скончался в

Багдаде в 231 г. [Азди 2, с. *каф* и *лам*]. К сожалению, я не имел возможности проверить правильность этих сведений из-за отсутствия у нас сочинений, использованных Абдалмун'имом, а они вызывают сомнение. 231 год хиджры приходится на 7.IX 845 — 27.VIII 846 г., даже при продолжительности жизни в 80 лет ал-Азди родился бы около 765 г., т. е. принадлежал бы к следующему после Абу Михнафа поколению и это отразилось бы в иснадах. Во-первых, он не мог бы получить сведения непосредственно от лиц, умерших до 765—770 гг., т. е. от всех его информаторов, время жизни которых нам известно или определяется с большой долей вероятности. Это прежде всего Амр б. Шу'айб, умерший в 736 г. [И. Хаджар, ТТ., т. 8, с. 48—55]. Можно допустить, что упоминание его как непосредственного информатора является ошибкой (тем более что он упоминается только один раз), но и остальные: Муджалид б. Са'ид (ум. в 762 г.), ан-Надр б. Салих (родился около 675 г. [Sezgin U., 1971, с. 210, 214]), Амр б. Малик ал-Кайни (в 66/685-86 г. был подростком [Таб., II. с. 647]), Абу Джахдам (участник событий 702 г. [Таб., III, с. 1099—1101]) — либо не дожили до тех лет, когда ал-Азди мог начать сбор материала, либо должны были прожить более ста лет.

Во-вторых, будучи ученым следующего за Абу Михнафом и Сайфом поколения, он имел бы иснады длиннее на одно звено, а скорее всего ссылался бы и на них, и на Ибн Исхака (ум. в 768 г.). Приходится согласиться с Ф. Сезгином, что ал-Азди был современником этих историков и умер в последней четверти VIII в. [GAS, Bd. 1, с. 292].

Большинство сведений ал-Азди восходит к участникам событий (23 названы по имени и четверо — безымянны). Лишь несколько иснадов содержат ошибки следующего рода: на с. 16 и 223 [Азди 2] приводится иснад: Сахр б. Са'д (участник событий) — Сабит ал-Баннани — Мухаммад б. Йусуф — Абу Исма'ил, на с. 219 происходит ошибочное слияние имен двух первых лиц в Сабита б. Сахла б. Са'да, а на с. 136—137 сливаются первый и третий информаторы в Мухаммада б. Йусуфа б. Сахла б. Са'да,— но большинство иснадов точны, лишь в некоторых выпали ссылки на очевидцев и участников событий. В целом сочинение Абу Исма'ила аз-Азди вполне надежный исторический источник первостепенного значения.

15 Это явствует из того, что, с одной стороны, у ал-Азди имеются детали, отсутствующие у ал-Куфи, а с другой — у последнего имеются некоторые дополнения; ясно, что переписчики рукописей обоих сочинений (или сам ал-Куфи) имели перед собой более полный текст одного общего источника.

16 *Haneberg*, 1863, с. 133—147.

17 Точнее определить время романтизированной переработки трудно. С одной стороны, она не могла появиться раньше крестовых походов, с другой — наиболее ранние рукописи, относящиеся к концу XIV в. [Михайлова, 1965, № 1], дают уже сложившийся текст.

18 Подавляющее большинство равиев, упоминаемых в этих сочинениях, отсутствует в иснадах ат-Табари и более ранних историков, однако лишь на этом основании объявить их подложными нельзя: точно так же часть имен в иснадах вполне достоверного сочинения ал-Азди не встречается у других историков,— кроме того, наряду с неизвестными нам именами упоминаются Ибн Исхак и Сайф, ал-Мухаллаб б. Укба и Талха б. ал-А'лам, Йазид б. Абу Хабиб и Усама б. Зайд ал-Лайси, встречаются и цепочки передатчиков, известные по другим историческим сочинениям, хотя и с некоторыми искажениями и усечениями. Приведем один пример:

«Футух Дийар Бакр» [Пс.-Вак. 2, т. 2, с. 97]	«Та'рих» ат-Табари [Таб., I, с. 1601]
Абдаллах б. Аслам,	Ибн Хумайд
Асим б. Абдаллах	Салама
Ибн Исхак ал-Умави	Ибн Йсхак
Йазид б. Абу Хабиб	Йазид б. Абу Хабиб
Рашид, «его мавла»	Рашид, мавла Ибн Абу Ауса
	Хабиб б. Абу Аус
	Амр б. ал-Ас

Как мы видим, иснады «Футух» и «Та'рих» ат-Табари в трех звеньях совпадают, расхождение верхних звеньев вполне естественно, так как передача шла по разным линиям, а нижняя часть в «Футух» усечена и искажены отношения упомянутых в ней лиц.

Большинство проверенных мной иснадов кончаются ал-Вакиди или лицами, близкими к его времени, подтверждая, что исходное сочинение принадлежало именно ему. В некоторых случаях иснады завершаются безымянным «этот передатчик» *(ар-рави)*, который отделен от ал-Вакиди тремя звеньями передачи [Пс.-Вак. 2, т. 2, с. 119, 160], т. е. не менее чем столетием (точнее сказать невозможно — иснады могут быть неполными). Можно думать, что этому *ар-рави*, фигурирующему во многих местах без предшествующего ему иснада, и принадлежит первый шаг на пути превращения исторического сочинения в исторический роман, которое продолжили переработчики эпохи крестовых походов.

[19] Jarry, 1970. Ф. Сезгин называет автором «Завоевания ал-Бахнаса» Ахмада ал-Бакри [GAS, Bd. 1, с. 296]. Но в данном случае авторство не имеет значения, поскольку характер этого сочинения тот же, что и сочинений, приписываемых ал-Вакиди.

[20] Халифа.

[21] И. Асак., т. 1.

[22] Феоф.; Феоф., пер.

[23] Никифор; Никифор, пер.

[24] Кривов, 1982.

[25] Иоанн.

[26] Сев.; Евтих.

[27] Динав., с. 44—117; Йа'к., т. 1, с. 178—203; Таб., I, с. 823—1068; Мас'уди, т. 2, с. 105—241.

[28] Кн. халифов.

[29] Пигулевская, 1946; Колесников, 1982, с. 17—21.

[30] Тер-Гевондян, 1977, с. 5—12.

[31] Кумми; Т. Систан.

[32] Бартольд, 1, с. 55.

[33] Стори, 1972, с. 279—288.

[34] А. Исфах. Русский читатель может познакомиться с характером сочинения по отрывкам, опубликованным в русском переводе [А. Исфах., пер.].

[35] Это касается главным образом деятелей более позднего периода, начиная с Му'авии.

[36] Медников, 1897; Медников, 1903.

[37] Butler, 1902.

[38] Glubb, 1966.

[39] Буниятов, 1965; Тер-Гевондян, 1977.

[40] Pirenne, 1937; Ehrenkreutz, 1972.

[41] До 70-х годов арабистов-источниковедов интересовали прежде всего система передачи информации и соотношение ранних источников, особенно дошедших до нас в виде выдержек в поздних компиляциях. Шедевром этого рода исследований можно назвать монографию У. Сезгин об Абу Михнафе [Sezgin U., 1971]. Это направление получило развитие и в нашей арабистике (серия историографических исследований ленинградских арабистов [Бойко, 1977; Бойко, 1983; Прозоров, 1980]). Начало нового этапа обозначили исследования А. Нота, анализирующие характер информации и ее трансформацию в процессе передачи [Noth, 1968; Noth, 1973]. Одним из важнейших его выводов является установление видов шаблонов композиции исторического повествования.

[42] Shaban, 1971; Cahen, 1968.

[43] Mac Grow, 1981.

[44] Колесников, 1982.

[45] Jarry, 1970.

[46] Шибли, 1933; Аргун, 1953; Akram, 1970; Талас, 1978; Мадун, 1982.

[1] Caetani, 1907, с. 831—861.

[2] Butzer, 1957. Н. Шехаде отличает засушливость климата в Иордании в IV — первой половине VII в. [Shehade, 1985, с. 27—28].

[3] Особенно отчетливо это прослеживается по периодичности колебания уровня паводков Нила, о которых имеются для средневековья сведения по каждому году.

[4] Becker, 1912, с. 332; Hitti, 1946, с. 143—144; Lewis, 1966, с. 55; Gabrielli, 1968, с. 107—108. Новейшие работы не отдают предпочтения какой-либо одной причине [Cahen, 1968, с. 22—23; Mac Grow, 1981, с. 67—68; Haarmann, 1987, с. 67—68].

[5] Беляев, 1966, с. 136; Mac Grow, 1981, с. 90.

[6] По данным Ибн Исхака [Халифа, с. 89; Таб., I, с. 2078—2079], Абу Бакр начал подготовку к походу сразу после возвращения из хаджжа; в полном соответствии с этим ал-Балазури сообщает, что войска начали собираться в мухарраме 13 г. х. [Балаз., Ф., с. 108], но, как мы увидим дальше по тексту, первое столкновение арабов с византийцами произошло 4 февраля 634 г. (т. е. еще до хаджжа). Н. А. Медников полагал, что призыв к походу был оглашен во время хаджжа, при большом стечении народа [Медников, 1903, с. 420]. Но такой эпизод, несомненно, запомнился бы современникам. К тому же и факт участия Абу Бакра в паломничестве 12 г. х. сомнителен: есть сведения, что его возглавлял в том году Умар б. ал-Хаттаб или Абдаррахман б. Ауф [Таб., I, с. 2077—2078]. Возможно, конечно, что Абу Бакр совершил малое паломничество в раджабе того же года (11.IX — 10.X 633 г.), тогда сведения Ибн Исхака получат оправдание.

[7] Азди 1, с. 1—3; Азди 2, с. 1—4; И. Асак., т. 1, с. 443—444. Ибн Асакир дает очень характерное для средневековой психологии объяснение решения Абу Бакра: Шурахбил б. Хасана увидел сон, предвещающий победы мусульман; у ал-Азди он видит этот сон после отправки Йазида [И. Асак., т. 1, с. 441; Азди 1, с. 10; Азди 2, с. 14].

[8] Информатор — Абдаллах б. Абу Ауфа, участник присяги при Худайбии (но некоторые знатоки биографий считали, что его первый поход — на Табук); был ранен в битве при Хунайне, впоследствии переселился в Куфу, где умер в 86/705 или 87/705-06 г., пережив всех сподвижников пророка в этом городе [И. Са'д, т. 4, ч. 2, с. 36—37; И. Абдалбарр, с. 349, № 1453].

[9] Таб., I, с. 2960.

[10] Точно установить время фиксации этого сообщения невозможно, так как о человеке, который передавал рассказ Ибн Абу Ауфа, ал-Харисе б. Ка'бе, известно только то, что он в 66/685-86 г. принимал участие в восстании ал-Мухтара [Таб., II, с. 620, 624, 626; Sezgin U., 1971, с. 206]. Судя по тому, что ал-Харис б. Ка'б был информатором Абу Михнафа, можно предположить, что он дожил до конца VII в., когда началось сложение шиитской исторической традиции [Прозоров, 1980, с. 11].

[11] Йа'к., т. 2, с. 149; пер.: Медников, 1897, с. 97.

[12] В тексте ошибочно: *ибн ахӣ*, т. е. племянник.

[13] Азди 1, с. 1—5; Азди 2, с. 1—6; И. Асак., т. 1, с. 443—445. Текст Ибн Асакира и ал-Азди практически идентичен, но у последнего опущен очень важный для оценки ситуации спор Умара и Амра б. Са'ида. В арабском тексте ал-Куфи в этом месте лакуна в несколько страниц, в персидском же переводе изъяты даже намеки на то, что сподвижники пророка встретили предложение Абу Бакра без энтузиазма, кроме того, добавлено, что халиф решил послать войска в Сирию, так как до него дошли известия, что византийцы притесняют местных жителей [Куфи, т. 1, с. 96—97].

[14] И. Са'д, т. 4, ч. 1, с. 70.

[15] Гирс, 1929.

[16] И. Са'д, т. 4, ч. 1, с. 70.

[17] Азди 1, с. 17; Азди 2, с. 21—22.

[18] Азди 1, с. 11—12; Азди 2, с. 16; Пс.-Вак. 2, т. 1, с. 3—4; Таб., I, с. 2089.

[19] По сообщению ал-Мадаини, под командой всех трех амиров было

по 7000 человек [Таб., I, с. 2079], по другой версии — по 7000 было у каждого [Таб., I, с. 2108]; согласно ал-Балазури, при выступлении из Медины у каждого было по 3000, т. е. всего 9000 [Балаз., Ф., с. 108]. Не исключено, что сведения ал-Мадаини и ал-Балазури совпадают, поскольку, как мы знаем, арабские «семь» и «девять» легко перепутать графически, и, следовательно, у ал-Мадаини в оригинале могло быть не «7 тысяч», а «9 тысяч».

[20] Балаз., Ф., с. 108.

[21] О них см.: Noth, 1973, с. 81—84.

[22] В аналогичном наставлении, будто бы данном Усаме б. Зайду, сказано более конкретно: «...которые побрили макушки своих голов и оставили вокруг макушек волосы наподобие повязок» [Таб., I, с. 1850; Медников, 1897, с. 140].

Выстригание волос на макушке было принято в сирийском монашестве (как любезно сообщила Е. Н. Мещерская, существует даже специальная молитва, читаемая при этом обряде). Видимо, в этом наставлении отразилось различное отношение раннего ислама к одиночкам-отшельникам и организованному монашеству, но для времени Абу Бакра такое различение мало вероятно.

[23] Цитата из Корана [IX, 29]; в переводе И. Ю. Крачковского: «...пока они не дадут откупа своей рукой, будучи униженными».

[24] Азди 1, с. 8—9; Азди 2, с. 12. В персидском переводе ал-Куфи упоминание монахов отсутствует [Куфи, т. 1, с. 99]. Совершенно иной и гораздо более пространный текст наставления у Ибн ал-Асира [И. А., т. 2, с. 309—310; пер.: Медников, 1897, с. 413—415].

[25] Азди 1, с. 11—16; Азди 2, с. 16—21. Согласно ал-Куфи, 4000 химйаритов, приведенные Кайсом, были посланы в подкрепление всем амирам [Куфи, т. 1, с. 98].

[26] См.: Lammens, 1910.

[27] Куфи, т. 1, с. 100.

[28] Азди 1, с. 28; Азди 2, с. 34. По другим данным, Хашим прибыл к Абу Убайде с 3000 воинов [Куфи, т. 1, с. 116].

[29] Он принял участие в сражении при Гамрат ал-Арабе [Азди 1, с. 31; Азди 2, с. 38].

[30] «Меньше тысячи и более девятисот» [Азди 1, с. 20; Азди 2, с. 25].

[31] Феоф., т. 1, с. 335—336; Феоф., пер., с. 246; Кривов, 1982, с. 221. Как справедливо полагает Ф. Майерсон, речь идет об отмене субсидий не вообще всем арабам пограничья, как считал Л. Каэтани [Caetani, 1907, с. 1113], а только какой-то части из них, в Южной Палестине или на Синае [Mayerson, 1964, с. 158—161]; на это указывает и незначительная сумма выплат — 2160 номисм (30 литр) в год.

[32] Медников, 1903, с. 431—432; Caetani, 1907, с. 1135—1147. Ф. Мак Гроу Доннер высказывает сомнение в правильности отождествления Гамрат ал-Араб с вади ал-Араба [Mac Grow, 1981, с. 115].

[33] В арабских источниках Дасин или Дасина, у Евтихия — Тадун [Евтих., с. 10]. Л. Каэтани отождествляет его с городищем Хирбет Умм Тадун на карте Западной Палестины К. Кондера и Г. Китченера [Conder, 1884; Caetani, 1907, с. 13] в 12 км восточнее-северо-восточнее Газзы (см. рис. 1). Действительно, начертание Тадун и Дасин в почерке конца VII — начала VIII в. очень близко: داسں и طدں.

[34] Сведения арабских историков, по-видимому, восходят к одному источнику: рассказу Абу Умамы ал-Бахили, которого Абу Убайда послал на помощь Йазиду. Но в процессе перекомпоновки при компиляциях образовались две версии. По одной [Азди 1, с. 44; Азди 2, с. 52; Балаз., Ф., с. 109 (по Абу Михнафу)], сражение с трехтысячным византийским войском под командой шести патрициев, один из которых пал в бою, произошло при ал-Арабе, а затем — второе сражение у Дасина, о котором не сообщается никаких подробностей; по другой [Балаз., Ф., с. 109; Таб., I, с. 2108] — битва с шестью патрициями произошла у Газзы. Вторая версия подтверждается греческими и сирийскими источниками [Феоф., т. 1, с. 336; Феоф., пер., с. 247; Кн. халифов, с. 147—148, лат. пер., с. 114; Мих. Сир., т. 2, с. 413]. Имя погибшего визан-

тийского командующего приводит Феофан; в «Книге халифов» он назван «Бар Йардан» — Сын Иордана; численность отряда Сергия сына Иордана указывает только Михаил Сириец — 5000 пехотинцев.

[35] Кн. халифов, с. 147—148, лат, пер., с. 114.

[36] Там же.

[37] Ф. Майерсон считает, что завоевание Палестины мусульманами началось вторжением Амра б. ал-Аса на Синай через Айлу. Бедуины, недовольные прекращением выплат за охрану дорог, провели мусульман до Фирана. После этого мусульмане будто бы повернули на север, к Газзе [Mayerson, 1964, с. 198]. Даже топографически такое направление похода Амра кажется сомнительным, мы знаем также, что Амр вышел последним, а кроме того, сражением под Газзой руководил Йазид.

Совершенно фантастическую интерпретацию этих событий дает Дж. Глабб: сражение у Дасины, между Айлой и Газзой (!), вел Амр, а Йазид сражался при Гамрат ал-Арабе с Сергием, патрикием Кесареи [Glubb, 1966, с. 132].

[38] Сведения о поражении Халида б. Са'ида очень путанны. Он будто бы вышел из Медины первым и должен был в Тайма прикрывать сбор мусульманских войск в Медине, но, узнав о концентрации арабо-византийской армии у Зиза (или в Мардж ас-Суффар), погорячился и, никого не дожидаясь, напал на нее, потерпел поражение и бежал до Зу-Марвы, где у него отобрали знамя и отдали Йазиду [Таб., I, с. 2081—2082, 2085; И. Асак., т. 1, с. 451—452]. Однако это противоречит несомненному факту нахождения Халида в Медине при сборе войска. Но, видимо, какое-те неудачное сражение в районе Зиза было связано с его именем. Поскольку, по другим сведениям, отряд Абу Убайды (в котором находился Халид) в районе между Зиза и Касталем встретился с арабо-византийским войском [Азди 1, с. 23; Азди 2, с. 29], то естественно предположить, что именно тогда Халид имел неудачное столкновение с противником.

[39] Отряд, составленный из добровольцев, соблазненных заменой заката походом, был прозван «войском замены», и возглавил его Икрима б. Абу Джахл; оно будто бы пришло на помощь Халиду б. Са'иду [Таб., I, с. 2082; Медников, 1897, с 145]. Сведений об этом войске у других авторов я не нашел (повторение сведений ат-Табари см.: И. Асак., т. 1, с. 452). По сведениям же ал-Азди и ал-Куфи, Икрима прибыл в Медину вместе со всеми знатными мекканцами [Азди I, с. 38—40; Азди 2, с. 46—47; Куфи, т. 1, с. 120—123; сходные данные: Пс.-Вак. 1, т. 1, с. 16—17; Пс.-Вак. 2, т. 1, с. 8].

[40] Согласно ал-Азди, по дороге к отряду присоединялись бедуины и численность его достигла 2000 человек [Азди 1, с. 44; Азди 2, с. 51]. Согласно ал-Куфи, 3000 мекканцев прибыли к Амру, когда он уже был назначен амиром, затем подошли Абу-л-А'вар с 1700 суламитами и несколько мелких групп, после чего отряд достиг 6000 [Куфи, т. 1, с. 123]. Если имя Икримы не безосновательно связано с «войском замены», то им должны быть именно эти бедуинские отряды.

Двукратное расхождение в численности отряда Амра б. ал-Аса между различными источниками, может быть, объясняется нередким для ранних арабских источников «феноменом сложения», когда к слагаемым прибавляется их сумма: в данном случае — 500 мекканцев + 400 сакифитов + 1700 суламитов + 300 бану фихр + 200 мурад = 3100.

[41] Азди 1, с. 58—59; Азди 2, с. 68—69; Таб., I, с. 2121.

[42] Подробное описание подготовки таких верблюдов дает А. Мусил. По его словам, содержимого желудка одного верблюда достаточно, чтобы напоить 8—10 лошадей [Musil, 1927, с. 570—571]. Пользуясь его сведениями, можно было бы подсчитать число лошадей в отряде Халида, но данные о числе взятых для этой цели и ежедневно забиваемых верблюдов значительно расходятся: от 20 (5 ежедневно, так как в конце пятого перехода отряд прибыл к водопою) [Азди 1, с. 64; Азди 2, с. 74; Таб., I, с. 2123; И. Асак., т. 1, с. 468, 469] и 25 [Куфи, т. 1, с. 137—138] (возможно, результат обратного расчета: убивали ежедневно пять верблюдов, значит, за все пять переходов —25) до 50 [И. Асак., т. 1, с. 459, 465]. Наименьшие цифры фигурируют в рассказах, восходящих к проводнику Халида, и потому могут считаться

более достоверными, но так напоить можно было не более 50 лошадей. Нельзя исключить, что в отряде имелись и другие запасы воды для лошадей, а «живые цистерны» только восполняли недостаток емкостей для воды. В любом случае далеко не все воины Халида имели боевых коней, а в отряде было около 900 человек (Азди 1, с. 67; Азди 2, с. 77—850 человек, из них 200 из бану баджила и 300 сподвижников пророка; у ал-Балазури [Балаз., Ф., с. 110]—800 или 500); утверждение М. Таласа, что у Халида было 9000 воинов [Талас, 1978, с. 284], совершенно безосновательно.

[43] Азди 1, с. 64; Азди 2, с. 75; Куфи, т. 1, с. 137—138; Таб., I, с. 2123; И. Асак., т. 1, с. 465—466.

[44] Медников, 1903, вклейка между с. 438 и 439. Л. Каэтани повторяет карту Н. Медникова [Caetani, 1907, с. 1214—1215]. Независимо от них этому маршруту отдают предпочтение также М. Мадун [Мадун, 1982, с. 69] и А. Акрам (его выводы известны мне только по ссылкам М. Мадуна). М. Мадун — единственный из известных мне арабских авторов, писавших об этом походе, который не просто пересказывает сведения средневековых историков, а анализирует их. Хотя с топонимическими изысканиями М. Мадуна не всегда можно согласиться, его попытка найти неизвестный отрезок пустынного марша (книга так и называется — «Поход Халида из ал-Хиры на ал-Йармук, или Утраченный путь») вызывает уважение.

Северный маршрут вдоль Евфрата на Арак и Тадмур, правда, без всякого обоснования, указан и у М. Таласа [Талас, 1978, с. 284—299], но на сводной карте «Область походов Халида» маршрут от Тадмура проведен сначала на юг к Бусре, а оттуда через Йармук к Дамаску.

[45] На более позднее завоевание Тадмура и Хувварина Халидом может указывать упоминание подкреплений, пришедших к осажденному Хувварину из Баальбека, Дамаска и Бусры [Азди 1, с. 68—69; Азди 2, с. 78]; при неожиданном нападении Халида (а оно могло быть только таким) подкрепления из городов, расположенных за 100 и даже 200 км (Бусра). не могли подоспеть, более того, под Бусрой в это время стояли мусульманские войска. Единственное, что подтверждает возможность движения Халида севернее Саба Биар — Думейр,— указание на то, что Халид вышел к Гуте не с востока, а через Санийа ал-укаб («Орлиный перевал») [Балаз., Ф., с. 112; Йа'к., т. 2, с. 151; И. А., т. 2, с. 314; ср.: Медников, 1897, указ.: Орлиный перевал], и упоминание Кусама, находящегося в одном дне пути к северу от названного перевала (если Кусам = Cosama, т. е. Набк) [Poidebard, 1934, общая карта],— двигаясь от Набка к Гуте, Халид не мог миновать этот перевал.

Топографически путь Арак — Тадмур — ал-Карйатайн — Хувварин — Набк — ал-Укаб — Гута не вызывает возражений, но противоречит главной задаче похода — как можно скорее дойти до Бусры, а задержка у Тадмура для переговоров с его жителями и затем сражение у Хувварина были бы явной помехой этому. К тому же нет уверенности, что Cosama и Кусам в землях бану машджа'а — одно и то же. В договоре Халида с этим племенем говорится, что ему принадлежит восточная часть земель сакийа Кусам (*сакийа* — обычно колодец с водоподъемным колесом, но может быть также канал или ручей), а западная — «жителям Гуты» [Азди 1, с. 65; Азди 2, с. 76], из чего следует, что Кусам, о котором идет речь, находился к востоку от Гуты. Правда, фиксация прав жителей Гуты заставляет подозревать, что текст, дошедший до ал-Азди, записан п о с л е завоевания Дамаска, но это не влияет на локализацию Кусама.

Наконец, подъем Халида на перевал нигде не упоминается в бесспорной связи с проходом через него из Кусама или Хувварина; а у ал-Азди определенно говорится, что это произошло после взятия Бусры, в начале осады Дамаска [Азди 1, с. 72; Азди 2, с. 83].

Наиболее веский аргумент в пользу того, что Халид подошел к Гуте с востока, дает сообщение Абу Зур'и, что Халид вышел в Сирию через Думейр и Занабу [А. Зур'а, ч. 1, с. 172] (точное местоположение Занабы неизвестно, Йакут знал только, что она в округе Дамаска [Йак., т. 2, с. 724]).

[46] Musil, 1927, с. 555—556. Вслед за Мусилем отдают предпочтение этому маршруту Ф. Хитти [Hitti, 1946, с. 149; Хашими, 1952, с. 52] и Дж. Глабб, но последний посылает Халида из Думат ал-Джандал еще дальше на се-

вер — до Тадмура и только оттуда — на юг к Дамаску [Glubb, 1966, с. 132—136, map XIII]. Он оправдывает этот неимоверно дальний обход примером собственного рейда весной 1941 г. и полагает, что таким образом Халид заставил византийцев, занимавших выгодную позицию на Йармуке, покинуть ее из опасения получить удар с тыла. Любопытно, что другой генерал, Мухаммад Мадун, называет подобный маневр бессмысленным [Мадун, 1982, с. 69].

47 Musil, 1927, с. 572.

48 Йак., т. 4, с. 48—49.

49 Musil, 1927, с. 555.

50 Именно на вади Хауран помещает Куракир А. Акрам (его работа известна мне только по ссылкам М. Мадуна, который воспроизвел карту А. Акрама [Мадун, 1982, с. 69]). Сам М. Мадун не локализовал определенно Куракир («это — пустыня, расположенная к югу от Хиры... а на западе — восточнее-юго-восточнее юго-западной границы Ирака» [там же, с. 28]), а Сӯва̄, по его мнению,— вади Саваб на иракско-сирийской границе [там же, с. 30—31]. Отсюда он прокладывает маршрут Халида на Сохну и Тадмур. С этим трудно согласиться, так как, во-первых, Куракир — какое-то определенное урочище, а не вся пустыня, которая называлась ас-Самава, а во-вторых, слишком фантастично преобразование Сува̄ в Ҫава̄б, в-третьих, как уже отмечено выше, сведения о завоевании Тадмура сомнительны.

51 Азди 1, с. 65, 70; Азди 2, с. 76, 81. О вероятности третьего варианта пути по прямой от Куфы до Пальмиры пишет Ф. Мак Гроу Доннер [Mac Grow, 1981, с. 123].

52 Балаз., Ф., с. 112; Таб., I, с. 2109.

53 Медников, 1903, с. 418—419.

54 В рассказе участника сражения под Бусрой [Азди 1, с. 70; Азди 2, с. 81] не упоминается ни один из этих амиров: пятитысячное войско друнагария будто бы разгромил один только отряд Халида б. ал-Валида, тогда как остальные источники упоминают Абу Убайду, Шурахбила и Йазида. Возможно, что в этом рассказе проявилась обычная аберрация памяти, когда частный эпизод подается как явление общего характера.

55 Балаз., Ф., с. 113; Таб., I, с. 2127, пер.: Медников, 1897, с. 177.

56 И. Асак., т. 1, с. 485.

57 Балаз., Ф., с. 126.

58 Ал-Куфи сообщает, что Халид разослал отряды в различные области, от Химса (Халид б. Са'ид) и Баальбека (Му'аз б. Джабала) до Палестины (Амр б. ал-Ас) [Куфи, т. 1, с. 142]. Кое-что вызывает сомнение: набеги на Химс и Баальбек до взятия Дамаска и городов Северной Палестины мало вероятны, а Амра б. ал-Аса не нужно было отправлять из-под Бусры в Палестину, так как его участие в осаде города не упоминается и он скорее всего не покидал Палестины. Но в то же время отправка Йазида б. Абу Суфйана в ал-Балка подтверждается упомянутым выше сообщением ал-Балазури о завоевании Йазидом после Бусры Аммана, главного города ал-Балка, а мусульманские войска перед Аджнадайном были действительно разбросаны по всей территории Южной Сирии, Иордании и Палестины.

59 По Феофану, Бусра была взята в 632/33 г., но в правление Умара [Феоф., т. 1, с. 336, т. 2, с. 211], а Дионисий Теллмахрский под тем же годом сообщает о поражении персов (так!) под Габитой (Джабией) [Дион., с. 7, пер., с. 6].

60 Феоф., т. 1, с. 336, т. 2, с. 211; у ат-Табари — Таӟа̄рик [Таб., I, с. 2087, 2107, 2125], в подчинении которого находился некий кубуклар, командовавший византийским войском при Аджнадайне и погибший там [Таб., I, с. 2126]; согласно ал-Куфи, командовал и погиб — калафат [Куфи, т. 1, с. 146]; ал-Азди и Псевдо-Вакиди вместо него называют Вардана [Азди 1, с. 76; Азди 2, с. 89; Пс.-Вак. 1, т. 1, с. 72—125; Пс.-Вак. 2, т. 1, с. 27—45].

61 Таб., I, с. 2125.

62 Пс.-Вак. 1, т. 1, с. 74; Пс.-Вак. 2, т. 1, с. 27.

63 Азди 1, с. 72—75; Азди 2, с. 84—88; Куфи, т. 1, с. 143—144. Псевдо-Вакиди излагает события в том же порядке, но в рассказ о нападении на арьергард вводит множество романтических историй о пленении женщин византийцами, о героических подвигах мусульман и пр. [Пс.-Вак. 1, т. 1, с. 91—

101; Пс.-Вак. 2, т. 1, с. 33—36]. Отделить в них преувеличения, имеющие все-таки под собой реальную основу, от совершенной фантазии не представляется возможным. Он сообщает, в частности, что у Абу Убайды было 1000 человек, а у дамаскинцев 6000 кавалерии и 10 000 пехоты (византийские силы явно преувеличены). Ал-Азди сообщает, что у Абу Убайды было 200 воинов [Азди 1, с. 75; Азди 2, с. 88].

64 «В четверг, за 12 [дней], оставшихся до конца джумады первой» [Халифа, с. 88; И. Асак., т. 1, с. 481].

65 Азди 1, с. 81; Азди 2, с. 93; Халифа, с. 87 (по Ибн Исхаку); Йа'к., т. 2, с. 151; Таб., I, с. 2126, 2127 (со слов Урвы б. аз-Зубайра и ал-Мадаини). Ал-Балазури приводит три на первый взгляд совершенно иные даты: понедельник за 12 дней до конца джумады I, второй день джумады II и второй день от конца того же месяца [Балаз., Ф., с. 114]. Последняя дата, несомненно, результат ошибки в номере месяца, а первая дата должна относиться к джумаде II, так как в первом месяце это число приходится на четверг, а во втором — именно на понедельник. Возможно, это — дата прибытия в Медину гонца с известием о победе при Аджнадайне (короткие расстояния в 400—500 км быстроходный верблюд пробегает за 4—5 дней [Hill, 1975, с. 34]; имея возможноость сменить верблюда в пути, гонец вполне мог преодолеть 1100 км от Аммана (см. примеч. 67) или Бейт Джибрина за 11 дней, если выехал из лагеря Халида 2 джумады II утром).

66 Медников, 1903, с. 442—445; Caetani, 1910, с. 24—33 (сводка сведений арабских авторов о местоположении Аджнадайна: с. 24—25); Glubb, 1966, с. 144—146; Mac Grow, 1981, с. 129.

67 Наиболее обычны для ранней арабской историографии графические искажения, здесь же можно предполагать только устное искажение, но переход ал-Джаннабатайн в Аджнадайн представляется сомнительным из-за того, что оба слова имеют четкую этимологию, которая удерживает в памяти форму слова. В правомерности локализации Аджнадайна в Западной Палестине сомневался еще Д. Б. Ханеберг, полагавший, что название может быть переводом, например латинского Präsidium legio [Haneberg, 1863, с. 148], и что Аджнадайн во всяком случае находился восточнее Иордана. Не исключена и еще одна возможность — битва названа не по местности, а потому, что в ней сошлись два многочисленных войска (*аджнадайн* — родительный падеж двойственного числа от *аджнāд* — «войска»), букв. «битва двух многочисленных войск». Того же мнения придерживаются и некоторые арабские ученые [Мазин, 1989, с. 49]. В 66/685 г. под Аджнадайном в Палестине или Сирии (аш-Шам) произошло сражение между войском Абдалмалика и сторонниками Ибн аз-Зубайра [Мас'уди, т. 5, с. 225; Балаз., А., т. 5. с. 158].

68 Glubb, 1966, с. 144, map XVII. Глабб исходил из того, что в тоже время другая византийская армия стояла на Йармуке, а палестинская группа обходила мусульманскую армию с тыла. Но он не знал, что сведения арабских авторов о выходе византийцев на рубеж Йармука в 13 г. х.— анахронизм. М. В. Кривов также верит в сражение при Йармуке в 634 г. [Кривов, 1986, с. 94].

69 Азди 1, с. 72; Азди 2, с. 84. Правда, здесь говорится об угрозе Шурахбилу со стороны Вардана, правителя Химса, который намеревался отрезать Шурахбила, однако впоследствии оказывается, что именно Вардан командует армией, пришедшей к Аджнадайну (ср. выше, примеч. 60).

70 Л. Каэтани считает, что эта численность мусульманских войск тоже преувеличена, поскольку, по его мнению, общая численность мусульман после смерти Мухаммада не превышала 100 000 человек (Caetani, 1910, с. 41). С этим трудно согласиться, ибо формально вся Аравия в 634 г. была мусульманской.

71 Феоф., т. 1, с. 337, т. 2, с. 211; впрочем, сведения Феофана могут относиться к следующему году, так как о сражении в Палестине или южнее Джабии он не упоминает.

72 А. Нот считает, что почти обязательные при каждом описании больших сражений сведения о командовании отдельными частями армий являются данью принятому шаблону и не имеют ничего общего с действительностью

[Noth, 1973, с 101—104]. Для нас в данном случае не так важна достоверность командования того или иного лица, сколько степень достоверности существования подобной системы построения мусульманского войска в первые месяцы завоеваний.

[73] По сведениям Ибн Исхака [Халифа, с. 87], мусульманской армией при Аджнадайне командовал Амр б. ал-Ас. Судя по ссылкам у Ибн Асакира, часть подобных сведений восходит к сыну Амра б. ал-Аса, Абдаллаху [И. Асак., т. 1, с. 482—483].

[74] См. выше, примеч. 60.

[75] Куфи, т. 1, с. 147; Азди 1, с. 79; Азди 2, с. 92. О 3000 убитых византийцев сообщается и у Псевдо-Вакиди [Пс.-Вак. 1, т. 1, с. 113; Пс.-Вак. 2, т. 1, с. 41]. Это, несомненно, остатки подлинных сведений ал-Вакиди, зато далее фантазия поздних переработчиков разыгрывается вовсю и число убитых врагов достигает 50 000 [Пс.-Вак. 1, т. 1, с. 127—128; Пс.-Вак. 2, т. 1, с. 45].

[76] Куфи, т. 1, с. 148.

[77] Пс.-Вак. 1, т. 1, с. 128. В старейшей из известных мне рукописей того же сочинения (СПб.ФИВ РАН, рук. В 603, переписанная в 1372 г., л. 32а) указана та же цифра, в Булакском издании [Пс.-Вак. 2, т. 1, с. 45] —450. Список убитых см.: Caetani, 1910, с. 73—81.

[78] Возвращение мусульманской армии из Аджнадайна сразу же в Дамаск служит дополнительным аргументом в пользу возможности местонахождения Аджнадайна восточнее Иордана: иначе непонятно, почему мусульмане не стали вместо этого осаждать близлежащие города Палестины.

[79] Таб., I, с. 2137.

[80] Там же, с. 2143—2144 — со слов Асмы, жены Абу Бакра; близко по содержанию — Куфи, т. 1, с. 152. По более краткой версии (со слов Аиши), вместе с Талхой пришел Али [И. Са'д, т. 3, ч. 1, с. 196]; во всех других рассказах о передаче власти Умару и ее предварительном обсуждении Али не упоминается.

[81] «Во вторник, когда оставалось восемь ночей джумады второй» [И. Са'д, т. 3, ч. 1, с. 143—144; Халифа, с. 89; Таб., I, с. 2127—2128 и многие другие источники]. Восьмой день от конца этого месяца — вторник 22 джумады II/23 августа 634 г., но так как сутки начинались с заходом солнца, то по современному счету это будет понедельник 21 джумады II/22 августа, а восьмая ночь от конца месяца — ночь между 21 и 22 джумады II. Поэтому арабские авторы сбиваются в датировке: кончина Абу Бакра относится то к понедельнику. то ко вторнику. Что счет велся именно так, подтверждается следующим сообщением: «Скончался Абу Бакр ас-Сиддик вечером ночи вторника, когда оставалось восемь [ночей] джумады второй тринадцатого года, а принял Умар свое халифство во вторник поутру после смерти Абу Бакра» [И. Са'д, т. 3, ч. 1, с. 196]. Почему же, несмотря на очевидность для современников такого счета, кончина Абу Бакра относится к понедельнику? Видимо, из желания подчеркнуть, что он скончался в тот же день недели, что и пророк.

[82] И. Са'д, т. 3, ч. 1, с. 139.

[83] Там же, с. 131.

[84] Ostrogorsky, 1932, с. 301, 295; Большаков, 1984, с. 240.

[85] И. Са'д, т. 3, ч. 1, с. 149.

[86] Там же, с. 152.

[87] Там же, с. 148; Таб., I, с. 2132.

[88] Таб., I, с. 2139.

[89] И. Са'д, т. 3, ч. 1, с. 234.

[90] Азди 1, с. 91; Азди 2, с. 105. О более поздней дате смещения Халида см.: de Goeje, 1864, с. 48—54 и Медников, 1903, с. 480. Ср. ниже, гл. 2.

[91] Медников, 1903, с. 450.

[92] Балаз., Ф., с. 138.

[93] От Аджнадайна — Ибн Исхак [Таб., I, с. 2145—2146, 2155], «шейх Умаййад» [И. Асак., т. 1, с. 499] (сюда же можно отнести сообщение этого шейха со слов его отца, что Аджнадайн и Фихл были при Абу Бакре [И. Асак., т. 1, с. 497]); одни считают — после взятия Дамаска [Халифа, с. 95; Таб., I, с. 2148, 2151], другие — до взятия Дамаска [Азди 1, с. 97—121;

Азди 2, с. 111—139; Куфи, т. 1, с. 176—189; Балаз., Ф., с. 115; Таб., I, с. 2156; И. Асак., т. 1, с. 485].

[94] Абу Убайда [Азди 1, с. 97 и далее; Азди 2, с. 111 и далее; Балаз., Ф., с. 115; Таб., I, с. 2151; Куфи, т. 1, с. 176—189], Шурахбил [Таб., I, с. 2156], Абу Убайда или Шурахбил [Балаз., Ф., с. 116], Амр б. ал-Ас [И. Асак., т. 1, с. 447, 428].

[95] Азди 1, с. 98; Азди 2, с. 112 (затопление упоминается до начала сражения); по ал-Мадаини — затоплена местность у Байсана [Таб., I, с. 2146], по Сайфу — между Байсаном и Фихлем, после сражения у Фихля [Таб., I, с. 2157—2158; И. Асак., т. 1, с. 486].

[96] Таб., I, с. 2157.

[97] Балаз., Ф., с. 115; Таб., I, с. 2145—2146; Азди 1, с. 97—121; Азди 2, с. 111—139.

[98] Балаз., Ф., с. 115.

[99] Халифа приводит две даты: по Ибн Исхаку, битва произошла в зу-л-ка'да 13 г. х. [Халифа, с. 88], а по Ибн ал-Калби — в 14 г. х., «в субботу, когда оставалось восемь ночей зу-л-хиджжа» [Халифа, с. 95]; вариант этой даты приводит ал-Азди: «...в четырнадцатом году, в субботу, когда оставалось восемь ночей зу-л-ка'да, на шестнадцатом месяце правления Умара» [Азди 1, с. 246; Азди 2, с. 272]; совершенно иная дата у ал-Балазури: «...когда оставалось две ночи зу-л-ка'да, через пять месяцев после того, как халифом стал Умар ибн ал-Хаттаб» [Балаз., Ф., с. 115]. Девятый день от конца зу-л-ка'да 14 г. х. (7 января 636 г.) (а именно в этот день остается восемь ночей) действительно приходится на субботу, а в зу-л-хиджжа этот день — понедельник; субботой является также второй день от конца зу-л-ка'да 14 г. х. (но это соответствует одной ночи, остающейся от месяца). Это сражение датируют зу-л-ка'да (но 13 г. х.) также несколько сообщений, приводимых Ибн Асакиром [И. Асак., т. 1, с. 478, 479, 483, 484, 499].

Выпадающая из этого ряда дата — пятнадцатый месяц правления Умара [там же, с. 481], — видимо, является редкой для арабской историографии слуховой ошибкой (вместо *'алā ра'си х̱амсати ашхар* было услышано или запомнилось *х̱амсати 'ашар*, а сроки в днях очень часто приводятся без слова «день»). Начало пятого месяца правления Умара приходится на 22 зу-л-ка'да 13 г. х., соответствуя дате Ибн Исхака.

[100] Балаз., Ф., с. 115. Ал-Азди упоминает лишь 11 павших патрикиев и витязей [Азди 1, с. 119; Азди 2, с. 136]; у ал-Куфи византийцы только в одной атаке теряют 2000 патрикиев и 5000 закованных в латы храбрецов [Куфи, т. 1, с. 193].

[101] Азди 1, с. 123; Азди 2, с. 140.

[102] Балаз., Ф., с. 118.

[103] Таб., I, с. 2108.

[104] Куфи, т. 1, с. 150.

[105] Азди 1, с. 84; Азди 2, с. 96.

[106] И. Асак., т. 1, с. 501, 502.

[107] Балаз., Ф., с. 130—131.

[108] Nöldeke, 1876; Сир. фрагм.; Constantelos, 1973.

[109] Евтих., с. 16—17; пер.: Медников, 1897, с. 264—265.

[110] Медников, 1903, с. 470—471.

[111] Справедливости ради следует отметить, что одного из секретарей Му'авии I, а затем Йазида I и Му'авии II звали Сарджун сын Мансура [Джахш., с. 28; Таб., II, с. 205, 228, 239, 837], по возрасту он мог быть сыном какого-то знатного дамаскинца времени завоевания.

[112] Балаз., Ф., с. 121; И. Асак., т. 2, ч. 1, с. 127; А. Уб., с. 207, № 519. Дата сдачи города: ал-Калби [Халифа, с. 94] — воскресенье в середине раджаба 14 г. х.; ал-Азди [Азди 1, с. 92; Азди 2, с. 106] — «в воскресенье, [когда прошло] тринадцать месяцев правления Умара без семи дней», и воскресенье в середине раджаба [Азди 1, с. 246; Азди 2, с. 272] (эти две даты совпадают день в день); воскресенье 15 раджаба 14 г. х. [И. Асак., т. 1, 513].

[113] По ал-Балазури: с каждого жителя по динару и джерибу зериа [Балаз., Ф., с. 124]; 100 000 динаров сразу и ежегодно — джизья [Куфи, т. 1, с. 160]; по два динара с человека, некоторое количество пшеницы, обязан-

ность ремонтировать мосты и три дня содержать проезжающих мусульман [И. Асак., т. 1, с. 510].

[114] Договор заключает Абу Убайда [Азди 1, с. 91; Азди 2, с. 104; Халифа, с. 94; Йа'к., т. 2, с. 159; Таб., I, с. 2152—2153; И. Асак., т. 1, с. 496, 503, 504, 512]; договор заключил Халид, а с боем ворвался Абу Убайда [Халифа, с. 94 (ал-Валид б. Хишам); Балаз., Ф., с. 121—123; Таб., I, с. 2146; Евтих., с. 15; И. Асак., т. 1, с. 499].

[115] Балаз., Ф., с. 124; И. Асак., т. 1, с. 501, 502, 506, 507, 509, 511.

[116] Балаз., Ф., с. 123.

[117] Согласно ал-Азди, поход на Химс был предпринят после Фихля и Халид на пути к нему на несколько дней останавливался в уже завоеванном Дамаске [Азди 1, с. 126; Азди 2, с. 144; Куфи, т. 1, с. 176—177]. Согласно Ибн Исхаку, договор с Химсом и Баальбеком заключен в зу-л-ка'да 14/17.XII 635 — 15.I 636 г. [Халифа, с. 95], а по другим данным — в 15 г. х. [Халифа, с. 99]. Сайф датирует поход на Химс 16 г. х. [Таб., I, с. 2390—2393], но эти сведения, вероятно, относятся уже к кампании следующего года и вторичному завоеванию Химса.

У Псевдо-Вакиди имеется пространное описание сражения под Баальбеком перед вторым (?!) договором [Пс.-Вак. 1, т. 2, ч. 1, с. 63—89; Пс.-Вак. 2, т. 1, с. 91—101], другое описание см.: Куфи, т. 1, с. 176.

[118] Балаз., Ф., с. 130. В тексте — до джумады I, но в одной из рукописей — джумада II; по смыслу этот вариант предпочтительнее.

[119] О сражении перед городом см.: Азди 1, с. 127; Азди 2, с. 145 (бой у Джусии); Халифа, с. 99; Балаз., Ф., с. 130. Ат-Табари сражение не упоминает, но все сведения об этой осаде носят легендарный характер (например, от клича «Аллах велик» рушатся стены) [Таб., I, с. 2390—2392].

[120] Пс.-Вак. 1, т. 2, ч. 2, с. 12; Пс.-Вак. 2, т. 1, с. 69. Верить этой дате без оговорок нельзя, так как далее излагается рассуждение Абдаллаха б. Джа'фара о том, что ночь полнолуния в этот месяц особенно благословенна, и можно было бы подозревать, что дата притянута именно ради этого высказывания, особенно если учесть, что тут же сообщается, будто эта ярмарка ежегодно происходила после поста, в вербное воскресенье [Пс.-Вак. 1, т. 2, ч. 1, с. 9; Пс.-Вак. 2, т. 1, с. 67]; предположить, что информаторы-мусульмане перепутали великий пост с каким-то другим, нельзя, так как в конце сентября — начале октября больших постов нет. При всех сомнениях в достоверности рассказа приводимая в нем дата хорошо ложится в ряд остальных дат этого периода в том же сочинении; думать о намеренной фальсификации серии дат нет оснований — в других случаях авторы переделок совсем не заботились о снятии противоречий.

[121] Йак., т. 4, с. 39; Димашк., с. 107.

[122] Так в одной из старейших рукописей [Пс.-Вак., рук., л. 58б], в издании Лиса [Пс.-Вак. 1, т. 2, ч. 1, с. 109—110] — 1600 и 135, в Булакском издании [Пс.-Вак. 2, т. 1, с. 114] — 5006 и 235. Это — наглядный пример типов искажений числовых данных.

[123] Таб., I, с. 2391—2392. Это сообщение подтверждает дату ал-Вакиди.

[124] Согласно данным ал-Вакиди, Халид подошел к Химсу в пятницу в шаввале 14 г. х., а договор был заключен в зу-л-ка'да [Пс.-Вак. 1, т. 2, ч. 1, с. 31, 32; Пс.-Вак. 2, т. 1, с. 77]; это подтверждается сведениями Ибн Исхака [Халифа, с. 95] и не противоречит утверждению ал-Азди, что Абу Убайда стоял под Химсом 18 дней [Азди 1, с. 132; Азди 2, с. 149] (этот срок указывается не в рассказе об осаде, а позже, но по логике изложения имеется в виду все-таки стояние под городом до его взятия).

О сумме дани см.: Азди 1, с. 128; Азди 2, с. 146; Халифа, с. 99; Балаз., Ф., с. 130. У ал-Вакиди совершенно иная сумма: 10 000 динаров и 200 парчовых одежд [Пс.-Вак. 1, т. 1, с. 32; Пс.-Вак. 2, т. 1, с. 77],— что это — фантазия или отражение какой-то реальной выплаты, например первый взнос?

[125] Балаз., Ф., с. 131.

[126] Nöldeke, 1876; Сир. фрагм.

[127] Пс.-Вак. 1, т. 2, ч. 2, с. 39—40; Пс.-Вак. 2, т. 1, с. 80.

[128] Азди 1, с. 149, 150; Азди 2, с. 167, 169; Куфи, т. 1, с. 130.

[129] Арабские источники преувеличивают численность византийской армии

в несколько раз. По самой скромной оценке Ибн Исхака, она насчитывала 100 000 человек (в том числе 12 000 армян и 12 000 арабов-христиан) [Халифа, с. 100; Таб., I, с. 2347], у других историков эта цифра превращается в численность каждой из четырех византийских армий [Азди 1, с. 134, 149; Азди 2, с. 152, 167; Куфи, т. 1, с. 230, 247]. По византийским данным, численность ее была от 40 000 [Феоф., т. 1, с. 337] до 50 000 [Сир. фрагм.]. Арабская армия при осаде Дамаска насчитывала уже около 24 000, но значительная часть ее осталась в Палестине и участия в походе на север не принимала.

130 Азди 1, с. 135—137; Азди 2, с. 153—155.

131 Азди 1, с. 137—138; Азди 2, с. 155.

132 Феоф., т. 1, с. 337; т. 2, с. 211.

133 Азди 1, с. 132—143; Азди 2, с. 161.

134 EI^2, vol. 4, с. 360.

135 Балаз., Ф., с. 123; Медников, 1903, с. 470—471; Caetani, 1910, с. 378.

136 Азди 1, с. 142; Азди 2, с. 160.

137 Согласно Сайфу, в начале 13 г. х., вскоре после ухода Халида из Ирака, ал-Мусанна разгромил у Вавилона десятитысячную персидскую армию во главе с Бахманом Джазавайхом (Джадуйе), причем победу обеспечила личная храбрость ал-Мусанны, убившего боевого слона; арабы преследовали бегущих до Ктесифона [Таб., I, с. 2116—2119]. Это сражение многие исследователи описывают как реальное событие [Caetani, 1910, с. 9—11; Glubb, 1966; Колесников, 1982, с. 70], хотя есть серьезные основания сомневаться в его реальности, если учесть ситуацию. Во-первых, непонятно, почему после такой блестящей победы ал-Мусанне пришлось обратиться к халифу за помощью и что могла значить для него тысяча воинов, если он собственными силами смог разгромить десятитысячную армию. Во-вторых, подозрительно совпадение ситуации со слоном в рассказе об этой битве и сражении «у моста» (хотя в последнем в единоборство со слоном вступил не ал-Мусанна). Наконец, в свете этого совпадения подозрительно и то, что в обоих сражениях персов возглавляет один и тот же полководец. Видимо, мы имеем дело не с неверной датировкой этого сражения [Mac Grow, 1981, с. 191], а с вариантом рассказа о битве «у моста» (в котором ал-Мусанна является героем-победителем), сложившимся под влиянием воспоминаний о более поздней победе под Вавилоном, открывшей путь к столице Сасанидов.

138 По версии Сайфа, ал-Мусанна сам прибыл в Медину просить помощи против персов, ходатайствуя о разрешении привлечь племена, опозорившие себя участием в ридде, но раскаявшиеся в этом. Абу Бакр был уже при смерти, и распоряжение о помощи ал-Мусанне было одним из последних его распоряжений. Волю покойного выполнил Умар [Таб., I, с. 2120, 2160]. О послании с просьбой о помощи, доставленном Ибрахимом б. Харисой, сообщается со слов племянника ал-Мусанны [Пс.-Вак., рук., л. 114а]. Другие источники говорят о посылке Абу Убайда без связи с просьбой ал-Мусанны [Халифа, с. 92; Балаз., Ф., с. 250; Динав., с. 118; Куфи, т. 1, с. 162].

139 Таб., I, с. 2159—2166.

140 Точное положение Зандаверда не установлено. Г. Ле Стрендж [Le Strange, 1905] не упоминает его вообще, на карте М. Морони он помещен в 75 км юго-западнее Васита [Morony, 1985, fig. 8], на карте Тюбингенского атласа — на Тигре в десятке километров южнее Васита [TAVO, B VII 2]. Ибн Хурдадбех относит его к астану Шад Сабур провинции Каскар [BGA, 6, с. 7; И. Хурд. пер., с 7], а Йакут [Йак., т. 2, с. 951] говорит, что он находится около Васита.

141 В послании ал-Мусанны Умару сообщалось: «Со мной четыре тысячи всадников из моего племени и бану иджл и хамдан...» [Пс.-Вак., рук., л. 144б]; аутентичность текста весьма сомнительна, но примечательно сходство данных о числе его воинов в разных источниках.

142 По сведениям Сайфа, Абу Убайд прибыл в Ирак через месяц после ал-Мусанны [Таб., I, с. 2166]; по контексту можно предположить, что разумеется «после возвращения сюда ал-Мусанны», но другой источник сообщает, что Абу Убайд узнал о восстании только в Узайбе (35 км южнее Хиры) [Балаз., Ф., с. 250], из чего следует, что Абу Убайд вышел через месяц после отъезда ал-Мусанны из Медины.

[143] По данным ал-Балазури и ат-Табари, Абу Убайд вышел из Медины с 1000 воинов, к которым по пути присоединялись отдельные группы бедуинов, желавших поживиться добычей [Балаз., Ф., с. 250; Таб., I, с. 2164]. Ал-Куфи говорит, что Абу Убайд вышел из Медины с 4000, а в Ираке к нему присоединилась еще тысяча раби'итов [Куфи, т. 1, с. 165]; у ад-Динавари же Абу Убайд вышел с 5000 воинов уже из Медины [Динав., с. 118].

[144] Балаз., Ф., с. 250—252; Куфи, т. 1, с. 165—166; наиболее подробно: Таб., I, с. 2165—2170.

[145] А. И. Колесников полагает, что войско Джалинуса «остановилось на расстоянии одного фарсанга от Сакатийи, в одном из селений округа Барусмы» [Колесников, 1982, с. 73], однако ас-Сакатийа находилась в Каскаре, а округ Барусма — в Среднем Бехкубаде, в 60—70 км севернее Хиры [BGA, 6, с. 8; И. Хурд., пер., с. 7, 8].

[146] Таб., I, с. 2176—2177. Согласно ад-Динавари, командующим был Марданшах и его отряд насчитывал 4000 человек [Динав., с. 118]; возможно, что здесь имеется в виду только одно из подразделений армии. Марданшах командовал одним из флангов при ан-Намарике и вел переговоры с Абу Убайдом при Кусс ан-Натифе [Таб., I, с. 2166, 2178]. По некоторым сведениям, Зу Хаджиб, Марданшах и Бахман — одно и то же лицо [Балаз., Ф., с. 251]. У Халифы (по Ибн Исхаку) Рустам вручает «знамя Кавиев» Зу Хаджибу Бахману, а потом вдруг с этим знаменем появляется Зу Хаджиб Джалинус [Халифа, с. 92]; у ал-Куфи этим войском (80 000 человек) командует Михран, царь Азербайджана [Куфи, т. 1, с. 167]. Из этого следует, что в воспоминаниях участников реальные события и подлинные имена предводителей противника образовывали причудливые сочетания, в которых нам трудно разобраться.

[147] А. Нот считает, что эпизод с переправой — шаблонный сюжет, так как повторяется в нескольких вариантах [Noth, 1973, с. 121], но, как говорилось выше, речь может идти не только о шаблонах, но и о размножении подобных эпизодов при появлении событий-фантомов.

[148] Суббота в конце рамадана 13 г. х. [Балаз., Ф., с. 252], в последний день рамадана или первый день шавваля [Халифа, с. 92], в субботу в рамадане [Динав., с. 119]. Последняя суббота в рамадане приходится на 29-е, т. е. 26 ноября 634 г. По сведениям Сайфа, сражение произошло в ша'бане через 40 дней после битвы на Йармуке [Таб., I, с. 2176], но здесь он совершает двойную ошибку: во-первых, он путает битву при Аджнадайне с битвой на Йармуке, датируя последнюю 13 г. х., во-вторых, битвы при ал-Бувайбе и при Кадисии.

[149] Халифа, с. 92—93; Балаз., Ф., с. 251—252; Динав., с. 118—119; Куфи, т. 1, с. 168—170; Таб., I, с. 2175—2180.

Ф. Мак Гроу Доннер справедливо замечает, что рассказы о боевых действиях ал-Мусанны — своеобразная «Сага об ал-Мусанне», в которой преувеличиваются заслуги племенного героя [Mac Grow, 1981, с. 198].

[150] Таб., I, с. 2180; Халифа, с. 93. По другим данным, он ушел в Уллайс [Балаз., Ф., с. 253] — это позволяет думать, что Уллайс (один из двух) находился в районе Хаффана, а не в районе Эш-Шамии (в 15 км восточнее Куфы), как показывает на своей карте С. ал-Али [ал-Али, 1965].

[151] Таб., I, с. 2182—2183.

[152] Таб., I, с. 2176—2180; Куфи, т. 1, с. 170—171.

[153] Таб., I, с. 2183—2186; согласно ал-Балазури, «треть после хумса» [Балаз., Ф., с. 253], это — явная ошибка, так как халиф мог распоряжаться только хумсом, а не всей добычей, о чем недвусмысленно говорится в другом месте [Таб., I, с. 2197]: «И сказал ал-Мусанна: „...а вам — четверть хумса в дар от амира верующих“» — и далее: «Одарил он баджила в тот день четвертью хумса, разделив между ними поровну, а три четверти отослал» [Таб., I, с. 2199]. М. Шабан почему-то считает это четвертью добычи [Shaban, 1971, с. 47]. Самое странное, что позже у юристов и историков четверть хумса превратилась в четверть Савада, которая будто бы была подарена Умаром баджилитам [А. Йус., с. 37—38; Балаз., Ф., с. 267—268] за то, что они составляли четверть армии, завоевавшей Ирак, но даже при ал-Бувайбе они составляли менее $^1/_{10}$ армии.

[154] Динав., с. 119; Куфи, т. 1, с. 171; Таб., I, с. 2187.

[155] А. И. Колесников [1982, с. 76], опираясь на сведения Бал'ами, говорит о тридцатитысячной армии мусульман, но, как мы видели, у ал-Мусанны после поражения осталось 3000 человек, Джарир привел около 4000 и на месте к нему пришло еще около 1000 человек: даже с учетом присоединения различных мелких групп численность мусульманской армии никак не могла превысить 10—12 тыс. воинов.

[156] Информаторы Сайфа упорно называют правительницей Ирана в 13—14 гг. х. Буран, а не Йездигерда [Таб., I, с. 2168—2169, 2172, 2189 и др.], и у ад-Динавари приказ об отправлении войска Михрана отдает Буран [Динав., с. 120], хотя нет сомнений, что формальным царем был уже Йездигерд. Быть может, следует поверить сообщению ал-Балазури, что «правила Буран, дочь Кисры, пока Йаздиджирд сын Шахрийара не достиг совершеннолетия» [Балаз., Ф., с. 253].

[157] Балаз., Ф., с. 253; Динав., с. 120. Настораживает совпадение с численностью армии при Кусс ан-Натифе, подозрительно и упоминание слонов (правда, в данном случае — три, а не один), которые дальше в рассказе о сражении никак не фигурируют, хотя если бы они участвовали в сражении, то их непременно упомянули бы в какой-то связи; видимо, все это сообщение относится к предыдущему сражению. А. И. Колесников, опираясь на сведения Бал'ами, пишет, что в сражении на ал-Бувайбе слоны возглавляли каждую из трех колонн персов [Колесников, 1982, с. 76], но Бал'ами, видимо, также путает указанные два сражения.

[158] Динав., с. 120; Таб., I, с. 2191.

[159] О возвращении в лагерь после битвы см.: Балаз., Ф., с. 254; о приказе продолжить преследование наутро после боя см.: Таб., I, с. 2198.

[160] Таб., I, с. 2192. Любопытно, что у ал-Балазури раздел трофеев происходит между Джариром и ал-Мунзиром б. ал-Хассаном, командиром другого отряда бану дабба [Балаз., Ф., с. 254]. Видимо, какое-то зерно истины в этом рассказе содержится, а очевидцы помнили только, что вторым претендентом был кто-то из вождей бану дабба.

[161] Таб., I, с. 2193.

[162] Там же, с. 2185; Халифа, с. 98; Glubb, 1966, с. 165, 169. А. И. Колесников видит подтверждение даты ат-Табари в рассказе о разрешении от поста по распоряжению ал-Мусанны [Колесников, 1982, с. 76—77], но этот эпизод без всяких натяжек может быть отнесен к «битве у моста».

[163] Ф. Мак Гроу Доннер считает, что битва при ал-Бувайбе преувеличена бакритами для реабилитации ал-Мусанны и что даже участие его в ней сомнительно, так как он должен был залечивать раны [Mac Grow, 1981, с. 199].

[164] Балаз., Ф., с. 246, 248—249, 254—255; Таб., I, с. 2202—2208.

[165] Ад-Динавари говорит о двухтысячном отряде Утбы [Динав., с. 122], видимо, это и есть общая численность отряда со всеми присоединившимися по пути.

[166] Халифа и ат-Табари относят прибытие Утбы в Басру к одному из месяцев раби' 14 г. х. (25.IV—22.VI 635 г.) [Халифа, с. 96; Таб., I, с. 2378]. Скорее всего это раби' II, так как, по всем данным, Утба был послан после победы над Михраном [Балаз., Ф., с. 341; Динав., с. 122; Таб., I, с. 2378]; если даже сражение при ал-Бувайбе произошло в начале сафара, то для прибытия этого известия в Медину потребовалось бы дней 12, затем никак не менее недели ушло бы на формирование отряда, а от Медины до низовий Евфрата (около 1200 км) большой отряд шел бы не менее 25—30 дней, т. е. прибыл бы не раньше раби' II.

[167] Халифа [с. 96] сообщает, что Умар был разгневан его бездействием и послал из Медины нового амира, который в дороге умер, та же судьба будто бы постигла и посланного в замену умершего из Бахрейна ал-Ала б. ал-Хадрами. Однако этот рассказ представляется надуманным: вряд ли за три месяца могла произойти двукратная смена амиров, к тому же еще погибших одинаковым образом, тем более что Ибн ал-Хадрами был еще жив в 17 г. х. [Таб., I, с. 2546—2548].

[168] Таб., I, с. 2385, 2387.

[169] Там же, с. 2386.

170 Балаз., Ф., с. 342—343; Динав., с. 123—124; Таб., I, с. 2386. По другим данным ат-Табари [I, с. 2388], наместничество Утбы приходилось на 15 г. х.

171 По сведениям Ибн Исхака [Таб., I, с. 2201; то же — Куфи, т. 1, с. 172], Джарир сразу же отказался подчиняться ал-Мусанне, заявив: «Ты — амир, и я — амир», но, как мы видели, в сражении на ал-Бувайбе первенство принадлежало ал-Мусанне и дополнительную долю добычи воинам Джарира выделял он же (см. примеч. 153 к этой главе). Соперничество должно было обостриться после победы и овладения значительной частью Ирака, когда стало что делить и кроме славы. Ал-Мусанна жаловался халифу на непокорность Джарира, но получил ответ, что невозможно назначить его амиром над сподвижником пророка; поэтому в качестве верховного командующего над ними был послан Са'д б. Абу Ваккас [Таб., I, с. 2202]. Впрочем, нельзя исключить и того, что этот ответ — творение баджилитской устной исторической традиции, доказывавшей в противовес бакритам, что их славный предок не был и не мог быть в подчинении у ал-Мусанны.

172 Таб., I, с. 2210.

173 Там же, с. 2211.

174 Там же, с. 2118—2119, 2221. У ал-Куфи эти «четыре тысячи, из которых три тысячи — йеменцы», превратились посредством сложения составляющих частей в «семь тысяч» [Куфи, т. 1, с. 173]. Подобные ошибки нередки у средневековых арабских авторов.

175 Несмотря на сравнительно многочисленные сведения о составе и численности племенных отрядов, присоединявшихся к Са'ду, суммировать их очень трудно, так как сведения различных информаторов неоднозначны и нет уверенности, что одни и те же группы не фигурируют в различных на первый взгляд сообщениях: в одних — суммированно, в других — детализированно.

Так, в одном из сообщений Сайфа говорится, что в войске, вышедшем из Медины, было 2300 йеменцев во главе с Наха' б. Амром [Таб. I, с. 2218], а в другом сообщается, что в этом войске было 600 воинов из Хадрамаута и Садифа, 1300 мазхиджитов, одним из вождей которых был Амр б. Ма'дикариб, и 300 воинов бану суда [Таб., I, с. 2218—2219],— по численности это явно тот же отряд, что и в первом случае. А у ал-Куфи Амр б. Ма'дикариб с 500 воинами приходит в Шараф вместе с Шурахбилом б. Симтом ал-Кинди (700 воинов) и Кайсом б. Макшухом ал-Муради (400 воинов) [Куфи, т. 1, с. 173] — в совокупности получается 1600 человек, практически то же число, что и число мазхиджитов у ат-Табари (правда, киндиты не входили в мазхидж). Вдобавок возникает вопрос: а не являются ли эти 2200 или 2300 йеменцев теми же самыми, что будто бы были посланы Умаром вслед Са'ду?

Определяя общую численность армии Са'да, я исхожу как из приведенного в тексте перечисления подкреплений, так и из сообщения, дающего суммарную численность армии Са'да в 12 000 человек [Таб., I, с. 2222]. Используя эти данные, следует учитывать, что все или почти все цифры в источниках округлены до тысяч и скорее всего в сторону увеличения, поэтому, суммируя такие данные, следует от общей суммы отбросить примерно 10%.

Глава 2

1 Азди 1, с. 159; Азди 2, с. 178—179; И. Асак., т. 1, с. 532—533. Совпадение содержания сообщений двух источников при отсутствии текстуального тождества убеждает в достоверности этого эпизода, отсутствующего в других источниках. Возможно, тот же эпизод в ином оформлении упоминается в «Футух аш-Шам» [Пс.-Вак. 1, т. 2, ч. 2, с. 119—120; Пс.-Вак. 2, т. 1, с. 118—119].

2 И. Асак., т. 1, с. 533.

3 Caetani, 1910, с. 512—513; карта на вклейке между с. 544 и 545. О развалинах Дейр Аййуб см.: Baedeker, 1904, с. 140. В книге М. Таласа [Талас, 1978, схема 21] схема настолько абстрактна, что ее трудно привязать к реальной топографии. Книги Л. Каэтани он или не знал, или не пользовался ею.

4 Согласно ал-Азди, когда Амр б. ал-Ас получил приказ Абу Убайды, то, чтобы скрыть свой уход, пошел к Иерусалиму, разбил лагерь в двух ми-

лях от города и потребовал сдачи города [Азди 1, с. 146—147; Азди 2, с. 164—165]. Логики в подобных действиях нет: если Амр находился под стенами Иерусалима, то зачем ему был нужен этот обманный ход? Ясно только одно — ему пришлось снять осаду, если же этому действительно предшествовало послание горожанам с предложением сдаться, то это может свидетельствовать об успешности осады.

[5] Ибн Асакир приводит несколько вариантов: 1) основная армия, пришедшая из Аравии, насчитывала 21 000 человек (три отряда по 7000), к ним затем присоединились 6000 человек резерва под командованием Икримы и 3000 беглецов из отряда Халида б. Са'ида, Халид б. ал-Валид приходит с 10 000 воинов из Ирака [И. Асак., т. 1, с. 546] — всего 46 000 человек; 2) к основной армии и группе Икримы присоединился только отряд Халида (9000 человек), и общая численность мусульманской армии в Сирии на этом основании определяется в 36 000 человек [И. Асак., т. 1, с. 560]. Есть и другие варианты, но все они сходятся на том, что, так или иначе оперируя разными слагаемыми, стремятся получить одну из этих двух сумм.

[6] Caetani, 1910, с. 41.

[7] Ал-Азди пишет, что у Са'ида б. Амира была одна или две тысячи человек [Азди 1, с. 164, 166; Азди 2, с. 184—186]; Халифа только упоминает его прибытие, не указывая численности подкреплений [Халифа, с. 100]; согласно ал-Куфи, отряд под командованием Амира б. Хизйама (вместо Са'ида б. Амира б. Хизйама) численностью 3000 человек прибыл к Абу Убайде в Дамаск задолго до сражения [Куфи, т. 1, с. 228], а на помощь войску, стоявшему на Йармуке, Умар послал другой, также трехтысячный отряд под командованием Сувайда б. Самита [Куфи, т. 1, с. 233]. В «Футух аш-Шам» Са'ид б. Амир привел в Медину 1000 мекканцев и сакифитов из Таифа и вади Нахла, а в Медине к нему присоединились 6000 йеменцев во главе с Джабиром б. Хаулом ар-Риб'и [Пс.-Вак. 1, т. 2, ч. 2, с. 147—148; Пс.-Вак. 2, т. 1, с. 131].

[8] Азди 1, с. 155; Азди 2, с. 175.

[9] 20 аба 947 г. селевкидской эры [Сир. фрагм.]. По арабским источникам — в раджабе 15 г. х. [Медников, 1903, с. 496], более точно — в понедельник 5 раджаба 15/13 августа 636 г. [Азди 1, с. 246; Азди 2, с. 272; Халифа, с. 100], правда, 13 августа — вторник. Можно предположить, что в последней дате выпало число десятков и следует читать «15 раджаба», тогда можно думать, что дата сирийского источника относится к началу сражения, а вторая — к завершающему дню. Понедельник 23-го числа (6126 г. от сотворения мира =634/35 г.) называет и Феофан [Феоф., т. 1, с. 338]; смущает в этой дате не ошибка в годе (обычная для Феофана и Дионисия), а месяц — лой (26 мая — 24 июня [Wilcken, 1963, с. LVI]) или (по одной из рукописей) — июль, а также то, что 23-е число определено как первый день третьей недели [Кривов, 1982, с. 222], который никак не может быть позднее 15-го. Поэтому дату Феофана следует или отбросить, как считал де Гуе [de Goeje, 1900, с. 108, примеч. 1], или относить к первому столкновению у Джабии.

[10] Сакелларий как главнокомандующий византийцев [Халифа, с. 100; Таб., I, с. 2347]; согласно ал-Балазури, византийцами командовал императорский евнух, т. е. тот же сакелларий [Балаз., Ф., с. 135].

[11] По ал-Азди и Псевдо-Вакиди, правым флангом командовал Му'аз, а по ал-Куфи — Йазид.

[12] Азди 1, с. 203—207; Азди 2, с. 222—226; Пс.-Вак. 1, т. 2, ч. 2, с. 200; Пс.-Вак. 2, т. 1, с. 154. За то, что прорыв был один, говорит конец обоих эпизодов — при контратаке Халида убит византийский военачальник, закутавший голову плащом (в одном случае букинатор, в другом — друнагарий).

[13] Феоф., т. 1, с. 338; Азди 1, с. 203, 207; Азди 2, с. 223, 226; Пс.-Вак. 1, т. 2, ч. 2, с. 200; Пс.-Вак. 2, т. 1, с. 154; Таб., I, с. 2049 («многие румы»), с. 2126 — так убит кубикуларий в битве при Аджнадайне.

[14] Азди 1, с. 203; Азди 2, с. 223; Пс.-Вак. 1, т. 2, ч. 1, с. 201; Пс.-Вак. 2, т. 1, с. 154.

[15] Феоф., т. 1, с. 338.

[16] Азди 1, с. 154—155; Азди 2, с. 174. Согласно Евтихию, правитель Дамаска Мансур, привезший деньги для армии, подошел ночью к лагерю визан-

тийского войска с факелами под звуки труб и барабанов, византийцы решили, что арабы напали с тыла, и бросились бежать [Евтих., с. 14].

[17] Евтих., с. 15.

[18] Куфи, т. 1, с. 270; Пс.-Вак. 1, т. 2, ч. 2, с. 238. Согласно Сайфу, при Йармуке погибло 3000 мусульман [Таб., I, с. 2101], но само сражение отнесено им к 13 г. х.

[19] 70 000 [Балаз., Ф., с. 135; Таб., I, с. 2349]; больше 80 000 упавших в вади и 50 000 во время преследования [Азди 1, с. 207; Азди 2, с. 231]; 100 000 или 105 000 убитых и 40 000 пленных [Куфи, т. 1, с. 269; Пс.-Вак. 1, т. 2, ч. 1, с. 238—239]; 120 000 погибших в Вакусе [Таб., I, с. 2099].

[20] Азди 1, с. 213; Азди 2, с. 237.

[21] Балаз., Ф., с. 123.

[22] Таб., I, с. 2154.

[23] Азди 1, с. 208; Азди 2, с. 231.

[24] Таб., I, с. 2393.

[25] Там же, с. 2394.

[26] Балаз., Ф., с. 147.

[27] Таб., I, с. 2226.

[28] Там же, с. 2227.

[29] Musil, 1927.

[30] Таб., I, с. 2231—2232.

[31] По сведениям Халифы, мусульманские войска стояли около месяца, затем Са‘д послал Зухру в набег, тот встретил Ширзада (в тексте: Шāрзāда) б. Азадбеха в Сайлахине и разгромил его. Ширзад был убит, и арабам досталась богатая добыча — «много украшений и драгоценных камней» [Халифа, с. 101—102].

[32] Noth, 1973, с. 75—77, 109.

[33] Таб., I, с. 2229—2230.

[34] Musil, 1927.

[35] Рустам обращался за помощью к своему брату Биндавану, марзбану Баб ал-Абваба [Таб., I, с. 2251] (он или его тезка был потом убит в сражении [там же, с. 2306]); в сражении участвовали «один из царей Баб [ал-Абваба]» [Таб., I, с. 2296], будущий царь Аррана Джуаншер [Каланкатуаци, пер., с. 95—96] и какой-то Шахрийар или Шахрбараз из Сиджистана [Таб., I, с. 2311; Мас‘уди, т. 4, с. 213].

[36] Сведения арабских авторов о численности обеих армий противоречивы и имеют тенденцию к преувеличению сил противника и преуменьшению размеров арабской армии, что должно было подчеркнуть величие победы. Наиболее скромные данные: арабская армия — 6000 воинов, персидская — 30 000 [Таб., I, с. 2236] (в одном из источников Халифы — 40 000 [Халифа, с. 101]); численность арабской армии от 6000 до 11 000 дают также различные информаторы Халифы [Халифа, с. 101]. Наиболее контрастное соотношение — 10 000 арабов и 120 000 персов [Балаз., Ф., с. 255—256]. На этом основании Л. Каэтани полагал, что арабская армия насчитывала 6000 человек [Caetani, 1910, с. 710], Ф. Мак Гроу Доннер тоже считает, что с обеих сторон действовали незначительные силы [Mac Grow, 1981, с. 205]. Однако даже при самом критическом отношении к сведениям ат-Табари численность войска Са‘да не могла быть меньше 12 000 человек (см. конец гл. 1), в Кадисии к ним присоединились воины ал-Мусанны и Джарира (7—8 тыс.), т. е. арабская армия при Кадисии не могла быть меньше 20 000, а с учетом притока добровольцев, подкрепления из Басры и т. д. вполне могла достигать 25 000.

Согласно независимой от арабских источников армянской исторической традиции, у персов было 30 000 кавалеристов и 10 000 пехотинцев, а у арабов — «многочисленная конница и 10 000 пехоты» [Каланкатуаци, пер., с. 95]. Сходные данные мы находим и в арабских источниках: Са‘д пришел с 20 000, к которым присоединились иракские войска [Динав., с. 125], общая численность армии — 30 или 40 тыс. [Таб., I, с. 2222; Мас‘уди, т. 4, с. 208—209].

[37] Рустам стоял четыре месяца между Хирой и Сайлахином в Дейр ал-А‘вар [Балаз., Ф., с. 255; Динав., с. 125—126].

[38] Таб., I, с. 2256.

[39] Noth, 1973, с. 109.

[40] Таб., I, с. 2267—2268. Об этих предложениях в «Шах-наме» см.: Колесников, 1982, с. 87.

[41] Таб., I, с. 2285; по ал-Балазури, сражение разрослось из стычки мусульманских фуражиров с авангардом Рустама [Балаз., Ф., с. 257—258].

[42] Эту крепость в районе ар-Рухбы (или ар-Рахбы, на наших современных картах — Хан-Рухаба) называют то Кудайс, то Каср Узайб [Таб., I, с. 2232].

[43] Таб., I, с. 2287—2290, 2304; Динав., с. 128. Дж. Глабб считает, что Са'д не участвовал лично в сражении, чтобы лучше со стороны руководить боем [Glubb, 1966, с. 45]. Однако его болезнь отмечена разными информаторами.

[44] Таб., I, с. 2298—2301 — всего в этот день погибло 500 асадитов. Упомянутый здесь Тулайха — Талха б. Халид, претендовавший на пророчество в конце жизни Мухаммада и во время ридды (см. т. 1, с. 184, 192—194, 196).

[45] По одним сведениям, весь отряд состоял из 700 человек [Балаз., Ф., с. 256; Таб., I, с. 2321], по другим — из 6000 человек, а авангард — из 1000 или 300 человек [Таб., I, с. 2321]; у ад-Динавари весь отряд — 1000 человек [Динав., с. 129].

[46] Балаз., Ф., с. 256.

[47] Таб., I, с. 2337—2338. Кроме того, после второго дня было похоронено две или две с половиной тысячи убитых и умерших от ран (неясно только — за два первых дня или только за второй) [Таб., I, с. 2316]. Это опровергает сведения о малочисленности арабской армии. Чтобы избежать этого противоречия, Л. Каэтани предпочитает сведения историка XIV в. аз-Захаби, будто в битве ежедневно гибло только 120—200 человек [Caetani, 1910, с. 710].

[48] Арабские источники сильно расходятся в датировке сражения: от начала 14 г. х. до конца 16 г. х. (ср.: Мас'уди, т. 4, с. 209—210; EI², vol. 5, с. 386). Ат-Табари помещает все рассказы о нем в разделе о 14 г. х.; ал-Балазури относит его к концу 16/637 г. [Балаз., Ф., с. 255—256] (приводимая им там же другая дата — 18 г. х. — совершенно невероятна); Илья Нисибинский относит его к джумаде I 16/31.V—29.VI 637 г. [Илья, с. 132, пер., с. 64]. Полную дату указывает только Халифа (по ал-Мадаини) — понедельник, когда осталось три дня шавваля 15 г. х. = 2.XII 636 г. [Халифа, с. 102], этот день действительно приходится на понедельник, что вызывает доверие к дате; у ат-Табари Са'д обращается к войску перед битвой также в понедельник, но в мухарраме 14/25.II — 26.III 635 г. [Таб., I, с. 2289].

Исследователи также не имеют единой точки зрения: Л. Каэтани датирует сражение весной 637 г. [Caetani, 1910, с. 633], К. Бекер — маем — июнем 637 г. [Becker, 1912, с. 346—347], А. И. Колесников — концом сентября 636 г. [Колесников, 1982, с. 96] и др.

Уточнить дату позволяет сообщение, согласно которому подкрепление из Сирии пришло через месяц после взятия Дамаска [Таб., I, с. 2305], т. е. не раньше середины декабря 636 г. Каланкатуаци, совершенно не зависящий от арабской исторической традиции, сообщает, что битва произошла в рождество (без указания года) [Каланкатуаци, пер., с. 95]. Простудный характер заболевания Са'да также свидетельствует в пользу того, что битва произошла зимой. 25 декабря 636 г. приходится на среду, но это не противоречит сведениям о начале битвы в понедельник, так как может относиться не к первому, а к последнему дню битвы.

[49] Таб., I, с. 2246.

[50] Там же, с. 2419.

[51] Ат-Табари говорит, что арабы стояли на Атике два месяца [Таб., I, с. 2419]; если это так, то вступление в Хиру придется на начало февраля 637 г. или на конец того же месяца (если верить дате Каланкатуаци), но второй вариант расходится с датами последующих событий (см. ниже, примеч. 53).

[52] Таб., I, с. 2426—2428.

[53] По сведениям Сайфа, Селевкия (Бахурасир) была взята в сафаре 16/4.III—1.IV 637 г. [Таб., I, с. 2431, 2434, 2451]; Халифа рассказывает о взятии Ктесифона в 15 г. х., не указывая даты [Халифа, с. 103—104]; ал-Балазури говорит, что Ктесифон был взят через 9 или 18 месяцев после Кадисии

[Балаз., Ф., с. 262], ад-Динавари считает, что Бахурасир взят через 28 месяцев (явная замена *'ашара* = «десять» на *'ишруна* = «двадцать») [Динав., с. 133], и оба отмечают, что арабы дважды ели свежие финики, т. е. прошло два лета. А. И. Колесников, датируя взятие Селевкии, исходит из первой даты ал-Балазури [Колесников, 1982, с. 98] и полагает, что сюда входят два месяца осады, а следовательно, Ктесифон был взят не ранее конца июня. Это совпадает с датой взятия Ктесифона у Ильи Нисибинского — джумада II 16/30.VI—28.VII 637 г. [Илья, с. 132, пер., с. 64] — и не противоречит такому объективному критерию, как паводок Тигра, осложнявший переправу арабской конницы,— уровень паводка одинаков в марте и июне (максимум приходится на апрель — май).

В пользу взятия Ктесифона в сафаре говорит свидетельство Сайфа, что битва при Джалула произошла в начале зу-л-ка'да 16/конце ноября 637 г., через девять месяцев после взятия Ктесифона [Таб., I, с. 2470].

[54] Динав., с. 134; Таб., I, с. 2445.

[55] Таб., I, с. 2436.

[56] Там же, с. 2452—2454. Свою долю Али продал за 20 000 дирхемов (?).

[57] Таб., I, с. 2451.

[58] Как говорилось выше, в сражении под Кадисией погибло не менее 8500 человек. Кроме того, не вернулась в строй часть тяжелораненых. Из оставшихся 10—15 тысяч часть рассеялась по гарнизоиам, но взамен после победы в армию должны были влиться иракские бедуины, не участвовавшие в сражении [Таб., I, с. 2461]. В походе на Джалула участвовало 12 000 человек (это — значительная часть всей армии). Часть оставалась в распоряжении Са'да. Учитывая, что сведения о численности участников сражения под Джалула могут быть преувеличены, мы считаем, что во взятии Ктесифона участвовало около 15 000 человек.

[59] По сообщению Сайфа, все участники завоевания Ктесифона были конниками (*фāрис*), пеших среди них не было, и многие из них имели еще сменных лошадей (*джанā'иб*) [Таб., I, с. 2451]. Если поверить этому, то 12 000×15 000 даст 180 000 000 дирхемов. Если же предположить, что в воспоминаниях очевидцев верно только то, что среди них не было пеших, но, как и всюду, значительная часть воинов была на верблюдах (скажем, $^2/_3$), то 5000 воинов будут иметь право на 12 000 дирхемов (12 000×5000=60 000 000), а 10 000 всадников на верблюдах, которых при разделе добычи приравнивали к пехотинцам,— на 40 000 000. Эти 100 млн. составляют $^4/_5$ всей добычи.

[60] Ат-Табари [I, с. 2461] говорит, что ал-Ка'ка' потребовал выложить дирхемами джериб земли, что составило бы не менее миллиона монет — сумма маловероятная для небольшого района (*тассудж*). У ал-Балазури в аналогичном сообщении говорится о джерибе дирхемов [Балаз., Ф., с. 265], т. е. о мере объема (около 50 л ≈100 000 дирхемов).

[61] Таб., I, с. 4226—4227.

[62] Командующий — Михран ар-Рази [Таб., I, с. 2457, 2463, 2473; Пс.-Вак. 2, т. 2, с. 179], Хурразад б. Хурмихр [Халифа, с. 107], Хурразад б. Хурмуз [Динав., с. 133], Хурразад, брат Рустама (т. е. Хурразад б. Фаррухзад) [Балаз., Ф., с. 264]; у ат-Табари Хурраз б. Хуррхурмуз — командующий конницей в армии Михрана [Таб., I, с. 2462]; у ал-Куфи [т. 1, с. 273] — Хурразад сын Вахруза — командующий правым флангом, а Хурмузан — командующий центром. Различаются и герои сражения с мусульманской стороны: у ал-Куфи — Амр б. Ма'дикариб и Джарир б. Абдаллах, у ат-Табари и ад-Динавари — ал-Ка'ка' б. Амр.

[63] Таб., I, с. 2456.

[64] Куфи, т. 1, с. 271—272; Таб., I, с. 2456—2461.

[65] Таб., I, с. 2474.

[66] Там же, с. 2470. Ат-Табари отмечает, что это сражение произошло через 9 месяцев после занятия Ктесифона. Халифа (со ссылкой на Сайфа) относит битву к 17 г. х. [Халифа, с. 108].

[67] Таб., I, с. 2462; Динав., с. 135.

[68] Таб., I, с. 2459—2460; по данным Халифы [с. 108], добыча в Джалула была разделена на 3000 долей!

[69] Таб., I, с. 2473.

[70] Там же, с. 2499—2504; Ю. Веллхаузен, отрицающий почти всякую достоверность сообщений Сайфа, считает, что эпизод с выступлением византийцев выдуман, чтобы показать, что сирийцы не могли обойтись без помощи иракцев [Wellhausen,1899, с. 85—87]. Однако сходное сообщение есть у ал-Балазури [Балаз., Ф., с. 149], оно не датировано, но ясно, что описываемые события происходили после завоевания Халеба и до сдачи Иерусалима.

[71] De Goeje, 1900, с. 137; Медников, 1903, с. 510—511.

[72] Азди 1, с. 238—239.

[73] Конкретные случаи могут быть и не связаны с этой поездкой. Рассказ о том, как Умар увидел недоимщиков, выставленных на солнцепек [А. Йус., с. 46; Азди 1, с. 238; Азди 2, с. 260], не может быть связан с поездкой в Сирию, так как она приходилась на зимнее время.

[74] Таб., I, с. 2522—2523.

[75] Балаз., Ф., с. 190. В тексте говорится, что они вышли с мечами и бубнами. Возможно, это какой-то отголосок торжественных шествий военизированных организаций горожан.

[76] Таб., I, с. 2402. *Йаламак* означает и кольчугу, и шапочку, носимую под шлемом (ср. рус. *яломок*). Ср.: Медников, 1897, с. 1794.

[77] Азди 1, с. 229; Азди 2, с. 253.

[78] Йа'к., т. 2, с. 168.

[79] Фас., с. 465. У ал-Азди — *джарибайн* («два джериба») [Азди 1, с. 232; Азди 2, с. 253].

[80] Округа, на которые административно делилась Сирия. Амир джунда был одновременно и командующим войсками соответствующего округа. В первые годы слияние этих двух функций было полным.

[81] Фас., с. 464. Начало этого сообщения в более подробной форме приводится у Ибн Абдалхакама с несколько иным иснадом. Курайб отвечает, что присутствовал при речи, но был маленьким ребенком и не помнит, а Суфйан был уже взрослым,— рассказ о речи отсутствует [И. Абдх., с. 113; И. Абдх., пер., с. 134—135]. Ситуация, сопутствующая рассказу, вызывает доверие к рассказчику.

[82] *Сақӣмихā ва барӣ'ихā*. В тексте ан-Нувайри, которым до издания всего текста ат-Табари пользовался Н. А. Медников, вместо этого стоит *муқӣмихā ва баррӣйихā* («находящихся на месте и тех, кто снаружи»). Поэтому он переводил: «тем, кто живет в городе, и тем, кто живет за городом» [Медников, 1897, с. 1205].

[83] *Луṣӯṣ*. Вероятно, имеются в виду не обычные грабители, а представители городских вооруженных организаций — «димов» (см. т. 1, с. 19).

[84] Имеется в виду, что за их отъезд не пострадают церкви, прихожанами которых они были.

[85] В тексте: *ķабла маķтали фулāн* («до убиения имярек»). *Фулан* могло появиться при переписках, когда переписчик не понял имени или не счел нужным его вписать, но непонятна связь с убийством какого-то лица. Предложить разумную конъектуру не удается.

[86] Таб., I, с. 2405—2407.

[87] Конечно, ни о какой постройке даже самого примитивного здания за несколько дней не могло быть и речи. Даже в 670 г., по описанию европейского паломника Аркульфа, мечеть представляла собой полуруину, в которой балки перекрытия лежали на остатках древних стен.

[88] По данным ал-Азди [Азди 2, с. 261] (в издании Лиса это место отсутствует), Умар вошел в город во вторник и покинул его в пятницу после молитвы. В «Футух аш-Шам» [Пс.-Вак. 2, т. 1, с. 182] говорится о десяти днях пребывания в Иерусалиме. Возможно, что в этих источниках по-разному сообщается об одном и том же: ведь вариант ал-Азди допускает, что Умар оставался не до первой пятницы (4 дня), а до следующей, т. е. 11 дней.

[89] Таб., I, с. 2208.

[90] De Goeje, 1900, с. 155—156.

[91] Таб., I, с. 2479. Ат-Табари относит описываемые здесь события к середине 637 г. (раджаб 16 г. х. = 29.VII—27.VIII 637 г.), но отмечает, что они произошли после битвы при Джалула, которая закончилась в ноябре 637 г.

(см. выше). Поэтому я предполагаю, что наступление, о котором говорится здесь, приходится на период после того, как Халид был в Джабии и подписывал договор с Иерусалимом.

92 Таб., I, с. 2478—2479.

93 Балаз., Ф., с. 149 — сообщение не датировано, но логически оно связано с событиями, описываемыми у ат-Табари.

94 Таб., I, с. 2499—2504. Эти сообщения вызывают большие сомнения, так как в них очевидно желание информаторов показать, что сирийцы не могли справиться с противником без помощи иракцев. Ал-Балазури не упоминает каких-либо подкреплений со стороны Ирака.

95 Балаз., Ф., с. 146.

96 Курбатов, 1971, с. 111.

97 Балаз., Ф., с. 147. В одном из вариантов сообщается о разделе пополам домов и церквей, но это так же неверно, как и сведения о разделе домов и церквей при завоевании Дамаска, о чем говорилось выше в этой же главе.

98 Феофан, даты которого для этого периода ошибочны [Кривов, 1982, с. 218—219], относит завоевание Антиохии к 6129 г. от сотворения мира (636/37 г. н. э.); если учесть, что сдача Иерусалима у него датирована 6127 г. (634/35 г. вместо 637 г.), а смерть Ираклия — 6132 г. (639/40 г. вместо 641 г.), то интересующая нас дата скорее всего будет соответствовать 638/39 г. У ал-Балазури и ал-Йа'куби даты завоевания Антиохии нет, а у ат-Табари оно вообще не упомянуто. Халифа относит его к 16/637 г. [Халифа, с. 105].

99 Пс.-Вак. 1, т. 2, ч. 3, с. 133; Пс.-Вак. 2, т. 2, с. 26. Любопытно, что византийский военачальник, противостоящий арабам, называется здесь Валентином, как и военачальник, атаковавший арабов в 643 г. [Дион., с. 7, пер., с. 6]. Что это — имя реального лица, приложенное к легендарному персонажу, действующему в другое время и в других обстоятельствах, или один и тот же человек?

100 Несомненно, что сам текст письма Абу Убайды Умару, в котором сообщается эта сумма, недостоверен.

101 Балаз., Ф., с.149.

102 Пс.-Вак. 1, т. 2, ч. 3, с. 138; Пс.-Вак. 2, т. 2, с. 29.

103 По-видимому, со времени пребывания Умара в Джабии Сирия и Палестина были разделены на четыре самостоятельных наместничества (сообщения об изначальном, еще при Абу Бакре, разделе сфер правления в этом регионе скорее всего отражают более позднюю ситуацию, когда обширность завоеванных земель потребовала разделения его на несколько областей).

104 «Меч Аллаха Халид ибн ал-Валид, витязь бану махзум, без сомнения является самым блестящим полководцем, который появлялся когда-либо в течение тысячи лет, пока не пришел Наполеон Бонапарт» [Талас, 1978, с. 11].

105 Таб., I, с. 2527.

106 И. Абдалбарр, с. 691, № 3033. Этот же рассказ в сокращенной форме см.: Таухиди, т. 2, с. 101. Оба относят это заявление Умара ко времени пребывания его в Джабии, что вызывает сомнение, так как ни в одном из сообщений о пребывании Умара в Сирии не упоминается смещение Халида (всюду Абу Убайда оказывается уже главой мусульман), более того — он первым засвидетельствовал договор с Иерусалимом. Несколько иной вариант этого рассказа в «Футух аш-Шам» переносит действие в Медину, причем в соответствии с распространенным убеждением историков относит смещение к моменту прихода Умара к власти [Пс.-Вак. 1, т. 1, с. 15—16; Пс.-Вак. 2, т. 1, с. 66].

107 Таб., I, с. 2528.

108 Там же, с. 2149, 2527.

109 У Ибн Са'да раздел с биографией Халида дефектен — нет начала и конца [И. Са'д, т. 4, с. 1—3].

110 Балаз., Ф., с. 164; по другим данным, первым был набег Майсары в 20/641 г. [Таб., I, с. 2594].

111 Это — наиболее вероятная последовательность. О противоречивых сведениях источников см.: Медников, 1903, с. 624—631.

112 Таб., I, с. 2577, 2524; у Халида б. ал-Валида умерло 70 родственников [И. Кут., М., с. 136].

113 И. Са'д, т. 3, ч. 1, с. 223—231; Таб., I, с. 2513—2514.

[114] Ибн Са'д говорит о присылке продовольствия из Египта на 20 судах [И. Са'д, т. 3, ч. 1, с. 227], но из такого же числа судов состоял первый караван судов из Египта, прошедший по каналу в Красное море [Йа'к., т. 2, с. 177].

[115] И. Са'д, т. 3, ч. 1, с. 233.

[116] Там же, с. 223. О возможной датировке начала голода и чумы см.: Медников, 1903, с. 619—620.

[117] Таб., I, с. 2479.

[118] Феоф., т. 1, с. 340; Мих. Сир., т. 2, с. 426; по сведениям Агапия, префекта Осроены звали Павлом [Агап., с. 476]. По хронологии Феофана, договор заключен за год до взятия Антиохии и за два — до взятия Эдессы.

[119] Балаз., Ф., с. 172; Феоф., т. 1, с. 340; Мих. Сир., т. 2, с. 340; Агап., с. 477.

[120] Балаз., Ф., с. 173.

[121] Там же, с. 174.

[122] Единственный источник сведений об этом — «Футух Дийар Бакр» Псевдо-Вакиди [Пс.-Вак. 2, т. 2, с. 132—137]. Кровопролитность сражения под Рас ал-Айном, несомненно, эпически преувеличена (80 750 убитых врагов ислама), но дата не могла быть выдумана, следует только вместо 17 г. х. читать 19 г. х., за сумму же дани поручиться нельзя.

[123] Кн. халифов, с. 148, лат. пер., с. 114. Дата 947 г. селевкидской эры (635/36 г.) явно неверна.

[124] Дион., с. 7, пер., с. 6.

[125] Тер-Гевондян, 1977, с. 23—26. Там же указан обширный круг источников.

[126] Тер-Гевондян, 1977, с. 25.

[127] А. Н. Тер-Гевондян считает, что Ийад перевалил через Тавр и завоевал Бидлис и Хлат осенью 640 г., ссылаясь на ал-Балазури, но у того определенно говорится, что Дара, Карда и Базабда заключили договоры, «и пришел к нему битрик аз-Завазана и заключил с ним договор относительно своей земли на условии выплаты дани, и все это — в девятнадцатом году и в дни мухаррама двадцатого года. Затем он пошел на Арзан и завоевал его на условиях [договора с] Нисибином и вошел в горный проход и достиг Бидлиса...» [Балаз., Ф., с. 176]. Мухаррам 20 г. х. приходится на самый разгар зимы, поэтому трудно предполагать, чте арабы решились в это время входить в горы.

[128] Тер-Гевондян, 1977, с. 23—24.

[129] Там же, с. 125; Балаз., Ф., с. 176.

[130] Себеос, пер., с. 92—93; Тер-Гевондян, 1977, с. 25—26; Дион., с. 7, пер., с. 6; Гевонд, пер., с. 5—6.

[131] Дион., с. 7, пер., с. 6—7.

[132] Балаз., Ф., с. 178—179.

[133] Пс.-Вак. 2, т. 2, с. 110.

Глава 3

[1] Таб., I, с. 2377—2387.

[2] Там же, с. 2388. В другом месте говорится, что Умар разрешил Утбе совершить хаджж после завоевания Ахваза [Таб., I, с. 2550].

[3] Согласно Сайфу, военные действия, о которых рассказывается у ат-Табари в разделе о 17 г. х., происходили при Утбе (с оговоркой, что некоторые относят их к 16 г. х.) [Таб., I, с. 2534—2541].

[4] Балаз., Ф., с. 343—344; Таб., I, с. 2386.

[5] И. Са'д, т. 4, с. 342; Куфи, т. 1, с. 265; И. Абдалбарр, с. 259.

[6] Таб., I, с. 2223—2224, 2350. Согласно этим сведениям, Мугира пришел в Басру с отрядом в 500 человек, поэтому можно думать, что это те же люди, с которыми он пришел из Медины.

[7] Если Мугира действительно был ранен в глаз при Йармуке, то не смог бы сразу же после того отправиться к Са'ду б. Абу Ваккасу. Не исключено, что он участвовал только в одной из двух великих битв.

[8] Халифа, с. 105.

[9] По другим сведениям, Хурмузан советовался с Йездигердом об отъезде в Ахваз после бегства последнего в Кумм [Динав., с. 136—137].

[10] Сайф приписывает победу над Хурмузаном Хуркусу б. Зухайру ас-Са'ди, присланному халифом на помощь [Таб., I, с. 2541].

[11] Таб., I, с. 2534—2545.

[12] Там же, с. 2545—2550 (по Сайфу). Согласно этим сведениям, Умар был разгневан самоуправством ал-Ала, пославшим арабов через море вопреки его запрещению, а по данным ал-Мадаини [Халифа, с. 96], Умар в 14 г. х. послал ал-Ала в Басру на место Утбы, который тянул с завоеванием Убуллы, но он умер по дороге в Басру.

[13] Таб., I, с. 2550.

[14] И. Абдалбарр, с. 259.

[15] Таб., I, с. 2531.

[16] Ат-Табари отмечает: «...а Абу Бакра осуждал его за все, что исходило от него» [Таб., I, с. 2530]; у ал-Балазури причиной указывается благочестивость Абу Бакры [Балаз., А., т. 1, с. 490, № 990]. Отношения между Абу Бакрой и Мугирой могли быть достаточно сложными: первый был из рабов, от матери-персиянки с дурной репутацией, второй — чистокровный араб-сакифит из того же Таифа; кроме того, Абу Бакра был приближенным предыдущего наместника, Утбы, женатого на его единоутробной сестре.

[17] Балаз., А., т. 1, с. 490—492; Балаз., Ф., с. 344—345; Таб., I, с. 2029—2033.

[18] Халифа, с. 106—107; Таб., I, с. 2546—2563.

[19] Халифа, с. 113.

[20] Таб., I, с. 2553.

[21] Балаз., Ф., с. 385; Куфи, т. 2, с. 11; Таб., I, 2552—2553.

[22] Ал-Куфи сообщает, что Хурмузан запросил помощи у Йездигерда III и тот прислал ему четыре отряда по 10 тысяч вдобавок к 25 000 у самого Хурмузана [Куфи, т. 2, с. 9—10]; эти цифры совершенно неправдоподобны — сам царь в это время не располагал такими силами.

[23] Сир. хрон., с. 36—37; Сир. хрон., пер., с. 76—77.

[24] Балаз., Ф., с. 382.

[25] Таб., I, с. 2565, 2567.

[26] Балаз., Ф., с. 379; Куфи, т. 2, с. 7; у ат-Табари упоминается имя, но отсутствует рассказ о трагической ошибке.

[27] Балаз., Ф., с. 378; Куфи, т. 2, с. 7—9; Таб., I, с. 2566— 2567; Сир. хрон., с. 37; Сир. хрон., пер., с. 77.

[28] Халифа, с. 117; ад-Динавари говорит о присылке ан-Ну'мана б. Муккарина с 1000 воинов [Динав., с. 137], а у ат-Табари командующим назван Абу Сабра, на помощь которому Умар присылает Абу Мусу (!) [Таб., I, с. 2553].

[29] Большинство источников говорит об одном человеке, но у ат-Табари упоминаются трое: тот, кто выстрелил со стены стрелой с письмом, кто провел по каналу и кто открыл ворота [Таб., I, с. 2556]. Очень правдоподобный рассказ об этом есть в петербургской рукописи Псевдо-Вакиди (В 603, л. 174 б).

[30] Куфи, т. 2, с. 23—25; Таб., I, с. 2557—2560.

[31] Динав., с. 140.

[32] Халифа, с. 119.

[33] Там же, с. 114; Балаз., Ф., с. 382.

[34] По сведениям ат-Табари, после падения Суса отряд Сийаха вышел из Калбании и встал между Рамхурмузом и Тустаром [Таб., I, с. 2562].

[35] IMAG, с. 386.

[36] Балаз., Ф., с. 374; Таб., I, с. 2562—2563.

[37] Балаз., Ф., с. 386. Согласно ат-Табари, ал-Ала б. ал-Хадрами в 17/638 г. вопреки воле Умара переправился с войском из Бахрейна в Фарс и пошел на Истахр, но потерпел поражение и был отрезан от судов, после чего стал пробиваться по суше к Басре. Навстречу ему Утба б. Газван выслал большой отряд, который разгромил персов, возглавляемых Шахраком, и вызволил товарищей [Таб., I, с. 2546—2549].

[38] Место высадки указывает на то, что захваченный перед этим, как плацдарм, остров не Кешм, а Харак (Харк) около Тавваджа.

[39] Сихаб (Сахаб) упоминает только Абу-л-Хасан ал-Мадаини [Халифа, с. 113; И. Абдалбарр, с. 120, № 472] (нет и в справочнике П. Шварца [IMAG]). Арабской буквой *сад* арабы нередко передавали отсутствующий в арабском звук «ч» (например, Чаганийан/Саганийан), конец слова явно соответствует персидскому *аб* («вода»), не скрывается ли за этим искаженное в устной передаче Чахараб («четыре воды», «четыре реки»). Согласно ал-Балазури, битва «произошла в Ришахре в области (букв. «земле») Сабура, которая около Тавваджа» [Балаз., Ф., с. 387]. У ат-Табари в разделе о 23 г. х. описывается, несомненно, то же самое сражение: оно произошло в трех фарсахах от Ришахра, Шахрак был убит в бою, в сражении принял участие сын Шахрака [Таб., I, с. 2697—2698] (согласно ал-Балазури, он сразил в бою убийцу отца). Отчество Шахрака: сын Йасхара (Йсхр) [Халифа, с. 113] или сын Махака [Куфи, т. 2, с. 72]. А. И. Колесников принимает неверную датировку ат-Табари и считает 23 г. х. началом нового этапа завоевания Фарса, отмечая, что «изложение Балазури не противоречит этому» [Колесников, 1982, с. 122], хотя, по данным ал-Балазури, Таввадж был завоеван в 19 г. х. [Балаз., Ф., с. 386].

[40] Таб., I, с. 2698—2699. В этом рассказе также имеются эпические преувеличения, вроде того, что ал-Хакам приказал своим воинам завязать глаза чалмами или зажмуриться, чтобы не слепил блеск брони вражеского войска.

[41] Халифа, с. 113—114.

[42] Балаз., Ф., с. 386. Халифа в разделе о 19 г. х. говорит, что после сражения при Сихабе «...поселились они в Таввадже и построили там жилища» [Халифа, с. 113], но это просто логическое продолжение рассказа о сражении, а не точная хронологическая привязка.

[43] Халифа, с. 133.

[44] Эти сведения заимствованы из работы А. И. Колесникова, находящейся в печати, на которую автор любезно разрешил сослаться.

[45] Куфи, т. 2, с. 31.

[46] Таб., I, с. 2606—2608.

[47] Там же, с. 2616. А. И. Колесников полагает, что в этом случае Умар обратился за помощью «к вождям местных арабских и иранских племен, населяющих пределы Хузистана и Фарса» [Колесников, 1982, с. 109]. Однако в тексте сказано: «Написал Умар Сулма ибн ал-Кайну, и Хармале ибн Мурайту, и Зирру ибн Кулайбу, и ал-Муктарибу ал-Асваду ибн Раби'е, и *куввадам* Фарса, которые были между Фарсом и ал-Ахвазом». Сулма и Хармала — военачальники из племени бану ханзала, обитавшего между Басрой и Бахрейном, Зирр — из бану фукайм, обитавших между Меккой и Йеменом, а под *куввад* Фарса могут подразумеваться как мусульманские начальники, стоявшие в западных районах Фарса, так и предводители иранских отрядов, перешедших на сторону арабов. Неверно и его утверждение, что мусульманская армия из Ирака наступала через Хузистан [там же].

[48] Исчерпывающий анализ одной из версий повествования о битве при Нихавенде проведен А. Нотом [Noth, 1968; Noth, 1973, с. 186—187].

[49] Таб., I, с. 2619. По ад-Динавари, получается, что персы стали лагерем п о с л е прибытия мусульман [Динав., с. 143].

[50] Халифа, с. 120—122; Балаз., Ф., 303—308; Куфи, т. 2, с. 31—59; Таб., I, с. 2596—2626.

[51] Динав., с. 143—144.

[52] Куфи, т. 2, с. 58—59.

[53] Таб., I, с. 2633.

[54] Там же, с. 2634—2635.

[55] Динав., с. 145—146 (в форме Нухайриджан); Таб., I, с. 2627.

[56] Халифа, с. 123—124; Балаз., Ф., с. 308.

[57] Таб., I, с. 2649; согласно Халифе, Хамадан завоеван в 22/643 г. Хузайфом [Халифа, с. 124] или в раби' или джумаде I 24/феврале—марте 645 г. [Халифа, с. 131], это подтверждает один из информаторов ат-Табари: «джумада I в начале шестого месяца после убийства Умара» (в действительности — начало пятого месяца) [Таб., I, с. 2650]; ал-Куфи приписывает завоевание Хамадана Урве б. Зайд ал-Хайлу [Куфи, т. 2, с. 62—64].

[58] Абан будто бы взял личную печать царя и, составив от его имени дар-

ственные «на все, что ему нравилось», скрепил их этой печатью [Таб., I, с. 2681].

[59] Таб., I, с. 2875. А. И. Колесников соединил рассказ о коварстве Абана с предложением правителя Табаристана и получил несуществующее сообщение о том, что правитель Табаристана получил у Йездигерда печать, чтобы поставить ее на грамоту о пожаловании титула испехбеда [Колесников, 1982, с. 136].

[60] Куфи, т. 2, с. 62—68; Таб., I, с. 2650—2656.

[61] Балаз., Ф., с. 317—318.

[62] Куфи, т. 2, с. 64—66.

[63] Таб., I, с. 2654—2655.

[64] Халифа, с. 124—125.

[65] Таб., I, с. 2650.

[66] Там же, с. 2638—2644.

[67] Балаз., Ф., с. 311—313; Куфи, т. 2, с. 68—71. Согласно ат-Табари, падуспан с 30 лучшими стрелками вышел из осажденного города, предложил Абдаллаху б. Будайлу выйти на поединок и победил его, а затем предложил ему сдать город по договору [Таб., I, с. 2639]. У ал-Балазури падуспан с 30 лучниками бежит из города, Абдаллах настигает его и происходит поединок с тем же исходом [Балаз., Ф., с. 312]. Этот рассказ имеет отчетливую фольклорную окраску. Доверие вызывает только версия ал-Куфи, согласно которой Абдаллах пустился в погоню и не догнал падуспана, а покинутые правителем исфаханцы вынуждены были сдаться.

[68] Балаз., Ф., с. 321—322.

[69] Там же, с. 325—326; Халифа, с. 124—125.

[70] Таб., I, с. 2635.

[71] Там же, с. 2661—2662.

[72] Халифа, с. 135.

Глава 4

[1] И. Абдх., с. 56—58; И. Абдх., пер., с. 76—78; Балаз., Ф., с. 212.

[2] И. Абдх., с. 53; И. Абдх., пер., с. 74.

[3] Mayerson, 1964, с. 194—199.

[4] И. Абдх., с. 57; И. Абдх., пер., с. 77.

[5] Wilcken, 1963, с. 75—76.

[6] Эти сведения А. Батлер заимствует из Псевдо-Вакиди; к сожалению, иных сведений о данном этапе похода Амра у нас не имеется.

[7] Йакут помещает крепость в районе ал-Макса, соответствующего Булаку [Йак., т. 1, с. 98].

[8] И. Абдх., с. 61; И. Абдх., пер., с. 82.

[9] Butler, 1902, с. 218, 234.

[10] А. Зотанбер [Иоанн, с. 434, примеч. 1] считает, что это — Иоанн Барка, упоминаемый в «Бревиарии» Никифора, который был назначен императором стратигом Египта и погиб в бою с арабами. Сменивший его Марин также потерпел поражение и едва спасся [Никифор, пер., с. 358]. Иоанн Никиуский не знает Марина, у него в качестве главнокомандующего выступает Феодор.

[11] Понимание текста затруднено тем, что неясно местоположение Абоита, где был убит Иоанн и куда был направлен Леонтий. Издатель отождествляет его с Бувайтом около Асйута [Иоанн, с. 555, примеч. 2]; однако Йакут упоминает еще Бувайт около Бусира Куридос [Йак., т. 1, с. 760, 765—766]. Упоминание ал-Бахнаса, которая была разграблена арабами, можно объяснить ошибкой переводчика с арабского, спутавшего ее с Ахнасом. Тогда будет понятно, почему Доменциан подвел отряд, стоявший в Абоите, оставив Файйум [Иоанн, с. 559], а также почему Феодор, находившийся в районе Файйума, узнал о смерти Иоанна от Феодосия, находившегося в Никиу [Иоанн, с. 454—456].

[12] И. Абдх., с. 61; И. Абдх., пер., с. 82.

[13] Доказательством служит замечание, что эти полководцы прибыли, чтобы дать бой арабам до наводнения [Иоанн, с. 556]. В марте, когда начиналось противостояние, повода для такой спешки не было.

[14] И. Абдх., с. 63—64; И. Абдх., пер., с. 84.
[15] Butler, 1902, с. 205.
[16] И. Абдх., с. 67; И. Абдх., пер., с. 87.
[17] Jarry, 1966.
[18] Иоанн, с. 566.
[19] Так по Ж. Жарри, который полагает, что рассказ о заговоре в тексте Иоанна хронологически смещен [Jarry,1964, с. 180].
[20] Иоанн пишет, что Амр оставил в Бабалйуне большой гарнизон [Иоанн, с. 560]. Но если город был уже взят, то почему потребовалась потом семимесячная осада?
[21] Иоанн, с. 560.
[22] В этом районе были сильны традиции гностицизма, подвергавшегося гонению со стороны официальной церкви [Jarry, 1966, с. 7—12, 15].
[23] Иоанн, с. 561.
[24] Там же, с. 561—562. Ж. Жарри считает, что неуспех Амра объяснялся «зеленой» ориентацией жителей этих городов [Jarry, 1966, с. 19—20]. Но первые два не могли не быть заняты арабами, если они действительно стояли в Бусире. Некоторое смущение вызывает дата: пятнадцатый год индикта, т. е. лето 642 г., когда Амр стоял под Александрией. Однако захват Никиу также отнесен к 15 году индикта, хотя несомненно, что первый поход на Александрию был в 641 г. Видимо, здесь сбой в хронологии и нападение на упомянутые города следует отнести к 640 г.
[25] Иоанн, с. 560.
[26] И. Абдх., с. 63—64; И. Абдх., пер., с. 84.
[27] И. Абдх., с. 71—73; И. Абдх., пер., с. 92—93.
[28] И. Абдх., с. 70; И. Абдх., пер., с. 90.
[29] Иоанн, с. 567. Ж. Жарри считает, что в этом отрывке вспоминается казнь в Денфашире, годовщина которой исполнилась в день сдачи Бабалйуна, которую Иоанн расценивает как наказание за это преступление [Jarry, 1964, с. 174, примеч. 1]. Однако в тексте говорится об освобождении из заключения, а в рассказе о наказании заговорщиков говорилось о немедленном исполнении наказания.
[30] Иоанн, с. 568—569.
[31] И. Абдх., с. 73; И. Абдх., пер., с. 93.
[32] И. Абдх., с. 75; И. Абдх., пер., с. 95.
[33] Никифор, пер., с. 360—361; Иоанн, с. 564—566.
[34] Иоанн, с. 569—570.
[35] И. Абдх., с. 73, 83; И. Абдх., пер., с. 94, 103—104; Балаз., Ф., с. 220.
[36] Butler, 1902, с. 291—292.
[37] И. Абдх., с. 81; И. Абдх., пер., с. 101.
[38] Caetani,1911, с. 261.
[39] Butler, 1902, с. 293.
[40] Иоанн, с. 560—561.
[41] Там же, с. 570—572.
[42] Там же, с. 573—575.
[43] Jarry, 1966, с. 9.
[44] Отсутствием единого командования, раздроблением Египта на автономные провинции во многом объясняется быстрый успех арабов.
[45] И. Абдх., с. 70, 87, 156; И. Абдх., пер., с. 91, 107. 175; А. Салих, л. 22а, 23а.
[46] Таб., I, с. 2588—2589.
[47] Иоанн, с. 584, 585; Балаз., Ф., с. 221—13 000 динаров, с. 223—18 000. Иоанн в первом случае говорит, что дань равнялась 22 батрам. Ш. Клермон-Ганно предположил, что это слово «литр», которое в арабской рукописи, с которой делался эфиопский перевод, было написано с укороченным стволом *лама,* и переписчик прочитал его как *ба.* Если это так, то 22 литры — 1584 динара — слишком маленькая сумма для Александрии и, может быть, соответствует ежемесячной норме, тогда годовая дань составит 19 008 динаров [Большаков, 1984, с. 34].
[48] О численности населения Александрии см.: Большаков, 1984, с. 132.
[49] Ибн Абдалхакам датирует взятие Александрии пятницей 1 мухаррама

20/21 декабря 640 г. (в действительности этот день — четверг), но при этом замечает, что осада длилась 5 месяцев до смерти Ираклия и 9 месяцев — после [И. Абдх., с. 80; И. Абдх., пер., с. 100], т. е. с сентября 640 до ноября — декабря 641 г. (он же приводит и другие даты: 19, 21 и 22 гг. х. [И. Абдх., с. 178; И. Абдх., пер., с. 196]; у Халифы — 21 г. х. [Халифа, с. 123].

Таким образом, «начало осады» соответствует первому походу на Александрию, а «взятие» — первому получению дани. 20 г. х. следует исправить на 21 г. х., хотя 1 мухаррама в этом году — понедельник.

[50] Иоанн, с. 576.

[51] И. Абдх., с. 85, 154, 176—177; И. Абдх., пер., с. 105, 172, 194; Балаз., Ф., с. 222.

[52] Иоанн, с. 577.

[53] И. Абдх., с. 91—131; И. Абдх., пер., с. 111—152; Casanova, 1913, vol. 1; Guest, 1907.

[54] И. Абдх., с. 163—166; И. Абдх., пер., с. 181—184.

[55] Иоанн, с. 578, 582—583.

[56] Там же, с. 584; Сев., с. 101.

[57] Иоанн, с. 585.

[58] Там же.

[59] Там же.

[60] И. Абдх., с. 82; И. Абдх., пер., с. 102—103.

[61] И. Абдх., с. 192; И. Абдх., пер., с. 210.

[62] И. Абдх., с. 141—142; И. Абдх., пер., с. 162—163.

[63] И. Абдх., с. 130; И. Абдх., пер., с. 151; Балаз., Ф., с. 222.

[64] Butler, 1902, с. 401—424.

[65] И. Абдх., с. 166; И. Абдх., пер., с. 184—185.

[66] И. Абдх., с. 170—171, И. Абдх., пер., с. 188—189; Балаз., Ф., с. 224—225; Таб., I, с. 2645. У ат-Табари завоевание Барки отнесено к 21/642 г., «...с условием, что продадут кого захотят из своих детей в счет джизьи».

Иную и более пространную версию завоевания Барки и Завилы дает ал-Куфи. По его сведениям, берберы встретили мусульман перед Баркой; потеряв в ожесточенном сражении около 700 человек, они запросили мира и договорились дать мусульманам 300 рабов и 300 коней, мулов и ослов и 300 коров и баранов. После этого Амр завоевал Маракийу, Лабду, Сабру и Завилу, а затем подошел к Барке, ее гарнизон встретил мусульман в поле, потерпел поражение и заключил договор с Амром, обязуясь предоставить 300 юношей, 200 девушек и столько же голов скота [Куфи, т. 2, с. 2—3]. Здесь явно смешаны поход на Барку и поход на Триполи, так как Либда (или Лабда) — Лептис Магна — находится в 100 км к востоку от Триполи, а Сабра (Сабрата) — один из трех городов, составлявших Триполи[с] («Трехградье»).

[67] И. Абдх., с. 171—172; Балаз., Ф., с. 225—226. Халифа помещает сообщение о завоевании Лабды и Триполи под 22 г. х., но приводит сведение, что Амр возвратился в 24/645 г. [Халифа, с. 125].

[68] Morimoto, 1977, с. 102.

[69] Иоанн, с. 560.

[70] Самый ранний из них (на греческом языке) датирован 30 хоиака первого года индикта = 26 декабря 642 г., следующий — 26 января 643 г.

[71] Grohmann, 1932, с. 41—42.

[72] *Ка̣та̄'ибуху ва су̣ка̄ла̄'уху.*

[73] А. Громанн считает, что это слово должно означать «мухаджиры», но против этого говорит то, что командир отряда не упоминается среди мухаджиров, а командовать ими должен был не рядовой человек. Не передает ли это слово название племени — махра,— широко представленного в войске Амра?

[74] «Демосион», т. е. подушная подать.

[75] Иоанн, с. 559; Jarry, 1970, с. 17.

[76] Grohmann, 1932, с. 44.

[77] Балаз., Ф., с. 216, 218.

[78] Большаков, 1984, с. 135—136, 229.

[79] Morimoto, 1981, с. 51.

[80] И. Абдх., с. 159; И. Абдх., пер., с. 178.

[81] Минимальное жалованье воина составляло 200 дирхемов в год, т. е. 16,6 динара, высшая ставка, которую получали несколько сот человек,— 2000 дирхемов. Если считать, что из пятнадцатитысячной армии десять тысяч получали низшую ставку, а остальные в среднем по 40 динаров, то это составит 366 тыс. динаров.

О расходах на внутренние нужды судить труднее. У Ибн Абдалхакама есть неясное свидетельство: «Доля Египта для рытья каналов, поддержания плотин, строительства мостов, отделения островов составляла 120 000 с Верхнего и Нижнего Египта» ([И. Абдх., пер., с. 170], переведено неверно: «с гор и низменностей вместе»). Этот текст был неверно понят и мной как указание на сумму, которую Египет должен был высылать халифу после выделения средств, необходимых для содержания ирригационной системы [Большаков, 1984, с. 220, табл. 8, 1-я строка сверху]. Более определенно то же сообщение у ал-Кинди: «Сказал Ибн Лухай'а: для Нила Египта была повинность, [наложенная] на округа Египта: сто двадцать тысяч человек с лопатами и инструментами (семьдесят тысяч для Верхнего и пятьдесят тысяч для Нижнего) для копки каналов, и поддержания вододелителей (*джиср*) и мостов, и перекрытия отводов, для срезания кустов, осоки и всякой растительности, вредящей земле» [Кинди, Ф., с. 59—60].

[82] И. Абдх., с. 159; И. Абдх., пер., с. 178.

[83] И. Абдх., с. 160; И. Абдх., пер., с. 179.

[84] И. Абдх., с. 146—147, 173; И. Абдх., пер., с. 166—167, 191.

Глава 5

[1] Шибли, 1964.

[2] Noth, 1973, с. 75, 76, 109, 163.

[3] И. Абдх., с. 173; И. Абдх., пер., с. 190—191.

[4] А. Йус., с. 87—88; Балаз., Ф., с. 66—67; И. Са'д, т. 3, ч. 1, с. 260. Смысл акции, проведенной в Хайбаре, не совсем ясен, так как Хайбар был разделен уже при Мухаммаде, а евреи были оставлены в качестве испольщиков. Выселение их оттуда имело смысл только в случае, если для обработки этих земель стали использовать труд военнопленных.

[5] Абу Йусуф приводит версию, согласно которой наджранцы сами попросили переселить их из города, раздираемого междоусобицами, и Умар, переселяя их, направил послание амирам Сирии, предписывая им оказать содействие переселенцам [А. Йус., с. 87].

[6] Билал и аз-Зубайр просили у халифа разделить земли Сирии между завоевателями [А. Йус., с. 28, 31; А. Уб., с. 141—142]; после завоевания ал-Мадаина иракцы требовали от Са'да б. Абу Ваккаса разделить землю [А. Йус., с. 28, 31; Балаз., Ф., с. 266]; Умар советовался с ближайшим окружением: Абдаррахман был за то, чтобы разделить, остальные — против, мнение 10 ансаров окончательно настроило Умара не делить землю [А. Йус., с. 30]; этими ссылками не исчерпываются упоминания о спорах вокруг раздела земель, но приводить их все нет смысла.

В. Шмукер считает, что первоначально и Умар был не против раздела земель Савада, о чем, по его мнению, свидетельствует предоставление племени баджила четверти земель Савада за их согласие участвовать в походе [Schmucker, 1972, с. 101—104]. Но, как было показано выше, речь шла о предоставлении ему четверти хумса сверх обычной доли (см. примеч. 153 к гл. 1).

[7] А. Йус., с. 28—30; Балаз., Ф., с. 266; И. Адам, с. 28—29.

[8] Балаз., Ф., с. 266; Таб., I, с. 2467 — здесь, бесспорно, говорится о том, что в савафи были превращены только бесхозные земли.

[9] И. Абдх., с. 83, 87—88; И. Абдх., пер., с. 103—104, 108.

[10] «Возвратил Умар ал-Ахваз к джизье после того, как они (жители) были разделены между мусульманами и [те] покрыли их жен» [Халифа, с. 107].

[11] Løkkegaard, 1950, с. 39—40.

[12] А. Йус., с. 28.

[13] Эта теория, воспринятая К. Марксом, привела его к ошибочному, четко

сформулированному утверждению об отсутствии на Востоке частной собственности на землю [Маркс, т. 25, ч. 2, с. 354], которое надолго затормозило развитие в нашей науке обобщающих исследований аграрных отношений на мусульманском Востоке. Специалисты знали различные формы частной собственности и даже писали об этом, но выйти за рамки конкретного факта было невозможно. Из этого же заблуждения родилась и мысль об «азиатском способе производства». Подробный анализ дискуссий по этому вопросу см.: Никифоров, 1975. О государственной собственности на землю в Халифате см.: Надирадзе, 1970.

[14] Morimoto, 1981, c. 55; Schmucker, 1972, c. 94—95, 188—192.

[15] И. Абдх., с. 88; И. Абдх., пер., с. 108.

[16] *Куллу ṣāфийа иṣтафāхā кисрā*, т. е. иммобилизованные земли, доход с которых предназначен на определенные цели, аналогия мусульманского вакфа.

[17] *Сикак ал-буруд* [Таб., I, с. 2468]; *дайр ал-барид*]А. Йус., с. 68; Балаз., Ф., с. 273]. Неясно, что имеется в виду: земли, доход с которых шел на содержание почты, или выпасы для почтовых лошадей и мулов.

[18] А. Йус., с. 68; Балаз., Ф., с. 272—273; Таб., I, с. 2468.

[19] Доход с них равнялся 7 млн. дирхемов [А. Йус., с. 68], а общая сумма поступлений (по наименьшим и, следовательно, достоверным оценкам) составляла 80 млн. дирхемов [Йа'к., т. 2, с. 174] (по другим данным — 100 млн. [Балаз., Ф., с. 270]). Кстати, 30 000 семей, которые предполагалось разделить, составляют примерно 6% общего числа налогоплательщиков, подсчитанного тогда же, в 21/642 г. [Балаз., Ф., с. 271].

[20] И. Абдх., с. 162; И. Абдх., пер., с. 180—181.

[21] Большаков, 1984, с. 149, рис. 22.

[22] Hahn, 1973, т. 1, с. 19—20, 25—26, т. 3, с. 16—17.

[23] Göbl, 1971, с. 30.

[24] И. Хазм, с. 68.

[25] Балаз., Ф., с. 340.

[26] Там же, с. 465—467. До нас дошло несколько гирек с арабо-пехлевийскими надписями «вес семи верный» [Curiel, 1976; Gyselen, 1982]. Максимальный их вес — 2,83 г, если считать, что он равняется 0,7 какого-то мискаля, то вес его окажется 4,04 г, т. е. будет равен весу наиболее распространенной сасанидской драхмы. Но это не значит, что в эпоху завоеваний достоинство драхм определялось тем же стандартом — данные гири выпускались в конце VII в. в связи с реформой Абдалмалика.

[27] Walker, 1941, c. CXLVII; Göbl, 1971, c. 25—27.

[28] Ostrogorsky, 1932, с. 319—330.

[29] Большаков, 1984, с. 210.

[30] А. Йус., с. 45.

[31] В X—XI вв., от которых до нас дошли основные метрологические сведения, употребление локтей разной величины было специализировано. Так, при строительстве употреблялся «дворовый локоть» (аз-зира' ад-дувр) в 50,3 см, для обмера полей —«большой хашимитский» (66,2 см), а при земляных работах —«нивелировочный локоть» (*аз-зира' ал-мизанийа*) (145 см). Существовала ли такая практика в VII в., мы не знаем. Сведения «Истории Кумма» показывают, что размер локтей, применявшихся при различных обмерах, значительно различался: от 12 кабд (99,6 см) до 8 кабд (66,4 см) [Кумми, с. 28—30, 109].

Если при обмерах Усмана б. Хунайфа действительно использовался локоть в 66,4 см, то 30 млн. джерибов будут равняться 4 776 000 га.

[32] А. Йус., с. 154; Кумми, с. 181.

[33] Обычно *'улӯдж* переводят как «персы», «иранцы» или «деревенщина», но значение этого слова шире — неараб вообще.

[34] А. Йус., с. 153.

[35] А. Уб., с. 52, № 134.

[36] О применении печатей см.: Большаков, 1969.

[37] *Мāрӯта* — передача арабским шрифтом арамейского мн. ч. от ܡܳܪܳܐ — «господин», «государь». Здесь, вероятно,— земледельческая знать.

[38] *Ма'дийа̄тихим* — в переводе С. Б. Певзнера: «земли, принадлежащие паромам». Действительно, слово *ма'дийа* имеет значение «паром, барка», но здесь, скорее, речь идет о бичевых тропах вдоль каналов, по которым животные тянут суда. Эти земли, естественно, должны были исключаться из площади, облагаемой налогом. Кстати, это значение дает издатель в глоссарии.

[39] В тексте: *джа̄лийа*. С. Б. Певзнер переводит это как «джизйа». Но исходное значение глагола — «удаляться, уезжать». В современных словарях *джа̄лийа* — «землячество, сообщество земляков». В данном контексте явно противопоставляются «местные» — «приезжие». Каким образом этот термин стал синонимом *джизйа* — специальная тема, которую здесь невозможно затрагивать.

[40] И. Абдх., с. 152—153; И. Абдх., пер., с. 171—172.

[41] Wilcken, 1963, с. 234—238.

[42] Morimoto, 1981, с. 47—48.

[43] Балаз., Ф., с. 214—215.

[44] И. Абдх., с. 153; И. Абдх., пер., с. 172. Под федданом разумеется принятая в то время единица измерения площади — арура (0,29 га).

[45] Средняя урожайность пшеницы в средние века в Египте — около 12 ирдаббов с феддана [И. Мамм., с. 258—259; И. Мамм., пер., с. 73—74], или, в современных мерах, около 19 ц с гектара. Это дает с аруры около 5,5 ц. 3 ирдабба VII—VIII вв. = 0,75 ц; чтобы получить 1 динар, требовалось продать 12 ирдаббов пшеницы (3 ц), на засев одной аруры требовалось еще около 0,5 ц, таким образом, от урожая с одной аруры осталось бы в самых благоприятных условиях 1,25 ц. При урожайности земли несколько ниже средней не остается вообще ничего.

[46] Йа'к., т. 2, с. 176—177.

[47] А. Йус., с. 31—36.

[48] Балаз., Ф., с. 271.

[49] А. Йус., с. 63.

[50] И. Са'д, т. 8, с. 361.

[51] И. Адам, с. 102; И. Адам, пер., с. 92.

[52] А. Йус., с. 63. Шаткость этих определений заключается в том, что *махтум* — не мера объема, а прилагательное «опечатанный», т. е. «официально утвержденный» [А. Уб., с. 518].

[53] Хайят, 1953, с. 25.

[54] А. Йус., с. 31; Балаз., Ф., с. 270.

[55] Йа'к., т. 2, с. 174.

[56] О площади посевных земель в средневековом Египте см.: Большаков, 1984, с. 217—219.

[57] Большаков, 1984, с. 135—136, 229.

[58] Балаз., Ф., с. 216.

[59] И. Абдх., с. 161; И. Абдх., пер., 179; Мав., с. 1.

[60] К. Моримото полагает, что после завоевания подушная подать в Ираке, составлявшая при Сасанидах 4 дирхема (в год), была увеличена до 10 дирхемов [Morimoto, 1981, с. 32]. Столь значительное изменение ставки налога вряд ли возможно. Видимо, в источнике подразумевались 4 дирхема в месяц (48 в год), что соответствует высшей ставке джизьи, как при Сасанидах, так и в мусульманское время, а низшая оставалась в пределах 10—12 дирхемов.

[61] Constantelos, 1973,

[62] Халифа, с. 106, 133, 134.

[63] Таб., I, с. 2486.

[64] А. Йус., с. 49—56; И. Са'д, т. 3, ч. 1, с. 212—216, 219; Балаз., Ф., с. 449—452.

[65] И. Са'д, т. 3, ч. 1, с. 212; Балаз., Ф., с. 450.

[66] А. Йус., с. 51; И. Са'д, т. 3, ч. 1, с. 213—214; Балаз., Ф., с. 455.

[67] Балаз., А., т. 1, с. 452.

[68] По некоторым сведениям, им было назначено жалованье в 6000 дирхемов [Балаз., Ф., с. 455].

[69] А. Йус., с. 51, 52.

[70] Там же, с. 53.

[71] Там же, с. 52; Балаз., Ф., с. 451.
[72] Там же.
[73] А. Уб., с. 231.
[74] Балаз., Ф., с. 457; Таб., I, с. 2563.
[75] Йа'к., т. 2, с. 175.
[76] Таб., I, с. 2496.
[77] Там же, с. 2766; Йа'к., т. 2, с. 177.
[78] А. Йус., с. 56; А. Уб., с. 39; И. Са'д, т. 3, ч. 1, с. 219—220; И. Абдх., с. 152; И. Абдх., пер., с. 171; Балаз., Ф., с. 460.

В русском переводе Ибн Абдалхакама в пассаже о пайках допущен ряд ошибок: точно известная мера жидкости *кист* переведена как «доля», *мудй* передан как *муд'* (а в комментарии № 619 поясняется, что византийский модий равен 2,5 кг, причем тут же В. Хинцу приписывается ошибка, которой он не совершал), наконец, Джезира (Верхняя Месопотамия) превращена в Аравию [И. Абдх., пер., с. 171].

[79] Один кист — Фас., с. 465; два — И. Са'д, т. 3, ч. 1, с. 220; А. Йус., с. 49; Балаз., Ф., с. 215, 460; три — Балаз., Ф., с. 150; И. Асак., т. 1, с. 571.

[80] Разница в пайке разных стран от двух модиев (≈18 кг) в Сирии до 15 са (45,6 или 48,75 кг) слишком велика, чтобы объяснять ее только разницей местных условий. Видимо, различные по названию термины выражали общее понятие «мера», «мерка», а не конкретные единицы.

[81] Закат не брали меньше чем с 5 верблюдов или 40 овец (коз); необлагаемый минимум зерна и фиников — 5 васков (приблизительно одна тонна) [А. Йус., с. 90—94; ИЭС, с. 74]. Вопрос о том, можно ли суммировать разный скот, был спорным.

[82] А. Йус., с. 143—145; Балаз., Ф., с. 181—183.
[83] И. Са'д, т. 3, ч. 1, с. 203.
[84] Азр., с. 395; Балаз., Ф., с. 53; Таб., I, с. 2528.
[85] Балаз., Ф., с. 346—347.
[86] Там же, с. 276; Таб., I, с. 2484—2485, 2487.
[87] Таб., I, с. 2489; Балаз., Ф., с. 276.
[88] Мух. Али, 1954, с. 83.
[89] Таб., I, с. 2491—2492.
[90] «Ал-хамра'» — «румяные», так арабы называли белокожих византийцев (и славян?).
[91] Таб., I, с. 2488—2490; Балаз., Ф., с. 276.
[92] Таб., I, с. 2488, 2494.
[93] Наджафи, 1960, с. 24; Турайхи, 1981, с. 50.
[94] Балаз., Ф., с. 276.
[95] Sauvy, 1956, с. 97—98.
[96] Massignon, 1954.

Глава 6

[1] Таб., I, с. 2722. У ал-Куфи обстоятельства встречи излагаются иначе: Файруз прибыл в Медину вместе с Мугирой, жалуется, что с него требуют 100 дирхемов в месяц. Умар ходатайствует за него перед Мугирой. Затем Файруз приходит к Умару еще два раза, и Умар просит сделать для него ручную мельницу [Куфи, т. 2, с. 83—84].

[2] Таб., I, с. 2632.

[3] И. Абдалбарр, с. 431; у ат-Табари — 6 раз [Таб., I, с. 2733], очевидно, что ударов было три, а ран от двухлезвийного кинжала — шесть.

[4] И. Са'д, т. 3, ч. 1, с. 144; Таб., I, с. 2723; И. Абдалбарр, с. 431.
[5] Заки-бек, 1951, с. 18—19; Ма'руф, 1969, с. 12.
[6] И. Са'д, т. 3, ч. 1, с. 96—97.
[7] Там же, с. 76—77.
[8] Там же, с. 185.
[9] Таб., I, с. 2795—2796, 2797.
[10] Изложено по версии ал-Мисвара б. Махрамы, племянника Абдаррахмана б. Ауфа, выполнявшего поручения дяди [Таб., I, с. 2788—2795]. Другая

версия, восходящая к Амру б. Маймуну ал-Азди [Таб., I. с. 2776—2787], свидетельствует, что переговоры проходили не столь гладко, как изложено ал-Мисваром. С самого начала Аббас предсказывает Али, что выборщики подчинятся авторитету Абдаррахмана, что Са'д не пойдет против своего двоюродного брата Абдаррахмана, а Абдаррахман — свояк Усмана, и либо Усман выберет Абдаррахмана, либо наоборот, поэтому следовало отказаться входить в число выборщиков.

Согласно Ибн Маймуну, прежде Али и Усмана Абдаррахман вызывал Са'да и аз-Зубайра и спросил, кого из двух потомков Абдманафа (т. е. Али и Усмана) они выбирают. Аз-Зубайр высказался за Али, а Са'д сказал, что был бы за Абдаррахмана, а если приходится выбирать между этими двумя, то он за Али.

На следующее утро Абдаррахман собрал мухаджиров, ансаров и военачальников и спросил их мнение. Аммар б. Йасир ответил, что если не хотеть противодействия мусульман, то надо присягать Али; его поддержал ал-Микдад: «Аммар прав: если присягнешь Али, то мы скажем: слушаем и повинуемся». Его поддержали Ибн Абу Сарх и Абдаллах б. Абу Раби'а.

Когда Абдаррахман провозгласил Усмана халифом, то Али обвинил его в пристрастности и произошел спор между ал-Микдадом, утверждавшим, что право на халифат имеют только потомки Абдалмутталиба, и Абдаррахманом.

Некоторые детали этого рассказа выглядят убедительнее: естественно, что аз-Зубайр отдает предпочтение Али перед Усманом, понятно, что хашимиты были за Али и у них были какие-то сторонники. Но в то же время ощущается влияние взглядов, выработавшихся в среде шиитов по крайней мере десятью годами позже. К тому же Ибн Маймун в отличие от ал-Мисвара в Медине в это время не был, а пересказывал со слов информаторов-куфийцев [И. Абдалбарр, с. 459—460], которые скорее всего были сторонниками Али. Перед нами пересказ сведений хорошо информированного, но тенденциозного человека.

Близкую версию излагает ал-Куфи (сохранилась только в персидском переводе), но вся композиция рассказа несколько романтизирована: Умар видит дурной сон, объявляет в пятничной проповеди, что его убьет перс, и назначает совет для выборов преемника после его смерти. Совет собирается через три дня после смерти Умара, так как ждет по его приказу Талху. Предпочтение, оказанное Абдаррахманом Усману, выглядит в этом рассказе совершенно необоснованным. Талхе, когда он приехал, сказали, что, если он возражает против выбора Усмана, совет может собраться снова, но он отказался от этого и присоединился к общему мнению [Куфи, т. 2, с. 94—100].

11 Эту причину называет автор «Китаб ал-имама ва-с-сийаса»: Абдаррахман потребовал от Усмана и Али поклясться, что, став халифом, ни тот, ни другой не посадят на шею мусульман своих родичей. Усман дал клятву, а Али отказался. Кроме того, по словам этого источника, «Усман был приятнее людям, чем Умар ибн ал-Хаттаб. Умар был человеком жестким (*шадӣд*), не давал вздохнуть курайшитам, никто из них при нем ничего не мог получить из благ мирских из-за уважения и почтения к нему и из подражания ему. А когда ими стал править Усман, то было это — правление мягкого человека» [И. Кут., т. I, с. 45].

12 *Ма̄ анта ва та'мӣру ḳурайшин ли анфусихума̄* [Таб., I, с. 2785].

13 Йа'к., т. 2, с. 187. Но в другом случае сообщается, что Абдаррахман во время присяги Усману сел «на сиденье пророка» (а Усман — ниже) и это не произвело дурного впечатления на присутствующих [Таб., I, с. 2794].

14 Таб., I, с. 2795—2796. Упрекал Усмана и ал-Микдад [Йа'к., т. 2, с. 186]. Совершенно иначе рассказывает об этом сын Хурмузана, по словам которого мусульмане присудили Убайдаллаха к смерти, но исполнить приговор поручили ему; он отпустил Убайдаллаха, и обрадованные мусульмане на руках донесли великодушного сына убитого до его дома [Таб.,I, с. 2801]. Примирить две столь разные версии можно, только допустив, что в процессе разбирательства спросили и мнение сына убитого, который разумно решил, что после этого жизни ему все равно не будет, а денежная компенсация не повредит. Несли ли его за это на руках — не столь уж важно, по такому случаю можно было кое-что прибавить от себя для красочности концовки.

[15] Таб., I, с. 2802—2804.

[16] У ат-Табари и ал-Йа'куби — Нафи' б. Абдалхарис [Таб., I, с. 2798; Йа'к., т. 2, с. 186], но Халифа [с. 127] и Ибн Абдалбарр [с. 304] говорят, что Умар сместил Нафи' и назначил Халида.

[17] Йа'к., т. 2, с. 186; Халифа, с. 127—128; Таб., I, с. 2798.

[18] Место этого сражения — Никиу — упоминает только Ибн Абдалхакам [И. Абдх., с. 175; И. Абдх., пер., с. 193]. Однако упоминание поражения Шарика б. Сумаййа заставляет думать, что здесь рассказывается о сражении под Тарнутом (рядом с Никиу) во время первого похода на Александрию, которое привязано к Ком Шарику.

[19] Согласно ал-Балазури, город взят в раби' I 25/26 декабря 645—24 января 646 г. Север б. ал-Мукаффа' относит взятие Александрии к декабрю 360 г. эры Диоклетиана, т. е. к 643 г. [Сев., с. 494; Балаз., Ф., с. 221]; год назван явно ошибочно, но месяц совпадает и позволяет датировать штурм в пределах 26—31 декабря 645 г. В «Истории Византии» [Ист. Виз., т. 1, с. 368] неверно: лето 646 г.

[20] И. Абдх., с. 175—178; И. Абдх., пер., с. 192—196; Халифа, с. 133; Балаз., Ф., с. 221; Йа'к., т. 2, с. 189; Сев., с. 494; Агап., с. 479.

[21] И. Абдх., с. 173—174, 178; И. Абдх., пер., с. 191—192, 195—196; Йа'к., т. 2, с. 189.

[22] Куфи, т. 2, с. 143.

[23] Халифа, с. 134—135; И. Абдх., с. 183—185; И. Абдх., пер., с. 201—204; Йа'к., т. 2, с. 191; Балаз., Ф., с. 226—228; Куфи, т. 2, с. 131—137.

[24] Агап., с. 470.

[25] Ал-Куфи [т. 2, с. 136] сообщает, что договор заключал сам Григорий. Ал-Балазури наряду с сообщением о гибели Григория приводит сообщение, из которого следует, что договор заключался с ним: «Когда Абдаллах ибн Са'д заключил договор с битриком Ифрикии...» [Балаз., Ф., с. 227].

[26] И. Абдх., с. 188—189; И. Абдх., пер., с. 206—208; Балаз., Ф., с. 237—238; Йа'к., т. 2, с. 191.

[27] Йа'к., т. 2, с. 172; Балаз., Ф., с. 141.

[28] Reifenberg, 1951.

[29] Азди 1, с. 256—257; Азди 2, с. 282—283.

[30] Согласно ал-Балазури, в шаввале 19/24.IX—22.X 640 г. [Балаз., Ф., с. 141] (повторено в: Кудама, с. 294); согласно Псевдо-Вакиди: «в среду, в первую или вторую десятидневку раджаба» того же года [Пс.-Вак. 1, т. 2, с. 201; Пс.-Вак. 2, т. 2, с. 51], что соответствует 28.VI, 5.VII или 12.VII 640 г. Однако этот источник говорит не о штурме города, а о его сдаче по договору с условием уплаты 200 000 дирхемов (сумма дани в дирхемах, а не в динарах для византийской территории невероятна: либо следует читать «динаров», либо отвергнуть все сообщение как недостоверное). Христианские источники также говорят о взятии штурмом, см.: Феоф., т. 1, с. 341; Мих. Сир., т. 2, с. 430; Агап., с. 478.

Разброс датировок взятия Кайсарии очень велик: если не считать ни с чем не сообразной даты Сайфа — 16 г. х. [Таб., I, с. 2507], то остальные колеблются от конца 639 г. (конец 18 г. х. [Балаз., Ф., с. 142]) до 642 г. [Дион., с. 7, пер., с. 6; Феоф., т. 1, с. 341]; 20 г. х. [Халифа, с. 113; И. Абдх., с. 76; И. Абдх., пер., с. 97; Таб., I, с. 2579]; Илья Нисибинский и Агапий, зависящие от мусульманской исторической традиции, датируют взятие Кайсарии 19/640 г. [Илья, с. 133, пер., с. 65; Агап., с. 478].

[31] Балаз., Ф., с. 142.

[32] Там же, с. 126, 117.

[33] Там же, с. 123; Таб., I, с. 2798.

[34] Таб., I, с. 2526, 2594.

[35] Там же, с. 2798. Не этот ли поход отмечен у Михаила Сирийца и Агапия [Мих. Сир., т. 2, с. 431; Агап., с. 478]?

[36] Балаз., Ф., с. 122.

[37] Таб., I, с. 2807—2808. У ат-Табари явно смешаны два различных похода Хабиба, поскольку здесь, под 24/645 г., упоминается столкновение Хабиба с войском Мавриана, который был оставлен Константом после смещения Теодороса Рштуни в 653—654 гг. А. Н. Тер-Гевондян считает, что поход

Хабиба в 644 г. (так!) не затронул Армению, поскольку армянские источники не упоминают его [Тер-Гевондян, 1977, с. 29—30].

[38] Таб., I, с. 2810. Возможно, что после этого и византийцы нанесли контрудар, о чем может свидетельствовать неожиданная и непонятная фраза у ат-Табари в конце главы о 27/647-48 г.: «В этом году Му'авийа совершил поход на Киннасрин» [Таб., I, с. 2819]. Но не исключено, что это — плод какой-то описки.

[39] Куфи, т. 2, с. 118. А. Фахми не учел этого источника, говоря, что мусульманские историки не упоминают числа судов [Fahmi, 1980, с. 81, примеч. 3]. Там же он ссылается на недоступное мне сочинение Исма'ила Сирханка «Хака'ик ал-ахбар 'ан дувал ал-бихар», в котором говорится о 200 судах, т. е. имеется в виду та же информация (единицы или десятки в конце составных числительных при переписке иногда пропадают). Христианские историки называют невероятное число судов — 1700 (например: Агап., с. 480), но связывают этот флот с Египтом. Возможно, здесь отразились сведения о «битве мачт», в которой участвовал многочисленный египетский флот.

[40] Балаз., Ф., с. 152—154; Куфи, т. 2, с. 118—119; Таб., I, с. 2826—2827; Макр., Х., т. 2, с. 190.

[41] Таб., I, с. 2827; Агап., с. 480.

[42] Феоф., т. 1, с. 343.

[43] Дион., с. 7; Агап., с. 480; Феоф., т. 1, с. 344; Мих. Сир., т. 2, с. 442. Ал-Куфи излагает события совершенно иначе: к Му'авии пришел житель этого острова и предложил себя в качестве проводника. Му'авийа послал Джанаду б. Абу Умаййу с 4000 воинов на 20 судах. Они подошли со стороны моря, стали на якорь и ночью ворвались в город. Всех, кто был на улицах, перебили и пощадили оставшихся в домах. Горожане сдались и согласились платить джизью. Произошло это будто бы в год убиения Усмана [Куфи, т. 2, с. 145—146], т. е. в 656 г. Сомнение в достоверности вызывает сама фабула: перебежчик, раскрывающий тайну существования богатого города (клада и т. д.),— Арвад прекрасно виден с берега, и арабы знали о его существовании с момента захвата Тартуса. Несомненно, перед нами рассказ о повторном завоевании Арвада в 52/672 г., совершенном именно Джанадом [Балаз., Ф., с. 237].

[44] Таб., I, с. 2889; Йа'к., т. 2, с. 19.

[45] Мусульманские источники связывают все эти морские экспедиции с именем Му'авии.

[46] Балаз., Ф., с. 153. Там же упоминается как вариант 35 г. х. О набеге на Крит и другие острова см.: Мих. Сир., т. 2, с. 442—443; Феоф., т. 1, с. 345; Агап., с. 482; Fahmi, 1980, с. 84—85.

[47] Таб., I, с. 2906.

[48] Феоф., т. 1, с. 345; Агап., с. 483. Согласно ал-Куфи, объединенная сиро-египетская экспедиция снаряжалась в Акке [Куфи, т. 2, с. 128], однако, по остальным сведениям, в морском сражении участвовали только египтяне (коптские команды и арабские воины из Египта).

[49] Феоф., т. 1, с. 345; Агап., с. 484.

[50] А. Фахми считает, что сражение произошло у египетского побережья западнее Александрии [Fahmi, 1980, с. 86, примеч. 5]. Этому противоречит сообщение Ибн Абдалхакама о намерении высадить десант для набегов на вражескую территорию [И. Абдх., с. 190; И. Абдх., пер., с. 208], хорошо согласующееся с данными о битве у Фойника на ликийском побережье [Феоф., т. 1, с. 345].

[51] И. Абдх., с. 190—191; И. Абдх., пер., 208—210; Куфи, т. 2, с. 128—130; Таб., I, с. 2866—2870; Феоф., т. 1, с. 346.

[52] Ист. Виз., т. 1, с. 141.

[53] А. Н. Тер-Гевондян считает, что это был Му'авийа [Тер-Гевондян, 1977, с. 31], но договоры такого рода были в компетенции военачальников или назначивших их наместников. В компетенции наместника Сирии, каковым был Му'авийа, находились военные действия в Малой Азии.

[54] Себеос, пер., с. 97—98.

[55] Гевонд, пер., с. 12.

[56] Себеос, пер., с. 101—107.

[57] Так по Себеосу [пер., с. 99—100]; согласно Гевонду: одна группа напала на Васпуракан, а оттуда на Нахичеван, вторая — на Тарон (район Муша, западнее оз. Ван), третья — на Коговит и осадила Арцап [Гевонд, пер., с. 6]. Видимо, в тексте Гевонда, более кратком, чем у Себеоса, в результате каких-то сокращений к действиям арабских войск, наступавших из Азербайджана, причислены действия сирийского отряда Хабиба б. Масламы, который, по сведениям Халифы, пришел на помощь Салману через проход ал-Хадас [Халифа, с. 139]. Об этом походе Хабиба сообщает Абу Халид со слов Абу-л-Бара — информатора, хорошо осведомленного о войнах на Кавказе. Себеос о нападении арабов с юго-запада начего не говорит.

[58] «Между Баязетом и Абагинской равниной» [Себеос, пер., с. 170, примеч. 164].

[59] Тер-Гевондян, 1977, с. 34; по синхронистическим таблицам, воскресенье приходится на 7 августа.

[60] Себеос, пер., с. 99—100; Гевонд, пер., с. 6—7.

[61] Себеос, пер., с. 116—117.

[62] Там же.

[63] Там же, с. 124.

[64] Там же.

[65] Себеос не приводит ни одной даты, связанной с этими событиями; Гевонд о них вообще ничего не знает; Дионисий Теллмахрский под 964 (652/53) г. сообщает о завоевании Хабибом Джезиры и заключении договора с византийским полководцем Прокопием [Дион., с. 8, пер., с. 8]. Ат-Табари рассказывает о разгроме Хабибом Мавриана под 24/644-45 г. [Таб., I, с. 2808], но вне связи с Салманом; о ссоре между Хабибом и Салманом он рассказывает в связи с походом Салмана на Дербент под 32/652-53 г. [Таб., I, с. 2889, 2893], но в этом случае Хабиб послан на помощь Салману и претендует быть во главе всего войска. Это доказывает идентичность событий, различные версии рассказов о которых при компиляции попали в разные хронологические разделы. Кроме того, среди событий 22 г.х. ат-Табари приводит пространный рассказ Сайфа о походе Сураки б. Амра на Дербент (ал-Баб) и сражении под Баланджаром, в котором погибли Салман и его брат Абдаррахман [Таб., I, с. 2663—2671], но мимоходом оговаривается, что Абдаррахман погиб при Усмане [Таб., I, с. 2668].

Халифа датирует поход Салмана и гибель под Баланджаром 29/649-50 г. [Халифа, с. 138—139]. Сопоставление текстов различных сообщений показывает, что речь идет об одном и том же походе, который, судя по данным Себеоса, следует относить к 653 г.

З. М. Буниятов рассматривает эти версии как независимые сообщения и говорит о завоевании Дербента в 21/642 г., затем в 22/642-43 г., а поход и гибель Салмана датирует широко: временем правления Усмана [Буниятов, 1965, с. 81—83]. У А. П. Новосельцева Абдаррахман — комендант Дербента с 22 до 32 г. х. [Новосельцев, 1990, с. 101—102].

[66] А. Н. Тер-Гевондян относит к этому эпизоду сообщение Себеоса о разграблении города после вступления в него арабов [Тер-Гевондян, 1977, с. 40—41]. Однако, по порядку изложения у Себеоса, разграбление Карина (Феодосиополя) произошло на второй год кампании, после военных действий под Двином и Нахичеваном. К тому же, насколько свидетельствует ряд вполне достоверных сообщений, после сдачи города по договору имущество горожан, общественные и культовые здания были неприкосновенны (могло пострадать только имущество беженцев).

[67] Балаз., Ф., с. 198. У ат-Табари причина, по которой Хабиб начал бой до прихода куфийцев, не названа, ал-Куфи сообщает, что Хабиб обратился к своему войску со словами: «Боюсь, что они (куфийцы) победят врага и останется память и честь (*ал-исм*) за ними, а не за вами» [Куфи, т. 2, с. 109]. Но это объяснение не в духе того времени, оно могло появиться только при Умаййадах, в пору резкого противостояния сирийцев и куфийцев. У ал-Куфи непонятное для переписчиков слово Мавриан превратилось в *марзбан*.

[68] Вызывает подозрение то обстоятельство, что, двигаясь навстречу Мавриану, шедшему с востока, Хабиб встречается с ним на Евфрате, исток которого (ныне р. Карасу) протекает севернее Феодосиополя. Имя Мавриана

могло появиться случайно из рассказов о сражениях с ним Хабиба под Двином. На такую возможность указывает коротенькое сообщение ал-Вакиди: «Осаждал Хабиб ибн Маслама жителей Дабила и приступил к нему. Сошелся с ним ал-Маврийан ар-Руми. [Хабиб] напал на него ночью и убил его и захватил то, что было в его лагере. А потом пришел к нему Салман. Но они (информаторы) считают, что в действительности он встретил его в Каликала» [Балаз., Ф., с. 199]. Кстати, прибытие на помощь Салмана к Дабилу (Двину) представляется более естественным.

69 Балаз., Ф., с. 203.

70 Себеос, пер., с. 125. По его данным, Азербайджан платил ежегодно 365 пайвасик (по 50 литр [Себеос, пер., с. 125, примеч. 203]), т. е. около 1,5 млн. дирхемов, а по сведениям арабских источников — 800 000 [Балаз., Ф., с. 326; Халифа, с. 125]. Цифра 365 могла появиться по излюбленному фольклором исчислению, по числу дней в году (365 комнат во дворце, 365 жен и т. д.), поэтому нельзя считать ее точной.

71 Мих. Сир., т. 2, с. 441; Балаз., Ф., с. 199—200.

72 Балаз., Ф., с. 200.

73 Там же.

74 Себеос, пер., с. 126.

75 На эту мысль наводит следующее обстоятельство: по сведениям ал-Балазури, полученным от «шейхов из Дабила», Хабиб шел на Грузию через местность, прозванную арабами Зат ал-Луджум; пройдя ее, он встретился с послом грузинского царя (*битрик ал-Джурзан*) [Балаз., Ф., с. 201]. Зат ал-Луджум упоминается в другом сообщении среди местностей, завоеванных после Двина: Гарни, Ашуш (Ашоцк), Сирадж (Ширак). Известно также, что Хабиб казнил владетеля Аруча (Талина). Все они, за исключением Гарни, расположены к западу и северо-западу от Двина, там же вероятнее всего искать и эту неведомую местность. Более того, нельзя исключить возможность завоевания Ширака и Ашоцка не сразу после Двина, а после возвращения из Нахичевана. Движение арабской армии через эти районы естественно должно было вызвать тревогу грузинского царя и желание предотвратить вторжение путем переговоров.

Видимо, исходя из того, что конечной целью Хабиба оказалась Грузия, некоторые азербайджанские историки утверждают, что Нашава/Нахичеван, с которой заключил договор Хабиб, не Нахичеван на Араксе, а одноименный город около Кагызмана в Карсском вилайете [Буниятов, 1978, с. 196; Велиханова, 1987, с. 56; ее же комментарий: И. Хурд., пер., с. 300, примеч. 20]. Но сведения ал-Балазури о маршруте Хабиба от Феодосиополя: Харк (ал-Харак) — Хлат — Арташат — Двин — Нашава — Сисаджан — Вайс (Вайоцдзор) — не оставляют сомнений, что Нашава находилась между Двином и Сисаджаном (Сисаканом), т. е. тождественна Нахичевану на Араксе.

76 *Кирмиз* — кошениль. Что значит «Грузия кошенильная», или «Грузия карминная»,— неясно. В договоре с Тифлисом, подписанном позже ал-Джаррахом б. Абдаллахом, говорится просто «мин кура Джурзан».

77 Балаз., Ф., с. 201—202.

78 Там же, с. 202—203.

79 Себеос, пер., с. 126.

80 А. Н. Тер-Гевондян несколько иначе располагает события: продвижению арабов после захвата ими Ширака и Тайка помешала суровая зима, а весной 655 г. арабы разгромили византийцев под Нахичеваном, заняли Сисакан и пошли на Грузию. Единственным основанием для этого могло быть упоминание Себеосом разграбления Армении, Агвании и Сюника после разгрома Мавриана. Однако нельзя полагаться на порядок изложения у Себеоса, так как перед этим говорится о завоевании и ограблении Карина (Каликала). Несомненно, что в тексте Себеоса (как и в арабских источниках) есть повторы, возникающие при механической компиляции разных сообщений.

81 Ни в одном источнике нет четкой синхронизации этих двух предприятий. Косвенные указания противоречивы и ненадежны. Халифа относит к одному году (29 г. х.) поход Салмана и гибель его под Баланджаром и завоевание Хабибом Грузии (Армения не упоминается) [Халифа, с. 139]. У ал-Балазури рассказ о походе Салмана следует за окончанием повествования о за-

воевании Грузии Хабибом, но у него же в одном из сообщений говорится, что реляция Хабиба о завоевании Армении пришла к Усману после известия о гибели Салмана [Балаз., Ф., с. 204], т. е. обе армии действовали одновременно. Согласно ал-Куфи, Усман послал Хабиба в Армению после известия о гибели Салмана [Куфи, т. 2, с. 114]. По Сайфу, военные действия начал Салман, а Хабиб был послан ему на помощь (хотя все, что известно об их совместных действиях, относится к району Каликала или Шимшата) [Таб., I, с. 2893]. Ал-Йа'куби сообщает, что первым был послан Хабиб, а вслед ему на помощь — Салман, они рассорились и эта ссора продолжалась до смерти Усмана [Йа'к., т. 2, с. 194], но мы хорошо знаем, что Салман погиб при Усмане. По рассказу Себеоса — оба похода начались в одном году, но Салман погиб до зимы, которая вынудила Хабиба к отступлению [Себеос, пер., с. 124—126]. Феофан упоминает только завоевание Хабибом Армении [Феоф., т. 1, с. 345], Каланкатуаци глухо упоминает отступление царя Албании Джуаншера за реку (Аракс), которое по времени совпадает с походом Салмана (31-й год всемирных войн агарян = 31 г. х. (?) и 15-й год правления Джуаншера = 20-й год правления Йездигерда III = 652/53 г.) [Каланкатуаци, пер., с. 98], но вне связи с событиями в Армении.

Если откинуть неясную историю с неудачными совместными действиями Хабиба и Салмана до начала вторжения в Закавказье и оставить в стороне бесплодное угадывание того, кто кому шел на помощь, то наиболее вероятным представляется одновременное ведение военных действий обеими армиями; это, кстати, хорошо объясняет, почему так четко разграничены сферы действия обоих полководцев: при разновременных действиях непременно появляется необходимость повторного завоевания каких-то районов и городов, завоеванных предшественником.

[82] З. М. Буниятов считает, что Салман шел из Нахичевана [Буниятов, 1965, с. 83], подразумевая, что Салман шел вместе с Хабибом. Каких-либо подтверждений своей точке зрения он не приводит.

[83] У ал-Балазури [Балаз., Ф., 203] — Бардйдж (так и у З. М. Буниятова [Буниятов, 1965, с. 83]).

[84] У ал-Балазури [Балаз., Ф., с. 203] — Шаккан; конечный *нун* является искажением конечного *йа*.

[85] Местоположение Ширвана точно неизвестно [И. Хурд., пер., с. 305—306, примеч. 49], Шабиран — город на побережье Каспийского моря на территории селения Шахназарли с-з Дивичи [И. Хурд., пер., с. 302, примеч. 33]. Маскат — район низовьев р. Самур.

[86] У ал-Куфи — Табаристан [Куфи, т. 2, с. 112]; Лакз (область лакзов, лезгин) — бассейн рек Самур, Курах-чай и Чирах-чай [Шихсаидов, 1980], Филан — район к югу от Лакза [Шихсаидов, 1976], Табарсаран (Табасаран) — бассейн верхнего течения р. Рубас и левобережье Чирах-чая.

[87] Хан-Магомедов, 1979.

[88] Согласно ал-Куфи, в городе был хазарский хакан с трехсоттысячным войском, но он, испугавшись мусульман, ушел, и Салман вступил в пустой город [Куфи, т. 2, с. 113]. Первая половина сообщения, бесспорно, легендарна, вторая может отражать подлинную картину. Сообщение Себеоса менее конкретно: «Они достигли теснин Чора. Перешли теснины, вторглись по ту сторону и предали грабежу пригорские края. Против них выступило небольшое войско — охрана местности под названием Ворот Гуннов, но (исмаильтяне) разбили их» [Себеос, пер., с. 125]. Теснины Чора, несомненно, Дербентский проход, что же в таком случае называется Гуннскими Воротами? Быть может, имеются в виду укрепления около Семендера [Башкиров, 1927, с. 239]? В любом случае оказывается, что Дербент не оказал сопротивления арабам.

[89] У ал-Куфи — Йаргӯа̄; если в первой букве две точки переставить снизу вверх, а *гайн* заменить на *к̣аф*, то получим чтение Таркуа̄. Наиболее достоверная локализация Семендера — на месте селения Тарки (несколько южнее современной Махачкалы) [Саидов, Шихсаидов, 1980, с. 41—45].

[90] Баланджар отождествляют с Верхнечирюртовским городищем (около пересечения железной дорогой р. Сулак) [Магомедов, 1983, с. 46—51].

[91] Балаз., Ф., с. 20; Себеос, пер., с. 125.

[92] Балаз., Ф., 204. Ат-Табари говорит о трех походах [Таб., I, с. 2894].

[93] Себеос, пер., с. 127—128.

[94] Халифа, с. 131—132.

[95] Таб., I, с. 2811—2813.

[96] Халифа, с. 133—134. Договор Усмана с Сабуром и Казеруном ал-Балазури относит к концу правления Умара [Балаз., Ф., с. 388], но речь явно идет об одном и том же событии, так как в обоих источниках упоминается крепость ас-Сатудж (у Халифы явная описка в сторону арабизации: аш-Шуйӯх̱). Халифа следует ал-Валиду б. Хишаму, даты которого обычно достоверны. У ат-Табари первое завоевание Сабура отнесено к 25 г. х. [Таб., I, с. 2810]. По другой версии у ал-Балазури, Сабур завоеван в 24 или 25 г. х., затем жители нарушили договор и город вновь был завоеван в 26 г. х.

Это позволяет думать, что перед нами две версии, первая из которых ошибочно датирована. Первый договор, как у ал-Балазури и ат-Табари, был заключен в 25 г. х., а второй — в 26 г. х. Судя по величине суммы, ее следует считать не ежегодной данью, а контрибуцией, размер которой иногда в десять раз превышал ежегодную дань [Большаков, 1973, с. 151].

[97] Согласно Халифе, это произошло в 26 г. х. [Халифа, с. 133—134], у ал-Балазури более подробный рассказ о том же связывается с завоеванием Истахра Абдаллахом б. Амиром [Балаз., Ф., с. 390].

[98] Халифа, с 134.

[99] Ат-Табари помещает рассказ о смещении Абу Мусы в 29/649-50 г., но сам же пишет, что он был смещен на четвертом году правления, при Усмане, т. е. не позже 28 г. х. [Таб., I, с. 2828].

[100] Таб., I, с. 2829—2832.

[101] Халифа, с. 135.

[102] Там же, с. 137—138; Балаз., Ф., с. 389—390.

[103] Таб., I, с. 2845.

[104] Там же, с. 2849.

[105] Один из них — Джундаб б. Ка'б ал-Азди (у ал-Мас'уди [Мас'уди, т. 4, с. 259] — Джундаб б. Зухайр), который составлял договор с Азербайджаном в 22 г. х. [Таб., I, с. 2662] и, кажется, был сподвижником пророка [И. Абдалбарр, с. 84].

[106] Таб., I, с. 2843—2844.

[107] Мас'уди, т. 4, с. 257—261.

[108] Таб., I, с. 2845—2846; И. Абдалбарр, с. 84—85.

[109] И. Абдалбарр, с. 85. Э. Греф считает, что целью проникновения в дом было ограбление [Gräf, 1963], не учитывая данное сообщение и всю совокупность событий.

[110] Таб., I, с. 2848; по другим данным, исполнителем наказания был Али [Мас'уди, т. 4, с. 261; И. Абдалбарр, с. 622].

[111] Таб., I, с. 2843—2849; Мас'уди, т. 4, с. 260—261; И. Абдалбарр, с. 84—85, с. 621—623. Для характеристики противоречивости информации о деле ал-Валида показательно замечание Ибн Абдалбарра: «В сообщениях у ат-Табари передают, что враждовала (*та'аҫҫаба*) с ним (ал-Валидом) группа людей в Куфе, очерняя и завидуя, и присягнули они ложно, что его рвало от вина, и приводит он рассказ, в котором говорится, что Усман сказал ему: „Потерпи, братец, ведь Аллах вознаградит тебя и воздаст тем людям за обвинение тебя в грехе". Это сообщение, передаваемое историками (*ахл ал-ахбар*), передатчики хадисов считают неверным» [И. Абдалбарр, с. 622]. В «Истории» ат-Табари подобной интерпретации событий нет.

[112] Мас'уди, т. 4, с. 261.

[113] Таб., I, с. 2850.

[114] У В. В. Бартольда [т. 7, с. 143, 145, 146, 152] — Сирджан.

[115] Халифа, с. 140; Балаз., Ф., с. 315, 391; Таб., I, с. 2863.

[116] Согласно ат-Табари, Йездигерд пробыл в Кермане три или четыре года [Таб., I, с. 2876; Таб., пер., с. 26]; однако если верить этому сообщению, то Йездигерд должен был прибыть в Фарс в 638—639 гг., пробыть там четыре года и в 642—643 гг. уехать в Керман, а после этого пять лет до 650 г. быть в Сиджистане. Но в 642 г. Йездигерд был еще в Рейе, а Муджаши' был за-

нят в районе Нихавенда — Исфахана. Конечно, можно допустить, что поход и гибель отряда Муджаши' во всех источниках датированы неверно и его надо перенести на время правления Абу Мусы ал-Аш'ари.

[117] Балаз., Ф., с. 391.

[118] Там же, с. 392.

[119] У ал-Балазури упоминаются Нашруд и Ширваз [Балаз., Ф., с. 393]. Первый из них, несомненно, Хашруд, который в «Та'рих-и Систан» фигурирует в форме Хаш (или Хваш) [Т. Систан, с. 82, пер., с. 105], но завоевание его, согласно этому источнику, произошло после взятия Зеренджа.

[120] Так в «Та'рих-и Систан» [Т. Систан, с. 81—82, пер., с. 104—105], у ал-Балазури — марзбан Абарвиз (Парвиз) [Балаз., Ф., с. 393].

[121] В «Та'рих-и Систан» добавляется: «...и миллион дирхемов ежегодно» [Т. Систан, с. 82; пер., с. 105].

[122] Смещение ал-Валида произошло в 30 г. х., который начинается 4 сентября 650 г., и, вероятно, не в самые первые дни года. Какое-то время Са'иду потребовалось, чтобы прибыть в Куфу, освоиться и организовать поход. Поэтому поход почти со стопроцентной вероятностью придется на 651 г. Халифа [с. 141—142], ал-Балазури [Балаз., Ф., с. 334—335] и ат-Табари [Таб., I, с. 2836; Таб., пер., с. 22—23] говорят о завоевании Табаристана, Джурджана (Гургана) и Тамисы (к которой ал-Балазури добавляет еще селение Намийа). По порядку перечисления (сначала Джурджан, затем Тамиса) можно думать, что вторжение шло со стороны главной хорасанской дороги от Бистама на Джурджан, а затем на запад к Тамисе, принадлежавшей уже к Табаристану. Ал-Балазури добавляет, что Са'ид завоевал также «низменную часть Табаристана, и Руйан, и Дунбавенд», но не называет ни одного города Табаристана, кроме Тамисы. Руйан, высокогорная область к северу и северо-востоку от Рейя, благодаря труднодоступности долго сопротивлялась мусульманским войскам. Сомнительно, чтобы Са'иду удалось в этом походе пройти через нее в Табаристан. Наиболее вероятно, что он прошел из Дамгана или Бистама через невысокие горы до Джурджана, а оттуда совершил набег в сторону Табаристана.

[123] Халифа и ат-Табари рассказывают со слов ал-Мадаини о коварной уловке Са'ида, обещавшего жителям Тамисы, что, если они сдадутся, не будет убит ни один человек; по-арабски эта фраза двусмысленна: ее можно понять как «не будет убит ни один человек» и как «будут убиты, кроме одного человека». Са'ид будто бы воспользовался этой двусмысленностью и перебил всех, кроме одного человека.

[124] Йа'к., т. 2, с. 192.

[125] Таб., I, с. 2688, 2872—2883; Динав., с. 148—149. Подробный разбор различных версий странствий и гибели Йездигерда III см.: Колесников, 1982, с. 131—142.

[126] Таб., I, с. 2876—2877. Правителем Мерва называется также сын Махавейхи, Бераз, который не пускал Йездигерда в город по распоряжению отца. М. Шабан считает, что «бараз» — эфталитский княжеский титул, присвоенный ему эфталитами, чтобы привлечь на свою сторону [Shaban, 1970, с. 19], однако в нескольких местах определенно действуют два разных лица. Ссылка на Ибн Хурдадбеха [BGA,6, с. 39—40; И. Хурд., пер., с. 69] неубедительна, поскольку тот иногда имена правителей превращает в титулы, например титул правителя Мерва оказывается «махуйе».

[127] Есть основания полагать, что Низек — не имя, а титул, так как 50 лет спустя правителем Бадгиса был тоже Низек-Тархан.

[128] Об эфталитах см.: Ghirshmann, 1948.

[129] Балаз., Ф., с. 403.

[130] Там же, с. 404.

[131] Там же, с. 404—405. Сведения о том, кто конкретно завоевал различные города Хорасана, противоречивы. У ат-Табари завоевание Туса, Абиверда и Ниса приписывается Умайну б. Ахмару ал-Йашкури.

[132] Балаз., Ф., с. 405.

[133] Там же, с. 405—406. У ат-Табари марзбаном Мерва назван Бараз [Таб., I, с. 2888; Таб., пер., с. 30]; Абу Убайда оговаривает, что дань вносилась не деньгами, а рабами, конями и зерном [Балаз., Ф., с. 406]. Возможно,

что упомянутые 200 000 джерибов пшеницы платились не сверх суммы в 2,2 млн. дирхемов, а в счет ее. Не исключен и еще один вариант: 2 млн. были разовой контрибуцией, а 200 тыс. дирхемов — ежегодным взносом. Именно так формулировался договор Кутайбы б. Муслима с Самаркандом в 712 г.

[134] Балаз., Ф., с. 405.

[135] Там же, с. 406—407.

[136] Сахр — подлинное имя, но более известен он по прозвищу ал-Ахнаф («кривоногий»).

[137] Таб., I, с. 2898—2899.

[138] Там же, с. 2905—2906.

Глава 7

[1] Schmucker, 1972, с. 134—135.

[2] Балаз., А., т. 5, с. 25.

[3] Таб., I, с. 3026.

[4] В тексте: *амṣāр*, так именовались прежде всего новооснованные гарнизонные города: Куфа, Басра, Фустат, но нередко в рассказах о том, что какой-то наместник сделал тот или иной город базой для дальнейших завоеваний, употребляется выражение *маṣṣараху*, т. е. сделал *миṣром*. В данном случае речь идет прежде всего о первых трех городах.

[5] Таб., I, с. 3027.

[6] Азди 1, с. 36—37; Азди 2, с. 45—46.

[7] Балаз., А., т. 5, с. 27.

[8] И. Са'д, т. 3, ч. 1, с. 96—97.

[9] Там же, с. 157—158.

[10] О перестройке мечети см.: Самх., т. 1, с. 354—361; Йа'к., т. 2, с. 190; Халифа, с. 139; Балаз., А., т. 5, с. 38. По данным ас-Самхуди, колонны старой мечети были проедены термитами и она не вмещала в пятницу всех молящихся. Усман, перед тем как разрушить ее, советовался со сподвижниками пророка, и они одобрили перестройку. Новая мечеть имела 160 локтей в длину и 150— в ширину. На строительство, занявшее 10 месяцев, начиная с раби' I 29/12.XI—11.XII 649 г., было истрачено 10 тыс. дирхемов [Балаз., А., т. 5, с. 38]; ас-Самхуди же приводит сведения, что только на выкуп части дома Джа'фара б. Абу Талиба, который перешел к Аббасу, Усман истратил 100 000 [Самх., т. 1, с. 360].

[11] Jeffery, 1937, араб. текст, с. 3—18; Nöldeke, 1919.

[12] Jeffery, 1937, с. 21—23.

[13] Там же, с. 21—23, 115.

[14] Там же, араб. текст, с. 16—17.

[15] Балаз., А., т. 5, с. 33.

[16] Под «хозяйственными механизмами» подразумевается прежде всего управление локальными ирригационными системами, функционирование которых и распределение воды основывалось на выработанной веками практике. То же можно сказать и о мало менявшейся технике земледелия.

[17] Балаз., Ф., с. 405—406.

[18] Мусульмане-воины в это время, видимо, не платили садаку, ее заменяло участие в войне за веру, кроме того, основная масса воинов, живших на жалованье, не имела такого количества скота, которое подлежало бы обложению. Число же мусульман — не воинов за пределами Аравии было невелико. Поэтому садака здесь была ничтожно мала по сравнению с остальными налоговыми поступлениями. Этим можно объяснить отсутствие в источниках упоминания сборщиков садаки за пределами Аравии.

[19] И. Са'д, т. 3, ч. 1, с. 220; Самх., т. 2, с. 227—229, 235. Число овец в составе садаки могло быть пропорционально больше, чем в добыче, так как в зачет садаки с верблюдов, если их число было больше 40 (но этот излишек был меньше того, с которого полагался верблюжонок), брали овец.

[20] Самх., т. 2, с. 235.

[21] Schmucker, 1972, с. 125.

[22] Таб., I, с. 2855.

[23] Там же, с. 2471.

[24] Там же, с. 2468, 2471.

[25] Эти ставки касались только самотечно орошаемых земель, при поливе водоподъемными колесами ставки с обеих категорий земель снижались вдвое.

[26] Балаз., Ф., с. 350.

[27] А. Йус., с. 56.

[28] Халифа, с. 122; Балаз., Ф., с. 357.

[29] Балаз., Ф., с. 357—361.

[30] Там же, с. 357.

[31] Там же, с. 362.

[32] Там же, с. 351.

[33] Там же, с. 353 (в тексте — *ас-султан*).

[34] Таб., I, с. 2852.

[35] Там же.

[36] Там же, с. 2853.

[37] Там же, с. 2851.

[38] Там же, с. 2855—2856.

[39] И. Са'д, т. 3, ч. 1, с. 157—158.

[40] Балаз., А., т. 5, с. 27.

[41] Там же, т. 1, с. 82.

[42] И. Са'д, т. 3, ч. 1, с. 44; Балаз., А., т. 5, с. 25.

[43] Балаз., А., т. 5, с. 25, 27—28; Йа'к., т. 2, с. 190. Ибн Абдалхакам относит этот случай к походу на Ифрикийу Му'авии б. Худайджа в 34 г. х. [И. Абдх., с. 194; И. Абдх., пер., с. 212—213], но это — явный анахронизм, так как сведения ал-Балазури восходят к участнику похода 27 г. х. Абдаллаху б. аз-Зубайру. Кроме того, недовольство мусульман этим щедрым подарком возникло не в последний год правления Усмана.

[44] Балаз., А., т. 5, с. 28. По другой версии, верблюдов из садаки получил ал-Харис, сын ал-Хакама.

[45] И. Са'д, т. 3, ч. 1, с. 75.

[46] Балаз., А., т. 5, с. 38; Йа'к., т. 2, с. 191; Самх., т. 1, с. 350—362.

[47] Балаз., А., т. 5, с. 39.

[48] Там же, с. 27.

[49] Там же, с. 39; Балаз., Ф., с. 36.

[50] Балаз., А., т. 5, с. 28.

[51] Там же, с. 47.

[52] *Кāнā йаḥтасибāни*; глагол *иḥтасаба*, имеющий исходное значение «учитывать, рассчитывать на что-то», означает также «делать что-то, рассчитывая на благоволение Аллаха», отсюда затем возникает значение «соблюдать нормы шариата».

[53] Балаз., А., т. 5, с. 28.

[54] Например, рассказывается, что, когда Зийад б. Абихи привез халифу из Басры деньги, предназначенные для казны, подошел один из сыновей Усмана, не долго думая схватил горсть денег и ушел. Зийад заплакал. На вопрос Усмана о причине слез Зийад ответил, что, когда он так же привез деньги Умару и его сын взял дирхем, Умар больно побил его: «А твой сын пришел, взял столько [много], и не вижу, чтобы кто-то хоть что-то сказал ему». На это Усман заметил: «Умар, стремясь к лику Аллаха, отстранял свою семью и близких, а я, стремясь к лику Аллаха, наделяю свою семью и близких» [И. Хамдун, с. 141]. Слезливость Зийада (человека с твердым характером), двукратный приезд из Басры с деньгами, параллель с поведением детей — все указывает на фольклорный характер этой истории.

Ибн Са'д приводит еще один вариант этого высказывания, без всякой связи с какими-либо предшествующими разговорами: «Он сказал: „Воистину, Абу Бакр и Умар оставляли из этого (т. е. денег) то, что принадлежало им, а я беру это и делю между своими близкими",— люди осуждали его за это» [И. Са'д, т. 3, ч. 1, с. 44].

Наконец, в сочинении конца XIII в. вместо Зийада оказывается сам Абу Муса, и упрекает он Усмана за то, что тот одной своей дочери подарил золотую курильницу, украшенную жемчугами и яхонтами, а другой — две бесценные жемчужины. Усман отвечает на упреки: «Умар поступал по своему усмотрению и прилагал все усилия, а я поступаю по своему усмотрению, прила-

тая все усилия. А Аллах всевышний завещал мне заботиться о близких, и я считаю себя обязанным заботиться о них» [Мухибб, т. 2, с. 138].

[55] Абу Зарр Джундаб б. Джанада ал-Гифари, бедуин из ар-Рабазы, утверждал, что был третьим или четвертым последователем Мухаммада, но затем уехал на родину и присоединился к Мухаммаду только после «битвы у рва» [Таб., I, с. 1166, 1168, 1170; И. Абдалбарр, с. 82—84, 664—665], участвовал в войнах в Египте и Сирии.

[56] Таб., I, с. 2860.

[57] Балаз., А., т. 5, с. 56. Ал-Йа'куби вкладывает в уста Абу Зарра проповедь в пользу Али: «Али ибн Абу Талиб — преемник Мухаммада и наследник его знания. О вы, община, растерявшаяся после своего пророка! Если бы вы выдвинули того, кого выдвинул Аллах, и задвинули того, кого задвинул Аллах, и утвердили бы власть и наследование в семье вашего пророка!» [Йа'к., т. 2, с. 198]. Но ни в одном из рассказов о пребывании Абу Зарра в Медине не упоминаются его упреки Усману в узурпации власти и какие-либо заявления о преимущественном праве Али на халифат.

[58] Йа'к., т. 2, с. 197—198.

[59] Согласно ал-Балазури, причиной опалы Абдаллаха б. Мас'уда была жалоба ал-Валида на то, что Абдаллах требует возвращения заимствованных из казны денег. Усман будто бы написал: «Ты наш казначей и не приставай к ал-Валиду из-за того, что он взял из казны». Абдаллах со словами: «Я думал, что я казначей мусульман, а если я ваш казначей, то мне этого не надо» — отдал ключи от сокровищницы [Балаз., А., т. 5, с. 30—31]. Затем Абдаллах стал вести речи, осуждающие Усмана. Усман вызвал его в Медину. Там Абдаллах в мечети высказал те же упреки. Абдаллаха по приказу халифа силой вытащили из мечети, волоча лицом по земле [Балаз., А., т. 5, с. 36].

Эта версия вызывает недоверие в нескольких отношениях. Во-первых, скандал с невозвращенным займом из казны произошел между Абдаллахом б. Мас'удом и Са'дом б. Абу Ваккасом [Таб., I, с. 2811—2813], во-вторых, точно ту же историю с возвращением ключей после слов Усмана: «Ты наш казначей» — рассказывают о казначее Усмана в Медине Абдаллахе б. ал-Аркаме [Балаз., А., т. 5, с. 58]. Странно было бы точное повторение всех этих событий. Вызывает недоверие и рассказ о зверском обращении с Абдаллахом б. Мас'удом.

О невыплате жалованья можно судить по тому, что душеприказчик Ибн Мас'уда, Талха, потребовал вернуть семье покойного жалованье за два года [И. Са'д, т. 3, ч. 1, с. 173], но Ибн Мас'уд уехал из Куфы в конце 31 или начале 32 г.х., т. е. был в Медине только год.

[60] Ал-Йа'куби объясняет ссору тем, что Усман, тяжело заболев, написал завещание, в котором назвал преемником Абдаррахмана б. Ауфа, и послал своего гулама Хумрана отнести письмо к троюродной сестре, дочери Абу Суфйана. Хумран по дороге прочитал письмо, а потом рассказал Абдаррахману. Абдаррахман оскорбился, что решение, касающееся его, было принято в такой странной тайной форме, и высказал Усману ряд упреков через своего сына. Хумран же за излишнее любопытство был наказан сотней плетей и выслан в Басру [Йа'к., т. 2, с. 195—196].

В этом сообщении сомнительно не только завещание о преемнике, сделанное таким странным способом, но и перечень претензий, аналогичных тем, что были предъявлены недовольными в 655 г. Наконец, относительно причины высылки Хумрана в Басру имеются другие сведения. По одной из версий, за то, что женился на женщине, у которой еще не кончился предписанный законом перерыв между браками [Таб., I, с. 2923], по другой — за взятку, которую получил от ал-Валида б. Укбы за сокрытие порочащих его сведений [Балаз., А., т. 5, с. 58].

Несомненно только то, что в последний год жизни Абдаррахман был в ссоре с Усманом и будто бы даже не разговаривал с ним [Балаз., А., т. 5, с. 57].

[61] Таб., I, с. 2852.

[62] Балаз., А., т. 5, с. 39—40; Таб., I, с. 2908, 2916.

[63] Балаз., А., т. 5, с. 41.

[64] Там же, с. 42.
[65] Хулафа, л. 3б.
[66] Балаз., А., т. 5, с. 43—44; Таб., I, с. 2909—2920. Согласно ат-Табари, об изгнании смутьянов из Куфы просили «благородные и благочестивые жители Куфы» [Таб., I, с. 2909]. Содержание споров между Му'авией и сосланными свидетельствует о том, что главным яблоком раздора было привилегированное положение курайшитов и права на доходы с завоеванных земель.
[67] Балаз., А., т. 5, с. 59.
[68] Таб., I, с. 2927—2928.
[69] Там же, с. 2952.
[70] Там же, с. 2929—2930.
[71] Там же, с. 2930—2931.
[72] Балаз., А., т. 5, с. 60.
[73] Таб., I, с. 2948—2949.
[74] Балаз., А., т. 5, с. 60.
[75] Там же, с. 61.
[76] Там же, с. 61; Таб., I, 2954—2955. Согласно ал-Балазури, басрийцы прибыли в Зу-Хушуб раньше египтян и дожидались их там. Однако Зу-Хушуб лежит в стороне от дороги из Ирака в Медину. По сведениям ат-Табари, куфийцы остановились в ал-А'васе, в 40 км от Медины по иракской дороге [Таб., I, с. 2955], по которой должны были идти и басрийцы. По сведениям ал-Мадаини, египтяне прибыли в Медину в среду 1 зу-л-ка'да [Халифа, с. 145].
[77] По одним данным, Усман послал Мухаммада б. Масламу с 50 ансарами на переговоры с египтянами и они согласились уйти [И. Са'д, т. 3, ч. 1, с. 44—45; Балаз., А., т. 5, с. 62], по другим данным, египтяне выгоняли всех посланцев и только Али удалось склонить их к переговорам [Балаз., А., т. 5, с. 63—64].
[78] В тексте: «Они сказали ему: „Открой Девятую". Он (информатор) говорит: они называли суру Йунус девятой» [Таб., I, с. 2963]. Отсюда следует, во-первых, что в списке, которым пользовался Усман, отсутствовала «Фатиха» (в каноническом тексте «Йунус» — десятая сура), т. е. структура Корана даже в своде Усмана не вполне совпадала с известным нам каноническим текстом, а во-вторых, в его руках был кодекс, а не свиток.
Чтение «девятая» дает Каирское издание ат-Табари, в издании де Гуе — «седьмая», у Халифы — также «седьмая» [Халифа, с. 146].
[79] Таб., I, с. 2963—2964.
[80] Имеются в виду не военные походы, а отправка в отдаленные гарнизоны.
[81] Балаз., А., т. 5, с. 64. Подписание соглашения упоминается также у ат-Табари [Таб., I, с. 2988] и Халифы [с. 146].
[82] И. Са'д, т. 3, ч. 1, с. 45; Балаз., А., т. 5, с. 65—66; Таб., I, с. 2965, 2981, 2989, 2992.
Этот эпизод упоминается в разных вариантах в любом историческом сочинении. Здесь дан самый обобщенный пересказ наиболее пространных сообщений.
[83] Таб., I, с. 2992—2993.
[84] Там же, с. 2985—2986.
[85] Халифа, с. 151.
[86] Там же, с. 151—152; Балаз., А., т. 5, с. 68. Некоторые информаторы упоминают участие Хасана в обороне ворот [Таб., I, с. 3009, 3013; Балаз., А., т. 5, с. 69], но это может объясняться проалидской настроенностью информаторов, желавших таким способом отвергнуть обвинение Али в потакании убийцам. Сведений, которые заставили бы сомневаться в участии Абдаллаха б. аз-Зубайра в защите дома халифа, не обнаруживается.
[87] И. Кут., т. 1, с. 63—64. О Талхе как организаторе блокады см.: Таб., I, с. 3000; ал-Йа'куби называет врагами Усмана Талху, аз-Зубайра и Аишу, ко-

торая будто бы не могла простить ему то, что он снизил ей пенсию с 12 000 дирхемов до 10 000, уравняв с другими женами [Йа'к., т. 2, с. 204].

[88] Халифа, с. 149—150; Таб., I, с. 3006.

[89] Балаз., А., т. 5, с. 68; Таб., I, с. 3009—3010. Согласно ал-Балазури, мавлам Али удалось пробиться сквозь осаждающих и доставить Усману три бурдюка воды, хотя при этом некоторые из водовозов были ранены.

[90] Балаз., А., т. 5, с. 69.

[91] Таб., I, с. 3001—3005.

[92] Там же, с. 3020.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВВ — Византийский временник. Л., М.
ЗИВ — Записки Института востоковедения АН СССР. Л., М.
ЗКВ — Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР. Л.
ИСВ — Историография стран Востока (проблемы феодализма). М., 1977.
Ист. Виз. — История Византии в трех томах. М., 1967—1969.
Ислам — Ислам: Религия, общество, государство. М., 1984.
ИЭС — Ислам: Энциклопедический словарь. М., 1991.
Маурид — Ал-Маурид. Маджалла тура̄с̱ӣйа фас̣лӣйа. Багда̄д.
ППВ — Памятники письменности Востока. М.
ППС — Православный палестинский сборник. СПб.
ПС — Палестинский сборник. Л.
СВ — Советское востоковедение. М.— Л.
AHM — Asian Historical Monographs. Dohosha.
Ann. isl. — Annales islamologiques. Publications de l'Institut français d'archéologie orientale à Caire. Le Caire.
AO — Acta orientalia. Academiae scientiarum hungaricae. Budapest.
Arb. — Arabica. Revue des études arabes. Leiden.
BASOR — Bulletin of the American School of Oriental Researches. Jerusalem — Baghdad — Baltimore.
BEO — Bulletin d'études orientales de l'Institut français de Damas. Damas.
BGA, 6 — Bibliotheca geographorum arabicorum ed. M. J. de Goeje. Pars 6. Kitâb al-Masâlik wa'l-Mamâlik (Liber viarum et regnorum) auctore Abu'l-Kâsim Obaidallâh ibn Khordâdhbeh et excerpta e Kitâb al-Kharâdj auctore Kodâma ibn Djaʻfar. Lugduni Batavorum, 1889.
BI — Bibliotheca Indica: a Collection of Oriental Works published by the Asiatic Society of Bengal. Calcutta.
BIFAO — Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale à Caire. Le Caire.
BM — Die Bibliothek des Morgenlandes. München.
BMGS — Byzantine and Modern Greek Studies. Oxf., 1975, vol. 1.
BOS — Bonner orientalistische Studien. Begründet von P. Kahle und W. Kirfel. Neue Serie. Hrsg. von O. Spies. Bonn.
Byz. — Byzantion. Revue internationale des études byzantines. Bruxelles.
BZ — Byzantinische Zeitschrift. München.
CSChO SA — Corpus scriptorum christianorum orientalium. Scriptori arabici. Beryti — Parisiis — Lipsiae.
CSChO SS — Corpus scriptorum christianorum orientalium. Scriptori Syri. Beryti — Parisiis — Lipsiae.
DI — Der Islām. Strassburg — Berlin.
EI — Enzyklopaedie des Islām: Geographisches, ethnographisches und biographisches Wörterbuch der muhammedanischen Völker. Bd. 1—4. Leiden — Leipzig, 1908—1934.
EI² — The Encyclopaedia of Islam. New ed. Vol. 1—... Leiden — London, 1960 —...
EP — Études de papyrologie. Le Caire.

GAS — Geschichte des arabischen Schrifttums. F. Sezgin. Bd. 1—... Leiden, 1967—...
GMS — E. J. W. Gibb Memorial Series.
GMS NS — E. J. W. Gibb Memorial Series. New Series.
HO — Handbuch der Orientalistik. Hrsg. von B. Spuler. Leiden — New York — København — Köln.
IEJ — Israel Exploration Journal. Jerusalem.
IMAG — *Schwarz P.* Iran im Mittelalter nach den arabischen Geographen. T. 1. Habilitationsschrift. Lpz., 1896; T. 2. Lpz., 1910; T. 3. Lpz., 1912; T. 4. Lpz., 1921 (Quellen und Forschungen zur Erd- und Kulturkunde, hrsg. von R. Stübe. Bd. 3, 6, 9); T. 5. Lpz., 1925; T. 6. Lpz., 1924; T. 7. Lpz., 1929 (Quellen und Forschungen zur Kultur- und Religionsgeschichte, hrsg. von R. Stübe. Bd. 1—3); T. 8, 1—2. Zwickau, 1932; 3—5. Stuttgart, 1933.
Iran — Iran. Journal of the British Institute of Persian Studies. L.
JA — Journal asiatique. P.
JESHO — Journal of the Economic and Social History of Orient. Leiden.
JRAS — Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. L.
MFOSJ — Mélanges de la Faculté orientale de l'Université St. Joseph. Beyrouth.
MIFAO — Mémoires publiés par les membres de l'Institut français d'archéologie orientale au Caire. Le Caire.
MSOS — Mitteilungen des Seminars für orientalischen Sprachen an der (Königlichen) Friedrich-Wilhelms-Universität zu Berlin. Westasiatische Abteilung. B.
Or. — Orient. Report of the Society for the Near Eastern Studies in Japan. Tokyo.
Oriens — Oriens. Zeitschrift der Internationalen Gesellschaft für Orientforschung. Leiden.
PERF — Papyrus Erzherzog Reiner. Führer durch die Ausstellung. Wien, 1894.
PO — Patrologia orientalis. Publiée par Max de Saxe, R. Graffin et F. Nau. P.
PSNE — Princeton Studies in the Near East. Princeton.
RAAD — Revue de l'Académie Arab. Damas.
REI — Revue des études islamiques. Damas.
RH — Revue historique. P.
Saec. — Saeculum. Freiburg in Breisgau.
SHAJ — Studies in History and Archaeology of Jordan. Amman.
SOAS — The School of Oriental and African Studies. L.
SPAW — Sitzungsberichte Preussischer Akademie der Wissenschaften zu Berlin. B.
StI — Studia Islamica. P.
St. Ir. — Studia Iranica. L.
Sumer (Сумер) — Sumer. A Journal of archaeology and history in Iraq. Baghdad.
TAVO — Tübinger Atlas des Vorderen Orients. Tübingen.
TPAPhA — Transactions and Proceedings of the American Philosophical Association held at Philadelphia for promoting useful knowledge. Philadelphia.
ZDMG — Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Lpz., Wiesbaden.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

А. Зурʻа.— Таʼрӣх̮ Абӣ Зурʻа ад-Димашк̣ӣ ли-л-х̣āфиз̣ ʻАбдаррах̣мāн б. ʻАмр б. ʻАбдаллāх б. Ҫафвāн ан-Наср̣ӣ ал-мутаваффā сана 281 х. Тнх̮к̣ӣк̣ Шукруллāх б. Ниʻматаллāх ал-Қуджāнӣ. Дж. 1—2. Димашк̣, 1400/1980.

А. Исфах.— *Абӯ-л-Фарадж ал-Исфахāнӣ ʻАлӣ ибн Х̮усайн.* Қитāб ал-Агāнӣ. Дж. 1—25. Байрӯт, 1955—1964.

А. Исфах., пер.— *Абу-ль-Фарадж аль-Исфахани.* Книга песен. Пер. с араб. А. А. Халидова и Б. Я. Шидфар. М., 1980.

А. Йус.— Қитāб ал-харāдж ли-л-к̣āдӣ Абӣ Йӯсуф Йаʻк̣ӯб ибн Ибрāхӣм ҫā х̮иб ал-имāм Абӣ Х̮анӣфа. Ал-Қāхира, 1326/[1908].

А. Салих.— The Churches and Monasteries of Egypt and Some Neighbouring Countries attributed to Abû Sâlih, the Armenian. Ed. and transl. by B. T. A. Evetts, with added notes by A. J. Butler. Oxf., 1895 (Anecdota Oxonensia. Texts, documents and extracts... Semitic series. Pt 7).

А. Уб.— Қитāб ал-амвāл ли-л-имāм ал-ʻаз̣ӣм... Абӣ ʻУбайд ал-Қāсим ибн Саллāм ал-Аздӣ... Ҫахха х̮аху ва ʻаллак̣а х̮авāшӣхи Мух̣аммад Х̮āмид ал-Фак̣к̣ӣ. Ал-Қāхира, 1353/[1934-35].

Агап.— Kitab al-ʻUnvan. Histoire universelle écrite par Agapius (Mahboub) de Menbidj, éditée et traduite en français par A. Vasiliev. Seconde partie (II).— PO. 1912, vol. 8, c. 397—550.

Азди 1.— «The fotooh al-Sham» being an account of the moslim conquests in Syria by Aboo Ismaʻil Mohammad bin ʻAbd Allah, al-Azdi al-Baçri... Ed. by W. N. Lees. Calcutta, 1854.

Азди 2.— Таʻрӣх̮ футӯх̮ аш-Шāм ривāйат Мухаммад ибн ʻАбдаллāх ал-Аздӣ. Тах̮к̣ӣк̣ ʻАбдалмунʻим ʻАбдаллāх ʻАмир. Ал-Қāхира, 1970.

Азр.— Geschichte und Beschreibung der Stadt Mekka von Abul-Walîd Muhammed ben Abdallah el-Azrakî... Hrsg. von F. Wüstenfeld. Lpz., 1858.

Балаз., А.— 1. Ансāб ал-ашрāф тасн̣ӣф Ах̣мад ибн Йах̣йā ал-маʻрӯф би ал-Балāз̱урӣ, ал-джуз' ал-аввал. Тах̮к̣ӣк̣ Мух̣аммад Х̮āмидаллāх. Ал-Қāхира, 1959. 5. The Ansāb al-Ashrāf al-Balādhurī published for the first time by the School of Oriental Studies Hebrew University, Jerusalem. Vol. 5. Ed. by S. D. F. Goitein. Jerusalem, 1936.

Балаз., Ф.— Liber expugnationis regionum, auctore Imâmo Ahmed ibn Jahja ibn Djâbir al-Belâdsori... Ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1866.

Б. Пенк.— Sources Syriaques. Vol. 1. Mšiẖa Zkha (texte et traduction). Bar-Penkayê (texte) par Mingana. Lpz., 1907.

Гевонд, пер.— История халифов вардапета Гевонда. Пер. с арм. К. Патканяна. СПб., 1862.

Джахш.— Das Kitâb al-Wuzarâ wa-l-Kuttâb al-Ǧahšiyari. In Faximile hrsg. von Hans Mžik. Lpz., 1926 (Bibliothek Arabischer Historiker und Geographen. 1).

Димашк.— Cosmographie de Schems-ed-din Abou Abdallah Mohammed ed-Dimechqui. Texte arabe, publié d'après l'édition commencée par M. Fraehn... par A. F. Mehren. St.-Pbg., 1866.

Динав.— *Abû Ḥanîfa ad-Dînaweri.* Kitâb al-aẖbâr aṭ-ṭiwâl. Publié par V. Guirgass. Leide, 1888.

Дион.— Chronique de Denys de Tell-Maẖré. Quatrième partie publiée et traduite par J.-B. Chabot. P., 1895 (Bibliothèque de l'École des hautes études. Fasc. 112).

Евтих.— Eutychii Patriarchae Alexandrini Annales. Pars posterior. Accedunt Annales Yahya Ibn Said Antiochensis, 1909 (CSChO SA, ser. 3. t. 7).

И. А.— Ibn-el-Athiri Chronicon quod perfectissimum inscribitur, ed. C. J. Tornberg. Vol. 1—14. Upsaliae et Lugduni Batavorum, 1851—1876.

И. А., Усд.— Усд ал-га̄ба фӣ ма'рифат ас-саха̄ба ли-л-има̄м ал-'а̄лим ал-аухад 'Изз ад-дӣн... ал-Джазарӣ ал-ма'рӯф би Ибн ал-Асӣр. Дж. 1—5. Техра̄н, 1377/[1958].

И. Абдалбарр.— Кита̄б ал-истӣ'а̄б фӣ ма'рифат ал-асха̄б ли Абӣ 'Умар Йӯсуф ибн 'Абдалла̄х ал-ма'рӯф би Ибн 'Абд ал-Барр ан-Намрӣ ал-Куртубӣ... Хайдара̄ба̄д, 1318/[1900-01].

И. Абдх.— The history of the conquest of Egypt, North Africa and Spain known as the Futūḥ Miṣr of Ibn Abd al-Ḥakam. Ed. Ch. C. Torrey. New Haven, 1922.

И. Абдх., пер.— *'Абд ар-Рахма̄н ибн 'Абд ал-Хакам.* Завоевание Египта, ал-Магриба и ал-Андалуса. Пер. с араб., предисл. и примеч. С. Б. Певзнера. М., 1985.

И. Адам.— Le livre de l'impôt foncier de Yahyā ibn Ādam. Publié d'après manuscript unique appartenant à Ch. Schefer par Th. W. Juynboll. Leide, 1896.

И. Адам, пер.— Taxation in Islam. Vol. 1. Yaḥyā ben Ādam's Ķitâb al-kharâdj. Ed., transl. and provided with an introduction and notes by A. Ben Shemesh... with a foreword by S. D. Goitein. Leiden, 1958.

И. Асак.— Та'рӣх мадӣна Димашк ва зикр фадлиха̄ ва тасмийа ман халлаха̄ мин ал-ама̄сил ау иджта̄за би нава̄хӣха̄ мин ва̄ридӣха̄ ва ахлиха̄ таснӣф ал-има̄м ал-ха̄физ Абӣ-л-Ка̄сим 'Алӣ ибн ал-Хасан ал-ма'рӯф би Ибн 'Аса̄кир. Би тахкӣк Сала̄х ад-дӣн ал-Мунаджжид. Дж. 1—2. Димашк 1951—1954; дж. 10, би тахкӣк Мухаммад Ахмад Духма̄н. [Димашк 1383 х.—1963 м.

И. Зуб.— Кита̄б аз-заха̄'ир ва-т-тухаф ли-л-ка̄дӣ ар-Рашӣд ибн Зубайр... Хаккакаху 'ан нусха фарӣда Мухаммад Хамӣдалла̄х, каддама лаху ва ра̄джа'аху Сала̄х ад-дин ал-Мунаджжид. Ал-Кувайт, 1959.

И. Кут.— Кита̄б ал-има̄ма ва-с-сийа̄са та'лӣф... Абӣ Мухаммад 'Абд Алла̄х ибн Муслим Ибн Кутайба ал-мутаваффа̄ сана 270 х. И'тана̄ би таб'ихи ва тасхӣхихива шархи ба'ди маса̄'илихи ма'а калима̄тихи ал-лугавийа Мухаммад Махмӯд ар-Ра̄фи'й. Дж. 1—2. Миср, 1322 х.— 1904 м.

И. Кут., М.— Ibn Coteiba's Handbuch der Geschichte. Aus den Handschriften... Hrsg. von F. Wüstenfeld. Göttingen, 1850.

И. Мамм.— *Ас'ад ибн Мамма̄тӣ.* Кава̄нӣн ад-дава̄вӣн. Джама'аху ва хаккакаху 'Азӣз Сӯрийа̄л 'Атийа. Ал-Ка̄хира, 1943.

И. Мамм., пер.— *Ибн Маммати.* Правила диванов. Пер. с араб., предисл. и коммент. С. Б. Певзнера. М., 1990.

И. Са'д.— *Ibn Saad.* Biographien Muhammeds, seiner Gefährten und der späteren Träger des Islams... Hrsg. von E. Sachau. Bd. 1—9. Leiden, 1905—1921.

И. Тагриб.— Abū 'l-Mahasin ibn Tagri Bardii Annales quibus titulus... Ed. T. G. Juynboll. Vol. 1. Leiden, 1852—1861.

И. Хаджар, И.— A biographical dictionary of persons whe knew Mohammad, by Ibn Hajar. Ed. in Arabic, vol. 1, by Mawlawies Mohammad Wajyh, 'Abd al-Haqq, and Ghola'm Qa'dir and A. Sprenger. Calcutta, 1856; vol. 2—4, by Maulavi Abdul Hai. Calcutta, 1873—1893 (араб. изд.: ал-Иса̄ба фӣ тамйӣз ас-саха̄ба ли Ибн Хаджар ал-'Аскала̄нӣ. Дж. 1—8. Миср, 1323—1325/[1905—1907].

И. Хаджар, ТТ.— Тахзӣб ат-Тахзӣб ли Шиха̄б ад-дӣн Абӣ Фадл Ахмад ибн 'Алӣ ибн Хаджар ал-'Аскала̄нӣ. Дж. 1—12. Хайдара̄ба̄д, 1325—1327/[1907—1909].

И. Хазм.— Ал-Мухалла̄ таснӣф ал-има̄м... Абӣ Мухаммад 'Алӣ ибн Ахмад ибн Са'ӣд ибн Хазм ал-мутаваффа̄ 456 х. Дж. 6. Миср, 1349/[1930-31].

И. Хамдун.— Ат-Тазкира ал-Хамдӯнийа таснӣф Ибн Хамдӯн Мухаммад ибн 'Алӣ. Тахкӣк Ихса̄н 'Абба̄с. Дж. 1. Байрӯт, 1983.

И. Хурд., пер.— *Ибн Хордадбех.* Книга путей и стран. Пер. с араб., коммент., исслед., указатели и карты Наили Велихановой. Баку, 1986.

Илья.— Eliae Metropolitae Nisibeni Opus chronologicum. Pars prior ed. E. W. Brooks; interpretatus est E. W. Brooks. P., 1910 (CSChO SS, ser. 3, t. 7).

Иоанн.— Chronique de Jean évêque de Niciou. Texte éthiopien, publié et traduit

par H. Zotenberg. P., 1883 (Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque Nationale. т. 24).
Йак.— Jacut's geographisches Wörterbuch, aus den Handschriften... Hrsg. von F. Wüstenfeld. Bd. 1—6. Lpz., 1866—1870.
Йа'к.— Ibn Wādhih qui dicitur al-Ja'qubī, Historiae... Pars 1—2. Ed. M. Th. Houtsma. Lugduni Batavorum, 1883.
Йа'к., М.— Mushakalat al-nas li zamanihim (The adoptation of men to their time) by al-Ya'kubi. Ed. by W. Milward. Beirut, 1962.
Каланкатуаци, пер.— *Мовсес Каланкатуаци.* История страны Алуанк. Пер. с древнеарм., предисл. и коммент. Ш. В. Смбатяна. Ер., 1984.
Кинди, В.— The Governors and Judges of Egypt or Kitâb el 'Umarâ' (el Wulâh) wa Kitâb el Quḍâh of El-Kindî together with an Appendix derived mostly from Raf' el Iṣr by Ibn Ḥajar. Ed. by R. Guest. Leyden — London, 1912 (GMS, 19).
Кинди, Ф.— Фаḍа'ил Миср ли 'Умар ибн Муҳаммад ибн Йӯсуф ал-Кинди. Би таҳкик Ибрāхӣм Аҳмад ал-'Адави, 'Али Муҳаммад 'Умар. Ал-Каҳира, 1391/1971.
Кн. халифов.— Chronicon miscellaneum ad annum domini 724 pertinens. Ed. E.-W. Brooks, interpretatus est J.-B. Chabot.— Chronica minora, pars prior, ed. I. Guidi. P.; Lipsiae, 1903 (CSChO SS, Textus, ser. 3, t. 4, c. 77—155; versio, c. 61—119).
Кудама.— Book on taxation and official correspondance. Kitāb al-Kharāj wa-ṣinā'at al-kitāba by Qudāma ibn Ja'far (d. ca. 830 A. D.). Ed. Fuat Sezgin in collaboration with M. Amawi, A. Jokhosha, E. Neubauer. Frankfurt am Main, 1986.
Кумми.— Китāб-и та'рӣх-и Кумм та'лӣф-и Ҳасан бен Муҳаммад бен Ҳасан Кумми дар сāл-и 378 камарӣ ба-л-'арабӣ... Тасҳӣх-и ва таҳшийа-йи саййид Джалāл ад-дӣн Техрāнӣ... Техрāн, 1353/[1934-35].
Куфи.— Kitābu'l Futūh by Abu-Muhammad Ahmad ibn A'tham al-Kūfī (d. about 314 A. H./926 A. D.). Vol. 1—8. Ed. by 'Abdu'l Mu'īd Khan, Sayid 'Abdu'l Wahhāb Bukhārī. Hyderabad, 1389—1395 A. H./1969—1976 A. D.
Куфи, пер.— *Абу Мухаммад Ахмад ибн А'сам ал-Куфи.* Книга завоеваний (Извлечения по истории Азербайджана VII—IX вв.). Пер. с араб. яз. акад. АН АзССР З. М. Буниятова. Баку, 1981.
Мав.— Maverdii Constitutionis politicae. Ex recensione M. Engeri. Accedunt adnotationis et glossarium. Bonnae, 1853.
Макр., Х.— Ал-Мава'из ва-л-и'тибāр би зикр ал-хитат ва-л-āсāр ли-л-Макрӣзӣ. Дж. 1—2. Бӯлāк, 1270/[1853].
Мас'уди.— *Maçoudi.* Les Prairies d'or. Texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. T. 1—9. P., 1861—1877.
Мих. Сир.— Chronique de Michel le Syrien, patriarche jacobite d'Antioche (1166—1199). Ed. pour la première fois et trad. en français par J.-B. Chabot. Trad. T. 1—3. P., 1899—1905; texte syriaque, t. 4. P., 1910.
Мухибб.— Ар-Рийāḍ ан-наḍра фӣ манāкиб ал-'ашара та'лӣф ал-имāм... Абӣ Джа'фар Аҳмад аш-шахӣр би-л-Муҳибб ат-Табарӣ... 'Унийа би тасҳӣҳихи ас-саййид Муҳаммад Бадр ад-дӣн ан-На'сāнӣ ал-Ҳалабӣ. Дж. 1—2. Миср, 1327/[1909].
Никифор.— Nicephori archiepiscopi constantinopolitani opuscula historica. Ed. C. de Boor. Lipsiae, 1880.
Никифор, пер.— Никифора, патриарха константинопольского, краткая история со времени после царствования Маврикия. Пер. [и примеч.] Е. Э. Липшиц.— ВВ. 1950, т. 3, с. 349—387.
Пс.-Вак. 1.— The conquest of Syria commonly ascribed to Aboo 'Abd Allah Mohammad b. 'Omar al-Wáqidí. Ed. with notes by W. N. Lees. Vol. 1—2 (pt 1—3). Calcutta, 1854 (BI, № 102).
Пс.-Вак. 2.— Футӯх аш-Шāм ли-л-имāм ал-'аллāма ал-Вāкидӣ. Дж. 1—2. [Ал-Каҳира], 1302/[1885].
Пс.-Вак., рук.— Рукопись ИВ РАН, В 603.
Самх.— Вафā' ал-вафā' би аҳбāр дāр ал-Мустафā... та'лӣф аш-шайх Нӯр ад-дӣн 'Алӣ ибн Джамāл ад-дӣн... ас-Самхӯдӣ... Дж. 1—2. Миср, 1326/[1908].

Себеос, пер.— История епископа Себеоса. Перевел с четвертого исправленного армянского издания Ст. Малхасянц. Ер., 1939.
Сев.— Severus ben el-Moqaffa Historia patriarcharum alexandrinorum. Ed. Ch. F. Seybold. T. 1. Beryti—Parisiis, 1904—1910 (CSChO SA., ser. 3, t. 9).
Сир. фрагм.— Historia subjectionis Syriae ab arabus effectae. Ed. E.-W. Brooks, interpretatus est J.-B. Chabot.— Chronica minora, pars prior, ed. I. Guidi. P.; Lipsiae, 1903 (CSChO SS, Textus, ser 3, t. 4, c. 75; versio, c. 59—60).
Сир. хрон.— Chronicon anonimum. Ed. et interpretatus est L. Guidi.— Chronica minora, pars prior, ed. I. Guidi. P.; Lipsiae, 1903 (CSChO SS, Textus, ser. 3, t. 4, c. 15—39; versio, c. 13—32).
Сир. хрон., пер.— *Пигулевская Н. В.* Анонимная сирийская хроника о времени Сасанидов (сирийские источники по истории Ирана и Византии).— ЗИВ. 1939, т. 7, с. 55—78.
Сули, А.— Адаб ал-куттāб та'лӣф Мухаммад ибн Йахйā ас-Сӯлӣ. Насахаху ва 'унийа би тасхӣхихи ва та' лӣк хавāшӣхи Мухаммад Бахджа ал-Асарӣ... Ал-Кāхира, 1341/[1922-23].
Т. Систан.— Та'рӣх-и Сӣстāн («История Сӣстāна»). Пер. и коммент. Л. П. Смирновой (ППВ, XLII). М., 1974.
Таб.— Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari cum aliis edidit M. J. de Goeje, series I—III. Lugduni Batavorum, 1879—1901.
Таб., пер.— История ат-Табари («История» ат-Табари. Избранные отрывки. Пер., с араб. В. И. Беляева. Доп. к пер. О. Г. Большакова и А. Б. Халидова). Таш., 1987.
Таухиди.— Китāб ал имтā' ва-л-му'āниса та'лӣф Абӣ Хаййāн ат-Таухӣдӣ. Ва хува маджмӯ' мусāмарāт фӣ фунӯн шаттā... Саххахаху ва дабатаху ва шараха гарӣбаху Ахмад Амӣн ва Ахмад аз-Зайн. Дж. 1—3. Байрӯт — Сайда, 1953.
Урва.— Магāзӣ Расӯл Аллāх ли 'Урва ибн аз-Зубайр би ривāйа Абӣ-л-Асвад 'анху (ан-нусха ал-мустахраджа джама'аху ва хаккакаху ва каддама лаху Мухаммад Мустафā ал-А'зӣ). Ар-Рийāд, 1401 х.—1981 м.
Фарра'и.— Ал-Ахкāм ас-султāнӣйа ли-л-кāдӣ Абӣ Йа'ла Мухаммад ибн ал-Хусайн ал-Фаррā'ӣ ал-Ханбалӣ ал-мутаваффā сана 458 х. Саххахаху ва 'аллака 'алайхи Мухаммад Хāмид ал-Факкӣ, ат-таб' а ас-сāнийа. Миср, 1386/1966.
Фас.— Китāб ал-ма'рифа ва-т-та'рӣх та'лӣф Абӣ Йӯсуф Йа'кӯб ибн Суфйāн ал-Фасавӣ, ривāйат 'Абдаллāх ибн Джа'фар ибн Дуруставайх ан-Нахвӣ. Ал-муджаллад ал-аввал, ал-китāб ал-'āшир. Тахкӣк Акрам Дийā' ал-'Умарӣ. Багдāд, 1394/1974.
Феоф.— Theopanis Chronographia rec. C. de Boor. 1, 2. Lipsiae, 1883, 1885.
Феоф., пер.— Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. В переводе с греческого В. И. Оболенского и Ф. А. Терновского. М., 1890.
Х. Исфах.— Hamzae Isphahanensis Annalium libri X. Ed. J. M. E. Gottwaldt. T. 1. Textus arabicus. Petropoli, 1844.
Халифа.— Та'рих Халӣфа ибн Хаййāт ли-л-имāм ал-мухаддис... Тахкӣк Акрам Дийā' ал-'Умарӣ. Ан-Наджаф, 1386 х./1967 м.
Хулафа.— История халифов анонимного автора XI века. Факсимиле рукописи. Предисл. и краткое излож. содержания П. А. Грязневича. Указ. М. Б. Пиотровского и П. А. Грязневича (ППВ, LXI). М., 1967.
ал-Али, 1965.— *ал-'Алӣ С. А.* Минтака ал-Кӯфа. Дирāса тӯбӯгрāфӣйа мустанада илā-л-масāдир ал-адабӣйа.— Сӯмер. 1965, т. 21, с. 229—253.
Аргун, 1953.— *'Аргӯн С. И.* Хāлид ибн ал-Валӣд. Ал-Кāхира, 1953.
Ацамба—Надирадзе, 1977.— *Ацамба Ф. М., Надирадзе Л. И.* Развитие феодализма в арабском халифате.— ИСВ, с. 249—279.
Бартольд, 1—9.— *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. 1—9. М., 1963—1977.
Башкиров, 1927.— *Башкиров А. С.* Изучение памятников старины в Дагестане.— Дагестанский сборник. Махачкала, 1927, т. 3, с. 233—240.
Беляев, 1966.— *Беляев Е. А.* Арабы, ислам и арабский халифат в раннее средневековье. 2-е изд. М., 1966.

Бойко, 1977.— *Бойко К. А.* Арабская историческая литература в Испании (VIII— первая треть XI в.). М., 1977.
Бойко, 1983.— *Бойко К. А.* Арабская историческая литература в Египте (VII—IX вв.). М., 1983.
Болотов, 1918.— *Болотов В. В.* Лекции по истории древней церкви. 4. История церкви в период вселенских соборов. 3. История богословской мысли. Пг., 1918.
Большаков, 1969.— *Большаков О. Г.* О применении свинцовых печатей при сборе джизьи в Халифате.— ПС. 1969, вып. 19, с. 87—93.
Большаков, 1973.— *Большаков О. Г.* Город в конце VIII— начале XIII в.— *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город Средней Азии. Л., 1973, ч. 2, с. 132—352.
Большаков, 1984.— *Большаков О. Г.* Средневековый город Ближнего Востока. VII— середина XIII в.: Социально-экономические отношения. М., 1984.
Буниятов, 1965.— *Буниятов З.* Азербайджан в VII—IX вв. Баку, 1965.
Буниятов, 1978.— *Буниятов З. М.* Государство атабеков Азербайджана. Баку, 1978.
Велиханова, 1987.— *Велиханова Н. М.* Изменение исторической географии Азербайджана в результате арабского завоевания.— Историческая география Азербайджана. Баку, 1987, с. 46—87.
Гирс, 1929.— *Гирс М.* К вопросу об арабских знаменах.— ЗКВ. 1929, 5, с. 343—365.
Грязневич, 1984.— *Грязневич П. А.* Аравия и арабы (к истории термина *ал-ʽараб*).— Ислам, с 122—131.
Джаванна, 1985.— *Джаванна И.* Маʽрака ал-Йармӯк. Арбӣл, 1985.
Заки-бек, 1951.— *Закӣ-бак А.* Мауḳиф ал-фикр ал-ʽарабӣ мин ал-ḫаḍāра ал-ʽарабӣйа.— Ал-ʽАраб ва-л-ḫаḍāра ал-ḫадӣс̱а биḳалам Ахмад Закӣ-бак, Ṣубḫӣ ал-Махмасāнӣ, Аḫмад Ṣāлиḫ ал-Ḫāмидӣ. Байрӯт, 1951, с. 11—32.
Ḳади, 1965.— *Ал-Ḳāḍӣ Н. ʽА.* Шиʽр ал-футӯḫ фӣ ṣадр ал-ислāм. Ал-Ḳāхира, 1385 х.—1965 м.
Ḳамал, 1972.— *Ḳамāл А. А.* Ат-Ṭарӣḳ илā ал-Мадā'ин. Байрӯт, 1972.
Колесников, 1970.— *Колесников А. И.* Иран в начале VII века (источники, внутренняя и внешняя политика, вопросы административного деления) [ПС. 1970, вып. 22 (85)].
Колесников, 1982.— *Колесников А. И.* Завоевание Ирана арабами (Иран при «праведных» халифах). М., 1982.
Кривов, 1982.— *Кривов М. В.* Феофан и Никифор о начале арабских завоеваний.— ВВ. 1982, т. 43, с. 218—224.
Кривов, 1986.— *Кривов М. В.* Некоторые вопросы арабского завоевания Сирии и Палестины.— ВВ. 1986, т. 46, с. 88—99.
Кудрявцев, 1982.— *Кудрявцев А. А.* Древний Дербент. М., 1982.
Курбатов, 1971.— *Курбатов Г. Л.* Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV—VII вв. (Конец античного города в Византии). Л., 1971.
Магомедов, 1983.— *Магомедов М. Г.* Образование хазарского каганата: По материалам археологических исследований и письменным данным. М., 1983.
Мадун, 1982.— *Мадӯн М. А.* Масӣра Ḫāлид ибн ал-Валӣд мин ал-Ḫӣра илā ал-Йармӯк ау ад-дарб ал-мафḳӯд. [Дӣмашḳ], 1402 х.—1982 м.
Мазин, 1989.— *Мāзин М. А.* Маʽрака Аджнāдайн (28 джумāда ал-ӯлā 13 х./30 таммӯз 634 м.).— Маурид. 1989, 18, с. 41—59.
Маркс.— *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд.
Маʽруф, 1969.— Аṣāла ал-ḫаḍāра ал-ʽарабӣйа та'лӣф Нāджӣ Маʽрӯф... Ат-ṭабʽа аṯ-ṯāнийа мутаḫаḳḳаḳа ва мазӣда. Баġдāд, 1389 х.— 1969 м.
Медников, 1897.— *Медников Н. А.* Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов по арабским источникам. Т. 2. Приложения. Ч. 3 [ППС. 1987, вып. 50= т. 17, вып. 2 (4)].
Медников, 1903.— *Медников Н. А.* Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов по арабским источникам. Т. 1. Исследование [ППС. 1903, вып. 50= т. 17, вып. 2 (1)].

Михайлова, 1965.— *Михайлова А. И.* Каталог арабских рукописей Института народов Азии Академии наук СССР. Вып. 3. История. М., 1965.
Мух. Али, 1954.— *Мухаммад 'Алӣ М.* Таkрӣр ал-аввал 'ан ат-танkӣб фӣ-л-Кӯфа ли-л-мавсим ас-с̱анӣ.— Сӯмер. 1954, т. 10, с. 73—88.
Наджафи, 1960.— Та'рӣх̮ ал-Кӯфа та'лӣф... Хусайн ибн ас-саййид Ахмад ал-Бураkӣ ан-Наджафӣ ал-мутаваффа̄ 1322 х. Харрараху ва ада̄фа илайхи Мухаммад Са̄дик. Ат-таб'а ас-с̱а̄нийа. Ан-Наджаф, 1379 х.—1960 м.
Надирадзе, 1970.— *Надирадзе Л. И.* Проблема государственной собственности на землю в Халифате VII—VIII вв.— Арабские страны: История, экономика. М., 1970, с. 151—205.
Никифоров, 1975.— *Никифоров В. Н.* Восток и всемирная история. М., 1975.
Новосельцев, 1990.— *Новосельцев А. П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.
Пигулевская, 1946.— *Пигулевская Н. В.* Византия и Иран на рубеже VI—VII веков. М.—Л., 1946.
Прозоров, 1980.— *Прозоров С. М.* Арабская историческая литература в Ираке, Иране и Средней Азии в VII— середине X в.: Шиитская историография. М., 1980.
Рифа'и, 1973.— *Ар-Рифа̄'ӣ А.* Ал-Исла̄м фӣ хада̄ратихи ва назма ал-ида̄рӣйа ва-с-сийа̄сӣйа ва-л-адабӣйа ва-л-'илмӣйа ва-л-иджтима̄'ӣйа ва-л-иkтиса̄дӣйа ва-л-фаннӣйа. Димашk, 1393 х.—1973 м.
Са'ди, 1984.— *Ас-Са'дӣ 'А.* Сийа̄сат ал-ма̄л фӣ-л-исла̄м фӣ 'ахд 'Умар ибн ал-Хатта̄б... ва муkа̄ранатуха̄ би-л-анзима ал-хадӣса. Ад-Дӯха —Kатар, 1403 х.—1983 м.
Са'ид, 1935.— *Са'ӣд 'А.* Та'рӣх̮ ал-исла̄м ас-сийа̄сӣ. Дж. 1. Хурӯб ал-исла̄м ва-л-имбара̄тӯрӣйа ал-фа̄рисӣ йа̄ фатх Джазӣрат ал-'араб. Дж. 2. Хурӯб ал-исла̄м ва-л-имбара̄тӯрӣйа ар-рӯмӣйа: Фатх аш-Ша̄м, Миср, Ифрӣkийа̄ аш-Шима̄лӣйа. Ал-Kа̄хира, 1935.
Саидов, Шихсаидов, 1980.— *Саидов М.-С., Шихсаидов А. Р.* «Дербенд-наме» (к вопросу об изучении).— Восточные источники по истории Дагестана (сборник статей и материалов). Махачкала, 1980, с. 5—64.
Смирнова, 1957.— *Смирнова О. И.* Из истории арабских завоеваний в Средней Азии (Договор арабского полководца Кутейбы с царем Согда Гуреком, заключенный в 712 г.).— СВ. 1957, № 2, с. 119—134.
Стори, 1972.— *Стори Ч. А.* Персидская литература: Био-библиографический обзор. В трех частях. Пер. с англ., перераб. и доп. Ю. Э. Брегель. Ч. 1. Кораническая литература, всеобщая история, история пророков и ранний ислам. М., 1972.
Талас, 1978.— *Тала̄с М.* Сайф Алла̄х Ха̄лид ибн ал-Валӣд. [Димашk]. 1398 х.— 1978 м.
Тер-Гевондян, 1977.— *Тер-Гевондян А. Н.* Армения и арабский Халифат. Ер., 1977.
Турайхи, 1981.— *Ат-Турайхӣ М. С.* Ат-Та'с̱ӣра̄т ан-насра̄нӣйа фӣ-л-муджтама' ал-кӯфӣ.— А̄фа̄k 'арабӣйа. Багда̄д, 1981, № 12, с. 50—56.
Хаддад, 1931.— *Хаддӯд Дж.* Фатх ал-'араб ли-ш-Ша̄м. Байрӯт, 1931.
Хайкал, 1943.— *Хайкал М. Х.* Ас-Сиддӣk Абӯ Бакр. Ал-Kа̄хира, 1362/[1943].
Хайят, 1953.— *Хайят Дж.* Иракская деревня. Сокр. пер. Н. И. Прошина и В. Э. Шагаль. М., 1953.
Хаммаш, 1974.— *Хамма̄ш М.* Аш-Ша̄м фӣ садр ал-исла̄м мин ал-фатх хатта̄ суkӯт хила̄фа Банӣ Умаййа. Димашk, 1974.
Хан-Магомедов, 1979.— *Хан-Магомедов С.* Дербент. Горная стена. Аулы Табасарана. М., 1979.
Хасан, 1935.— *Хасан И. Х.* Та'рӣх̮ ал-исла̄м ас-сийа̄сӣ ва-д-дӣнӣ ва-с̱-с̱аkа̄фӣ ва-л-иджтима̄'ӣ. Дж. 1—2. Ал-Kа̄хира, 1935.
Хашими, 1952.— *Ал-Ха̄шимӣ Т.* Сафар Ха̄лид ибн ал-Валӣд мин ал-'Ира̄k ила̄ аш-Ша̄м.— RAAD. 1953, 28, с. 45—60, 228—241.
Хинц, 1970.— *Хинц В.* Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему. Пер. с нем. Ю. Э. Брегеля. *Давидович Е. А.* Материалы по метрологии средневековой Средней Азии. М., 1970.
Шибли, 1933.— *Шиблӣ А.-З.* Та'рӣх̮ Ха̄лид ибн ал-Валӣд ал-батал ал-фа̄тих. Ал-Kа̄хира, 1933.

Шибли, 1964.— *Шиблӣ М.* Иштирāкийа ʻУмар. Дж. 1—2. Ал-Ķāхира, 1964—1985.
Шибли, 1974.— *Шиблӣ М.* Иштирāкийа ʻУс̱мāн ибн ʻАффāн. Байрӯт, 1974.
Шихсаидов, 1976.— *Шихсаидов А. Р.* К вопросу о локализации Филана.— Ономастика Кавказа. Махачкала, 1976, с. 78—87.
Шихсаидов, 1980.— *Шихсаидов А. Р.* Вопросы исторической географии Дагестана X—XIV вв. (лакз, гумик).— Восточные источники по истории Дагестана (сборник статей и материалов). Махачкала, 1980, с. 65—81.
Abbot, 1957.— *Abbot N.* Studies in Arabic Literary Papyri. 1. Historical Texts. Chicago, 1957.
Abel, 1970.— *Abel A.* Le djizya: tribut ou rançom.— StI. 1970, 32, c. 5—19.
Adams, 1965.— *Adams Mc. R.* The Land behind Baghdad: A History of Settlement on the Diyala Plans. Chicago — London, 1965.
Akram, 1970.— *Akram M.* The Sword of Allah Khalid bin Al-Waleed: His Life and Campaigns. Karachi — Dakka, 1970.
Ashtor, 1969.— *Ashtor E.* Histoire des prix et des salaires dans l'Orient médiéval. P., 1969.
Ashtor, 1976.— *Ashtor E.* A Social and Economic History of the Near East in the Middle Ages. L., 1976.
Baedeker, 1904.— *Baedeker K.* Palästina und Syrien nebst den Hauptorten durch Mesopotamien und Babylonien: Handbuch für Reisende. 6. Aufl. Lpz., 1904.
Becker, 1910.— *Becker C. H.* Der Islam als Problem.— DI. 1910, Bd. 1, c. 1—21.
Becker, 1912.— *Becker C. H.* The Expansion of the Saracenes.— The Cambridge Medieval History. Vol. 2. Cambridge, 1912, c. 329—390.
Bell, 1928.— *Bell H. I.* The Administration of Egypt under the Umayyad Caliphs.— BZ. 1928, Bd. 28, c. 278—286.
Bousquet, 1956.— *Bousquet G. H.* Observation sur la nature et les causes de la conquête arabe.— StI. 1956, 6, c. 37—52.
Bousquet, 1956a.— *Bousquet G. H.* Quelques remarques critiques et sociologiques sur la conquête arabe et les théories émises à ce sujet.— Studi orientalistici in onore de Giorgio Levi della Vida. Vol. 1. Roma, 1956, c. 52—60.
Bull, 1991.— *Bull R. J., Krentz E. M., Storvick O. J., Spiro M.* The Joint Expedition to Caesarea Maritima.— BASOR Supplement № 27. Preliminary Reports of ASOR sponsored Excavations 1982—1989. Baltimore, 1991, c. 69—91.
Butler, 1902.— *Butler A. J.* The Arab Conquest of Egypt and the Last Thirty Years of the Roman Dominion. Oxf., 1902.
Butzer, 1957.— *Butzer K. W.* Der Umweltfaktor in der großen arabischen Expansion.— Saec. 1957, 8, c. 357—371.
Caetani, 1907.— Annali dell'islām compilati da L. Caetani. Vol. 2, tomo 2. Dall'anno 7 al 12 H. Milano, 1907.
Caetani, 1910.— Annali dell'islām compilati da L. Caetani. Vol. 3. Dall'anno 13 al 17 H. Milano, 1910.
Caetani, 1911.— Annali dell'islām compilati da L. Caetani. Vol. 4. Dell'anno 18 al 22 H. Milano, 1911.
Caetani, 1912.— Annali dell'islām compilati da L. Caetani. Vol. 5. Anno 23 H. Milano, 1912.
Caetani, 1914.— Annali dell'islām compilati da L. Caetani. Vol. 7. Dall'anno 24 al 32. Milano, 1914.
Cahen, 1968.— *Cahen C.* Der Islam. 1. Vom Ursprung bis zu den Anfängen des Osmanisches Reiches.— Fischer's Weltgeschichte. Frankfurt am-Main, 1968, Bd. 14.
Cahen, 1986.— *Cahen C.* Historiographie arabe: des origines au VII-e S. H.— Arb. 1986, 33, c. 133—198.
Canard, 1965.— *Canard M.* L'expansion arabe: le problème militaire.— L'Occidente e l'islam nell alto medioevo. T. 1. Settimani di studio del'centro italiano di studi sull'alto medioevo. 12. Spoletto, 1965, c. 37—63.
Casanova, 1913.— *Casanova P.* Essai de reconstruction topographique de la ville d'al-Foustat ou Misr. Vol. 1—3. Le Caire, 1913—1919 (MIFAO, 35).
Conder, 1884.— *Conder C. R., Kitchener H. H.* Map of Western Palestine: From

surveys conducted for the Committee of the Palestine Exploration Fund. L., 1884.
Constantelos, 1973.— *Constantelos D. J.* The Moslem Conquests of the Near East as revealed in the Greek Sources of the Seventh and the Eighth Centuries.— Byz. 1972. 1973, t. 42, c. 325—357.
Curiel, 1976.— *Curiel R., Ginoux Ph.* Un poids arabo-sasanide.— St. Ir. 1976, t. 5, c. 165—169.
Curiel, 1985.— *Curiel R., Gyselen R.* Un type monétaire byzantino-sasanide d'époque islamique.— St. Ir. 1985, t. 14, c. 109—113.
Dorn, 1844.— *Dorn B.* Nachrichten über die Chasaren.— Mémoires de l'Académie Impériale des siences de St.-Pétersbourg, ser. 6, t. 6, c. 46—133.
Ehrenkreutz, 1972.— *Ehrenkreutz A. S.* Another Orientalist's Remarks concerning the Pirenne Thesis.— JESHO. 1972, vol. 15, c. 94—104.
Fahmi, 1980.— *Fahmi A. M.* Muslim Sea-Power in the Eastern Mediterranean: From the Seventh to the Tenth Century A. D. Cairo, 1980.
Fiey, 1967.— *Fiey J.-M.* Topography of al-Mada'in.— Sumer. 1967. vol. 23, c. 3—38.
Gabrielli, 1968.— *Gabrielli F.* Muhammad and the Conquests of Islam. Transl. from the Italian V. Luling, R. Linell. L., 1968.
Ghirshmann, 1948.— *Ghirshman R.* Les Chionites-Hephtalites. Le Caire, 1948.
Glubb, 1966.— *Glubb J. B.* The Great Arab Conquests. The 2-nd impression. L., 1966 (1-st ed. L., 1962).
Göbl, 1971.— *Göbl R.* Sasanian Numismatics. With 16 minting tables and 16 plates. Transl. by P. Severin. Würzburg, 1971.
de Goeje, 1864.— *De Goeje M. J.* Mémoires de l'histoire et de géographie orientale. 3. Mémoires sur le Fotouho's-Scham. Leide, 1864.
de Goeje, 1900.— *De Goeje M. J.* Mémoire sur la conquête de la Syrie. 2e éd. Leide, 1900.
Goldblatt, 1979.— *Goldblatt D. M.* The Poll-tax in Sasanian Babylonia: The Talmudic Evidence.— JESHO. 1979, vol. 22, c. 233—295.
Gordus, 1974.— *Gordus A. A.* Non-destructive Analysis of Parphian, Sasanian and Umayyad Silver Coins.— Near Eastern Numismatics, Iconography, Epigraphy and History: Studies in honour of George C. Miles. Beyrouth, 1974, c. 141—262.
Gräf, 1963.— *Gräf E.* Eine wichtige Rechtsdirektive 'Uthman's aus dem Jahre 30.— Oriens. 1963, vol. 16, c. 122—133.
Grohmann, 1932.— *Grohmann A.* Aperçu de papyrologie arabe.— EP. 1932, 1, c. 23—95.
Guest, 1907.— *Guest A. R.* The Foundation of Fustat and the Khitats of that Town.— JRAS. 1907, c. 49—84.
Gyselen, 1982.— *Gyselen R.* Trois poids monétaires arabo-Pehlevis.— St. Ir. 1982, t. 11, c. 163—166.
Haarmann, 1987.— Geschichte der Arabischen Welt. Unter Mitwirkung von U. Haarmann, H. Halm, B. Kellner-Heinkele... Hrsg. von U. Haarmann. München, 1987.
Hahn, 1973.— *Hahn W.* Moneta imperii byzantini: Rekonstruktion des Prägeaufbaues auf synoptisch-tabelarischer Grundlage. T. 1. Von Anastasius I bis Justinianus I. Wien, 1973; T. 2. Von Justinus II bis Phocas (565—610). Wien, 1975; T. 3. Von Heraclius bis Leo III/Alleinregierung (610—720). Wien, 1981.
Haldon, 1975.— *Haldon J. F.* Some Aspects of Byzantine Military Technology from Sixth to the Tenth Centuries.— BMGS, c. 11—48.
Haneberg, 1863. — *Haneberg D. B.* Erörterungen über Pseudo-Waqidi's Geschichte der Eroberung Syriens.— Abhandlungen der Akademie zu München, Philosophisch-philologische Classe. Bd. 9. 1860. München, 1863, c. 127—164.
Hill, 1975.— *Hill D. R.* The Role of the Camel and the Horse in the Early Arab Conquests.— War, Technology and Society in the Near East. Ed. by V. J. Parry and M. E. Yapp. Conference in SOAS, September, 1970. L.— N. Y.— Toronto, 1975, c. 32—43.
Hinds, 1984.— *Hinds M.* The First Arab Conquests in Fârs.— Iran. 1984, vol. 22, c. 39—53.

Hitti, 1946.— *Hitti Ph. K.* History of the Arabs. 3-d ed. revised. L., 1946.
Jacob, 1925.— *Jacob G.* Die ältesten Spuren des Wechsels.— MSOS. 2. Abt., Jg. 28, 1925, c. 280—281.
Jarry, 1964.— *Jarry J.* Hérésies et factions en Egypte byzantine.— BIFAO. 1964, vol. 62, c. 173—186.
Jarry, 1966,— *Jarry J.* L'Egypte et l'invasion musulmane.— Ann. isl. 1966, 6, c. 1—29.
Jarry, 1966a.— *Jarry J.* Les factions de l'hippodrome à Jérusalem.— Ann. isl. 1966, 6, c. 121—136.
Jarry, 1970.— *Jarry J.* La conquête du Fayoum par les musulmans d'après le Futūḥ al-Bahnasā.— Ann. isl. 1970, 9, c. 9—19.
Jeffery, 1937.— *Jeffery A.* Materials for the history of the text of Qur'an. The old codices: the Ḳitab al-Maṣāḥif of Ibn Abī Dāwūd together with a collection of the variant readings... Leiden, 1937.
Ḳaegi, 1982.— *Ḳaegi W. E.* Heraklius and the Arabs. Athens, 1982.
Ḳahle, 1922.— *Ḳahle P.* Zur Geschichte des mittelälterlichen Alexandria.— DI. 1922, Bd. 12, c. 29—83.
Ḳurat, 1948.— *Ḳurat A. N.* Ḳuteybe bin Müslim'in Ḫwârizm ve Semerkand'ı zabtı.— Ankara Üniversitesi dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi. 1948, c. 6, s. 5, c. 385—430.
Lammens, 1910.— *Lammens H.* Le triumvirat Abôu Bakr, Omar et Abou Obaida.— MFOSJ. 1910, c. 113—144.
Le Strange, 1905.— *Le Strange G.* The Lands of the Eastern Caliphate: Mesopotamia, Persia and Central Asia from the Moslem Conquest to the Time of Timur. Cambridge, 1905 (2-d ed. 1930).
Levi-Provençal, 1954.— *Levi-Provençal E.* Un nouveau récit de la conquête de l'Afrique du Nord par les Arabes.— Arb. 1954, 1, c. 17—43.
Lewis, 1966.— *Lewis B.* The Arabs in History. L., 1966.
Løkkegaard, 1950.— *Løkkegaard F.* Islamic Taxation in the Classic Period. Copenhagen, 1950.
Mac Grow, 1981.— *Mac Grow Donner Fr.* The Early Islamic Conquests. Princeton, 1981.
Mantran, 1969.— *Mantran R.* L'expansion musulmane (VII—XI siècles). P., 1969.
Massignon, 1954.— *Massignon L.* Explication du plan de Basra (Iraq).— Westöstliche Abhandlungen Rudolf Tschudi zum siebzigsten Geburtstag. Wiesbaden, 1954, c. 154—174.
Mayerson, 1964.— *Mayerson Ph.* The First Muslim Attacks on Southern Palestine (A. D. 633—634).— TPAPhA. 1964, vol. 95, c. 155—200.
Morimoto, 1977.— *Morimoto K.* Muslim Controversies Regarding the Arab Conquest of Egypt.— Or. 1977, vol. 13, c. 89—106.
Morimoto, 1981.— *Morimoto K.* The Fiscal Administration of Egypt in the Early Islamic Period. Dohosha, 1981 (Asian Historical Monographs. 1).
Morony, 1984.— *Morony M. G.* Iraq after the Muslim Conquest (PSNE, 1984).
Morony, 1985.— *Morony M. G.* Continuity and Change in the Administrative Geography of Late Sasanian and Early Islamic al-Iraq (PSNE, 1985).
Mukhtar, 1973.— *Mukhtar A. M.* On the Survival of the Byzantine Administration in Egypt during the First Century of the Arab Rule.— AO. 1973, t. 27, c. 309—319.
Musil, 1927.— *Musil A.* The Middle Euphrates: A Topographical Itinerary. N. Y., 1927 (American Geographical Society. Oriental Explorations and Studies, № 3).
Nagel, 1981.— *Nagel T.* Staat und Glaubengemeinschaft im Islam: Geschichte der politischen Grundungsvorstellungen der Muslime. Bd. 1. Von den Anfängen bis ins 13. Jh. Zürich — München, 1981.
Nöldeke, 1876.— *Nöldeke Th.* Zur Geschichte der Araber im 1. Jh. d. H. aus syrischen Quellen.— ZDMG. 1876, Bd. 29, c. 76—98.
Nöldeke, 1919.— *Nöldeke Th.* Geschichte des Qorāns. 2. Aufl. völlig umgearbeitet von F. Schwally. T. 2. Die Sammlung des Qorāns mit einem literarhistorischen Anhang über die muhammedanischen Quellen und die neuere christliche Forschung. Lpz., 1919.

Noth, 1968.— *Noth A.* Isfahān — Nihavand: Eine quellenkritische Studie zur frühislamischen Historiographie.— ZDMG, NS. 1968, Bd. 118, c. 274—296.
Noth, 1971.— *Noth A.* Der Charakter der ersten großen Sammlungen von Nachrichten zur frühen Chalifenzeit.— DI. 1971, Bd. 47, c. 168—199.
Noth, 1973.— *Noth A.* Quellenkritische Studien zu Themen, Formen und Tendenzen frühislamischer Geschichtsüberlieferung. T. 1. Themen und Formen. Bonn, 1973 (BOS, Bd. 25).
Ostrogorsky, 1932.— *Ostrogorsky G.* Löhne und Preise im Byzanz.— BZ. 1932, Bd. 32, c. 291—337.
Paret, 1970.— *Paret R. Die* legendare Futuh-Literatur, ein arabisches Volksepos?— Quaderno di Accademia Nationale dei Linci, № 139. Roma, 1970, c. 735—749.
Pirenne, 1937.— *Pirenne H.* Mahomet et Charlemagne, 2e éd. Paris — Bruxelles, 1937.
Poidebard, 1934.— *Poidebard A.* La trace de Rome dans le désert de Syrie: Les limes de Trayan à la conquête arabe. Recherches aérienne (1925—1932). Introduction de F. Cumont. P., 1934.
Reifenberg, 1951.— *Reifenberg A.* Caesarea: A Study in the Decline of a Town.— IEJ. 1951, vol. 1, c. 20—32.
Reitemeyer, 1912.— *Reitemeyer E.* Die Städtegründungen der Araber im Islam nach den arabischen Historikern und Geographen. Lpz., 1912.
Sachau, 1902.— *Sachau E.* Über den zweiten Chalifen Omar: Ein Charakterbild aus der ältesten Geschichte des Islams.— SPAW. 1902, 2 (отд. пар.).
Sachau, 1903.— *Sachau E.* Der erste Chalife Abu Bekr.— SPAW. 1903, 3, c. 16—37.
Salibi, 1977.— *Salibi K. S.* Syria under Islam Empire on Trial. 637—1097. N. Y., 1977.
Sauvaget, 1934.— *Sauvaget J.* Esquisse d'une histoire de la ville de Damas.— REI. 1934, 4, c. 421—480.
Sauvy, 1956.— *Sauvy A.* Théorie générale de la population. Vol. 1. Economie et population. P., 1956.
Schmucker, 1972.— *Schmucker W.* Untersuchungen zu einigen wichtigen Bodenkonsequenzen der islamischen Eroberungsbewegung. Bonn, 1972 (BOS, Bd. 24).
Sezgin U., 1971.— *Sezgin U.* Abu Mihnaf: Ein Beitrag zur Historiographie der Umaiyadischen Zeit. Leiden, 1971.
Shaban, 1970.— *Shaban M. A.* The Abbasid Revolution. Cambridge, 1970.
Shaban, 1971.— *Shaban M. A.* Islamic History: A New Interpretation. Vol. 1. A. D. 600—750 (A. H. 132). Cambridge, 1971.
Shehade, 1985.— *Shehade N.* The Climate of Jordan in the Past and Present.— SHAJ. 1985, vol. 2, c. 27—32.
Spuler, 1952.— *Spuler B.* Iran in frühislamischer Zeit. Wiesbaden, 1952.
Vadet, 1969.— *Vadet J.-C.* L'acculturation des sud-arabiques de Fusṭāṭ au lendemain de la conquête arabe.— BEO. 1969, t. 22, c. 7—14.
Walker, 1941.— *Walker J.* A Catalogue of the Arab-Sassanian Coins (Umayyad Governors of the East, Arab-Ephthalites, Abbasid Governors in Tabaristan and Bukhara). L., 1941.
Wellhausen, 1899.— *Wellhausen J.* Prolegomena zur ältesten Geschichte des Islams. B., 1899 (Skizzen und Vorarbeiten. H. 6).
Wiet, 1937.— *Wiet G.* L'Egypte arabe de la conquête arabe à la conquête Ottomane 642—1517. P., 1937 (Histoire de la nation égyptienne de Gabriel Hanotaux. Vol. 4).
Wilcken, 1963.— *Wilcken U.* Grundzüge und Chrestomathie der Papyruskunde von L. Mitteis und U. Wilcken. Erster Band. Historischer Teil. Erste Hälfte. Grundzüge von Ulrich Wilcken. Hildesheim. 1963.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ *

* Передача названий племен соответствует принятой в т. 1.

** Встречается также огласовка: Салима.
*** Фаррухāндāд?

**** Возможно также чтение Хукайм.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ТОПОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

CONTENTS

ОГЛАВЛЕНИЕ

Научное издание

Большаков Олег Георгиевич

ИСТОРИЯ ХАЛИФАТА

2 Эпоха великих завоеваний
(633–656)

Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН

Редактор *Л.В.Негря* Младший редактор *И.М.Griднева*. Художник *Н.П.Ларский*
Художественный редактор *Э.Л.Эрман*. Технический редактор *Г.А.Никитина*
Корректор *В.И.Мартынюк*

Подписано к печати 25.03.93. Формат 60×90 1/16
Усл. п. л. 18,5. Усл. кр.-отт. 18,5. Уч.-изд. л. 22,1. Изд. № 7398
Доп. тираж 1000 экз. Зак. № 6872

Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

ППП "Типография "Наука"
121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6